

INSPIRIA

ВОДНЫЕ

ЭВА ГАРСИА САЗНС ДЕ УРТУРИ

INSPIRIA

Annotation

Национальный бестселлер Испании. Книга издана на 20 языках в 40 странах мира.

Продолжение международного хита «Жало Белого города», экранизированного Netflix.

Тем, кто дарует новую жизнь, уготована древняя смерть...

2016 год, Страна Басков. Жестоко убита художница Ана Белен Лианьо. Девушку принесли в жертву по древнему кельтскому обряду, именуемому Водными ритуалами: оглушили, подвесили на дереве и утопили в котле бронзового века. Она была беременна...

1992 год. Будущий инспектор полиции Унаи Лопес де Айяла по прозвищу Кракен и трое его лучших друзей работают на археологической практике. Там они встречают загадочную художницу, которая становится первой любовью для всех четверых. И главной тайной для всех них...

2016 год. Кракен должен остановить серийного убийцу, имитирующего кельтские обряды смерти, жертвами которых становятся люди, ожидающие ребенка. Избранница инспектора беременна. И теперь им обоим грозят Водные ритуалы...

Подробные описания улиц, кафе и достопримечательностей из книг серии легли в основу реальных тематических экскурсий «Белый город», которые сейчас проводятся под эгидой муниципалитета Витории.

«Подобно тому, как Кара Блэк или Донна Леон изображают Париж или Венецию в своих таинственных сериях, де Уртури с любовью изображает уникальный и чарующий город, переплетая баскский фольклор и культуру с очень сложной и богатой историей». — BookPage

«Впечатляет по масштабу и глубине». — Kirkus Reviews

«Ошеломляюще... Завораживающий местный колорит, красиво проработанный сюжет и превосходные описания характеров делают

эту книгу выдающейся. Читатели с нетерпением будут ждать следующей книги в серии». — Publishers Weekly

- [Эва Гарсиа Саэнс Де Ургури](#)

-
-
-
- [Пролог](#)
- [1. Гора Дóбра](#)
- [2. Сьерра Айзкорри-Арац](#)
- [3. Граница злодеев](#)
- [4. Часовня Сан-Адриан](#)
- [5. Кантабрийская деревня](#)
- [6. Кантон Соледад](#)
- [7. Площадь Белой Богородицы, 2](#)
- [8. Детский сад на бульваре Сенда](#)
- [9. Лакуа](#)
- [10. Сквер у стены](#)
- [11. Кладбище Санта-Исабель](#)
- [12. Остров Мэн](#)
- [13. Чагорричу.](#)
- [14. Пляж Портио](#)
- [15. Исторический факультет](#)
- [16. Дом Пандо-Аргуэльеса](#)
- [17. Улица Сан-Франциско](#)
- [18. Бульвар Фрая Франциска](#)
- [19. Колодец в Вильяверде](#)
- [20. Сандаили](#)
- [21. Пруд Барбакана](#)
- [22. Отель «Донья Бланка»](#)
- [23. Кантон Сан-Роке](#)
- [24. Крипта Нового собора](#)
- [25. Лето Кракена](#)
- [26. Сады Кольядо](#)
- [27. Больница Чагорричу.](#)
- [28. Больничные сады](#)
- [29. Жертвенник Матр](#)

- [30. Крест Горбеа](#)
- [31. Игра в повешенного](#)
- [32. Больница Вальдесилья](#)
- [33. Сан-Хуан де Газтелугаче](#)
- [34. Вдовий склон](#)
- [35. Чердак в Вильяверде](#)
- [36. Каток](#)
- [37. Ночь свечей](#)
- [38. Скользкий склон](#)
- [39. Гора Дóбра](#)
- [40. Синяя Борода](#)
- [41. Кантон Пульмониас](#)
- [42. Больница Сантьяго](#)
- [43. Сад секвой](#)
- [44. Три волны](#)
- [45. Урочище Атча](#)
- [46. Амстердам](#)
- [47. Деба](#)
- [48. Арния](#)
- [49. Утес Мансано](#)
- [50. Коста-Кебрада](#)
- [51. Дедушкин огород](#)
- [52. Дворец графа Сан-Диего](#)
- [53. Порталон](#)
- [54. Башня Анда](#)
- [55. Малькерида](#)
- [56. Сантильяна-дель-Мар](#)
- [57. Утиный фонтан](#)
- [58. Сорняк](#)
- [59. Больничная часовня](#)
- [60. Королевский отель](#)
- [61. Сомокуэвас](#)
- [62. Река Садорра](#)
- [63. Дворец правосудия](#)
- [64. Поместье в Сантильяне](#)
- [65. Алтарь на небесах](#)
- [66. Дворец Эскориаза-Эскивель](#)

- [67. Окон](#)
- [68. Мост Виесго](#)
- [69. Дом дедушки](#)
- [70. Дом Альбы](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
-

Эва Гарсиа Сазнс Де Уртури

Водные ритуалы

Eva Garcia Sáenz de Urturi
LOS RITOS DEL AGUA

© Eva Garcia Sáenz de Urturi, 2017

© Беленькая Н.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022

* * *

ЭВА ГАРСИА САЗНС ДЕ УРТУРИ

ВОДНЫЕ
РИТУАЛЫ

INSPIRIA
Москва
2022

Моим детям, ибо вы никогда не будете жить там, где обитает забвение.

Величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас в своем несуществовании.

Из диалога в фильме «Подозрительные лица»; приписывается Шарлю Бодлеру

Пролог

Туннель Сан-Адриан

7 ноября 2016 года, четверг

— Я беременна, Унаи. С августа, — прошептала Альба, наблюдая за выражением моего лица. — С праздника Белой Богородицы.

Помню, как меня потрясло это признание. Улыбка озарила весь мой тусклый ноябрь. Альба беременна. От меня.

Я мысленно прикинул: четырнадцать недель. Этот ребенок прожил дольше, чем мои близнецы. Четырнадцать недель. Опасности первого триместра миновали. Сын, дочь... Мы с Альбой станем родителями.

Я закрыл глаза; мне хотелось продлить этот миг, самый счастливый за последние годы. Повернул голову к панорамному окну у меня в гостиной; снаружи виднелась Витория — притихшая, размытая дождем. Я едва различал белые балконы на той стороне площади Белой Богородицы. Город не казался печальным, пылающий внутри меня жар согрел бы целую вселенную.

Но, взглянув на ее лицо, я уловил во взгляде немое предупреждение — она вот-вот сообщит мне плохую новость.

«Что? — спросил я, ничего не понимая. — В чем дело? Знаю, это не повод сойтись и быть вместе, но...»

Альба сжала мои пальцы, набиравшие текст на экране.

— Я пока не знаю, чей это ребенок — твой или Нанчо.

Упоминание о бывшем муже и эхо, которое оно во мне вызывало, вспыхнули где-то в моем мозгу и опустошили меня, как разрыв снаряда. Значит, Нанчо мертв, но его семя живет в чреве Альбы?

Для тех, кто не знает мою предыдущую историю, коротко поясню: меня зовут Унаи Лопес де Айяла, я работаю психологом-криминалистом в отделе уголовного розыска полицейского участка Витории. На самом деле все знают меня как Кракена. Я страдаю афазией Брока: серийный убийца из предыдущего дела, которое я раскрыл, в последний момент опередил меня и всадил мне пулю в голову^[1]. Я все еще не могу говорить членораздельно, только мычу,

если меня переполняют эмоции. Тем не менее успешно общаюсь с людьми благодаря экрану мобильного телефона.

Это я как раз сейчас и пытался проделать с моим начальником, заместителем комиссара Альбой Диас де Сальватьерра, женщиной, которая... короче, той самой женщиной. И в этот момент, худший из всех возможных, я получил сообщение по «Ватсапу» от Эстибалис, моей напарницы. Мысленно чертыхнулся, проклиная Эсти за несвоевременное вмешательство.

«Кракен, прости, что отвлекаю. Надеюсь, у тебя всё в порядке, но техники из отдела экспертизы изучают место преступления в алавесском районе туннеля Сан-Адриан. У заместителя комиссара Сальватьерры отключен телефон. Я бы хотела, чтобы ты поехал со мной, это важно».

Я кивнул Альбе, чтобы она тоже прочитала сообщение.

Мы обеспокоенно переглянулись, Альба поспешно вытащила из кармана пальто мобильник и включила.

«Эсти, мне жаль, но помочь тебе я не могу, я все еще на больничном. Заместитель комиссара сейчас тебе перезвонит. Кстати, что у тебя там?» — написал я.

«Молодая женщина, тело подвешено на веревке за ноги, предполагаемая причина смерти — утопление».

«Она что, утопилась на вершине горы?» — отреагировал я: психолог-криминалист во мне мигом наострил уши, услышав подобную чепуху.

«Представь себе, Кракен. Тело по плечи погружено в бронзовый котел, наполненный водой. Предмет явно из археологического музея; надо бы проконсультироваться с экспертом, но на вид это котел эпохи кельтов. Очень странная смерть, невероятный сценарий. Это не просто убийство, Кракен. Хочу попросить заместителя комиссара поговорить с судьей Олано, чтобы тот разрешил тебе присутствовать при осмотре в качестве эксперта. Надеюсь, я ошибаюсь и нам больше не придется сталкиваться с серийным убийцей, но ты — один из лучших специалистов по профайлингу преступников, которых я знаю, и, если мне поручат это дело, было бы здорово, если б ты меня проконсультировал».

В голове уже вертелись гипотезы; помимо воли, я представлял себе эту сцену и желал увидеть ее своими глазами. Но сдержал себя. Я

все еще был на больничном, по-прежнему не разговаривал, еще не вернулся к активной деятельности. Я ничем не мог помочь Эсти.

«Поверь, я не могу и не должен никуда ехать», — отрезал я в надежде, что она от меня отстанет.

«Кракен... прежде чем ты узнаешь подробности из прессы, лучше я сама введу тебя в курс дела. Ты просто обязан увидеть место преступления и жертву. Поверь, ты никогда мне не простишь, если я тебя не уговорю».

«Ничего не понимаю, Эсти».

«У девушки были документы. Бумажник не украли, он лежал на земле; возможно, выпал из кармана».

«Так кто это, черт возьми?» — спросил я с беспокойством.

«Ана Белен Лианьо, твоя первая подружка. С которой ты встречался тем летом в лагере в Кантабрии, где все это произошло...»

«Да, Эсти. Я понял, — неловко перебил я напарницу. — А ты-то откуда все знаешь?»

«Лучо рассказал моему брату».

«Аннабель Ли», — подумал я, не в силах поверить услышанному. Невозможно представить ее мертвой, несмотря на ее пристрастие к играм со смертью и сомнительными обрядами.

Аннабель Ли мертва.

«Есть еще кое-что, ты должен знать».

«Что?»

«Она была беременна».

1. Гора Дóбра

4 сентября 2016 года, воскресенье

Сегодня я вернулась к пруду, отец.

Крестная запретила мне это делать. Это было единственное правило, нарушение которого ее по-настоящему злило. Я больше не буду тебя искать. Я к тебе не вернусь. Мы отлично знаем, на что способен Синяя Борода, когда чувствует, что за ним кто-то следит.

С ужасом читаю проклятый заголовок в «Периодико Кантабро»:

ДЕВУШКА ДВАДЦАТИ ТРЕХ ЛЕТ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ НА ВЕРШИНЕ ДОБРЫ

Тайна юных самоубийц до сих пор не раскрыта

Обнаружено тело молодой женщины двадцати трех лет, уроженки Сантандера. На сегодняшний день уже трое молодых людей найдены мертвыми на горных вершинах кантабрийского побережья. Причина смерти — переохлаждение: раздевшись, жертвы провели ночь под открытым небом. Ни у одного из них не имелось внешних повреждений. Что это — мода, подражание?.. Полиция не находит ни объяснений, ни какой-либо связи между жертвами.

Следователи вновь озадачены. Уже третий случай с одними и теми же загадочными уликами: молодые люди, некоторые почти подростки, поднимаются на гору в провинции Кантабрия, с наступлением ночи раздеваются, а на следующее утро их находят замерзшими насмерть. Никаких следов, никакой мотивации, несмотря на тщательное изучение жизни их семей.

Ничего удивительного.

Способен ли найти что-либо человек, не желающий видеть того, что находится прямо перед ним?

После трудных и продолжительных поисков я отыскала фотографию девушки. Да, представь себе, Синяя Борода. Черты ее лица напоминают мои. Вы сказали, что она мертва. Вы посмотрели мне в глаза и сказали, что она мертва, черт возьми. Вы отняли у меня ее тело.

Я поклялась крестной не приближаться, не выслеживать тебя, но сегодня я разжую и выплуну эти обещания, потому что ты и понятия не имеешь, какая ярость захлестывает меня сейчас и испепеляет мне внутренности, которые ты сгноил.

Но ужас в том, что я скучаю по тебе, отец. Скучаю, несмотря ни на что. Я скучаю по твоему вниманию, по твоей манере прилюдно делать вид, что я тебе не безразлична, по последнему лету и по всему, что произошло в том пространстве между деревней и скалами, где я потеряла свою первую жизнь.

Иногда я закрывала глаза и старалась присоединиться ко внимавшей тебе аудитории, и притвориться, что я тоже в это верю, что на самом деле существует параллельная вселенная, в которой ты был хорошим отцом и любил меня, и не был таким жестоким.

Бесполезно. Я никогда в это не верила.

Я курю и пью больше, чем обычно. Вчера я вступила в бой. Я должна заново пересобрать себя, навести порядок в своей жизни. Быть кем-то другим, кем угодно, кроме себя самой.

Я вернулась, отец.

2. Сьерра Айзкорри-Арац

17 ноября 2016 года, четверг

Кто такая Аннабель Ли? В ту пору мне только-только исполнилось шестнадцать. Ана Белен Лианьо приехала в Кабесон-де-ла-Саль, кантабрийский город у побережья, в первый же день летнего лагеря, где Лучо, Асьер, Хота и я — основное ядро нашей тусовки из Сан-Виатора — решили провести лучший июль своей короткой и все еще неопределенной жизни.

Она носила гладкие черные волосы, ниспадавшие до талии, прямую челку, закрывавшую глаза и не позволявшую видеть жизнь в ее реальном свете, — и настолько четкие идеи, что даже взрослые не решались с ней спорить.

Сначала она меня раздражала, затем заинтриговала, а на третью ночь лагерной жизни я не мог сомкнуть глаз из-за смеси стонов и лепета, которые она издавала во сне всего в нескольких спальных мешках от меня. В ту пору меня, скажем так, накрыло с головой.

В возрасте, когда большинству из нас еще не ясно, что мы будем изучать по окончании школы, не говоря уже о том, чем мы хотим заниматься в жизни, Ана Белен Лианьо уже была профессиональным художником-комиксистом, и псевдоним «Аннабель Ли» — имя героини стихотворения Эдгара Аллана По, которым она подписывала свои затейливые и темные образы, — несмотря на ее юность, уже стяжал некоторую известность в тесном мирке местных любителей комиксов: эротических, готических, постапокалиптических...

Она не ведала преград и сомнений, презирала границы и жанры, и все же авторитеты у нее имелись: Густаво Адольфо Беккер, лорд Байрон и Уильям Блейк. Эта девушка не выпускала из рук черный фломастер «Штедтлер», а предплечья ее покрывали импровизированные виньетки, которые приходили ей на ум в любое время дня и ночи: когда она вместе со всеми чистила алюминиевые миски после завтрака или когда Сауль Товар, начальник лагеря, вбивал в наши головы бесконечные истории о повадках птиц и древних развалинах, таская нас на замызганном автобусе по таинственным

местам северного побережья, таким как Сан-Хуан-де-Гастелугаче в Бискайе или пляж Деба в Гипускуа.

У Аннабель Ли было много странностей. Ее будто окутывала дымка, чья проницаемость зависела от перепадов ее настроения. Все мы знали, что наблюдения за собственным внутренним миром интересуют ее куда больше, чем наш дурацкий переход ко взрослой жизни. Она пребывала вне возраста: ни ребенок, ни взрослый. Любила свое одиночество и лелеяла его, как некоторые вдовы лелеют своих ангорских кошек: самозабвенно, отдавая все лучшее.

Ей хватило четырех дней и трех ночей, чтобы полностью завладеть моим доселе девственным сердцем, таившим в себе лишь неглубокие шрамы, которые так приятно было растравлять. Бедное мое сердце! Она забрала его, пригрела, приучила к своему тихому и одновременно волнующему обществу — и выбросила, когда... Впрочем, в ту пору я еще ни о чем не догадывался.

Не знаю, что за чертова причина заставила ее отделаться от меня с таким... хотелось бы сказать равнодушием, но нет. Равнодушен некто надменный, а она умела быть такой родной, такой теплой... На самом деле Аннабель блуждала в параллельной вселенной, которая пересекалась с нашей, но не всегда, а потом оказывалась в другом месте, в другом порядке вещей, в причудливой смеси собственных мыслей и диких фантазий. Вот почему ее смерть казалась мне чем-то нереальным, надуманным: не более чем альтернативный финал одного из ее комиксов.

Кое-кто склонен полагать, что создатели выдуманных историй не уходят и не стареют, что они остаются: именно это я всегда думал об Аннабель Ли, хотя годами не желал ничего слышать о ней после всего, что произошло в конце того давнего лета.

* * *

Когда мы добрались до эспланады и я вылез из патрульной машины, в лицо мне ударил ледяной ветер, подобно яростному приветствию реальности. Эстибалис с ее метром шестьдесятю едва не сдуло в обрыв. Моя напарница выплюнула забившуюся в рот рыжую челку и зашагала дальше. После дождей, не прекращавшихся

все предыдущие дни, дорога, ведущая к туннелю Сан-Адриан, превратилась в сплошное месиво, и метеорологи говорили чистую правду, предвещая грозы с градом. Распухшие тучи, бегущие с севера, подтверждали их гипотезы.

— Ты готов, Кракен? — Эсти окинула меня обеспокоенным взглядом. — Заместитель комиссара разрешила тебе присутствовать в качестве эксперта, но она не знает, что жертва — твоя бывшая подруга.

«Я бы предпочел, чтобы она и впредь этого не узнала», — написал я на мобильнике и показал Эсти.

Она подмигнула, соглашаясь.

Мы видели друг друга насквозь, как двое престарелых супругов.

— Думаю, так лучше, — она кивнула. — Идем, через пару часов стемнеет. Кстати, есть ли что-то такое, что я должна знать о жертве? Образ жизни, какие-то странности, учитывая то, как все закончилось...

«Нет, насколько мне известно», — написал я, пожав плечами.

«Я не собираюсь рассказывать тебе о том, что произошло тем летом, Эстибалис. Я не готов и не желаю с кем-то этим делиться», — промолчал я.

Мы добрались до туннеля Сан-Адриан, расположенного в природном парке Айзкорри-Арац, по дороге на Зегаму, поскольку именно на этой гипускуанской дороге находилась ближайшая к вершине парковка. На ней мы увидели пару машин криминальной службы — и вскоре начали подъем.

Узкая гравийная тропа, по которой мы с Эсти проходили дюжину раз, вывела нас ко входу в туннель. Мы вошли во входную стрельчатую арку и миновали туннель почти шестьдесят метров длиной, оставив справа отреставрированную часовню и небольшое урочище, где каждое лето работала группа археологов.

День угасал, опускался тревожный ветреный вечер. Зелено-золотые листья букового леса, росшего у нас за спиной, беспокойно шевелились, сотрясаемые крепким ветром.

По ночам, когда я оставался у деда в Вильяверде, мне нравилось слышать шелест буков и дубов моей сьерры. Это было похоже на концерт, где люди не нужны. Но в тот день лиственный шепот не показался мне таким торжественным. Да, он потрясал воображение, но не расслаблял меня, как в другое время; скорее наоборот.

Туннель Сан-Адриан заканчивался широким проходом, ведущим прямо в скалу. Естественное отверстие, через которое внутрь него с древних времен проникали паломники и путешественники и которое на протяжении веков принадлежало северной части Камино-де-Сантьяго^[2].

Говорили, что даже Карлу Пятому впервые в жизни пришлось наклониться, чтобы попасть под его своды. И хотя рост этого монарха никому не известен, мне также пришлось пригнуть голову, чтобы получить доступ в алавесскую часть съерры, которая в тот тревожный ветреный день стала местом убийства.

Мы поднялись на несколько метров по узкой тропинке, покрытой щебнем, и увидели Андони Куэсту, нашего коллегу-криминалиста. Куэста, мужик за пятьдесят, очень ответственный, из тех, кто без возражений остается на работе до поздней ночи, указал нам на место преступления. Периметр оцепили, и доступ к нему можно было получить только через участок, свободный от ограждения.

— Как дела, Куэста? — спросила Эстибалис с участливым видом. Я знал, что они с Эсти отлично ладят и часто пьют кофе, когда встречаются в полицейском участке Портал-де-Форонда в округе Лакуа. — Признайся, не ты ли тот таинственный виторианец, выигравший в «Примитиве» три миллиона евро? Если так, ты просто обязан пригласить меня завтра на кофе.

Вся Витория вот уже несколько недель только и говорила о лотерейном билете, купленном в киоске в центре города, и о неведомой личности счастливого. Все размышляли о том, не был ли победителем его сосед с пятого этажа, который несколько дней не появлялся дома и пропустил воскресный матч «Алавеса», или зять, который не отвечал на телефонные звонки и уволился из компании «Мерседес» без каких-либо объяснений.

— Я бы с удовольствием, правда. Но не получится, время поджимает. Что касается визуального осмотра, мы только начали, инспектор Гауна. Много еще предстоит сделать. Хочу успеть вернуться домой и поцеловать деток перед сном. У старшего в эти выходные матч с командой кадетов, и он от волнения места себе не находит. Выиграй я в лотерею, купил бы сыну все команды Страны Басков вместе с руководством и тренером, чтобы его не ставили на замену, — заметил он.

Беспечный и одновременно собранный Куэста присел на корточки рядом со своим чемоданчиком. Коренастый, добродушный тип с короткими руками — его без труда можно было узнать во время визуальных осмотров, несмотря на белый форменный комбинезон, делавший его в точности похожим на двоих других техников.

— Наденьте бахилы, ребята, и смотрите, куда ставите ногу. Здесь полно следов горных ботинок, поди потом разберись...

Мы послушно надели бахилы, а заодно протянутые им резиновые перчатки.

Судья Олано подписал разрешение на визуальный осмотр, но я готов был поспорить, что его светлость не потащился собственной персоной в сьерру Аискорри, чтобы снимать труп с дерева, а послал вместо себя судебного секретаря.

Мы послушались Куэсту и зашагали к заросшему лесом пятакку, где обнаружили доктора Гевару, судмедэксперта, делающую заметки возле дерева, с ветвей которого свисало тело женщины. В нескольких метрах от нее судебный секретарь и инспектор Гойо Мугуруса, стоя напротив судмедэкспертов, тихо что-то обсуждали, указывая на куртку с капюшоном, изукрашенную черепами, которая, по общему мнению, принадлежала покойной.

Секретарь, левша с белоснежной сединой и длинным носом, серьезно кивал и записывал указания Гойо. У ног его стоял открытый портфель со всем необходимым для хранения вещественных доказательств, которые они кропотливо собирали.

Обнаружить Аннабель в таком виде при моей неприязни к трупам оказалось непростым испытанием для желудка, и мне пришлось отвернуться, чтобы подавить приступ тошноты. Эсти прикрыла меня, подавшись вперед и приветственно протянув руку судмедэксперту.

— Инспектор Гауна, рада вас видеть... О, вижу, инспектор Айяла снова с нами, — заметила доктор Гевара, сделав вид, что не видит моего скверного состояния.

Это была женщина лет пятидесяти, довольно миниатюрная, с впалыми, вечно нарумяненными щеками. Молчаливая и невероятно работоспособная, она напоминала робота в беззвучном режиме.

После долгих лет совместной работы я очень ее ценил. Она старалась идти навстречу, когда я просил ее отдать приоритет какому-либо вскрытию; к тому же обладала редким даром находить общий

язык со всеми судьями, с которыми имела дело, какими бы желчными они ни были. Короче, надежная, как дизель.

— Сегодня наш Унаи пришел взглянуть на тело в качестве психолога-криминалиста, а в ближайшее время выйдет на работу окончательно, — солгала Эстибалис так просто, будто делала это всю жизнь. — Можете ли вы уже сообщить нам что-то, доктор?

Я задумчиво смотрел на мертвую, которая когда-то была моей девушкой, моей первой любовью, первой ночью, когда я... Я не сводил с нее глаз, несмотря на то, что она была привязана за ноги и висела вниз головой, с ее длинных черных волос — все еще влажные пряди касались каменистой почвы, а густая челка открыла лоб. Глаза тоже были открыты. Она не закрыла их, когда умирала, хотя голова ее находилась в бронзовом котле с водой.

«Какой ты была храброй, Аннабель», — мысленно произнес я.

Руки связаны за спиной пластиковой бечевкой, обручального кольца нет, на ногах — горные ботинки. Флисовая куртка, свисая под действием силы тяжести, обнажает округлый живот... четырех-, пятидесятилетний? Возле пупка виднеются пигментные пятна. Лодыжки крепко стянуты веревкой, привязанной к могучей ветке примерно в двух с половиной метрах от земли.

Такое мог сотворить только самый настоящий ублюдок, несмотря на все ее заигрывания со смертью, несмотря на то, что всю свою жизнь она отталкивала всех, кого привлекала.

«Во что ты ввязалась на этот раз?» — вопрошал я, лихорадочно напрягая свою поврежденную голову.

Эстибалис и криминалист осматривали бронзовый котел, лежавший в нескольких шагах от меня. Я же тем временем машинально опустился перед ней на колени и произнес:

«Здесь заканчивается твоя охота и начинается моя».

И несколько мгновений мне казалось, что я снова тот самый инспектор Айяла, а не его робкое подобие; что у меня появилась очередная работа, которая поглощает меня с головой, новая одержимость, похоронившая под собой все лишения и травмы, которых скопилось так много.

Вместе с воспоминанием о том, что моя начальница беременна и не знает, кто отец ребенка — я или серийный убийца.

3. Граница злодеев

17 ноября 2016 года, четверг

Я вернулся в настоящее и сосредоточился на том, *что* у меня перед глазами, чтобы прервать болезненные, очень болезненные воспоминания.

На данный момент я не обращал внимания на металлическую посудину, так захватившую внимание Эсти, и дождался, когда она вернется с доктором Геварой и та расскажет нам о своих впечатлениях:

— Погибшая — молодая беременная женщина, срок беременности можно будет определить только после вскрытия. Мы нашли ее в положении вниз головой, подвешенную за ноги с помощью обычной веревки, так что тело не касалось земли. Нам известно, что два свидетеля нашли ее в состоянии неполного погружения, то есть тело было погружено в воду частично, по шею или по плечи; голова же при этом была полностью погружена в жидкость. Эксперты подтвердят данные, но, по-моему, это самая обычная пластиковая веревка, какую можно найти в любом хозяйственном магазине.

— А что там за свидетели, объясните, пожалуйста, — перебила ее Эстибалис.

— Ее нашли двое местных жителей, поднимавшиеся на съерру по алавесской стороне. Оба из Арайи и двигались в направлении Залдуондо, оставив машину на эспланаде возле заправки. Утверждают, что поспешили вытащить голову жертвы из воды, на случай если та еще жива, но вскоре пришли к выводу, что она мертва уже некоторое время. Они ничего не трогали, только пощупали пульс на шее и убедились, что убитая не дышит. Она была уже мертва, когда прибыла группа спасения в горах Эртсаинса. Они уже уехали.

— Да, это они сообщили нам о происшествии, — уточнила Эстибалис.

В этот момент подошел инспектор Мугуруса, энергичный человек, любознательный и одновременно ограниченный. На нем были очки из тех, что темнеют от солнца, но стекла всегда оставались более тусклыми, чем требовала интенсивность солнечного света, придавая

ему немного растерянный, подслеповатый вид. В знак приветствия он поднял брови и перехватил эстафету у судмедэксперта:

— Повсюду отпечатки пальцев, особенно на внешней поверхности котла, как судмедэксперт уже показала инспектору Гауна. Однако боюсь, что отпечатки принадлежат свидетелям. На данный момент все, что мы нашли, соответствует их показаниям. Придется взять у них отпечатки пальцев.

— Признаки борьбы на теле жертвы отсутствуют; при вскрытии следует более тщательно искать царапины и следы кожи под ногтями. Но когда ее повесили, она была жива и умерла от погружения в котел с водой, — продолжала доктор. — Есть следы ударов и царапины на голове, которые, по всей вероятности, она нанесла себе сама, пока билась о внутренние стенки котла, пытаясь высунуть голову и не захлебнуться.

— А где вода? — спросила Эстибалис, заметив озадаченное выражение моего лица.

— Боюсь, ее вылили местные, пытаясь спасти девушку.

— Но откуда, по-вашему, убийца ее взял?

— Вдоль туннеля полно источников и небольших ручьев, их даже зимой можно встретить вдоль всего маршрута. А может, где-то поблизости находится какой-нибудь резервуар для воды... Дождей в эти дни прошло достаточно, чтобы его заполнить. Кстати, давайте-ка поторопимся, — забеспокоилась доктор Гевара, услышав далекий гром. — Надо спрятать тело в пакет.

— Слишком заморочено, тебе не кажется? — прошептала Эсти.

Она была права — сцена слишком сложна для обычного убийства. Слишком странный способ покончить с человеком. Казалось, мы вошли в туннель Сан-Адриан, а вышли через временной туннель, оказавшись в другой эпохе, где ритуал имел не меньшее значение, чем сам факт умерщвления.

Перед нами было что-то вневременное, анахроничное.

В моей голове уже всю работу выполнял психолог-криминалист, формулируя первые впечатления от профиля убийцы: сама сцена, преступный почерк, география. Виктимология^[3] была, как известно, делом Эстибалис.

Наличие котла, веревки и необходимость наполнить котел водой говорили мне об организованном сценарии, свойственном психопату, а

не импульсивному психотику. Убийца или убийцы — множественное число я не исключал с самого начала — спланировали ритуал до последней мелочи. Котел был фетишем, предметом, который сам по себе орудием убийства не являлся: в таковое его превратил сам убийца. Налицо тщательный контроль; связанные за спиной руки свидетельствовали об опасениях убийцы, что жертва начнет сопротивляться и сведет на нет всю сложную постановку.

Посмертно прикрытое лицо могло означать чувство вины: возможно, убийца лично знал Аннабель Ли. Могло случиться и так, что ему помешали свидетели и он не завершил свой странный обряд. Говорить об этом было еще рано. Однако из-за археологического характера атрибутики складывалось впечатление, что все это некий косплей. Дерево, историческое место, музейный объект в виде бронзового котла...

Но было очевидно, что перед нами работа законченного психопата. В этой преступной личности я видел смешанные черты; было в ней и что-то мессианское, словно убийца выполнял некую миссию, ритуально казнив Аннабель Ли. К моему немалому беспокойству, в характере убийцы присутствовали черты психотика, признаки больного, патологического мозга, утратившего связь с реальностью. Коротко говоря: все это отдавало делирием, бредом.

И это меня беспокоило: убийцы-психотики непредсказуемы, а мне нравится, когда мир упорядочен и каталогизирован. Коротко говоря, предсказуем и управляем.

— А что насчет жидкостей, доктор? — спросила Эстибалис, поворачиваясь к судмедэксперту.

— Я не вижу следов крови или спермы, — сказала доктор Гевара и еще раз посмотрела на небо. — Скоро стемнеет, а мы не успеваем все закончить. Но у меня будет возможность воспользоваться люминолом и ультрафиолетовой лампой Вуда. В первую очередь я сниму у трупа отпечатки пальцев — сделаю дактилограмму с правого указательного, хотя, похоже, личность убитой уже установлена. В любом случае должна быть полная уверенность.

— Что вы можете сказать о времени смерти?

— Труп окоченел, а значит, с момента смерти прошло более трех-четырёх часов. Холод и другие факторы могут изменить температуру тела и повлиять на оценку, но я бы сказала, что девушка умерла

ранним утром. В будние дни, к тому же зимой, это место совершенно пустынно; даже археологи из «Аранзади», которая исследует это урочище, копают только в летнее время. У того, кто это совершил, было время связать девушку, установить котел, увидеть, как она умирает, и убраться восвояси.

— Значит, если местные действительно пришли ближе к вечеру, они нашли ее мертвой, — вмешалась моя напарница.

— Если они не прибыли сюда раньше, то я уверена, что девушка уже была мертва.

— Большое спасибо, доктор. У меня все, — попрощалась Эстибалис и подошла к одному из техников, чтобы попросить у него протокол визуального осмотра.

Мы увидели эскиз близлежащих деревьев, вход в туннель, место обнаружения тела и положение котла. Были пронумерованы все физические признаки его перемещения. Техник сфотографировал салфетки и окурки сигарет вместе с цифровыми маркерами и метрическими знаками. Окрестности не были замусорены, однако злосчастный туннель так или иначе был местом, где проходило множество неосторожных и недостаточно сознательных людей, а значит, там можно было обнаружить все, что угодно: пластиковые пакеты из-под чипсов, алюминиевую фольгу из-под бутербродов, раздавленные жестянки...

Техники осторожно счистили остатки земли, застрявшей в подошве ботинок Аннабель, чтобы сравнить их с землей на стоянке в Алаве и с грунтом гипускуанской части съерры, намереваясь узнать, откуда она явилась в туннель и где пролегли ее последние шаги. Предстояло обработать покрышки припаркованных внизу автомобилей.

Что касается следов от ботинок, это сущее безумие: вокруг было несколько десятков различных следов, почти наверняка принадлежавших туристам, которые приходили туда по выходным, чтобы подняться на Аизкорри. Добряк Андони Куэста был прав: будет чертовски утомительно сравнивать их с SoleMate, базой данных, где хранились отпечатки любых моделей обуви, которой пользовались в подразделении.

Пока Эстибалис изучала детали отчета, я подошел к загадочному бронзовому котлу, который покоился на траве в нескольких метрах от

Аннабель. В самой широкой части его периметр составлял около шестидесяти сантиметров, единственными украшениями были заклепки и два кольца по бокам. Это явно была старинная штукавина, и я уже знал, кто мне поможет определить ее происхождение.

Я сделал пару фотографий, одну под углом и одну фронтальную, и отправил обе по «Ватсапу» одному моему старому знакомому.

«Мне позарез нужен археолог, вы уже приземлились в Лос-Анджелесе?» — написал я.

«Пока что на алавесской земле, — ответил Тасио. — А что это ты мне прислал? Расследуешь преступление против исторического наследия?»

Тасио Ортис де Сарате был тем, кому сильнее других не повезло при расследовании двойного убийства в дольмене: двадцать лет за решеткой, обвинение в восьми убийствах, которых он не совершал. Теперь он начинал новую жизнь в качестве сценариста американского сериала, основанного на тех печальных событиях. Мы поддерживали приятельство, или знакомство, или как еще это можно назвать.

«Я все тебе объясню в обмен на твое благоразумие и познания в вопросах древних штукавин, согласен?» — ответил я.

«Сомнение оскорбляет, хотя я слегка заржавел после двух десятилетий без практики. Однако то, что я вижу на твоих снимках, — задачка для первоклассника: это Кабарсенский котел».

«Кабарсен... Это где-то в Кантабрии?»

«Точно. Перед нами уникальное произведение, таких на северном полуострове было найдено не так много. Котел ирландского типа, типичный для кельтской культуры. Конкретно этот нашли в 1912 году в заповеднике Пенья-Кабарга, если я правильно помню. Датировка соответствует финалу бронзы, то есть твоему котлу от двух тысяч девятист до двух тысяч шестисот лет».

«Где он находился раньше?»

«В музейной витрине. Возможно, Музея древней истории Кантабрии, но дай мне несколько минут, и я соображу...»

«Голова у тебя работает не хуже, чем раньше, — отозвался я. — А теперь посмотрим на штукавину с точки зрения того, кто изучал археологию и криминологию, и это уже более личная информация: с какой целью этот котел могли использовать в туннеле Сан-Адриан?»

«Хм, вот черт... Использовать каким образом?»

«Это я сказать не могу, извини, Тасио. Обдумай мой вопрос, а потом ответь на него, хорошо?»

«Игнасио передает тебе привет. Не слишком ли быстро ты вернулся к работе?»

«Я еще не вернулся».

«Ладно, дело твое. Оставляю тебя и пойду смахну пыль со своих познаний в кельтской культуре. Кракен, спасибо, что вспомнил обо мне. Ты же знаешь, мне нравится быть полезным обществу».

«Тебя трудно забыть, Тасио. Рад, что ты на светлой стороне».

«Я всегда на ней был».

«Знаю, я же сам тебя вытащил. Сообщи мне что-нибудь, как только получишь ответ».

Я закончил разговор, довольный тем, что способен действовать так же оперативно, как и раньше. Похоже, голос не играл в моей специальности решающей роли.

Я посмотрел на остатки воды на дне котла — и кое-кого увидел: отражение прежнего Кракена, человека, которого можно было ударить, но не сломать, существа, лишённого экзоскелета, гибкого и сильного, даже по-своему жуткого. Скорее упрямого, чем блестящего специалиста по характеристикам убийцы, который никогда не оставит дело, пока не закроет его, предъявив дежурному судье соответствующие материалы, а заодно и подозреваемого. Таким я был когда-то в той, другой жизни, которая закончилась 18 августа, когда Нанчо всадил мне в мозг яд в виде пули и заразил страхом каждый мой жизненный шаг.

Я ушел в затворничество, удалился от мира. В микровселенной Вильяверде мне было более чем комфортно: отныне я был простым парнем, который варит ежевичные джемы. Очень вкусные джемы, надо заметить, но все-таки это были всего лишь ежевичные джемы.

Так что я пошел искать Эстибалис, а когда понял, что ее уже нет на месте преступления, спустился по склону, выходящему в устье туннеля, и обнаружил ее внутри пещеры, едва различимую за стенами небольшой внутренней крипты. Подошел ближе, стараясь не шуметь и не прерывать ее телефонный разговор.

— Я хочу, чтобы он был нашим психологом-криминалистом, — шептала она кому-то в мобильный телефон. — Да, я знаю о его состоянии и нехватке подвижности из-за травмы, но у инспектора

Айялы есть ресурсы, чтобы справиться со своей работой и без языка. То есть, — поправила она себя, — без разговоров. Даже если наше подразделение получит подкрепление, без него мы не справимся, ты же сама понимаешь. Это лучший способ подтолкнуть его к возвращению в строй. Прошу тебя, согласишься хотя бы на то, чтобы он был нашим внештатным консультантом, пока не восстановится на сто процентов и не выпишется официально.

Ответ Эстибалис выслушала молча. Со своего расстояния я не мог слышать, что говорит наш начальник, но готов был отдать котел из чистого золота, чтобы это узнать.

— Альба, — продолжала Эсти гораздо более уверенным тоном, — ты же сама говоришь, что, по мнению Дианы Альдекоа, его невролога, Унаи нужно поместить в атмосферу, где он постоянно получает вызов. И что чем большего он добьется в ближайшее время, тем выше его шансы в долгосрочной перспективе. Унаи в отличной форме, уверяю тебя. Он справится со своей работой.

Меня удивило, что Эстибалис и Альба общаются на «ты». Я знал о восхищении, которое Эсти испытывала по отношению к нашему начальству, и о взаимной симпатии, которая вспыхивала между ними всякий раз, когда они оказывались вместе, но только теперь понял, что за время моего отсутствия они сблизились и их отношения вышли за рамки профессиональной сферы, — и был этому рад. Рад за них обоих. Они подходили друг другу. Альбе нужна была Эсти, чтобы заново обжиться в Витории, а Эсти нуждалась в Альбе, чтобы сосредоточиться на работе и забыть о своих пристрастиях. А может, их объединяла пережитая боль: одна потеряла мужа, другая — брата...

А еще я был тронут тем, что мой шеф и моя напарница вступили в сговор, чтобы помочь мне вернуться к нормальной жизни. Обе они, моя лучшая подруга и женщина-которая-не-знает-от-кого-ее-ребенок, потихоньку заботятся обо мне и выманивают из зоны комфорта, чтобы я получил возможность поскорее снова стать самим собой.

Вот почему именно там, в горах съерры Аизкорри, которую древние называли Границей Злодеев, я принял твердое решение — ради себя, ради Аннабель Ли, Альбы и нерожденного ребенка — сделать все возможное, чтобы снова стать Кракеном.

Несколько минут я ждал на благоразумном расстоянии, пока Эстибалис закончит свой разговор, и от меня не ускользнула

торжествующая улыбка, с которой она нажала на отбой.

Я подошел к Эсти и показал ей экран мобильного телефона.

«Ты уверена в том, о чем только что попросила?» — было написано на экране.

Она посмотрела на меня лукаво, не удивившись тому, что я оказался рядом, — не знаю, учуяла ли она мое приближение спиной или научилась распознавать мои шаги среди множества чужих. Насчет меня у Эстибалис выработалось особое чутье, почти сверхъестественное. Постепенно я привык к ее проницательности, но это не означало, что перестал поражаться, — скорее, делал вид, что перестал.

— Давай вернемся на место преступления. Надеюсь, они поторопятся — этот гром мне совсем не нравится, а ветер тем более, — сказала она, и мы снова поднялись в южное устье туннеля. — Знаю, ты не хочешь возвращаться к работе, тебе неохота усложнять свою жизнь, но ты отличный профайлер, а я неплохо разбираюсь в виктимологии. Не знаю, что перед нами — начало ли серии преступлений, или убийца уже делал такое раньше; на этот вопрос ответишь ты сам. Но ясно, что подобный способ убийства выходит за рамки обычного, и только ты сможешь нам выяснить, какой придурок сделал это с Анной Белен Лианьо. Меня очень беспокоит, что она была беременна; надеюсь, что это не серийное убийство, и в дальнейшем у нас не будет других жертв, соответствующих этому профилю. Потому что у меня руки дрожат от одной мысли об этом.

«Нет, Эстибалис. Никто не тронет беременных жительниц Алавы. Ни за что. Даже не думай об этом, — подумал я. — Нет — и точка».

Тут я посмотрел на черное небо и зловещие облака, грохотавшие над нашими головами, и у меня создалось впечатление, что силы природы действуют своим чередом, не обращая на меня ни малейшего внимания.

4. Часовня Сан-Адриан

17 ноября 2016 года, четверг

— Сделай это ради нее и ребенка, — сказала она, и мы оба уставились на вершину. С неба упали первые холодные капли, не предвещавшие ничего хорошего.

«Ради нее и ребенка», — мысленно повторил я, глядя, как техники осматривают труп Аннабель Ли. Но думал я не об Аннабель и ее нерожденном ребенке; я думал о той, с кем только что закончила разговор моя напарница.

— Вернемся на место преступления, — сказала Эстибалис. — Если начнется дождь, это будет катастрофа. Посмотрим, не нужно ли помочь им со сбором улик. Думаю, все материалы придется спрятать в туннеле. Вряд ли мы сможем доставить их в машины, не промокнув.

Я кивнул и последовал за Эсти.

«Честно говоря, после того, что я увидел, трудно будет спокойно отсиживаться в Вильяверде, выкинув расследование из головы. Я бы целыми днями только и делал, что названивал тебе и ныл, чтобы ты рассказала, что и как». Все это я изложил в письменной форме, пока мы шагали к месту преступления.

Дождь больше не моросил робкой чередой ледяных капель — он хлынул нам на головы по всем дождевым законам. Но больше всего меня беспокоил ветер, который все крепчал, срываясь с обнаженного гребня перевала.

— Да, и в конечном итоге, если расследование не пойдет по тому руслу, которое ты предполагал, рванул бы в участок как оглашенный... Мы уже настрадались от тебя, Кракен. — Она рассмеялась почти счастливо, и в глазах у нее блеснула искорка надежды. — Давай, возвращайся домой; мы — твой дом.

«Я выгляжу ужасно, — написал я. — Сегодня утром я нервничал, поскольку предстояло столкнуться с толпой виторрианцев и властями, желающими воздать мне дань уважения. Больше всего пугало то, что все увидят шрам от пули». Я оторвался от экрана телефона, машинально прикрывая его прядью волос.

«Лучше тебе не рассказывать о моей встрече с Альбой», — решил я, сжав зубы, чтобы подавить ярость.

«Стремное убийство, Эсти. Вам действительно понадобится психолог-криминалист».

Она улыбнулась, я тоже улыбнулся. Это было молчаливое «да», и мы оба это знали.

Но я не сказал ей всей правды.

Правда заключалась в том, что во время визуального осмотра мне удалось выкинуть из головы реальность, с которой я понятия не имел, как справиться: материнство Альбы и мое возможное отцовство. Мне нужно было по уши погрузиться в это расследование, которое с самого начала казалось сложным и путанным. И потом, ежевичные джемы и жареные каштаны не помешали бы мне сойти в Вильяверде с ума, обдумывая все обстоятельства этой беременности.

— Знаешь что? — сказала мне моя напарница. — Мой брат Энеко рассказывал мне истории об этих краях, когда мы поднимались сюда с нашей компанией. Этих историй сотни. Например, здесь на протяжении тысячелетий проходила Камино-де-Сантьяго, проезжали всадники, экипажи, благородные дамы и купцы. Но одна мне особенно запомнилась: история об отшельнике, который жил недалеко от больницы для паломников, построенной в Средние века чуть ниже; там теперь часовня Санкти-Спириту. Рассказывают, этот человек помогал детям, которые никак не могли заговорить.

Я заметил, что, рассказывая мне эту историю, она машинально прикоснулась к серебряному эгускилору^[4], который носила на кожаном шнурке. Он все еще был при ней — память об Энеко, ее Эгускилоре.

Эсти тоже еще не оправилась после недавних событий.

В этот момент нас прервал Куэста. Судебный секретарь столкнулся с нами в туннеле, пытаясь где-нибудь укрыться от дождя. Двое других техников, эксперт и инспектор Мугуруса, поспешно засовывали тело Аннабель в черный мешок. Куэста достал бумажник в полиэтиленовом пакете и протянул нам.

— Думаю, вы должны это увидеть, — сказал он. По его белому пластиковому комбинезону стекала вода.

— Что именно? — спросила Эстибалис, думая о том, что еще предстояло спасти от дождя.

Но тут пошел град, и несколько ледышек размером с орех яростно обрушились на наши головы.

— Котел! И куртка! — крикнул инспектор Мугуруса. — Помогите нам!

Мы все трое выбежали наружу, не успев продолжить разговор.

— Они справятся с телом? — спросила Эстибалис у судмедэксперта.

— Да, давайте спрячемся в туннеле, хотя не знаю, будем ли мы там в безопасности. Если после града хлынет ливень, мы застрянем, как в мышеловке, нас всех попросту смоет. Несите котел и куртку.

На руках у нас все еще были перчатки, поэтому я поднял куртку с земли, которая еще не промокла полностью, а Куэста и Эстибалис бросились за котлом.

Тут я заметил, что судмедэксперт и Мугуруса не справятся с тяжестью тела, сунул куртку под мышку и побежал к ним, чтобы отнести мешок с Аннабель в укрытие.

Моя напарница и Андони тоже сообразили, что втроем нам не справиться, поэтому оставили котел на земле, и мы впятером спустились по каменному склону, побелевшему от яростно молотящего града.

— Мы не успеем добраться ни до машин, ни до укрытия, — крикнул инспектор Мугуруса, задыхаясь. — Нас подхватит поток и унесет. Надо укрыться в часовне.

— Она заперта! — крикнул судебный секретарь, как будто это и так не было очевидно.

— Что ж, придется взломать замок — не вижу других вариантов, — откликнулась судмедэксперт.

Мы растерянно смотрели друг на друга. У нас было слишком мало времени. Поскольку ничего похожего на таран под рукой не оказалось, Эстибалис, Куэста и я по очереди молотили ногами деревянную дверь. У меня мелькнула мысль, что осквернять таким образом часовню, защищенную образом Сантьяго, — настоящее кощунство; тем не менее я испытал большое облегчение, увидев, что дверь поддается. Наконец она открылась, и трое техников, судмедэксперт, судебный секретарь, инспектор Мугуруса, Эсти и я поднялись по двум входным ступеням, держа на руках тело Аннабель.

Куртку покойной я протянул инспектору, чтобы она, по крайней мере, не испачкалась на полу часовни — небольшого помещения с едва различимым алтарем, изображением святого, защищенным черными железными прутьями, и зарешеченным окном.

Снаружи грохотал град, страдающий аритмией: иногда грохот сливался в сплошной гул, иногда стихал. Снаружи остались чемоданчики техников и Кабарсенский котел. К счастью, фототехнику успели спасти.

Но вскоре Куэста, воспользовавшись кратковременным затишьем, выбрался из часовни.

— Куда это вы? — удивился Мугуруса.

— Сбегаю за котлом. Мы не можем оставить такую ценную вещь там, наверху! — крикнул он.

И прежде чем кто-либо успел возразить, к нему присоединилась Эстибалис.

— Пойду с ним! — сказала она и, как ласка, юркнула мимо меня, готовая присоединиться к самоубийственной экспедиции Андони.

Я хотел было крикнуть, чтобы она осталась в часовне, со мной, с нами, — и не в силах произнести ни звука, побежал за ней. Но инспектор и судмедэксперт преградили мне путь, не выпуская в ревущий белый ад.

— Вдвоем они справятся, Айяла, — решительно остановил меня Мугуруса. — Мы не можем подвергать себя опасности.

— Если помните какие-нибудь молитвы, молитесь. Вон алтарь, — прошептала мне доктор Гевара.

Я беспомощно стоял в дверном проеме, ожидая Эстибалис. К шуму града, бьющегося о скалы туннеля, добавился треск молний.

А вскоре пошла и первая лавина.

И тут я действительно испугался.

Впервые испугался.

Я и раньше бывал во время грозы в горах, но наш туннель больше не был убежищем — мирная дорога, по которой прошло столько паломников, превратилась в смертельную ловушку, на которую белой стеной обрушился град.

И тут произошло невообразимое.

Перед моими испуганными глазами пронесся Кабарсенский котел. Я завыл. Остальные столпились у входа в часовню. Котел ударился о

стену туннеля, скрылся в стрельчатой арке северного входа, и мы потеряли его из виду.

Испуганные, мы боялись худшего, и худшее произошло: мы увидели, как мимо пронеслось тело Андони Куэсты; белый комбинезон едва различался в потоке белых ледышек, увлекавшем его вниз по склону, подобно конвейерной ленте.

Это было похоже на страшный сон: прошло всего несколько секунд, и Куэста исчез.

Выбраться из укрытия было невозможно: ветер, дождь и бешеный град убили бы нас в одну секунду.

И все же я рискнул.

Там оставалась Эстибалис.

Я должен был ее перехватить. Не прошло и десяти секунд, как ее тело тоже мелькнуло в белом потоке.

Этого видения — ее рук, туловища и ног во власти разбушевавшейся стихии — было достаточно, чтобы прорвать дамбу, которую мой мозг воздвиг несколько месяцев назад.

— Только не ты! — закричал я, и впервые с августа из меня вылетели слова, которые можно было разобрать.

Только не ты...

Звучание собственного голоса потрясло меня не меньше, чем значение произнесенных слов.

Я бросился вперед, как камикадзе, отлично понимая при этом, что и меня подхватит и потащит адский ледяной поток. Но чья-то твердая рука в последний момент вцепилась мне в плечо.

Человеческая цепь — все крепко держались друг за друга.

На этот раз у нас получилось. У меня в голове мигом пронеслось все то, что произошло двадцать четыре года назад.

Руки, которые так и не помогли, руки тех, кто решил не рисковать жизнью, кто не... И наконец-то я понял, что так и не простил их. Никого из них четверых — и в первую очередь Аннабель Ли.

Я вспомнил неподвижное тело девушки, которую держал на руках на бискайском берегу в те мгновения, которые показались мне вечностью.

5. Кантабрийская деревня

29 июня 1992 года, понедельник

Четверо парней из нашей тусовки и незнакомая брюнетка выпрыгнули из поезда — и рассыпались со своими рюкзаками, груженными смутными надеждами, по пустынному перрону Кабесонде-ла-Саль, древнего городка в Кантабрии, некогда славившегося добычей соли.

Там их уже поджидал начальник летнего лагеря Сауль Товар, моложавый профессор в неформальной клетчатой рубашке, окруженный самыми верными студентами, которые проводили здесь уже не первое лето.

Группа поддержки была невелика: несколько второкурсниц и третьекурсниц исторического факультета, вечно роящихся вокруг Сауля, да какой-то старшекурсник, который рассеянно беседовал с крупной студенткой, доставившей сюда всю компанию из Сантандера на своем подержанном «Форде Фиеста». Мариан Мартинес знала, что единственная причина, по которой ее позвали, — поработать таксистом и навестить Сауля, всемогущего Сауля. Мариан не разделяла восторженную любовь всего Университета Кантабрии к профессору культурной антропологии. Она слышала про него много историй...

Чуть в отдалении от кучки молодых людей, на скамейке, куда ее посадил отец, сидела смуглая девочка, выжидающе за ними наблюдая. Они были первыми людьми из внешнего мира, которых она увидела после своего заточения.

С ней были только тетя и отец, державшийся с ней ласково и предупредительно, словно раскаиваясь в содеянном.

Девочка понимала, что мозг ее пока не работает на сто процентов, что ей предстоит очистить организм от лекарств, которыми ее так долго пичкали, и убеждала себя, что вода размочит остатки химии. Так что выход один: пить воду, все время пить воду из маленькой пластиковой бутылки. А потом — бегом в уборную и пописать.

Стыдобища какая...

Но иначе никак, убеждала она себя. Нельзя же оставаться дурочкой. Возможно, этот лагерь — ее единственный шанс, чтобы

вернуться в сентябре в школу... Уф, нет, об этом страшно было даже подумать. В школе все знали ее отца — Сауль был богом. Этого всеобщего обожания, а не только того, что ее оставили на второй год, простить ему она не могла. Но какой же кошмар — еще год в восьмом классе...

Нельзя было упускать такую возможность. Оставалось только наблюдать и прикидывать, кто из ребят может ей помочь.

Она поплелась вместе со всеми. Отец повел их по улицам городка во дворец графа Сан-Диего — внушительный особняк с островерхими черными крышами, который семья владельца пожертвовала мэрии. Дворец нуждался в реставрации, но для нетребовательного вкуса и этого было более чем достаточно.

Через два часа, после знакомства и обеда, девочка еще не определилась. Может, этот — высокий, смуглый, с ручищами, как у орангутанга? Он казался самым старшим из четырех виторианцев. Что ж, можно попробовать... Но что-то в нем ее смущало.

Тогда она сосредоточила свое внимание на том, кто показался ей наиболее серьезным и ответственным, — носатом Асьере. Он не валял дурака, как остальные, не смеялся над тупыми или пошлыми шуточками, а главное, она ни разу не видела, чтобы он разговаривал с отцом.

Это было очень важно.

Приветственные ритуалы повторялись в третий раз. Еще одно лето. Она ездила в лагерь с самого начала строительства кантабрийской деревни. Раньше она не сомневалась: она хочет стать археологом. Она столько всего знала о кельтах. Как и ее отец, который всему ее научил.

Эти три недели Сауль Товар полностью за них отвечал, встречал и опекал небольшую партию волонтеров, которые записались на проект, чтобы довести до конца строительство четырех хижин железного века. Все они были студентами БУП^[5], ответственными и мотивированными ребятами. Послушной глиной, из которой можно было вылепить все, что заблагорассудится, а заодно привить им страсть к истории и заманить в Университет Кантабрии, где Сауль Товар занимал должность доцента. У него были свои задачи: выслужиться перед деканом, стать его доверенным лицом, получить штатную должность.

Дать стабильность Ребекке, его крошечной семье. Ради дочери, все ради дочери.

Он арендовал микроавтобус на весь июль, чтобы забыть о проблемах с транспортом. По опыту предыдущих двух лет Сауль знал, что первые дни ребята-волонтеры будут работать как лошади, в выходные поедут тусоваться в Торрелавегу или на праздник Кармен-Сан-Висенте-де-ла-Баркера, и с течением недель их первоначальный пыл заметно поугаснет. Он понимал, что постепенно они будут все больше и больше удаляться от истории и кельто-иберийской культуры, и в конечном итоге девочки начнут думать исключительно о мальчиках, а мальчики — о девочках. Нужно было проветривать их, возить по окрестностям, пытаться заинтересовать своими историями.

Ближе к вечеру, загрузив рабочий материал во внутренности микроавтобуса, Сауль рассадил виторианцев в автобусе и отправился к Пику-ла-Торре, на склоне которого их ждали деревянные остовы строящихся хижин железного века.

Расстояние, отделявшее дворец графа Сан-Диего от кантабрийской деревни, было невелико, но Сауль решил, что ребята слишком устали после поездки, и не хотел в первый же день видеть их кислые лица.

Он прикрутил радио — его раздражал Эрик Клэптон, который плачущим голосом пел «*Tears in Heaven*», историю об отце, который потерял своего четырехлетнего сына — мальчик упал с 53-го этажа небоскреба.

Микроавтобусу пришлось увернуться от пары самонадеянных велосипедистов, которые, подобно тысячам других любителей, выкатились тем летом на дороги, воодушевленные триумфом Индурайна^[6] на «Джиро д'Италия» и его предсказуемой второй победой в «Тур де Франс».

Сауль крутил руль, сосредоточившись на сидевшей рядом с ним Ребекке; оба делали вид, что ни о чем не думают, но пристально следили за четырьмя ребятами и прислушивались к их разговорам.

— Надеюсь, рядом будет телефонная будка — мне надо каждый вечер звонить в больницу, — озабоченно заметил самый молодой из них, светловолосый парень, настоящий красавчик.

Ребекка уже обратила на него внимание. На нем были новые брендовые кроссовки и красные «Левайс-501». Интересно, откуда у

него бабло? Этот Хота не только хорош собой, у него явно водятся деньжата...

«Интересно, что там насчет больницы?» — подумали одновременно Сауль и Ребекка. Но ни один из них не потребовал каких-либо разъяснений.

«Терпение», — думали они в унисон, как истинные отец и дочь. «Я все выясню», — решили оба.

— Конечно, там будет телефон, Хота, — сказал высокий смуглый чувак, некто Унаи. — Не переживай, телефон в этих местах обязательно найдется.

— Конечно, чувак. Ты же знаешь, если станет хуже, я позвоню отцу, и через два часа мы будем в Чагорричу, — сказал круглолицый малый с жирными волосами и в черной футболке «Пёрл джем», которого все называли Лучо. Он говорил очень быстро, очень уверенно и очень напористо, как базарная баба.

Ребекке этот Лучо не понравился с первого взгляда. И потом, было заметно, что все заботятся о другом мальчике — красавчике Хосе Хавьере по прозвищу Хота.

— Ребекка, доченька, ты как? — пробормотал отец, не отрывая взгляда от асфальтированной дороги, по которой неторопливо катил микроавтобус. Он никогда не превышал скорость, в этом упрекнуть его Ребекка точно не могла.

— Хорошо, папочка.

— Слушай, я хочу, чтобы ты знала: мне было очень плохо без тебя последние три месяца. Я по тебе очень скучал.

Какой соблазн поверить ему...

— Да, и я тоже скучала по тебе, папочка.

— У тебя голова не болит?

— Нет, я в порядке, правда. — «Все, с меня довольно. Я не хочу говорить об этом».

— У тебя было время прочитать книги, которые я тебе присылал. — «Атлас археологии» Кунлиффа и другие?

«Когда у меня были силы, да, я читала. Это было единственное, что удерживало меня... в живых?»

— Да, конечно. Большое спасибо за книги.

— Я подумал, что завтра, когда мы покажем новеньким строительную мастерскую, ты сможешь рассказать им, как

изготавливаются кирпич-сырец и вересковая кровля. Тебе пригодится практика, ведь когда-нибудь ты тоже будешь преподавать в универе. Ты же знаешь, я передам тебе свое место, когда выйду на пенсию, — сказал Сауль и улыбнулся: у него были великолепные зубы и квадратная челюсть; по правде говоря, он был самым красивым отцом на свете, потому что совсем не походил на папаш ее одноклассниц, лысых, пузатых, неуклюжих — коротко говоря, обычных дяденек.

Ее отец был просто невероятно привлекателен, она знала это всегда. Взгляды подруг, когда он забирал ее из школы, ежедневно сообщали ей об этом красноречивее всяких слов. Ему очень шли черные, с синеватым отблеском волосы, которые унаследовала и Ребекка, и стремление выглядеть моложе: неформальные джинсы, белая футболка, рубашка лесоруба. Но девочке не достались его чуть раскосые зеленые глаза — наполовину колдовские, наполовину ангельские.

Эта мысль вызвала у Ребекки чуть заметную улыбку. Она заметила, что мышцы ее лица отвыкли улыбаться. Она не улыбалась вот уже несколько месяцев.

«Наверное, он все-таки меня любит, раз так заботится обо мне», — подумала она, но не сумела полностью в это поверить. Эти размышления отвлекали ее от задуманного, а второго шанса могло и не представиться.

6. Кантон Соледад

17 ноября 2016 года, четверг

Человеческая цепочка, в которой участвовал каждый из нас, в последний момент спасла Эстибалис от бурной реки, стекавшей по склону холма. Мы спасли ее, ошеломленную и находящуюся на грани переохлаждения, и сразу же заперли дверь часовни, чтобы отгородиться от этой уменьшенной копии Большого взрыва.

— Проверьте свои телефоны; я полагаю, сети нет, — повысил голос инспектор Мугуруса. Град продолжал грохотать по внешней стене часовни Сан-Адриан и отдавался внутри, как в резонаторе.

Проверив гаджеты, мы ответили ему полным участия взглядом: да, мы полностью отключены от внешнего мира и не можем обратиться за помощью.

— Сохраняем спокойствие. Наши товарищи из горноспасательной службы знают, что мы отправились на визуальный осмотр. Они догадаются, что град застал нас в туннеле и мы не можем спуститься. Спасатели дождутся улучшения погодных условий и придут нам на помощь. Нам всего лишь нужно продержаться.

Мы кивнули — говорить никому не хотелось.

Я порылся в карманах пуховика и нащупал профиль сьерры. Дедушка подарил мне на день рождения маленький кусочек дерева, который я пристегнул к брелоку и всегда носил с собой. Это было напоминание о дедовом доме, о том месте, куда я всегда хотел вернуться.

Прикоснувшись рукой к миниатюрному силуэту Сан-Тирсо, я обнаружил прозрачный пластиковый пакетик с миндалем, который дедушка вручил нам с Германом в то утро после завтрака, прежде чем мы отправились на чествование у стены в кантоне Соледад. В той, другой жизни.

Их оставался всего десяток. Орехи, чистейшие белок и глюкоза. Как раз то, что сейчас нужно. Мы поделили их на всех, и они показались нам такими же вкусными, как последний ужин заключенного в «Зеленой миле»^[7].

Семеро выживших — судебный секретарь, доктор Гевара, Мугуруса, двое техников, Эстибалис и я — сидели у самой защищенной стены часовни, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранять телесное тепло, и ждали, когда смертоносная буря утихнет и вернется обратно в ад.

Я старался не смотреть на черный пакет с Аннабель Ли, который лежал в самом холодном углу часовни, рядом с дверью. Кто бы мог подумать, что так будет выглядеть последняя ночь, которую я с ней проведу... Но с Аннабель всегда было так: ее окутывало дыхание смерти и разрушения. Я не представлял ее в роли матери, существа, дарующего жизнь.

Сам не знаю почему.

Она говорила, что предпочитает жить в своих комиксах, потому что в реальном мире от нее одни проблемы. Творчество полностью ее поглощало, сдерживая таившуюся в ней разрушительную силу. Творчество было плотиной. По крайней мере, она об этом знала. И ни разу не извинилась за причиненное нам зло.

Наступала ночь, а вместе с ней опускалась влага, которая липла к одежде и волосам, к лицу, к шее, к рукам. Все участки обнаженной кожи страдали в эту промозглую ноябрьскую ночь на высоте 1200 метров. Снаружи сыпались ледяные градины, и нам казалось, что мы заперты в холодильнике.

Не знаю, но думал я исключительно об озябших ногах Эстибалис; я растирал их, согревал у себя в пуховике, а она, свернувшись калачиком, прижималась к моему теплему телу. Наши слившиеся тела напоминали беременность огромных размеров.

«А как же голова?» — озабоченно подумал я.

Я знал, что у новорожденных больше всего охлаждается именно голова, отсюда все эти голубые и розовые шапочки на фотографиях в «Фейсбуке». Я кутал, как мог, измученную голову моей напарницы, послушной и почти безжизненной от температурного шока, в пуховом гнезде, которое для нее соорудил.

«Не ты. Только не ты. Даже не думай умирать, потому что без тебя я пропаду и не прощу тебе этого».

И я обцеловывал ее лоб и щеки — вдруг мои губы хоть немного согреют эту окоченевшую кожу, усеянную дерзкими веснушками...

«Ты должна и дальше спасать меня, ты мой талисман», — хотелось сказать мне.

И я понял, что это правда, что на этот раз я говорю себе правду. Эстибалис была моим талисманом, хотя ее телосложение свидетельствовало скорее об обратном. Это была моя стена, мой форпост, защитный ров вокруг крепости. Когда она была рядом, я чувствовал, что сила самой природы заботится обо мне. Откровение в ту ночь заставило меня по-другому взглянуть на всю мою жизнь.

«Ты просишь меня о помощи, я поддерживаю тебя. К черту афазию Брока. К черту мою сложную ситуацию с Альбой. Ты позовешь меня, и я приду. И все, и точка. Я выздоровею — в конце концов, я внук своего дедушки».

Но слово «Альба» напомнило мне о разговоре, который состоялся у нас в тот день, после чествования, когда она появилась в кантоне Соледад и попросила меня отвезти ее ко мне домой, потому что собиралась рассказать мне что-то важное. Жалкий эвфемизм, который на самом деле означал: сегодняшний вечер изменит нашу жизнь, какое бы решение ты ни принял.

«Ну, теперь-то ты скажешь, что все это значит?» — написал я ей на мобильном, как только мы поднялись на третий этаж и уселись на мягкий диван у меня в гостиной.

Наверное, глаза мои выжидающе блеснули, но я видел, что ее лицо сейчас невосприимчиво к моим улыбкам, и знал: что-то неладно. Альба сняла белый пуховик и повесила на вешалку у двери. На ней был свободный шерстяной джемпер, который защищал от промозглой виторианской осени.

— Я вернулась на работу месяц назад, и я все еще твой начальник, пусть ты и в отпуске.

«Я помню об этом, поверь...»

— У меня был очень неприятный разговор с твоим неврологом.

Я почувствовал, как мои челюсти сжались; мне не нравилось, как развивалось это... свидание?

— Прошло уже три месяца с тех пор, как ты получил эту пулю, а на консультацию к ней не заходишь и не просишь выдать тебе направление к логопеду. Доктор Альдекоа серьезно обеспокоена, Унаи. Она говорит, что чем дольше ты тянешь, тем труднее будет восстанавливать нормальную речь. Нейронная пластичность имеет

предел. В августе твои перспективы были относительно благополучными, но проходят месяцы, а ты так и не начинаешь работать с этой областью мозга...

«Да, ты уже говорила». — Я махнул рукой.

Сначала я посещал доктора Диану Альдекоа чуть ли не с религиозным рвением. Моя невролог была подвижной брюнеткой; ее широко расставленные глаза располагались ближе к вискам, чем к носу, головка была маленькой, окруженной завитушками кудрей, напоминающими телефонные провода. Несмотря на безусловный профессионализм, она была такой энергичной и говорила так быстро, что мне было сложно следовать за ней в течение первых нескольких недель моего выздоровления. Она меня подавляла. Я сильно напрягался и в итоге ходил к ней все реже. Я не был готов к такому напору.

«И поэтому ты здесь», — написал я на экране.

— Отчасти. Но не только. Есть кое-что еще, о чем я должна тебе сообщить, хотя мне предстоит за это расплачиваться, и я не уверена, что через несколько минут между нами по-прежнему будет то, о чем я мечтала.

«Что, черт возьми, ты имеешь в виду?» — растерянно набрал я.

Альба поднялась с дивана и встала передо мной. Я смотрел на нее в упор, а она молча ждала, когда я что-то скажу; но я был слишком растерян и хотел, чтобы она сама начала непонятный разговор.

— Ты ничего не заметил? — спросила она как бы само собой разумеющимся тоном.

Лицо у меня вытянулось, я ее не понимал. Нет, я ничего не заметил.

Она подняла свитер и показала мне свой живот. Гладкая, ровная кожа, которую я все так же желал.

— Я беременна с августа, с праздников Белой Богородицы, Унаи.

Это произошло случайно, само по себе: у меня на губах появилась улыбка. Широченная.

Мое шоковое состояние длилось несколько секунд, ровно столько мне потребовалось, чтобы заметить хмурое выражение ее лица.

«Что? В чем дело? Я знаю, что это не повод начать серьезные отношения, но...»

Я с головой ушел в писанину, чтобы хоть немного погасить охвативший меня пожар и скрыть смущение.

— Сейчас я не могу сказать с уверенностью, чей это ребенок: твой или Нанчо.

Нанчо. Разумеется. Всегда и везде Нанчо. Вездесущий Нанчо.

— За несколько дней до этого я с ним переспала. Я его не хотела, я все время думала только о тебе; это было частью рутины, от которой я не смогла увильнуть. Я не чувствовала ничего, кроме досады, потому что это был не ты. После того, что произошло между нами в подъезде восьмого числа, я больше не могла с ним быть. Я воспринимала это как измену тебе. Хочу, чтобы ты знал: я никогда тебе не изменяла. В общем, я забеременела в те дни, а значит, ребенку теперь...

«Четырнадцать недель», — подсчитал я, пристально глядя на деревянные паркетины на полу гостиной. У меня болела голова, просто раскалывалась. Кость под шрамом, продырявленная пулей, ныла, как во время грозы в Вильяверде.

— Четырнадцать недель, — она кивнула.

«С ребенком все в порядке? Ты говорила, что твой первый ребенок страдал какой-то редкой болезнью», — с трудом выводил я на экране. Почему-то тревога за ребенка была моей первой рефлекторной реакцией.

«Ребенок должен быть здоров, ты не можешь пройти через это снова», — подумал я.

— Да, это был несовершенный остеогенез второго типа. Пока не знаю. Болезнь можно обнаружить с помощью ультразвука, начиная с четырнадцатой недели или, скорее, шестнадцатой. Я все держу под контролем. Это рискованная беременность — отчасти из-за истории с моим первым ребенком, отчасти из-за возраста. Поздняя первородящая, говорит мой врач. Унаи, я не имела права скрывать это от тебя, но призналась тебе вовсе не для того, чтобы ты заботился о моем ребенке.

«Может, и моем тоже».

Она снова села рядом со мной на диван и посмотрела на мою руку, не решаясь к ней прикоснуться.

— Дай бог. Надеюсь, что он твой. Когда я узнала, что беременна, я пару недель была в шоке. Пыталась не думать о том, что Нанчо убил двадцать одного человека, что он женился на мне, потому что я

помогала ему быть в курсе расследования, что я сосуществовала с интегрированным психопатом, как ты сказал бы. Я решила начать с нуля, закрыть навсегда этот этап жизни. Моя мама приехала за мной в больницу, когда я лежала под наблюдением из-за рогипнола и укусов пчел. Она отвезла меня обратно в Лагуардию, и я попросила ее заняться квартирой, которую делила с Нанчо в Витории. Она раздала всю его одежду и мою тоже. Предметы декора и мебель также отправились на барахолку. Она позаботилась о том, чтобы сдать квартиру в аренду. Я не хотела носить вещи, к которым он прикасался. Я сменила мобильник, выбросила все фотографии. Теперь это своего рода черная дыра в прошлом. Когда кто-то оттуда является, я его блокирую. Забвение — единственный мой способ ответной манипуляции.

«И все же нельзя исключить, что у тебя от него остался ребенок». Когда я набирал последние три слова, мои пальцы дрожали от едва сдерживаемой ярости.

«Будь ты проклят, Нанчо. Будь ты проклят за то, что сделал со мной такое. Это твое самое страшное преступление, твой худший поступок. Испортить будущее нам с Альбой...»

Я встал, ноги у меня похолодели. Я прислонился лбом к влажному оконному стеклу. В полусантиметре от меня, снаружи, Витория лила свои слезы, будто что-то оплакивала. А я чувствовал лишь холод.

— Ты спас жизнь моему ребенку. Будет справедливо, если ты об этом узнаешь, — сказала Альба у меня спиной.

«Что ты имеешь в виду?»

— Помнишь, как ты позвонил мне в тот день из Сан-Тирсо?

Я кивнул.

— Я была в Лагуардии, в башне, у себя дома, смотрела на контуры сьерры, откуда ты мне звонил. На той неделе я записалась на прием в клинику в Бургосе: мне нужна была полная анонимность, и я не хотела, чтобы это произошло в Витории или в Логроньо.

Меня обожгла мысль о том, что мы могли его потерять. Я не был уверен, мой ли это ребенок, но едкая кислота пробежала по венам и достигла кончиков пальцев, которые машинально вцепились в оконную раму.

— Я с ужасом думала о ребенке от Нанчо. Я боялась, что тошнота первых недель означает отказ моего организма рожать ребенка от этого

негодяя. Во время первой беременности меня не тошнило. Меня радует, что нынешняя беременность настолько отличается от прежней, — может быть, это потому, что ребенок твой... погоди, дай мне договорить. Когда ты мне позвонил, я поняла, что не имею права потерять ребенка, если есть шанс, что ты его отец.

«И что ты собираешься делать, Альба? Отдать его на усыновление, если он родится рыжим?» — написал я.

— Тогда я поступлю так же, как поступили с Нанчо его родители. Нет, кто бы он ни был, это все равно мой ребенок. Я думала, что надо будет учиться его любить, но представь себе, любовь пришла сама по себе. Я люблю его так же, как любила первого ребенка... не знаю, как это объяснить. Это как ниточка между ним — сыном или дочкой — и мной. Он стал всей моей жизнью.

— А как же я, Альба? Какую роль я в этом играю?

— Какую сам выберешь. Я все тебе рассказала, ты заслуживаешь знать правду. Но ты не несешь никакой ответственности, если тебе это не нужно. И учти: я не буду делать тест на отцовство.

Я посмотрел на нее в ужасе.

«Не поступай так со мной, не надо».

«Почему нет? Это раз и навсегда избавит нас от сомнений», — написал я.

— Потому что он этого не заслуживает, Унаи. Кто бы ни был его отец — убийца или человек, которого я люблю, — этот ребенок не заслуживает осуждения за то, в чем не виноват. Во всяком случае, последствия этого решения коснутся только меня.

«Она сказала «человек, которого я люблю», — подумал я. Эта фраза врезалась мне в голову. Она оглушила бы меня, услышь я ее всего несколько часов назад, но в сложившейся ситуации стала чем-то второстепенным.

Появилась новая жизнь, требующая принятия новых решений.

Я опять прислонился лбом к стеклу. От холода мне становилось легче.

Терпеть не могу, когда кто-то видит, как я плачу, ненавижу эмоциональный эксгибиционизм, но я с трудом сдерживал зуд, который нарастал у меня под веками.

Это была совсем не та встреча, о которой я мечтал месяцами. В последние дни лета и теплой осенью, когда я спрятался в Вильяверде с

ежевичными джемами и отказом выздороветь, Альбе пришлось пережить смерть мужа, осознать тот факт, что он хотел ее убить, что она столько лет жила с психопатом, убившим двадцать детей и молодых людей, смириться с беременностью и принять решение вынашивать ее положенный срок, несмотря на то, что она станет вечным напоминанием о самом худшем, что случилось в ее жизни.

Но для меня это тоже было совсем не просто. Как было бы здорово, если б она сообщила мне эту новость, заверив меня, что ребенок мой, — ее слов мне было бы достаточно. Я стал бы самым счастливым человеком в мире, и мне было бы плевать, что я влезаю в дом через окно, иначе говоря, вхожу в жизнь Альбы с младенцем на руках, и в итоге мы сразу становимся семьей, а не парой. Сын или дочь — и Альба.

Все это еще могло быть.

Такая возможность существовала.

Но сомнения... проклятые сомнения.

Нет, я так не могу. Я себя знаю. Я не могу с этим справиться, для меня это неприемлемо.

Мой мозг психолога-криминалиста производил срочные вычисления: какова статистическая вероятность того, что сын психопата унаследует склонность к психопатии. Какого именно человека я был готов назвать «сыном»?

Я снова мысленно проклинал Нанчо, его отца-врача и измученную мать, а заодно мою двоюродную бабушку Фелису, отдавшую Нанчо на милость ублюдкам, которые вырастили его и превратили в демона.

«Альба, — написал я, — я не могу ответить тебе прямо сейчас. Мне нужно все обдумать...»

Она подошла и прочитала слова на экране, где я подписывал смертный приговор нашему общему будущему в качестве перспективной пары или кем мы там были в течение микросекунды.

Думаю, это был худший момент в тот день, который я навсегда запомнил как один из самых тяжелых в моей жизни. Это выражение, столь свойственное глазам Альбы, выражение достоинства перед лицом огромного разочарования, которое отныне я у нее вызывал. Но она была к этому готова, и это тоже оскорбляло мое самолюбие. Она явилась ко мне домой, готовая к худшему, и это худшее подтвердилось.

Именно в этот миг на «Ватсап» упало сообщение от Эстибалис, где она сообщала о смерти Аннабель Ли. Это был ужасно длинный день, а бессонная ночь собрала все кошмары: призраков прошлого с недвижимым телом Аннабель в черном мешке и настоящего: Альба и ее таинственная беременность.

* * *

Рассвет застал нас на грани душевного истощения. Были мгновения бесконечного утомительного бодрствования; потом мы, семеро выживших, ненадолго погружались в сон.

Благодатное, хотя и робкое солнце заглянуло наконец в оконце часовни. С рассветом прибыли спасатели из Горного союза, готовые оказать нам помощь. Они укутали нас в термоодеяла, напоили водой, смазали кожу жирным кремом, убедились в том, что мы целы и опасность нам не грозит. День был ясный и спокойный, но никто не доверял обманчивой тишине гор после адской бури, разразившейся накануне.

Гойо Мугуруса, как обычно, мужественный и спокойный, посмотрел на хлопочущую возле нас сотрудницу.

— А как же Андони Куэста? Вам удалось... вытащить его?

— Мы нашли его тело на двести метров ниже. Мне очень жаль.

Это было слишком для всех семерых. Никто из нас не осмеливался произнести ни слова. Я назвал бы это полнейшим бессилием и отчаянием.

Отреагировала только Эстибалис: выскользнула из своего одеяла и бросилась прочь из часовни. Я последовал за ней, мне пришлось остановить ее и с силой прижать к стене туннеля.

Невозможно было утешить ее, таких слов не существовало, и я лишь шептал: «Хватит, Эсти. Хватит. Вернемся домой. Здесь нам больше делать нечего».

7. Площадь Белой Богородицы, 2

18 ноября 2016 года, пятница

Три часа спустя, уже в безопасной Витории, я полз как улитка домой из больницы Сантьяго, куда нас доставили, чтобы исключить возможные повреждения, помимо переохлаждения и нервного истощения. Я хотел одного: спать. Сухой матрас и родимое уютное одеяло. Полумрак спальни, где я чувствовал себя надежно, где не страшна никакая буря. Одним словом, дом.

Должно быть, был уже полдень, когда я услышал, как кто-то открыл дверь в мою квартиру. Я одним прыжком вскочил с кровати — я так и не уснул и практически не отдохнул. Я по-прежнему был слишком напряжен и не мог сомкнуть веки. Насторожившись, хотел крикнуть «Герман, это ты?», но изо рта вырвался только гортанный звук, которого не разобрал бы даже я сам. В полной растерянности я выскочил из спальни и увидел на кухне дедушку с пакетами из мясной лавки.

— Твой брат сказал, что ты провел ночь в горах, сынок.

Я рассеянно кивнул.

— Ты, должно быть, еле держишься на ногах... Садись, я принес тебе мясо, чтобы пополнить силы.

«Спасибо, дедушка», — улыбнулся я.

Не было способа убедить дедушку перестать обо мне заботиться. Не то чтобы он меня баловал, — наоборот, он скорее отрубил бы себе руку, чем сделать какую-нибудь поблажку нам с Германом. Просто он точно знал, в какие моменты мне нужна была его помощь.

Я сел на диван в гостиной, машинально глядя на белые балконы с восточной стороны площади Белой Богородицы. Включил мобильный и увидел сообщение в «Ватсапе».

Но первым делом я открыл почту и отправил долгожданное письмо: написал своему неврологу Диане Альдекоа и попросил контактные данные логопеда, чтобы как можно скорее начать реабилитацию. Ответ пришел через минуту. Я назначил встречу и дал себе слово, что не отменю ее и не опоздаю.

Затем вошел в «Ватсап». Сообщение было от Тасио. По-видимому, он узнал что-то еще о чудесном котле, который там, в горах, унес с собой жизнь двух человек — моего коллеги и моей первой девушки, ни больше ни меньше.

«Тасио, вчера не смог ответить тебе, нас завалило градом в туннеле».

«Все в порядке?» — написал он.

«Не для всех, к сожалению».

«Прости... мне очень жаль».

«Я понимаю. Это случилось внезапно... И все-таки продолжим, если ты не против. Так, говоришь, ты что-то нашел? Давай, выкладывай».

«Выкладывай? Ого, Кракен! Вижу, что ты действительно восстановился, раз так хорохоришься».

«Тасио, не утомляй меня, — нетерпеливо ответил я. — Ты не представляешь, какой день у меня впереди. Итак, к делу».

«О'кей. На фото, которое ты мне прислал, действительно изображен Кабарсенский котел, найденный в Кантабрии в шахте Пенья-Кабарга столетие назад. Это примерно 900–650 год до нашей эры, бронзовый век. Типичный представитель ирландских или британских котлов, и очень напоминает те, что были найдены в Дублине или Баттерси. Считается, что эта штука была использовалась в религиозных церемониях».

«Ты имеешь в виду кельтские ритуалы?»

«Типа того. Раньше он выставлялся в Музее древнейшей истории Кантабрии в Сантандере, но несколько недель назад его забрали на временную экспозицию в частном музее — он называется МАК, или Музей археологии Кантабрии. Вскоре они сообщили о краже, но новость не вышла за рамки обзора в местной газете».

Я знал руководство МАК — братьев Кастильо, историка и археолога. Мы познакомились несколько лет назад, когда я проходил практику по криминальной психологии в полицейском участке Сантандера, и несколько странных убийств с головой погрузили меня в сложное расследование. Они шли навстречу. Всегда. Это была хорошая новость, такое знакомство явно не помешает.

«Есть какая-то связь между этим котлом и туннелем Сан-Адриан?» — спросил я.

«Я искал кельтские корни, которые могли бы связывать котел и туннель. Ты же знаешь, в этих местах всегда существовали легенды о подземных ходах, связывающих отдаленные районы. Поговаривают, что в туннеле Сан-Адриан есть галерея, ведущая к некоему колодезю. Якобы одна женщина из Зегамы пошла стирать белье к этому колодезю и пропала. А затем в ручье Итурруцаран в Араие, деревне недалеко от Залдуондо, нашли человеческую руку».

«Так, пока все ясно. Что еще?»

«В том самом урочище, в Араие, был найден ара, римский алтарь, посвященный нимфам. Всего в ста метрах от местного металлургического завода на реке Зираунза. Алтарь нашли в воде, буквы едва читались, но кое-что можно было разобрать».

«Нимфы. Римские».

«Нимфы — божества источников, прудов, рек... Они существовали до римлян, которые, как тебе известно, адаптировали и присваивали религиозные верования завоеванных народов. Происхождение нимф кельтское, индоевропейское. Это три Матры, триада богинь-матерей. Очень популярный культ, распространившийся более двух тысячелетий назад по Центральной Европе, Галлии, Британии...»

«А как связан котел с этими божествами?»

«Не перебивай, Кракен. Ты стал более нетерпеливым с тех пор, как разучился говорить. Эта триада связана с плодородием природы и человека. Имеется в виду в основном женское чадородие. Матры связаны с гениями кукуллати^[8], они хранители троицы, которая изображается в виде трех фигур в капюшонах и отвечает за плодородие. Посылаю тебе несколько фотографий».

Я просмотрел фотографии: рельефное изображение трех фигур в капюшонах, неплохо сохранившихся, несмотря на древность. Форма капюшона наводила на мысль о фаллической символике этих хранителей.

«Говоришь, они защищают чадородие... Ты имеешь в виду беременность?»

«Ты меня опередил. Да, они покровительствуют беременным. А что, это тебе о чем-то говорит?»

Я не стал рассказывать Тасию о том, что рядом с котлом находится жертва, беременная мертвая женщина. А в нескольких метрах мы

нашли ее куртку с капюшоном. Эта троица крепко засела у меня в голове: два местных жителя-горца, отец и сын, и с ними Аннабель... Интересно, эти двое тоже были в капюшонах?

«Ладно. Ты нашел что-нибудь еще?»

«На данный момент это все. Если ты дашь мне какие-либо подсказки, что именно я должен искать...»

«Думаю, этого более чем достаточно, Тасио. Очень тебе благодарен и невероятно ценю твои знания и готовность помочь».

«Взаимно. Обращайся, если понадобится помощь».

«Договорились. Ты тоже пиши, если еще что-нибудь вспомнишь. А теперь отключаюсь».

«Одна просьба: если расследование увенчается успехом, сообщи в прессе Витории, что я тебе помогал».

«Это уже слишком», — подумал я, забыв об одержимости Тасио Ортиса де Сарате восстановлением своего пострадавшего реноме.

Затем я прочитал сообщение от Германа, которому первому написал, что мы спасены, и все утро младший брат засыпал меня вопросами, здоров ли я.

«Я в порядке, Герман. Дедушка у меня, готовит картошку с чорисо и чичикис. Будет кормить меня на убой».

«Знаю, я сам его об этом просил. Могу я увидеть тебя сегодня вечером после работы?»

«У меня деловая встреча. Увидимся в выходные в Вильяверде, мне нужно будет передохнуть».

Герман не возражал. Он плотно опекал меня с тех пор, как мне выстрелили в голову, но ведь и он пережил свою драму, и виновен в этом был я: Мартина погибла из-за моей нерасторопности, из-за того, что я вовремя не поймал Нанчо, поэтому я всячески потакал его настойчивому желанию контролировать меня, при том что терпеть не мог отчитываться кому-либо о своих приездах и отъездах.

Я помог дедушке накрыть на стол и позволил ему отвлечь меня рассказом о разрушениях, которые буря вызвала в огороде. Вильяверде тоже досталось, хотя это не шло ни в какое сравнение с градом, обрушившимся на туннель.

Тревожно поглядывая на небо, которое по-прежнему грозило дождем, я составил краткий отчет о Кабарсенском котле и его связи с туннелем Сан-Адриан и распечатал его на принтере. Я решил

временно отложить свои первые впечатления об убийце или убийцах — прежде следовало выслушать экспертизу и криминалистов и только потом делать выводы; но голова моя была занята исключительно тем, что я видел в Сан-Адриане.

Я попрощался с дедушкой, который заверил меня, что отлично доберется до Вильяверде на автобусе, и направился в свой бывший кабинет на Порталь-де-Форонда. Я не знал, как мы с Альбой будем встречаться ежедневно после того, в чем она мне призналась, — и все же все мои сомнения, возвращаться к работе или нет, остались позади. Мной овладела новая одержимость, я не хотел отказываться от этой охоты. Я был измотан физически и морально, но горел неизбывным желанием раз и навсегда забыть двойное убийство в дольмене и полностью погрузиться в дело Аннабель Ли, а параллельно — в занятия с логопедом, который покончит с моей афазией.

8. Детский сад на бульваре Сенда

29 июня 1992 года, понедельник

Хота, Асьер, Лучо и Унаи принялись вынимать из рюкзаков свои спальные мешки и стелить их на узких металлических койках. Они выбрали одну из пустующих комнат на первом этаже большого обветшалого дома, с ходу окрестив ее «комнатой чуваков», и не задумывались, где будут спать остальные участники их проекта.

Никто не обратил внимания, когда одна из девушек — та, что носила симпатичную реплику желтых «Мартенсов» и длинные до пояса волосы — тихо вошла в их спальню, ни у кого ни о чем не спрашивая, выбрала себе кровать и принялась вытаскивать из рюкзака вещи.

— Ты чё творишь? — очнувшись, обратился к ней Асьер колючим, как наждачная бумага, тоном.

— Асьер имеет в виду, что... как хорошо, что ты поселилась в этой комнате, — поспешил Хота, покашляв и окинув Асьера выразительным взглядом.

Хота уже говорил о ней с Унаи, своим лучшим другом. Странная брюнетка нравилась ему с первой минуты, то есть вот уже целых десять часов; для Хоты это было вечностью, а для Унаи — знаком «стоп». И даже больше, учитывая ситуацию Хоты, отец которого лежал в больнице с саркомой поджелудочной железы, сожравшей его через несколько месяцев. Унаи знал толк в смертях, и Хота и его любовные похождения были священны и неприкосновенны.

— Нет, я этого не говорил и не собирался говорить. У нас что, нет комнаты для телок? — напирал Асьер.

— Есть, но там гораздо грязнее, чем здесь, а я астматик, — солгала Аннабель, ни за что на свете не желавшая делить комнату с девочками. — Не собираешься ли ты, Асьер, напугать меня своим плохим настроением? — обратилась она к Асьеру с невозмутимостью, которая очаровала их всех. — Я коллекционирую отказы, чтоб ты знал. И напрасно ты думаешь, что я перееду в другую комнату. Придется тебе смириться. Кстати, Сауль велел всем спуститься вниз, уж не знаю зачем.

И продолжала спокойно распаковывать свои пожитки.

— Кажется, у нас завелась психичка, черт возьми, — пробормотал Асьер, проходя мимо нее. — Ладно, пошли, надо проветриться.

Все ушли — Асьер расстроенный, Лучо заинтересованный, Хотя довольный. Унаи отстал, роясь в рюкзаке.

— Сейчас спущусь, — успокоил он остальных, стараясь убедиться в том, что в Вильяверде у него не осталось ни одной футболки. — Трудно поверить, что ты собираешь отказы, — сказал он девушке, когда они остались одни, не глядя на нее и развешивая одежду на вешалках в ветхом шкафу, затянутом паутиной.

— У меня их десятки, — ответила Аннабель и достала из своего черного рюкзака пачку конвертов: одни открытые, другие запечатанные. — Чего уставился? Помоги распечатать последние отказы. Чем раньше начнем, тем быстрее закончим.

Унаи подошел и осторожно присел на соломенный матрас рядом с ней.

— Откуда ты знаешь, что это отказы?

Она пожала плечами и протянула ему несколько конвертов разных размеров и разного географического происхождения.

— По весу — один лист бумаги. Они всегда такие. Мне сказали, что если меня захотят опубликовать, письмо будет длиннее: как минимум два листа. С тобой начинают заигрывать и все такое.

— А в чем они тебе отказывают? — спросил Унаи, с некоторой опаской открывая первый конверт.

— Я — художник-комиксист. В нашей стране комиксов издается не так много, зато в Европе и Америке это целая культура. А уж в Азии — вообще прорва. Я посылаю образец моих комиксов всем издателям, чей адрес удастся раздобыть. Чем крупнее издательство, тем лучше: отказ звучит категоричнее.

— Но зачем тебе это нужно? Ты что, мазохист?

— Отказы делают меня сильнее. Заставляют рисовать. Мне всякий раз трудно начать, и я боюсь потерять мотивацию. Мне нужно, чтобы меня все время отвергали; нужно злиться, чтобы продолжать. Я не вижу другого выхода, я уже много лет изучаю собственный творческий процесс. С тех пор, как мы перестали видеться, Унаи... — Последнюю фразу она произнесла чуть слышно — ее взгляд пересекся со взглядом юноши, который ничего не понимал.

Несколько секунд две пары черных глаз сражались друг с другом. Юноша отвел взгляд первым.

«Вот уж и вправду психичка», — подумал он, немного отстраняясь.

— Ты меня не помнишь, верно? — Она спокойно улыбалась, видя его недоумение. — В какой детский сад ты ходил в детстве?

— Детский сад? В Витории? На бульваре Сенда, там, где поезд во дворе и... — Он прервался, что-то припоминая.

— Ты все еще меня не узнаешь? Мы знаем друг друга с детства; в детском саду мы были неразлучны. Я — Ана Белен Лианьо, хотя свои рисунки подписываю как Аннабель Ли в честь героини стихотворения Эдгара Аллана По. Ты наверняка его знаешь.

Не то чтобы Унаи читал Эдгара По больше того минимума, который им задавали на уроках литературы, но все слышали по «Радио Футуро» песню, которую часто крутили в барах Куэсты. Она была о подростках — женихе и невесте; невеста умерла, и благородные родственники забрали ее тело, чтобы похоронить в гробнице на кладбище возле бушующего моря.

— Ана Белен? — пробормотал Унаи, пытаясь вспомнить те туманные годы. — Я думаю, да... Кажется, я помню это имя. И что... что тогда случилось?

— Мы были женихом и невестой, влюбленными детьми. Все было так, как в том стихотворении: наша любовь была настолько сильна, что даже ангелы небесные нам завидовали.

Унаи все отчетливее вспоминал ту девочку, свою подружку, с которой держался за руки, а она чмокала его в нос липким поцелуем.

— Я нарисовала тебя тогда, в садике. Благодаря тебе я стала тем, кто я сейчас.

«Точно: рисунок. Вспоминай, что это был за рисунок...» — думал Унаи.

Она рассуждала как сумасшедшая, — и все-таки была притягательна, словно маяк, от которого невозможно отвести взгляд.

— Жизнь снова свела нас вместе, — решительно заключила Аннабель Ли, пожимая ему руку.

Не то чтобы Унаи не хотелось чувствовать рядом ее руку, губы и все такое, но она застала его врасплох, и он отшатнулся, как будто его ударило током. Его реакция ей не понравилась, очень не понравилась.

— Что, между нами что-то изменилось?

— Э-э... Ана Белен...

— Аннабель Ли, — поправила она. — Я — Аннабель Ли.

— Аннабель Ли, с точки зрения здравого смысла я только что с тобой познакомился; не то чтобы ты мне не нравилась, конечно же, это не так, — забормотал он — и даже вспотел, не в силах поверить, что произнес эту фразу; ему показалось, что мозг его будто бы стал прозрачен.

— Значит, я ошибалась все эти долгие одиннадцать лет, — сказала Аннабель так, словно ей уже исполнилось сто, и одиннадцать лет — семьдесят процентов их жизни — означали для нее меньше, чем дуновение ветра.

Она была странной девушкой, слишком много воображения для практического ума Унаи. И все же невозможно было перестать от нее зависеть.

— Хотя, ты нравишься Хоте, — без раздумий выпалил Унаи, вскакивая с матраса, полного искушений. — А Хота — мой лучший друг, к тому же у него отец умирает от рака. У него и так крыша поехала на Сан-Пруденсио, когда он ввязался в драку, и его убили бы, если б Лучо, Асьер и я не прибежали на помощь; но с тех пор он бухает по пятницам, что очень нас просто бесит. Плохи его дела, совсем плохи. И отец у него был, то есть он и сейчас такой же, — поправил себя Унаи, — в общем, отец очень строгий, а мать ничего об этом не знает, но мы прикрыли его как могли и записались все вместе в эту кантабрийскую деревню, чтобы вчетвером как-то его контролировать и чтобы он немного передохнул от своих больниц, а ты ему понравилась сразу, как только он увидел тебя в поезде, и я не могу его обойти, понимаешь?

Унаи тут же пожалел об этом. Какой промах, какой недостаток лояльности и осмотрительности по отношению к лучшему другу!.. Полное дерьмо, короче. Как будто мало было Хоте всего того, что с ним случилось. Он тоже все это пережил, но его спас дед. А у Хоты нет такого деда, как у Унаи. У него есть дядя, который прессует его за оценки, и мать, которая, как он уже говорил, ничего не понимает.

— Так значит, Хота, — ответила Аннабель, поразмыслив. — Ладно, Унаи. Я понимаю.

— Хм ... правда?

— Да, я понимаю. Я ждала одиннадцать лет, но я не спешу, у меня есть комиксы. Иди спокойно вниз; они разозлятся, если ты не придешь.

Унаи в три прыжка спустился по скрипучей деревянной лестнице и присоединился к своей тусовке, которая уже вовсю поедала картофельный омлет, устроившись за длинной деревянной доской, выступавшей в роли стола.

* * *

— Хота, пойдем-ка на улицу, вынесем мусор, — попросил Сауль, когда они закончили уборку.

Подхватив мешки, Хота последовал за ним к контейнерам, стоящим за пределами сада, окружавшего дом.

Они молча брели среди деревьев, ночь была теплой, Сауль провожал его к выходу.

— Слушай, не хочу вмешиваться в твою жизнь, но я слышал в автобусе, что тебе нужно куда-то ежедневно звонить, что это важно. Могу я тебе чем-то помочь?

Хота хмурился, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Он по жизни был такой — все считали его ранимым и беззащитным, опекали и старались хоть как-то улучшить его жизнь. В целом Хоту это вполне устраивало, но... По правде говоря, на этот раз ему и вправду нужна была помощь.

— Отец лежит в онкологии в больнице Чагорричу. Рак поджелудочной железы. Мне нужно созваниваться с семьей каждый день, а то вдруг... Вдруг ему станет хуже и мне придется вернуться. Не знаю, есть ли телефонная будка в Кабесон-де-ла-Саль...

— Конечно, есть. Я провожу тебя.

— Это не обязательно, честное слово. Правда, Сауль, не надо.

— Я знаю, у тебя уже есть волосы на яйцах и ты не ребенок. Дело не в этом, чувак, — сказал Сауль, положив руку на его острое плечо: парнишка был мелким, тщедушным, совсем еще ребенок. Птенчик, молоко на губах не обсохло. — Видишь ли, мой отец умер от рака, оставил нас со старшей сестрой, мы были еще совсем детьми, и...

— Я не хочу быть архитектором, — перебил его Хота, не в силах сдержаться. — Отец умирает, а я думаю только о том, что не хочу быть архитектором. А этот эгоист требует, чтобы, пока он жив, я пообещал ему, что стану архитектором. Блин, не хочу тратить пять лет жизни на чертежи, макеты и подрамники. Когда он умрет, дядя Хулиан собирается стать моим вторым отцом; он заставит меня поступить на архитектуру. Они уже обо всем договорились, я как-то подслушивал их в коридоре. Они говорят обо мне так, будто я их проект...

Сауль внимательно слушал. История была ему знакома: нечто подобное когда-то происходило и в его жизни.

— Видишь ли, Хосе Хавьер...

— Хота. Хосе Хавьер — мой отец, а я Хота, только первая буква от имени. Остальное я должен еще заслужить, понимаешь?

— Конечно, Хота. Ты молодец, — заметил Сауль. Он сочувствовал мальчику, которым некогда был сам: отец-абыюзер, будущее, небрежно начерченное чужими руками, ужасный комплекс из-за то, что ничего не добился в жизни... — Моя сестра заведует отделением эндокринологии в больнице Вальдесилья в Сантандере. У нее есть контакты, как у нас, так и за рубежом. Она разъезжает по всяким международным конгрессам и узнаёт все самое свежее, в том числе и в области онкологии. Можно сделать вот что: если твоей семье нужно мнение еще одного специалиста, я могу подергать за нужные нити, и твоего отца осмотрят лучшие врачи. Достать бы деньги...

— Не, бабок точно не надо, — отрезал Хота. Он терпеть не мог говорить о деньгах. Все знали, что семья у него небедная, хотя ему казалось, что это не его привилегия. — Поговорю об этом с мамой и дядей. Большое спасибо, Сауль. За поддержку и все такое. Мы только что познакомились, а ты...

— Мне предстоит заботиться о вас три недели. Что угодно, Хота. Что угодно. Если ты не в форме, или вдруг депресняк, или в какой-то момент тебе не захочется идти в деревню и строить хижины... не воспринимай это как обязательку. Это другое. В большей степени развлечение, чем работа, понимаешь?

— Ладно. Скажи, где в этом городе телефон, а то поздно будет звонить в Чагорричу.

— Знаешь, как мы поступим? — Он протянул Хоте ключи. — Умеешь водить?

— Да, но водительские права...

— На этой дороге в такое время никого нет. Поедем в Сантильяна-дель-Мар, заодно немного развеешься. Сегодня за рулем ты, — сказал Сауль с той улыбкой, которая, как он знал, неизменно производила впечатление на его студентов. Ему не нужно было даже подмигивать: подобные ужимки он хранил для особых случаев.

Водить Хота обожал: за рулем он чувствовал, что на этот раз сам распоряжается крошечной частью своего существования, своей повседневной жизнью. На его лице мелькнула улыбка. И когда мать рассказала, как тяжело отец реагирует на процедуры, ее слова ранили его чуть меньше, чем в предыдущие месяцы. Расстояние, близость Аны Белен и дружеское участие Сауля помогали ему по-новому взглянуть на жизнь хотя бы в течение двадцати одного дня, прежде чем он вернется к своей повседневной Голгофе отцовского рака и школьного прессинга.

* * *

В этот самый момент Ребекка воспользовалась отсутствием отца, подошла к Асьеру и под каким-то глупым предлогом утащила его на кухню. И все ему рассказала.

Все.

Даже самое стыдное.

Внезапно Асьер перебил ее, не давая продолжить.

— Заткнись, — раздраженно отрезал он. — Ни слова больше. Не рассказывай мне о своей жизни, детка. Я не Ганди. Не знаю, с чего ты взяла, что я Ганди. Ничего подобного. Даже не подходи ко мне, не хочу слышать всю эту чушь.

«Гадкая шлюшка»», — подумал Асьер, выскакивая из кухни, словно на него пшикнули из баллончика.

Вскоре Ребекка тоже вышла из закопченной кухни. У нее дрожал подбородок, но она держала себя в руках, чтобы не зарыдать на глазах у людей.

Надо же так облажаться...

Уже не в первый раз.

Отныне ей было ясно как никогда: ее снова положат в больницу.
Это ее последнее лето на свободе.

9. Лакуа

18 ноября 2016 года, пятница

Через полчаса я сидел за столом для совещаний в зале заседаний штаб-квартиры в Порталь-де-Форонда. Рядом сидела Эстибалис, рядом с ней — двое не знакомых мне людей, а также доктор Гевара и Мугуруса, инспектор-криминалист. С собой у меня был планшет, чтобы быть более оперативным, если придется высказать свое мнение.

У всех оставшихся в живых после бури были мешки под глазами, изможденные и измученные лица. Я готов был поклясться, что ни один из нас не чувствовал ни малейшего желания участвовать в этом собрании. Комиссар Медина, наш начальник, человек лет шестидесяти с мощными бровями и бородой волхва, вошел в зал, торжественно протянул каждому из нас руку и выразил соболезнования.

Следом за ним незаметно вошла Альба Диас де Сальватьерра. На ней было черное пальто, скрывавшее фигуру; волосы собраны на затылке, лицо серьезнее, чем обычно. От меня не ускользнуло, с каким облегчением она в течение секунды рассматривала меня, словно желая убедиться в том, что я цел и невредим. Это подхлестнуло мою самооценку. Я был признателен ей за это искреннее беспокойство.

— Во-первых, — начал комиссар с задумчивым видом, — я восхищаюсь профессионализмом, целеустремленностью и человеческими качествами, которые вы продемонстрировали вчера в экстремальной ситуации, когда на карту была поставлена сама ваша жизнь. Мы гордимся тем, что вы являетесь частью нашего коллектива. Во-вторых, все мы крайне опечалены потерей нашего сотрудника Андони Куэсты. Завтра на кладбище Сальвадор состоится прощание с телом, но вдова предпочитает похороны в кругу семьи, и нам остается лишь с пониманием отнестись к ее желанию. Я знаю, что вы устали, и это внеплановая встреча, поэтому не стану задерживать вас дольше необходимого. Итак, уступаю место заместителю комиссара Сальватьерре.

— Я очень благодарна вам за то, что пришли на это собрание после того, что вам пришлось пережить, — сказала Альба вместо приветствия. — Признаться, я тоже не спала всю ночь, ожидая вестей

о вашем спасении. Учитывая крайне неблагоприятные обстоятельства, с которыми мы столкнулись при расследовании этого убийства, а также ущерб, нанесенный стихией всему нашему подразделению, нам придется задействовать все ресурсы, чтобы раскрыть это дело. Также сообщаю вам, что судья Олано объявил следствие строго секретным, так что вся информация, которая к нам поступает, является конфиденциальной. На данный момент у нас в запасе месяц; если расследование к этому времени не закончится — а я надеюсь, что такого не случится, — мы попросим его продлить этот приказ. Мы не хотим, чтобы пресса играла определяющую роль, как в прошлом деле о серийных убийствах. Мы должны любыми силами избежать коллективного психоза, который переживал наш город в последнее время. И, конечно, если это начало серии, мы не имеем права допустить, чтобы преступник оставался на свободе. Думаю, все вы понимаете, как давит на нас Совет безопасности, чтобы мы как можно скорее нашли виновника и чтобы прискорбная ситуация, сложившаяся в Витории, более не повторялась. Короче говоря, время пошло.

Альба сделала паузу, чтобы мы лучше осознали сказанное. Никто из нас не произнес ни слова.

— Наши товарищи из Департамента связи будут крайне осторожно обращаться с данными, передаваемыми СМИ. Относительно вчерашнего прессы известно лишь то, что на алавесской стороне перевала Аискорри-Арац найдена погибшая альпинистка и что сотрудник полицейского участка скончался во время выполнения своей работы. Мы не будем указывать ни имена, ни инициалы, никаких данных о том, что он принадлежал к подразделению экспертизы. Представим это дело как несчастный случай в горах. Мы знаем, что это несправедливо по отношению к работе, которую выполнял при жизни Андони Куэста, но его вдова согласилась с нашей политикой предельной осторожности. А сейчас инспектор Гауна, присутствующая при визуальном осмотре, расскажет, что мы имеем на сегодняшний день.

— Спасибо, — сказала Эстибалис, откинув рыжую челку. Я никогда раньше не видел у нее под глазами таких темных кругов. — Итак, всем добрый день. Если возражений нет, я перейду к делу. Установлена личность жертвы: Ана Белен Лианьо, тридцать девять лет, уроженка Витории, незамужем; беременна на сроке около пяти

месяцев, однако точные данные покажет вскрытие. Художница-комиксистка, известная в узких кругах или же практически неизвестная, это зависит от точки зрения. Мы предупредили семью; в живых у нее только мать, братьев и сестер нет. Кроме того, у нас имеются данные, которые могут иметь решающее значение для расследования: она была той самой виторианкой, которой достался приз «Бонолото»: три миллиона евро.

— Да неужели... — не выдержала доктор Гевара, затем кашлянула и сделала невозмутимое лицо.

— Именно так, — подтвердила Эсти. — Наш коллега Андони Куэста должен был уведомить нас об этом во время визуального осмотра, когда проводил инвентаризацию бумажника, найденного в нескольких сантиметрах от трупа. К счастью, он тщательно спрятал бумажник; это один из немногих предметов, которые удалось спасти. Мы знаем, что жертва положила деньги в банк и получила квитанцию, которая не была украдена и лежала в бумажнике.

Мы оцепенели, изумленно глядя на квитанцию, как на золотой билет с шоколадной фабрики Вилли Вонки^[9]. Аннабель — и три миллиона евро...

Две несовместимые реалии, две прямые, которые не пересекаются.

Ана, ни во что не ставившая материальное благополучие, — что собиралась она сделать с тремя миллионами евро?

— Это более чем возможный мотив для убийства, — пробормотала Альба, высказав то, о чем думал каждый из нас. — Надо срочно исследовать ее окружение, выяснить, имелись ли у нее долги, не было ли рядом кого-то с серьезными экономическими проблемами... Словом, вы знаете, в каком направлении искать.

— Что-нибудь известно о котле, инспектор Мугуруса? — спросила Альба.

— Спасатели нашли его довольно далеко от туннеля, — ответил инспектор, поправляя темные очки. — Он в плачевном состоянии: град оставил на нем следы, которые еще предстоит оценить реставраторам музея. Понятное дело, все нужные нам следы исчезли, поэтому мы не знаем, оставили ли их те двое горцев или это отпечатки убийцы. То же самое касается следов автомобилей, которые мы собирались

обработать: буря все уничтожила. Похоже, мы ищем самого удачливого убийцу в мире, если можно так выразиться.

— Что-нибудь еще? — настаивала Альба.

Меня поразило ее лицо, когда я вытащил отчет с археологическими данными, предоставленными Тасио о Кабарсенском котле, и протянул ей. На нем читалось не только удивление, но и уважение, и даже восхищение — именно то, что я, по моему мнению, утратил в ее глазах.

Затем Альба прочитала отчет вслух, а остальные внимательно слушали. В другое время рассуждения о кельтских обрядах заставили бы нас вытаращить глаза, но после недавнего дела с эгускилорами, тисовым ядом и дольменами женщина, подвешенная на дереве и частично погруженная в бронзовый кельтский котел, не казалась нам чем-то из ряда вон выходящим.

— Спешу также сообщить вам, что инспектор Айяла, которому все мы желаем скорейшего выздоровления после ранения, — продолжала моя начальница, — возможно, будет вести вместе с нами это расследование в качестве эксперта по профайлингу убийцы. На данный момент перед нами только одно убийство, но, учитывая его особенности, инспектор Гауна займется поиском подобных преступлений в прошлом — как в нашей провинции, так и повсюду, где кельтская или кельто-иберийская культура имела хоть какое-то влияние.

«Она сказала «возможно», — разочарованно подумал я. — Разве я еще не увяз в этом деле с головой?»

Я посмотрел на Альбу, требуя объяснений, но, не обратив на меня внимания, она продолжала:

— Учитывая приоритетность этого расследования в общей повестке, мы с комиссаром решили расширить отдел уголовного розыска, так что я хочу официально представить вам заместителя инспектора Ману Пенья и первого агента Милан Мартинес. Заместитель инспектора прибыл к нам из полицейского участка Сан-Себастьяна, где он также работал в угрозыске, поэтому в наших делах не новичок. Милан до сегодняшнего дня работала в Центральном отделе преступности в области информационных технологий. Она сама попросилась сотрудничать с нашим подразделением, и мне кажется, что это пойдет нам на пользу, учитывая, что во всех

уголовных расследованиях мы в конечном итоге обращаемся к интернету. Надеюсь, теперь мы станем оперативнее.

Пенья приветствовал собравшихся легким кивком головы. Он производил впечатление человека неробкого, умного и опытного. У него были очень светлые, при этом состриженные чуть ли не под ноль волосы, длиннющие прямые бакенбарды, доходившие почти до рта, и очень светлые, лишенные ресниц глаза; Эстибалис наверняка сказала бы, что он привлекателен. Возраст — около тридцати. Я заметил, что у него слегка дрожит правая рука; может быть, он нервничал, а может, давал о себе знать какой-нибудь необычный для его возраста диагноз. На нем была черная джинсовая куртка и полосатая матросская тельняшка, папахивающие табаком. Ману мне сразу понравился. Он выглядел опытным парнем; такое подкрепление нам бы очень пригодилось.

Что касается Милан, ее габариты, признаться, сбивали с толку. Она была одной из самых крупных женщин, которых я когда-либо видел. Трудно сказать, каков был ее рост, метр восемьдесят или что-то в этом роде; к тому же она была крепкая, несколько мужиковатая. Не слишком ухоженные каштановые волосы, не то прямые, не то чуть вьющиеся, возвышались над черепом сплошной массой. Она немного горбилась, выставив вперед плечи, однако через пару десятков лет эта едва наметившаяся сутулость грозила превратиться в настоящий горб. Я представил себе ее непростую жизнь и понял, что человек она замкнутый и недоверчивый. К счастью, люди, подобные Милан, вместо того чтобы наносить ответные удары, предпочитают шагать по светлой стороне жизни и наказывать злодеев исключительно во время рабочего дня. Милан кого-то мне напоминала, но я так и не нашел источник этого смутного чувства.

Она поздоровалась, откашлялась и забила обратно в свой угол, как испуганная улитка. Я улыбнулся ей, чтобы как-то приободрить. Первые собрания в новом подразделении даются новичкам непросто.

Итак, целая команда из трех человек. Со мной нас будет четверо, если заместитель комиссара позволит мне вернуться в строй. Отличное начало: больше сотрудников, больше энергии, больше времени, чтобы нам с Эстибалис поменьше заниматься бюрократией и сосредоточиться на главном.

— Инспектор Гауна, вы за главного. Передаю вам слово.

— Милан, Пенья, рада, что вы с нами. Вы нам очень поможете. Я хочу, чтобы вы поговорили с окружением Аны Белен Лианьо, с матерью, друзьями, близкими, коллегами по работе. Самое главное на текущий момент — выяснить, кто отец ребенка, которого она вынашивала. Имелся ли у нее парень или стабильный партнер, жила ли она с кем-то... Важно определить, был ли это желанный ребенок, не спровоцировал ли он своим появлением какой-то конфликт... Отмечайте все, что покажется странным. Милан, поскольку мы не нашли ее мобильный телефон, сейчас шерстите социальные сети. У нее были аккаунты в «Фейсбуке», «Инстаграме», «Твиттере» и так далее, она делилась с подписчиками своими работами и эскизами, а заодно загружала личные фотографии. Ищите, не было ли у нее какого-нибудь дежурного «тролля», особо упорного хейтера или чокнутого поклонника. Что касается мобильного телефона, найдите номер и свяжитесь с ее оператором, чтобы тот предоставил нам доступ к сетевым службам. Составьте мне список всех ее последних звонков и местоположений... Короче, копайте все, что только можно.

Эсти на мгновение осеклась, заметив, что Милан что-то быстро записывает на кричаще-розовом стикере.

— У вас там все поместится?

— Постараюсь, — ответила она, и лицо ее мигом приобрело оттенок стикера.

— В следующий раз захватите блокнот, это более практично, — посоветовала Эсти, не слишком жестко, не слишком мягко.

— Стикеры мне больше подходят, — пробормотала Милан себе под нос. — Я могу засунуть их в любой карман, места они не занимают. Не волнуйтесь, шеф, я ничего не потеряю.

— Как хотите, — не очень убежденно продолжала Эстибалис. — Итак, продолжаем. Мы обратимся к судье, чтобы тот разрешил нам запросить ее данные в банке, куда она депонировала три миллиона евро. Как эксперт по виктимологии, я определила бы три рабочие гипотезы. Первая: ее убили из-за беременности и возможного конфликта, который эта беременность породила в ее окружении. Второе: убийство было совершено из-за денег. Третье — и не дай бог, чтобы эта гипотеза оказалась основной: перед нами кельтский ритуал, о чем свидетельствует способ убийства и вся атрибутика. Подвесить женщину вниз головой, частично погрузив в котел, которому почти три

тысячи лет... К тому же убита она была в очень неудобном месте: на горном перевале, где проходит граница между двумя провинциями, в туннеле, который с доисторических времен служил дорогой.

Я воспользовался минутой, чтобы позаимствовать у Милан один из ее розовых стикеров, и быстро написал записку Эстибалис. Та прочитала ее и кивнула.

— По совету инспектора Айялы, я также считаю необходимым, чтобы вы отследили всю творческую деятельность Аны Белен Лианьо, или Аннабель Ли, как она обычно подписывала свои комиксы. Возможно, дома у жертвы имеются экземпляры опубликованных комиксов. Допросите ее мать или партнера, если таковой имеется. Если никого не найдете, узнайте, в каких издательствах она издавалась, и свяжитесь с редакторами. Как только комиксы окажутся у вас, проверьте их на предмет каких-либо символов, которые мы видели на месте преступления: кельты, котлы, повешенные, беременные...

— А что насчет горцев, которые ее нашли? — вмешалась заместитель комиссара.

Я как раз собирался написать Эстибалис тот же вопрос, но Альба оказалась первой. Из головы у меня не выходила троица в капюшонах, о которой рассказывал Тасио.

— Они дали свидетельские показания, вот отчет, — ответила Эсти, раздавая листы присутствующим. — Краткое резюме: Хосе Мари Гармендиа-отец и Хосе Мари Гармендиа-сын, пятидесяти и восемнадцати лет от роду соответственно. Жители Арай, соседней деревни, откуда обычно начинается подъем к туннелю Сан-Адриан по алавесской дороге. У отца есть небольшая кузница, где до сих пор все делается по традициям дедушек, которые, по его словам, работали на ныне заброшенном сталелитейном заводе в Аджурии. Дела явно идут так себе — он уволил всех работников и не может позволить себе оплачивать услуги даже собственного сына. Судя по данным в отчете, юноша числится безработным и не имеет права на получение пособия по увольнению. Хосе Мари-отец говорит, что потому они и отправились в четверг в горы — он хотел подбодрить сына, в мастерской все равно работы не было. Он утверждает, что перед входом в туннель они увидели тело, висящее на дереве — оно раскачивалось из стороны в сторону, скорее всего, под воздействием

ветра, — и сразу побежали к нему. И тут заметили, что голова опущена в котел.

— Он так и сказал — «котел»? — спросил Пенья.

— Да, здесь с самого начала значит слово «котел», — ответила Эстибалис, пожав плечами. — Не кастрюля, не сковородка, не какая-то другая посуда. По-моему, это нормально — у него своя кузница, и уж он-то способен отличить котел от кастрюли.

— Мы можем увидеть на фотографии, как именно стоял этот котел? — настаивал Пенья, протягивая дрожащую руку к центру стола.

— Да, к счастью, мы сумели спасти фототехнику, но я с самого начала присутствовал при осмотре, и вы можете задавать мне любые вопросы, — вмешался Мугуруса.

— У котла выпуклое дно, и поставить его на землю невозможно; так что кто-то должен был его придерживать, пока голову погружали в воду. Она же наверняка отбивалась.

— Да, она сопротивлялась, — подтвердила эксперт-криминалист. — На теле имеются синяки, указывающие на то, что она билась головой и извивалась, пока была жива. Вскрытие я проведу сразу после нашей встречи, однако и на глаз можно установить, что повреждения соответствуют размерам котла.

— Вот, — сказала Эстибалис, листая отчет, и прочитала вслух: — «Свидетель утверждает, что котел стоял в центре небольшой груды камней, которые кто-то сложил вокруг этого предмета, чтобы придать ему устойчивость».

— А где эта куча камней на фотографиях? — спросил Пенья, передавая нам панорамные снимки и фото со среднего расстояния. — Я ее не вижу. Кто-нибудь видит?

— Когда мы прибыли, котел лежал на земле в нескольких метрах поодаль; свидетели сказали, что они убрали его, чтобы оказать помощь девушке, воду вылили, отбросили котел в сторону и больше к нему не прикасались. Думаю, камни рассыпались, когда они пытались спасти жертву и определить, жива ли она. Похоже, именно камни удерживали котел вертикально, если они там вообще были.

— Итак, что у нас есть на текущий момент, инспектор Гауна? — спросила Альба.

— У нас есть отец и сын, в отличной физической форме и с финансовыми проблемами, утверждающие, что нашли жертву

мертвой, и куча отпечатков на котле, послужившем орудием убийства, восстановить которые невозможно. Нам предстоит найти отца ребенка, которого она вынашивала. А еще у нас есть беременная художница-комиксистка с тремя миллионами евро.

«Думаю, для начала неплохо», — подумал я.

— А что, если отец и сын устроили вечеринку с участием Аны Белен Лианьо, и что-то пошло не так? — спросил Пенья.

— Это вопрос к нашему профайлеру, — ответила Эстибалис.

Остальные коллеги пока не знали, что я знаком с Аннабель Ли, а моя напарница по-прежнему меня прикрывала.

— Инспектор Айяла, что вы на это скажете? — посмотрела на меня Альба.

Я написал на планшете и показал собравшимся:

«Насколько я могу судить, исключить этого нельзя. Но в этом сценарии нет ничего сексуального. Помимо прочего, жертва одета в спортивную одежду, на ногах у нее горные ботинки. Мы можем предположить, что ее не похищали, по крайней мере, не привезли из Витории: она изначально находилась в горах или где-то поблизости. Это не имеет ничего общего с обычными сценами оргий, когда в играх с кислородной депривацией используют пластиковые пакеты. Погружение головы в старинный котел и подвешивание жертвы за ноги не имеет выраженного сексуального мотива. Это слишком трудоемко для исполнения. Не думаю, что это рабочая версия. Что скажете, заместитель комиссара?»

— Пока ничего, инспектор, — пробормотала Альба.

Я написал еще один вопрос и передал его Эстибалис.

— Так, еще кое-что, — сказала моя напарница и обратилась к начальнику экспертизы: — Мугуруса, а вы не помните, были ли горцы в толстовках или куртках с капюшоном?

Пенья удивленно посмотрел на нас обоих.

— Ну да, оба были в куртках с капюшонами, вроде той, которую мы нашли в нескольких метрах от трупа и которая, по всем признакам, принадлежала девушке. А что, есть разница, были ли все трое в капюшонах или нет?

«Боюсь, это очень важно, если мы возьмем за основу гипотезу кельтского ритуала: например, все трое участвовали в проведении

водного обряда Матр», — написал я на планшете и снова показал присутствующим.

Мы с Эстибалис с беспокойством переглянулись, после чего она сказала:

— Думаю, съезжу-ка я в Арайю, допрошу горцев. Возможно, о своих взаимоотношениях с Аной Белен Лианьо и Кабарсенским котлом они рассказали нам не все.

10. Сквер у стены

18 ноября 2016 года, пятница

Как только встреча закончилась, Эстибалис отправилась в Арайю, намереваясь как можно скорее взять показания у отца и сына Хосе Мари. Допрашивать их в Лакуа было бы излишне, но опросить на месте стоило. Что-то не складывалось в этой внезапной встрече горцев с телом девушки и котлом.

Мне тоже хотелось поехать с Эсти, однако пришлось остаться: моя афазия только помешала бы в получении информации. Через несколько минут коллеги исчезли, зал заседаний опустел, остались только мы с заместителем комиссара Сальватьерра.

Альба закрыла дверь за Пеньей и Милан и попросила меня не вставать со своего места.

— Сидите, инспектор Айяла.

«Как вам угодно», — кивнул я.

— Ваша напарница, инспектор Гауна, — начала она, — хочет, чтобы вы сотрудничали с нами в текущем расследовании в качестве эксперта. Что и говорить, если я решу удовлетворить ее просьбу, мне придется дать множество объяснений начальству. Мы с ней прекрасно понимаем, что вы не способны работать так, как привыкли. Не можете проводить допросы, брать показания свидетелей; куда бы ни отправились, из-за своей афазии вы будете привлекать к себе слишком много внимания, а в уголовном расследовании — и вы это знаете не хуже меня — жизненно важно оставаться незамеченным, а тем более в этом деле, где решающее значение имеет тайна следствия. Короче говоря, у меня есть большое искушение отправить вас домой или в вашу деревню и пожелать вам скорейшего выздоровления.

«Я хочу заняться этим делом. Я действительно могу быть полезен», — написал я на экране.

— Если б вы хотели вернуться к работе, то начали бы речевую реабилитацию еще несколько месяцев назад. Занявшись ею вовремя, сейчас вы были бы практически в форме. Однако все продолжается так же, как в тот день, когда вы очнулись от комы.

Я сжал челюсти: Альба была мною недовольна, и я ее понимал. Я требовал, чтобы она просила за меня комиссара Медину, а сам палец о палец не ударил.

Но дело Аннабель Ли было слишком личным, чтобы оставаться в стороне, позволив другим расследовать его. Мне даже не приходила в голову такая возможность. Я знал жертву, имел представление о том, что у нее в голове и насколько все это важно, чтобы поймать и посадить в тюрьму того, кто подвесил ее за ноги и сунул головой в котел.

Помощник комиссара повернулась и уставилась в окно на машины, проезжающие мимо Порталь-де-Форонда. День подходил к концу, а терпения моего оставалось и того меньше: еще секунда, и я был готов закричать.

«Ты злишься из-за вчерашнего, понимаю, — написал я. — Но расследование не имеет ничего общего с нашей ситуацией, и я бы не хотел, чтобы личное хоть как-то повлияло на работу». — Я протянул ей планшет, чтобы она прочитала написанное.

— Хотя как-то повлияло... — прошептала Альба, не глядя на меня. — Мой дорогой Унаи, неужели ты правда не понимаешь, что «наша ситуация» очень даже повлияет на мою работу? Через пару месяцев беременность станет заметна, несмотря на просторную одежду. Мое начальство, мои коллеги и подчиненные прикинут и решат, что я беременна от серийного убийцы. Это в лучшем случае. А в худшем сделают вывод, что мы были вместе и что я закрутила интрижку с одним из инспекторов, с подчиненным, будучи при этом замужем. Ты хоть представляешь, что мне придется пережить во время беременности? И надеешься, что это не повлияет на нашу работу?

Она печально вздохнула — в ней чувствовалась беспомощность.

— Не знаю, в каком воздушном пузыре ты живешь, Унаи. Эта беременность поставит на мне клеймо — и на работе, и на жизни... Тем не менее я приняла решение и вернулась к работе, несмотря на то, что должно произойти. И да, еще раз готова повторить: я считаю, что должна была сказать тебе правду. Но я не хочу, чтобы ты думал, что я что-то от тебя жду, потому что это не так. Что касается расследования, то я готова за тебя поручиться, но взамен ты начнешь занятия с логопедом. Невролог прописал тебе ежедневную часовую сессию, пять дней в неделю. Я хочу, чтобы ты соблюдал все ее рекомендации и не

увиливал. Просто позор, что мы теряем такого специалиста, как ты. Запомни, это мое условие.

Я сглотнул слюну: несмотря на сложные обстоятельства, Альба все еще беспокоилась обо мне. Передо мной стояла женщина, и я чувствовал себя гораздо более инфантильным и незрелым, потерянным в моей личной трагедии. В который раз я восхитился стоицизмом, с которым она воспринимала череду бедствий, обрушившихся на нее за последние несколько месяцев.

Для окружающих ее беременность — не более чем смачные сплетни. Однако для нее все это будет выглядеть иначе, ей придется терпеть взгляды, полные злорадства и подозрений, а потом воспитывать ребенка, отцом которого все будут считать психопата... или же меня, ее подчиненного.

«Обещаю вам, заместитель комиссара, что в понедельник отправлюсь на первое занятие с логопедом; я уже записался на прием. И еще, Альба: в первую очередь это ради ребенка, чей бы он ни был, мой или Нанчо. Главное — ради ребенка», — написал я.

Я поблагодарил ее взглядом и вышел из зала, смущенный тем, что последние несколько месяцев плохо справляюсь с обстоятельствами.

* * *

Через час мне позвонила Эстибалис. К этому времени я уже вернулся домой и лежал на диване, пытаюсь восстановить в памяти события прошлой бессонной ночи и хоть немного расслабиться.

— Кракен, я все еще в Арахе. Говорила с Хосе Мари, отцом и сыном. Осталось проверить еще кое-что, но копать здесь нечего, — пробормотала она.

Я уловил в ее голосе оттенок разочарования. Сделал усилие и замычал в трубку, чтобы заставить ее сказать что-то еще.

— У них есть алиби, и вполне надежное. В мастерской установлена внутренняя камера наблюдения — видимо, мелкие кражи у них там в порядке вещей. Отец пришел на работу в семь утра, сын в половине восьмого принес ему завтрак. По нашим сведениям при отсутствии данных вскрытия, — убийца Аны Белен Лианьо как раз в это время явился в туннель Сан-Адриан, подвесил ее и утопил. Это не

могли быть отец и сын. Они постоянно были вместе, я просмотрела запись на быстрой перемотке. Они не выходили из мастерской, пока не отправились в горы.

Я молчал с мобильником в руке; она ждала моих вопросов.

— Мне нужно проверить некоторые детали, но запись не оставляет сомнений: видна темнота во дворе и уличные фонари, которые рано утром были еще включены. Это не они, Унаи. Мы не можем просить у судьи ордер на арест, у нас ничего на них нет, если только вскрытие не покажет что-нибудь новое.

Я бросил ей на прощание что-то вроде «ага», и Эстибалис повесила трубку.

Что ж, на текущий момент этих Хосе Мари придется исключить. Если только они не обладают даром телепортации. Первый тупик на пути нашего расследования: нужно отступить и копать в других направлениях.

Но было другое дело, более личное — а заодно и более кровоточащее, — которое требовало моих усилий и не могло больше ждать.

Я должен был им заняться.

Я знал, что должен сообщить им эту новость, несмотря на секретность дела. Поэтому отправил сообщение по «Ватсапу» всем троим.

Ребята уже договорились встретиться в десять вечера в «Альдапе», чтобы выпить карахилью с ромом, но я туда не собирался: во-первых, не было сил, во-вторых, я предвидел, что выходные будут сложными.

Но я должен был их предупредить — я знал это с тех пор, как Эстибалис в четверг в полдень сообщила мне об убийстве. Может быть, кто-то из них что-то знал о ней, может быть, даже после стольких лет они все еще как-то общались...

Я никогда про это не спрашивал — она была одним из тех табу, которые существуют во многих тусовках, — и, благодаря тому, что не называл ее имени, я свыкся с мыслью, что последние двадцать четыре года ее нога не ступала по улицам Витории. Несколько раз я встречал ее на улице, но всегда проходил мимо, опустив глаза. Таково было обещание, данное ей когда-то, и я его выполнял.

Было уже больше семи, когда мы собрались под уличным фонарем небольшого скверика в Старом городе, позади решетки, продолжавшей средневековую стену. Народу в этом месте обычно было мало, и деревья обеспечивали некоторую интимность. Я сидел на скамейке, ребята потихоньку подтягивались.

В Витории было уже темно, и только кошки преследовали какие-то тени по винтовой лестнице, ведущей к подсвеченной постройке бывшего элеватора девятнадцатого века.

Асьер явился первым. Вид у него был мрачный; возможно, ему пришлось покинуть свою аптеку, не дожидаясь закрытия. В последнее время он только и думал, что о своем бизнесе. Он был не только владельцем одной из старейших аптек в Витории на улице Сан-Франциско, доставшейся ему после того, как предыдущий владелец вышел на пенсию, но и открыл второе заведение в новом районе Сальбуруа, однако все мы знали, что дела там идут неважно. Помощники аптекаря менялись как перчатки, и, хотя мы этого не обсуждали, сарафанное радио донесло, что со своей женой Арасели Асьер также переживал не лучшие времена. Меня это огорчало — Ара была классной девчонкой, к тому же сразу же вошла в нашу команду.

Добряк Хота прибыл, как всегда, немного поддатый. Пятницы Хоты всегда начинались раньше наших, и, когда мы наконец встречались, в его венах уже струилась пара литров алкоголя.

— Здорово! — воскликнул он.

Быть может, ему было неловко за свое плачевное состояние: подол рубашки, выглядывающий из-под наспех подобранного джемпера, он попытался заправить в поношенные брюки, а четыре светлых волосинки, оставшихся на макушке, тщательно приглаживал, в очередной раз напомнив себе, что пора бы сходить к парикмахеру.

Лучо пришел последним. На голове у него был капюшон, защищавший лысину от сырого и промозглого виторианского вечера, выдавшегося в ту пятницу. Мне он показался еще более исхудавшим и измученным — наверняка, как обычно, протаптывал очередные маршруты для горного туризма, к тому же нервная работа съедала его живьем. Новая должность заместителя директора «Диарио Алавес» требовала его без остатка. Заветное повышение Лучо получил после дела о двойных убийствах и с тех пор узнал на собственной шкуре, что

значит управлять газетой; мы нечасто видели его скудные волосы, росшие на подбородке.

— В чем дело, Кракен? Или это секрет? — Лучо ринулся в бой, последний раз затянувшись сигаретой.

Я похлопал по скамейке, приглашая его сесть: нам предстоял не просто разговор, и было не совсем ясно, с чего начать.

— Давай же, Унаи, — сказал Хота, присаживаясь рядом со мной.

Я поманил Асьера, чтобы он тоже увидел, что я пишу в мобильном телефоне.

Новый способ общения, на который я был обречен после выстрела Нанчо, заставлял меня быть лаконичным и не растекаться мыслью по древу. Людям не хватало терпения читать длинные послания, а у меня не было терпения их писать, поэтому я сразу перешел к делу.

«Кто-нибудь из вас видел Ану Белен Лианьо в последнее время?» — написал я.

Все прочитали — и каждый поморщился, словно лизнул лимон.

— Черт побери, Кракен! — с досадой воскликнул Лучо. — Ты до сих пор не выкинул эту телку из головы? Пора бы уже забыть ее, разве нет?

«Это не то, что ты думаешь, — ответил я. — Повторяю вопрос: кто-нибудь общался с Аннабель Ли в последнее время? Вы что-нибудь о ней знаете?»

— Куда там, — протянул Хота, почесывая трехдневную щетину. — Она быстро потеряла ко мне интерес, и в Витории поначалу едва со мной здоровалась, после... После всего того. Я потерял ее из виду много веков назад. Что она выкинула на этот раз?

Я проигнорировал его вопрос.

«Асьер, а ты что-нибудь скажешь?»

— Мы не входили в ее круг общения, ты же знаешь, Унаи. Для меня эта баба давно мертва. И разговор этот мне не интересен, — ответил он. Я мог бы добавить, что ответил холодно, но Асьер всегда был холоден и прагматичен.

Трудно было уловить хоть что-то человеческое в этом угловатом жестком человеке. Крючковатый нос, тонкие, мышиного цвета волосы, манера одеваться — официальный синий костюм, неизменный галстук — все это мало способствовало проявлениям участия и теплоты.

Любопытно, что он занимался продажей лекарств, чтобы облегчить страдания людей, поскольку создавалось впечатление, что чужие страдания не попадают в эмоциональный спектр моего друга Асьера.

«Лучо, ты не ответил на мой вопрос», — я повернул экран.

— Видел ее пару дней назад, да. В начале недели. Что происходит, Кракен? — спросил он немного слишком энергично.

«Она рассказала тебе что-нибудь новенькое? Призналась, есть ли у нее парень? Что-нибудь привлекло твое внимание?»

— Говорила, что сдает очередной комикс. Была довольна, прямо сияла вся, что выглядело довольно странно... — ответил он и закашлялся. — Я имею в виду, что помнил ее замкнутой и молчаливой.

«Она тебе не сказала, что беременна? А может, ты сам что-то заметил?»

— Хм... — Он пожал плечами. — На ней был черный застегнутый пуховик, и ничего такого я не заметил.

— Может, хватит? Мы же не для этого собрались, — раздраженно перебил его Асьер. — Я согласен с Лучо. Унаи, выброси ты ее из головы, чувак, у тебя уже волосы растут на...

«Итак, это тайна следствия, — прервал я его. — Все то, что я вам сейчас расскажу, должно остаться между нами. Лучо, у того, что я пишу, есть свидетели, но пусть это останется в моем телефоне. Ты понимаешь, что в твою газету тоже не должно ничего просочиться?»

— Черт, Унаи, за кого ты меня принимаешь?

— Так что, блин, произошло? — нервно заерзал Хота.

«Аннабель Ли убита. И она была беременна. Большие я ничего не могу вам сказать. Я знаю, что у всех нас она была первая. Не знаю, хотите ли вы пойти на похороны; они будут в воскресенье. В любом случае вы имеете право все знать, и я чувствовал бы себя скверно, если б не сказал вам. Официально я пока на больничном, но буду принимать участие в расследовании. Ничего не говорите остальным», — набрал я и подождал, пока они прочитают.

Мои друзья побелели.

11. Кладбище Санта-Исабель

20 ноября 2016 года, воскресенье

Рассвет воскресенья выдался премерзким: воздух был неподвижен, словно у него перехватило дыхание. За ночь температура упала почти до пятнадцати градусов. Утреннее сияние застало меня в постели в Вильяверде, и одного одеяла явно не хватало.

Я надел костюм для похорон, который хранился в Вильяверде, — в первую очередь, потому что с практической точки зрения всех моих мертвецов хоронили на крошечном кладбище в двухстах метрах от того места, где я спал. Преимущества жизни в маленьком городке: мы, Лопес-де-Айяла, оставались рядом друг с другом даже после визита старухи с косой.

Будить деда, который в это время еще спал, мне не хотелось, поэтому я поднялся наверх осторожно, чтобы старые деревянные ступеньки не скрипели у меня под ногами.

Оказавшись на чердаке, вздохнул: я не возвращался туда с тех пор, как закончил дело о двойном убийстве в дольмене, и дедушке самому пришлось убирать старые фотографии и газетные вырезки, которые я когда-то разложил на шатком столе для пинг-понга. Все это дедушка спрятал обратно, пока я был в коме; остались только подписанные коробки, где хранились кусочки моего прошлого.

Я неохотно подошел к стоявшим в углу коробкам, уворачиваясь от лисьих шкур, которые дед повесил когда-то на крючках, приделанных к деревянным потолочным балкам. Вздохнул и заставил себя отыскать нужные мне коробки с надписью: «Кантабрия, Кабесон-де-ла-Саль, 1992». Стоит их открыть, и смерть Аннабель Ли сделается более реальной. В этих ящиках хранилась память о лете, которое должно было стать незабываемым по одним причинам, а стало таковым совершенно по другим, болезненным и темным.

Что касается тьмы и ее королевы — под фотографиями, где у Лучо все еще растут на голове волосы, Хота — чистенький и не нюхавший алкоголя мальчик, а в Асьере лишь намечается его будущий колючий и сухой нрав, — я нашел рисунок ин-квартио^[10], подписанный покойной Аннабель Ли. На нем изображались двое любовников, лежащие на

могиле перед скалами Арнии в Кантабрии. Девушка, нарисованная китайской тушью и точь-в-точь похожая на саму Ану Белен, в объятиях крепких ручищ, на одной из которых виднелась татуировка кракена.

Когда она подарила мне этот рисунок, я пообещал, что сделаю такую же татуировку. В то время прозвище меня раздражало; меня бесил Лучо, его автор, который любил поиздеваться над моими преувеличенно длинными руками. Особенно меня задевало, когда он делал это в ее присутствии. Но Аннабель приняла мое прозвище с восторгом — все, что имело отношение к мифам, выводило ее из обычного равнодушия к внешнему миру, — и даже настояла на том, чтобы самостоятельно набить чудесного гигантского кальмара на моем бицепсе.

Я отказался.

Ей это не понравилось.

— Дед меня проклянет, если я появлюсь дома с каракатицей на руке.

— Ты все еще слушаешься своего деда? — спросила она со смесью презрения и недоверия, которую я предпочел не замечать.

— Ты бы тоже послушалась, если б знала моего дедушку, — перебил ее я и, расстроенный, прекратил разговор.

Не знаю, почему я сохранил этот рисунок. Пришло время с ним расстаться.

* * *

Я прибыл в Виторию на своем «Аутлендере» в без чего-то одиннадцать. Эстибалис сообщила, что Ану Белен хоронят на кладбище Санта-Исабель. Это было неожиданно — там покоились только представители знатных семей, которые в прошлом приобрели пантеон, и я не знал, что Ана Белен Лианьо принадлежит к одной из них. Я вспомнил стихотворение, которое она обожала, — стихотворение Эдгара Аллана По, содержащее намек на ее благородное происхождение. Возможно, у нее было больше причин, чем я думал, отождествлять себя с девочкой По.

На похороны я надел теплую куртку с капюшоном, на случай если бог погоды преподнесет нам очередной сюрприз. А вскоре встретил всю группу уголовного расследования в полном составе, стоящую у входа на старинное кладбище. Эстибалис, Пенья и Милан, одетые чуть более формально, чем обычно, мерзли от холода и не отрываясь смотрели на белое небо, грозившее первым в этом году преждевременным снегопадом.

Милан заговорила первой — было заметно, что она неловко чувствует себя без привычных джинсов — и вытащила из бокового кармана своего огромного пуховика ярко-оранжевый стикер.

— Из ее аккаунтов в социальных сетях я узнала, что она объявила о своей беременности почти два месяца назад и запостила рисунок, предположительно автопортрет: женщина с пышными волосами сидит на могиле на фоне скал и у нее явно заметен живот. Пост засыпан «лайками» и поздравлениями от поклонников. Я не обнаружила хейтеров, которым бы не понравилось это признание, — сказала она в качестве приветствия, как только я появился на горизонте.

Я поблагодарил ее взглядом и написал Эсти:

«Есть еще новости?»

— Потом расскажу, — лаконично ответила она.

— В выходные я просмотрел все работы Аннабель Ли, — принял эстафету Пенья. — В ее ранних опубликованных комиксах встречаются отсылки к кельтам и повешенным, но это точечные мазки. Я не обнаружил сюжет, который имел бы хоть малейшую связь с тем, что случилось. Ничего про беременность или обряды плодородия. У издателя... — Он кивнул на тучного мужчину лет шестидесяти, который выглядел очень подавленным, — дела идут не блестяще. Видимо, он на нее очень рассчитывал. Собирается уйти на пенсию, но не бросает книгоиздание: книги — его призвание. Это небольшое издательство, называется «Малатрама». Вряд ли оно переживет исчезновение основного источника дохода. Но если вы спросите меня, стоит ли включать издателя в список подозреваемых, я категорически отвечу, что нет. Во-первых, он добродушный малый, не способный на убийство; во-вторых, утром в четверг у него есть алиби. Его жена, тоже святая душа, подтвердила его версию и показала билеты на самолет. Они были на фестивале комиксов в Барселоне. Когда я с ним беседовал, он был крайне удручен смертью Аннабель Ли.

«Спасибо, Пенья. Очень полезные сведения», — написал я и улыбнулся.

По мешкам у него под глазами и заметно дрожащим рукам я понял, что он провел пару бессонных ночей, ломая глаза о комиксы Аннабель Ли.

Мы шагали среди кипарисов и земляничных деревьев на некотором расстоянии от скудной процессии родственников. Среди них была мать, вылитая Аннабель, только на двадцать лет старше: длинные темные волосы, прямая челка, скрывающая глаза, черные кожаные брюки и короткая куртка, на которой можно было увидеть эмблему «MC Dryades». «Дриады», — мысленно повторил я. Насколько мне было известно, мать Аннабель была президентом женского байкерского клуба.

Любопытно: Аннабель утверждала, что она — полная противоположность матери, однако то, что я видел перед собой, было ее натуральной копией. Подобный способ самообмана был ей присущ: она не любила реальность, искажала ее и перекраивала на свой лад, пока не начинала верить в плоды своего воображения и не впаривала их миру благодаря невероятной силе убеждения.

Я с удивлением заметил, что, кроме матери, на похоронах нет женщин. Было несколько мужчин моего возраста, благоразумно держащихся на заднем плане. Кем они ей приходились — друзьями, любовниками?.. Как знать. Разумеется, прессе она свою личность не раскрывала, а в социальных сетях никто ничего толком о ней не знал. Интересно, сколько времени ее фанаты будут по ней скучать?

Держась на еще более скромном третьем плане, я наблюдал, как земля заглатывает гроб Аннабель Ли под пристальным взглядом стоявших напротив сфинксов в виде крылатых львов.

Затем произошло нечто вроде романтического чуда: пошел снег, и Витория снова стала белым городом.

Тихо, как невесомые перышки, первые хлопья еще не родившейся зимы ложились на темный деревянный гроб. Ложились они и мне на плечи, и на головы присутствующих. Это не был обильный снегопад: всего лишь робкое сезонное изменение погоды. Но всех нас снег погрузил в странное состояние, как будто в своем заключительном путешествии на землю Аннабель Ли заставила нас в последний раз разделить ее готическое восприятие жизни и смерти.

Я не сразу заметил, что стою не один: слева и справа от меня пристроились Хота и Лучо. Хота, казалось, явился прямо с гаупасы^[11]. Если он и зашел домой, чтобы переодеться в костюм после ночного загула, то явно забыл принять душ, потому что от него так разлило калимочо^[12], что хоть святых выноси.

Лучо по случаю похорон оделся примерно так же, как по четвергам, когда мы ходили поесть пинчос; я даже засомневался, в качестве кого он пришел — журналиста или бывшего парня Аннабель.

Втроем, накинув на головы капюшоны, мы молча стояли перед ее телом.

«От меня унесли, положили во склеп, у моря, на крае земли»^[13], — вспомнилось мне.

Двадцать четыре года назад я дал ей обещание: «Мы с тобой больше никогда не будем разговаривать». Я выполнил его, несмотря на привкус желчи, который сейчас поднимался у меня из горла.

«Вы понимаете? — хотел я сказать своим друзьям. — Мы уже не сможем влюбиться так, как влюблялись в шестнадцать. Тогда нам казалось, что все влюбленности, которые нас ожидают, будут такими же страстными, безумными, бессонными, с лопающимися ширинками и губами, немеющими от поцелуев. Но это ошибка. Никто из нас больше на такое не способен. На такое, как было с ней, когда она лишила нас девственности, по очереди, всех четверых».

Кстати, о четвертом всаднике апокалипсиса: Асьер так и не появился.

Зато, к моему удивлению, пришла Альба, как всегда элегантная в своем длинном белом пуховике, купленном с расчетом на будущее, чтобы как можно дольше скрывать беременность. Эстибалис шепнула, что она приехала в качестве официального представителя: комиссар Медина не хочет, чтобы его видели на похоронах, боясь вызвать подозрения в том, что смерть расследуется. Альба сдержанно выразила соболезнования матери Аннабель и направилась к нашей команде, чтобы всех поприветствовать.

Я оставил друзей и подошел к ней. Я не знал, что сказать, — кладбище меня подавляло; а может, мой дискомфорт каким-то загадочным образом был связан с ангелом, украшающим пантеон Унсуэта^[14]...

— Ты видел могилу Нанчо? — прошептала она, неподвижно глядя перед собой.

Я покачал головой; я ни разу не задумывался о том, что сделали с его трупом. Я пропустил его посмертие, на десять дней погрузившись в кому, а потом не хотел о нем спрашивать.

— Игнасио, его брат, явился ко мне в больницу на другой день после его смерти... — Она вздохнула. — В первые дни Тасио был очень плох, так что обо всем позаботился его брат-близнец. Он спросил, не возьму ли я на себя ответственность за похоронные хлопоты. Я отказалась; тогда он попросил разрешения похоронить его в пантеоне, где покоились их предки по матери, Диас-де-Антоньяна. Он сказал, что они собираются эксгумировать тело матери из пантеона Унсуэта и перезахоронить в пантеоне своей семьи. Я знаю, что он похоронен под именем Венансио Урбина, но не ходила к нему. И не была на улице Мануэля Ирадиера.

Я нахмурился, не понимая значения этих слов.

— Мы с мужем жили на улице Мануэля Ирадиера, и я не могла ходить мимо нашего подъезда. Я говорила тебе, что мама приехала из Лагуардии, когда узнала о случившемся, и я попросила ее обо всем позаботиться. С тех пор у меня новая одежда, новые книги, новая квартира на улице Прадо, новое... новое будущее. Но я по-прежнему стараюсь обходить улицу Мануэля Ирадиера. Понятия не имею, откуда этим утром у меня взялись силы, чтобы прийти сюда. Полагаю, должность вынуждает нас приносить определенные жертвы.

Я собирался что-то ей ответить, но Эстибалис быстро, как белка, подошла и встала между нами.

— Доброе утро, заместитель комиссара. Думаю, ловить здесь больше нечего, — прервала она наш разговор. — Друзей мало, сплошь какие-то мужики... Когда мы пытались кого-нибудь из них разговорить, они убегали, как подростки, застуканные за мас... ну, вы поняли. Думаю, им не хочется, чтобы их здесь видели. Мать, кажется, не сильно переживает. Говорит, что они не виделись десяток лет.

— Десяток лет, — повторила Альба. — Да, она была независимой девушкой. Есть новости, Эстибалис?

— Затем и пришла... Старый случай, но настолько напоминает наш, что я обратила на него внимание. Хорошо, что ты здесь, Унаи, — хочу услышать твое мнение. Итак, я искала похожие преступления, где

жертвы — молодые одинокие беременные женщины... Заодно отслеживала способ убийства: повешение за ноги вниз головой со связанными за спиной руками, без огнестрельных или колотых ран... и чтобы тела находили в исторических местах.

— И?.. — спросил я всем своим видом.

— Есть один странный случай. В свое время он выглядел очень нетипично и так и не был раскрыт. В прессе его освещали с большой осторожностью; я нашла его, сверяя общие базы данных. Итак, в апреле девяносто третьего года в Кантабрии пропала четырнадцатилетняя девочка. Отец утверждал, что она сбежала из дома и у нее психические проблемы, да и все надеялись, что она вот-вот вернется сама или будет найдена через несколько дней. Эти фотографии некто отправил в местную газету «Периодико Кантабрико», которая не стала их публиковать и передала полиции. Из этого следует, что место называлось...

«Фонтибре», — подумал я, вспомнив это дело.

Вслух у меня получилось нечто похожее на хриплое «фойгбррре», и, клянусь, я чуть не умер от стыда: Альба и Эстибалис вздрогнули, услышав мое мычание.

— Унаи, ты заговорил! — воскликнула Эсти с таким выражением, будто выиграла счастливый билет.

Альба воздержалась от комментариев, но на секунду я увидел у нее на лице такое облегчение, что пару мгновений не сводил с нее глаз. Я не думал, что она так обрадуется.

«Пока не заговорил, Эсти. Это все, на что я способен. Но на следующей неделе пойду к логопеду», — быстро набрал я на экране и показал ей.

Смущенно покашляв, снова уставился на фотографии, которые Эсти показала на своем мобильном телефоне: тело молодой девушки, подвешенное за ноги на веревке, привязанной к толстой ветке ясеня. Голова притоплена в речной воде, руки связаны за спиной. Фотографии были сделаны под разными углами, и на одной из них ясно виднелись разноцветные ленты, которые верующие оставляли в культовом месте у источника Эбро-де-Фонтибре.

— Итак, вернемся к этой истории. Мне удалось поговорить с Пабло Ланеро — инспектором, который в свое время ее расследовал.

«Пауланер», — подумал я.

«Я его знаю», — написал я на экране.

С инспектором Пабло Ланеро я познакомился во время практики по профайлингу в полицейском участке Сантандера, и мы стали приятелями. Пауланер был не только доброжелателен и спокоен, но и умен. Его округлый животик и весь его облик монаха, любящего опрокинуть стаканчик-другой пивка, многих сбивал с толку, над ним частенько посмеивались, но он смиренно и философски воспринимал несерьезное отношение и гнул свою линию. Я очень его уважал. Поговаривали, он собирается уйти на пенсию, и я был очень рад снова что-то о нем услышать.

— Пабло Ланеро передает тебе горячий привет и эти снимки из архива. Полиция прибыла в Фонтибре и обнаружила веревку, все еще привязанную к ветке дерева, но тело так и не нашли. Кто-то его забрал. Девушка так и не появилась. Однако есть одна деталь, не упомянутая в отчете, которая при просмотре фотографий очень меня встревожила: рубашка задрана, живот девушки обнажен, и даже я вижу, что она беременна. Срок небольшой, всего несколько месяцев, но у худенькой четырнадцатилетней девочки не может быть такого живота. Что скажете?

Мы с Альбой знали о животах побольше Эстибалис, и оба сошлись во мнении, что труп на фото принадлежит беременной женщине, подвешенной за ноги, а голова ее частично утоплена в реке. Все сходится, несмотря на разницу в двадцать три года, да и провинция другая... Так или иначе, это определенный способ убийства, и, увидев труп Аннабель, я сразу заподозрил, что в биографии убийцы это не первый случай.

Не знаю, оставил ли он следы и отпечатки, которые якобы уничтожил град. Не знаю, закоренелый ли он преступник или неумеха, которого мы могли бы выследить через несколько часов, но для первого убийства ритуал был слишком сложен и тщательно продуман.

— У тебя есть еще какие-нибудь данные — имя жертвы или ее родителей? Можно их навестить, они живы? — спросила Альба.

— Девушку звали Ребекка Товар Переда. Мать ее умерла всего за пару лет до убийства, отец...

«Сауль, — сказал я про себя, сглатывая слюну. — Сауль Товар». Наш директор в Кантабрии, в Кабесон-де-ла-Саль летом 1992 года, почти за год до смерти его несчастной дочери.

12. Остров Мэн

2 июля 1992 года, четверг

Унаи вынужден был признать, что комиксы означали для Аннабель Ли дело всей жизни. Девушка нашла ветхий шахтерский фонарь, который какой-нибудь ученый-археолог забыл в окрестностях урочища, и взяла его себе.

Каждый день, около шести утра, Ана Белен Лианьо, больше похожая на Аннабель Ли, чем когда-либо прежде, укладывалась поверх своего спального мешка, разукрашенного черепами, и принималась рисовать сюжеты и персонажей в своем блокноте на пружинках.

Каждый божий день.

Она не пропускала утреннее рисование, даже если накануне вечером ужин затягивался и перетекал в вечеринку.

Унаи, который был жаворонком и просыпался до рассвета, зажмурив один глаз и приоткрыв другой, наблюдал, как лихо она орудует черными и серыми фломастерами, устроившись на своей одинокой лежанке, чуть в отдалении от компании крутых альф.

— Не могу понять, что делает в этой деревне такой человек, как ты, — прошептал он как-то раз, бесшумно вылезая из мешка и подходя к Аннабель.

— Охотится на крокодилов.

— Сейчас слишком рано, чтобы схватить на лету подобную мысль; дай подумать, очень тебя прошу.

— Мысль не моя, а Анхеля Сапаты, моего преподавателя по философии творчества. Это про то, как важно втиснуть в историю крокодила, чтобы удержать внимание читателя.

— Крокодила?

— Крокодила, да. Представь, что перед тобой картинка: какой-то человек входит в номер в отеле. Я тщательно прорисовываю занавески, комод, трехметрового крокодила, спящего на кровати, ковер, зеркало... Что ты замечаешь первым делом? О чем сейчас спросишь?

— Какого черта делает крокодил на кровати в отеле.

— Вот и я охочусь на крокодилов для моих комиксов. Это не первый археологический проект, в котором я принимаю участие.

Прошлым летом я ездила в урочище на острове Мэн. Езжу туда каждый год с мамой. У них программа, доступная стипендиатам со всего мира. Остров крошечный, находится в Ирландском море, относится к Британским островам; там до сих пор встречаются следы кельтов и викингов. Там-то я и поняла, что в древней истории можно найти целую кучу крокодилов для комиксов.

— А что ты делаешь каждый год на острове Мэн? — Унаи не подал виду, что слышит об этом острове впервые. Он все сильнее осознавал, что Аннабель, несмотря на возраст, видела в жизни куда больше, чем он.

Она нахмурилась, соображая, обозначить ли косой тенью взгляд ангела, которого изображала в блокноте.

— Видишь ли, моя мама командует байкерским клубом...

— Байкерским клубом?

— Ну там, «Харли Дэвидсон» и все такое — слышал что-нибудь о таких драндулетах?

— Я не знал, что есть байкеры-женщины.

— Женщины командуют клубами редко, но те, что выбились в командиры, — ого-го! Например, моя мать. Она практически кочевница. Я родилась в Витории, у моей мамы там квартира; там же я пошла в детский сад, где познакомилась с тобой, зато потом объехала всю Европу и Азию с ней и ее клубом. На острове Мэн вот уже сотню лет проводят одну из самых опасных гонок в мире^[15], и каждый год там собирается столько клубов, что ты и представить себе не можешь. Мы практически целиком заполняем остров шириной двадцать два километра и длиной пятьдесят два. Плюнуть некуда, мы там едва помещаемся, — равнодушно заметила она, словно повторяя заезженную шутку.

— Черт, крутая у тебя жизнь...

— Я ее ненавижу. Мне надоело быть кочевником, я хочу поселиться в Витории и больше не двигаться. Ненавижу мотоциклы, бензин, запах потертой кожи и пива...

— Ненавидишь все, что связано с матерью, — заметил неизменно разумный Унаи.

— Точно. Говорят, существует две разновидности отношений между матерями и дочерьми. Либо они похожи и принадлежат к одному и тому же типу женщин — например, классическая мама с

классической дочкой, или бунтарка с бунтаркой. Либо противоположны: классическая мать и дочь-бунтарка, или наоборот. Мы с мамой — как вода и масло.

— А твой отец? — осторожно спросил Унаи, не до конца уверенный в том, что их разговор допускает подобное нарушение личных границ.

— Мой отец... не хочу о нем говорить. Если разобраться, это всего лишь мужская особь, которая и отцом-то никогда не была, — сухо вато отрезала Аннабель. — Потому я и записалась в этот лагерь. По крайней мере, здесь платят. Хочу накопить денег, а как только достигну совершеннолетия, уйду от матери и останусь в Витории, в нашей квартире. Хочу жить на свои комиксы; для жизни не нужно много денег.

В том возрасте, когда Унаи все еще не было ясно, что выбрать — сельскохозяйственную промышленность или горную инженерию, — Аннабель устала от странствий по миру и хотела одного: отдохнуть.

Унаи побрел к своему спальному мешку, заметив, что трое его друзей перестали храпеть и навестили уши, подслушивая их негромкий разговор.

Аннабель невозмутимо сосредоточилась на рисунке — гранитном ангеле в скалах.

* * *

Распределяя обязанности в кантабрийской деревне, Сауль выделил Хоте и Аннабель круглую хижину железного века, на которой не хватало крыши, поэтому первые дни они провели в паре метров от земли чуть ли не вплотную друг к другу, чтобы не свалиться с узкой самодельной лестницы. Аннабель передавала Хоте ветки ракитника, которые он с муравьиным терпением выкладывал в виде рыбьей чешуи.

— А принеси завтра в деревню ту твою крутую фотокамеру. Можно сделать фотоподборку про то, чем мы тут занимаемся, — предложила Аннабель Ли в первое же утро на четвертом часу работы.

Ей быстро надоели утомительные и однообразные задания. В тех случаях, когда фантазии не требовалось, терпение у нее иссякало еще

раньше, чем деньги.

— Я уже сделал групповые фото на память, — отозвался Хота с вершины лестницы, не очень понимая, куда она клонит.

— Я не имею в виду фото на память. Тут полно текстуры: пучки колосьев, старинные кирпичи, дерево, грязные руки... Я имею в виду художественную фотографию.

— Я не занимаюсь художественной фотографией. Я не такой творческий человек, как ты.

— Все мы — творческие люди, и не рассуждай, как старый дед. Я научу тебя фоткать в ручном режиме, контролировать диафрагму и выдержку. Поедем как-нибудь в Сантильяна-дель-Мар, там наверняка есть сувенирные магазины с катушками ISO; купим тебе крупнозернистую черно-белую пленку. Научишься делать контрастные снимки, снимать крупным планом всякие руки-ноги, все что захочешь... Главное — научиться видеть, Хота. Каждый на это способен.

— Ну, если ты меня научишь... — Хота с готовностью поднял брошенную перчатку.

Все это было просто замечательно: кельтская деревня, Аннабель Ли... Она рассказала ему историю своего имени, и каким же прекрасным оно ему тогда показалось!

Итак, в течение следующих нескольких дней Хота под пристальным наблюдением своего творческого наставника принялся фотографировать все подвижные и неподвижные объекты. Ни следа плохого настроения, депрессии, беспокойства.

Небо, которое Хота видел в те первые дни, сделалось наконец темно-синим, очистилось от туч реальной жизни, которая неумолимо ждала его впереди, по возвращении в Виторию.

Его душевное состояние было настолько безмятежным, что Хота даже заметил существование Ребекки, маленькой дочери Сауля. В первый же вечер их посадили за столом рядом, и вскоре они привыкли к этому соседству.

Хоте, хорошему парню с добрым сердцем, было немного жаль одинокую девочку, потерянную в подростковом мире, который все еще был ей велик. Кроме того, она являлась дочерью Сауля, которого он уже начинал боготворить: свой в доску препод, молодой и преданный отец, крутой чувак, который делает вид, что не замечает взглядов

Аннабель Ли и студенток исторического факультета Университета Кантабрии, которые почти каждый день посещали лагерь.

— Ребекка, можешь завтра помочь нам с Аннабель покрывать хижину? Мы буксуем, и нужен опытный человек — такой, например, как ты. — Хотя был в отличном расположении духа.

Ребекка взволнованно сглотнула слюну, доедая последний кусочек кекса, остававшийся на общем подносе. Она с нетерпением ждала воскресенья, когда ее отец привез им из города трубочки с кокосом, которые девушка обожала.

— Конечно помогу, в прошлом году я этим много занималась, — ответила Ребекка, благодарная и обрадованная. Казалось, вся она превратилась в одну сияющую улыбку и зардевшиеся щеки.

«Может, я ошиблась, выбрав Асьера, — думала Ребекка вечером, застегивая молнию на мешке, что обычно мало помогало. — Может быть, лучше рассказать все Хоте, и он поможет... У его семьи есть связи, они сумеют что-нибудь сделать».

Хотя чувствовал к девочке непривычную нежность: «Какая милая у Сауля дочка. Как бы я хотел, чтобы он был моим отцом, а мы с ней были братом и сестрой...»

Наступили выходные, и предусмотрительный Сауль Товар позволил им немного отдохнуть от кирпича и глины. В субботу он загрузил всех в микроавтобус и отвез в Гипускуа, в Оньяти, местечко недалеко от границы с Алавой. Все были благодарны за поездку и отдых, который давно уже требовали их огрубевшие и обветренные руки. Они ехали в автобусе и задумчиво смотрели в окошки, почти не задавая вопросов.

Сауль не сказал Ребекке, что они собираются посетить пещеру Сандаили, а то вдруг она откажется и все станут свидетелями неприятной сцены. Он терпеть не мог пятен на своем имидже. Не так-то просто было его создать...

Сауль посадил Ребекку на переднее сиденье справа от себя, плотно пристегнул ремень и развлекал ее всякими рассказами все два часа, пока длилась поездка.

Пейзаж был не слишком разнообразен: всюду один и тот же зеленый цвет, эвкалипты и сосны сменялись дубами и буками; потом дорога сузилась, древесные ветки бились о стекла — словом, великолепный летний день, обещавший навсегда остаться в памяти.

— Я очень рад, что взял тебя с собой, дочка, — признался Сауль в какой-то момент, почесав бороду, которую отпускал каждый год на время каникул. Он отдыхал от бесконечного тщательного бритья, и борода вырастала такая густая, что скрывала черты лица. Он снял правую руку с руля и потянулся к ее руке.

Дочь смотрела на его руку. Она знала ее наизусть. Столько раз ее рассматривала: длинная жилистая рука цивилизованного великана... С некоторых пор у Ребекки появилась привычка внимательно рассматривать руки людей. Ей было стыдно признаться в этом, но она сортировала их именно по рукам.

Были руки, похожие на отцовские, и тогда человек ей не нравился.

Если же руки отличались, она давала им шанс.

Но отец был в те дни так обворожителен, так открыт, так неизменно заботлив и внимателен, несмотря на то, что она, единственная дочь, то и дело капризничала: купи мне эту книгу и вон ту, отведи меня сюда и туда, и он с радостью стремился всячески угодить своей принцессе...

— Какие замечательные дни, папочка. — Она взяла его руку и сжала своими горячими пальцами. — Правда. Спасибо, что привез меня в эту деревню; такие поездки делают меня счастливее всего.

— Дочка, я не мог поступить иначе. Теперь мы вместе, ты и я. И еще тетя. Главное, никогда больше так не делай, никогда больше меня не предавай. У меня есть только вы двое, ты и твоя тетя, — повторил он. — Не бросайте меня одного. Я люблю тебя, я очень люблю тебя, моя девочка.

«Я не девочка», — чуть не лягнула Ребекка, но инстинктивно смолчала и отдернула руку.

Прошло некоторое время, оба молчали; Ребекку тревожили знакомые повороты дороги.

— Куда мы едем, папа?

— В пещеру Сандаили.

Ребекка сглотнула и покраснела до ушей.

«Только не туда, только не в пещеру Сандаили, Синяя Борода», — думала она в панике.

Только не в Сандаили. В той сырой пещере под сочащимися водой сталактитами все и началось...

13. Чагорричу

20 ноября 2016 года, воскресенье

Две женщины, рыжеволосая и брюнетка, старательно сохраняя внешнее спокойствие, вышли из комнаты с синими стенами, где сломленный болезнью мужчина, уродливая тень строгого отца, которым он был когда-то, вопил: «Кракен, Кракен, Кракен!...»

«Дерьмовая все-таки была затея», — думала Эстибалис, шагая по коридору пансиона в Чагорричу.

Альба едва за ней поспевала. Общаясь со стариком, страдающим Альцгеймером, она делала вид, что не замечает неловкости. Вскоре обе женщины вошли в обшитый металлическими панелями лифт: казалось, они поднимаются из преисподней за глотком свежего воздуха.

Альба сама вызвалась сопровождать Эстибалис в один из еженедельных визитов к отцу в пансион при больнице Чагорричу. Не то чтобы Эсти считала это удачной идеей, но в присутствии незнакомых людей отец вел себя менее распушенно и ей не понадобился привычный вызов дежурной медсестры, чтобы ему сделали предпоследнюю за день инъекцию успокоительного.

Однако в тот миг, когда они уже спускались по лестнице на улицу, какая-то женщина лет шестидесяти в огромном пестром шарфе уставилась на них и внезапно разразилась безудержной бранью.

— Невероятно! Это ты всех нас обманула! — крикнула она, и ее указательный палец грозно нацелился на Альбу.

— Что, простите? Это вы мне? — удивленно спросила та.

— Тебе, тебе. Ты — та самая комиссар Сальватьерра, верно?

— Помощник комиссара, — уточнила Альба.

— Это ты явилась на похороны моего сына Матео Руиса де Суасо и меня утешала...

Альба и Эстибалис тут же ее вспомнили: тридцатилетняя жертва, обнаруженная в нише Белой Богородицы в разгар праздника.

— Ты уверяла меня, что поймаешь преступника... А вместо этого спала с ним каждую ночь, — продолжала женщина, ставшая воплощением чистейшего гнева. — Почему ты не в тюрьме?

— Потому что я ни в чем не виновата, сеньора, — очень спокойно ответила Альба. Кто-то должен был сохранять спокойствие в этой ситуации.

— И судья тебе поверил?

— Я не была ни подозреваемой, ни обвиняемой. Я не имела отношения к преступлениям, которые совершал мой муж. Сочувствую вашему горю, но...

— Это ты кому-нибудь другому расскажи! Пока сама не потеряешь сына, ничего не поймешь.

Альба не стала считать до десяти. Она вспомнила башню в Лагуардии, где пряталась от всего мира, глядя на сьерру Унаи. Затем машинально положила руку себе на живот.

— Мне жаль, что вы так считаете. Однако я сдержала данное вам обещание: мы выяснили, кто убил вашего сына. И я заплатила за это сполна, поверьте.

— Ерунда, что-то ты должна была знать! Вы, жены убийц, вечно корчите из себя дурочек. Не может такого быть, что один убивает двадцать человек, а другой ничего не замечает.

«Не имеет смысла с ней спорить, — сказала себе Альба. — Сейчас я ближе к убийце ее сына, чем когда-либо прежде. Отныне дело касается не только меня».

— Мне жаль, что вы так думаете. Приятного вам вечера, сеньора, — любезно, но твердо попрощалась Альба, прекратив разговор.

Они оставили женщину в пестром шарфе на ступенях больницы и вскоре вышли в сосновую рощу. Кое-где на ветках еще лежал утренний снег, успевший подтаять. Они молча подошли к облезлой зеленой скамье, не доступной угрюмому взору пожилой жительницы пансиона.

— С тобой такое впервые? — осторожно спросила Эстибалис.

— Давай не будем об этом; посидим лучше спокойно. Мне нужно немного отдохнуть, слишком сильное напряжение... Месяц выдался суматошный.

Эстибалис согласно кивнула и уселась рядом. Некоторое время они молчали, но Альба не хотела упускать момент. Работа вынуждала ее к ежедневной прямоте; она привыкла касаться самых деликатных вопросов и знала, что Эстибалис выдержит допрос.

— Эсти, твой отец бил тебя, верно?

Рыжеволосая женщина облокотилась на скамейку, протянула руку, сорвала с ближайшей сосны круглую шишку и принялась машинально вертеть ее кончиками пальцев. Нервы ее были на пределе. Такое с ней случалось: ручка, резинка для волос... проклятые эмоции.

— А что, заметно? — призналась она наконец.

— Ты к нему не прикасалась, была напряжена. Я поняла, что ты все еще его боишься. Этот страх я замечала у многих жертв.

— Я не жертва, — вспыхнула Эстибалис. Сколько раз она повторяла эти слова, стоя перед зеркалом. — У старика Альцгеймер; если понадобится, я справлюсь с ним в три секунды. Я его не боюсь.

Альбу не впечатлила бравада подруги.

— Поэтому ты стала изучать виктимологию?

Эстибалис вздохнула — сдалась, приоткрыла крошечную дверцу в своей непроницаемой стене.

— Мне хотелось знать, что делало меня жертвой. Чтобы больше никогда не быть ею ни с одним мужчиной.

В ответ Альба не проронила ни слова, просто положила руку Эсти на бедро, чтобы придать ей немного силы, немного тепла, донести до нее: «Я здесь, и мне ты можешь все рассказать». Это спокойное теплое прикосновение словно обладало целительной силой.

— Видишь ли, — продолжала Эстибалис, немного помедлив, — я думаю, какой бы сильной, устойчивой личностью от природы ты ни была, не допускала побоев, жестокого обращения, грубости... реальность закладывается в детстве, и если ты — мальчик или девочка весом двадцать килограмм, ты не сумеешь помешать сильному взрослому сделать тебя жертвой. Думаю, такое по-прежнему случается каждый день. Я имею в виду насилие в семье — никому не видимые, скрытые зверства, о которых матери частенько догадываются, предпочитая держаться в стороне. Что делать этим физически слабым мальчикам и девочкам, чтобы не становиться жертвой? Это невозможно, они не могут противостоять этому. Все это отпечатывается в характере, который в противном случае не имел бы патологических черт.

Альба понимающе кивнула. Уж она-то много чего могла бы рассказать о психопатах.

— Твой предыдущий, этот Икер, был хорошим парнем, не так ли?

— Мухи не обидит, это да.

— Вот почему ты его выбрала. В этих отношениях ты чувствовала себя в безопасности, поскольку знала, что он никогда не поднимет на тебя руку. Ты искала защитника.

— Ты что, психолог?

— Мы на этой работе все немножко психологи.

— Ну, ты сама ответила на свой вопрос, — заметила Эсти.

— И все же ты порвала с ним несколько месяцев назад. Ты уже чувствуешь себя достаточно сильной.

Эстибалис кивнула и поднесла руку к серебряному кулону в виде эгускилора.

— Это случилось после смерти Энеко, моего старшего брата. Он защищал меня от отца, хотя позже втянул в мир психоделиков, которые разрушали мое здоровье и сделали зависимой. Но на самом деле я была привязана именно к нему, к моему брату-защитнику, а не к наркотикам, которые он доставал. Вот почему я не пробовала их с тех пор, как он умер, и уверена, что никогда к ним не вернусь, хотя Унаи мне по-прежнему не доверяет. Он так и не понял, что я употребляла наркотики из-за Энеко: нет его — нет и наркотиков. Я свободна, я освободилась от Энеко. Его смерть оторвала меня от него, а заодно и от потребности в защитнике; вот почему через несколько недель я рассталась с Икером. Я поняла, что уже стала взрослой: наша работа и все, что с ней связано, сделали меня взрослой. Посмотри на меня: я ростом едва достигаю метра шестидесяти, физически никогда не сравниюсь с мужчиной, у меня нет такой силы, и любой преступник может меня ударить, — но я больше не живу в мире, где человек на пятьдесят килограммов тяжелее пинает меня каждое утро, если я отказываюсь лопать на завтрак прогорклое печенье.

— Но ты все равно тяготеешь к славным парням вроде Унаи. От него ты не бежишь, не так ли? Тебе он по-прежнему нужен.

Шишка выскользнула у Эстибалис из пальцев. Лгать Альбе не имело смысла.

— Как ты узнала? — прошептала она.

— Когда твой отец тебя бил... ты звала Кракена, чтобы он тебя спас, потому-то твой отец и запомнил это прозвище. На самом деле он помнит не его, а тебя, зовущую его по имени.

— Это правда. Когда произносила его имя, я как будто исчезала, сбегала, чтобы все быстрее закончилось. Я не надеялась, что он

придет, чтобы меня спасти. У нас с ним никогда такого не было.

В ее голосе не чувствовалось ни следа обиды, настороженности или неприязни, Эсти видела в Альбе только друга, которому можно доверять.

Доверять что? Да все: наконец-то истина вырвалась на свободу, и услышавший ее человек не осудил Эсти.

— Унаи — моя любовь, моя единственная любовь, единственный парень, которого я по-настоящему любила, в которого всегда была влюблена, с тринадцати лет, когда Энеко и Лучо начали вместе ходить в горы, и мы иногда встречались с Унаи. Это были времена двойного преступления в дольмене.

«Когда твой муж начал убивать детей», — мысленно добавила Эстибалис, считавшая Альбу первой жертвой Нанчо.

— Унаи было двадцать, — продолжала она, подобрав новую шишку, — и между нами ничего не было. Я много раз старалась выкинуть его из головы, особенно когда он начал встречаться с Паулой, одной из моих лучших подруг. Мне было тяжело с обоими, хотелось убраться подальше. Когда Паула умерла, я тоже хотела умереть. Я видела горе Унаи, видела, как его покалечила та жуткая авария, как он переживал смерть детей, которых вынашивала Паула... Я думала, что умру, видя, как он страдает. Больше всего мне хотелось, чтобы это закончилось, чтобы он больше не мучился. Мы спасали его все вместе: дед, Герман, ребята, умиротворяющий Вильяверде... Он доверился нам и позволял себе помочь. Вот почему я знаю, что его афазия Брока когда-нибудь кончится. Это для него не первый удар; от таких ударов он становится сильнее, они закаляют его, как закаляли когда-то его деда. Унаи доживет до ста лет, а когда выйдет на пенсию, вернется к себе в деревню, — но ничто и никогда не сможет его сломить.

Альба улыбнулась, обняла Эсти и притянула к себе. Та положила голову на плечо подруги.

— Я всегда это знала, — наконец проговорила Альба. — А сам Унаи о чем-то догадывается?

— Он же мужик, ни о чем он не догадывается. — Эстибалис улыбнулась, пожав плечами.

— Это правда. Он такой... чистый, искренний... Он заслужил быть тем, кем стал для тебя и меня, для нас обеих, правда же? Он

никогда не обидит нарочно.

— Да, думаю, в этом все дело. Эй, это ведь не повредит нашей дружбе? Скажи, что не повредит. Терпеть не могу бабское соперничество.

— С моей стороны его не будет. Ты заботишься о нем, он заботится о тебе. Таких друзей, как ты, у него больше нет. Я хочу, чтобы ты была в его жизни, чтобы ты продолжала ему помогать. Мне нечего возразить; он выбрал тебя, ты для него очень близкий человек, гораздо больше, чем друг. Ты для него сестра.

— Вот именно, я всегда была для него асексуальной подружкой, — вздохнула Эсти, и Альба невольно улыбнулась. — Я не шучу. Встретив Паулу, он вообще перестал меня замечать, я исчезла с его радаров. Он рассказывал, как развиваются их отношения, и Паула туда же... Они были без ума друг от друга, а я была общим приятелем; они оба одинаково мне доверяли. На свадьбе я была подружкой невесты в фиолетовом платье... да-да, представь себе, в фиолетовом. В Академию Аркаута я поступила ради него, чтобы быть с ним рядом ежедневно всю жизнь до самой пенсии. Каждый божий день. Я видела его чаще, чем Паула; он рассказывал мне секреты, которые не мог доверить ей. Это был мой выбор. Я люблю его так сильно, что даже не хочу с ним спать: это рискованно, я могу его потерять. Я хочу от него всего сразу, и все это у меня уже есть: вижу его каждый день, могу позвонить ему в любое время, могу сидеть на его больничной койке, обедать с ним хоть каждый день, а то и завтракать. У меня есть человек, рядом с которым я хочу быть постоянно, и так оно и будет всю жизнь. Такое не назовешь утешительным призом.

— Все, что у тебя есть, ты заслужила. Вы с Унаи два хороших человека, которые заботятся друг о друге. Если меня когда-нибудь не окажется рядом, если я выйду из игры, я знаю, что ты останешься с Унаи и будешь о нем заботиться.

— С какой это стати ты выйдешь из игры и какого черта тебя однажды не окажется рядом? Что-то не так, Альба? — встревоженно отозвалась Эстибалис.

— Все хорошо. Никуда я не денусь... Я всего лишь выразила вслух свое желание, — успокоила ее Альба. — И хватит уже о мужчинах; мы же обещали друг другу, что не будем о них говорить. Сменим тему, а?

— Ну, раз уж мы так откровенны, хочу задать еще один вопрос... как начальнику, можно?

— Конечно, Эстибалис. Давай сюда свой вопрос.

— Ты никогда не спрашивала меня о моих пристрастиях, а между тем о них написано у меня в досье.

— Я наблюдаю за тобой. Если я замечу, что ты не в своей тарелке, мы поговорим, и я буду объективна и беспристрастна. Но, зная твой характер, я, скорее всего, завалила бы тебя работой, причем такой ответственной, что у тебя не было бы времени думать о чем-то другом.

— Поэтому ты поручила мне это дело?

— Дело это я поручила тебе потому, что оно очень непростое. У тебя есть отличные помощники — используй их. Не нужно гореть на работе, как Унаи; постарайся разумно распределять обязанности. У него с этим как раз не очень.

— Да, поняла, — Эстибалис кивнула.

— По-моему, тебе не хватает цели, на которую ты могла бы направить всю свою кипучую энергию. Чего-то, связанного с виктимологией. Мне кажется, это могли бы быть занятия для девочек, пострадавших от насилия. Я давно уже обдумываю такой проект; может быть, мы с тобой смогли бы этим заняться, — осторожно проговорила Альба.

— Не очень поняла твою мысль.

— Я хочу создать профилактическое подразделение, сотрудники которого будут ходить по школам. Начнем с Алавы. У меня солидная должность и множество связей, все это поможет. Наша задача — не допускать жестокого обращения с детьми где бы то ни было: ни дома, ни в школе, ни на кружках. Надо работать с учителями, чтобы они не зевали и вовремя замечали любые тревожные сигналы. Воспитывать мальчиков, чтобы они не вырастали ревнивцами, собственниками или мачистами; учить девочек самоуважению, чтобы они не становились жертвами насилия. Проводить беседы, читать лекции, организовать курсы самообороны для старшеклассников... Что скажешь?

Эстибалис улыбнулась: казалось, она была где-то далеко. Мысленно она перенеслась в свою деревню у подножия Горбеа. Девочка, которой она когда-то была, улыбнулась в ответ, свернувшись клубком под одеялом. Возможно, ей больше не придется звать на помощь Кракена.

14. Пляж Портио

21 ноября 2016 года, понедельник

Рано утром мы с Эстибалис отправились в Кантабрию. Нам предстояло нанести два визита.

Эсти сидела за рулем. На самом деле я уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы водить автомобиль; я попробовал сесть за руль в первую же неделю, когда вернулся в Вильяверде в отпуск. Да, я утратил способность общаться с людьми, но мне не хотелось быть обузой для дедушки и Германа, поэтому я целыми днями разъезжал среди полей между Вильяверде и Вильяфрия, поднимая пыль на своем «Аутлендере», несмотря на то, что правая сторона тела слушалась плохо и было сложно переключать передачи. Но, как и любой автоматический процесс, все наладилось благодаря регулярной практике.

Тем не менее я еще не отваживался отправиться в путешествие за пределы Алавы, поэтому патрульную машину вела Эсти.

Я ввел в GPS данные МАК, Музея археологии Кантабрии, владельцев которого знал лично. Я хотел поговорить с Гектором дель Кастильо, историком, который управлял этим частным музеем.

Тасио не занимался своей профессией несколько десятилетий — слишком долгий срок, чтобы добыть всю необходимую информацию. Я знал, что Гектор поможет.

Он никогда не отказывал.

Я ему доверял.

Договорились мы и о встрече с инспектором Пабло Ланеро, он же Пауланер. Мы должны были явиться к нему днем и обсудить, как будет проходить наше сотрудничество в расследовании.

Мы миновали Бильбао, затем проехали Кастро-Урдьялес и Ларедо, обогнули бухту Сантандер и Эль-Астильеро и, достигнув Санта-Крус-де-Безана, свернули в сторону Лиенкреса. Оттуда направились к пляжу Портио на берегу Коста-Кебрады, месту, которое я знал слишком хорошо. Почти на краю крутого обрыва возвышалось внушительное красное здание, в котором в XIX веке жил маркиз де

Моуро, разбогатевший в Америке. Его инициалы все еще красовались на деревянных воротах.

Припарковав автомобиль у газона, Эстибалис выскочила наружу и замерла в восторге. В этих краях всегда было очень ветрено, однако суровый скальный пейзаж, будто вырубленный топором, и вид на «урры» — так называют жители Кантабрии утесы в нескольких метрах от берега — производил сильнейшее впечатление.

— Вау... — воскликнула Эсти, подойдя к краю обрыва.

— Да, — согласился я. Это слово я мог произнести без особого труда. «Д» — язык упирается в зубы, и «А» — вздох, похожий на шелестение ветра.

Эсти перевела на меня восторженный взгляд; думаю, ей нравилось быть непосредственным свидетелем моих речевых успехов.

Я с наслаждением вдыхал насыщенный селитрой воздух, несмотря на порывы ветра, слишком теплого для ноябрьского дня, и тоскливое предчувствие, что с минуты на минуту пойдет дождь.

Множество воспоминаний обрушились на меня как волны, стоило мне вернуться на этот берег, такой значимый для меня много лет назад. У меня было незавершенное дело с богом этого моря. Пару десятилетий я старательно избегал его вод: Бискайский залив стал для меня угрожающим и зловещим местом.

Мне не хотелось, чтобы Эстибалис заметила мое состояние.

Она ничего не знала.

Совсем ничего.

Я ей не рассказывал.

Мне было досадно, очень досадно знать, что Лучо поделился кое-какими подробностями с Энеко, Эгускилором.

В этот момент рядом с нашей машиной припарковалась еще одна, и из нее тяжело вылез Пауланер. Он сильно располнел за прошедшее время и казался еще более неуклюжим. К тому же отрастил смешную бородку без усов, окаймлявшую нижнюю челюсть, и его сходство с пивным монахом^[16] только усилилось.

— Дорогой Унаи... — Он заключил меня в объятия. — Как я рад снова тебя видеть!

Я что-то промычал в ответ и подвигал бровями, чтобы выразить: «Я тоже очень рад». Бывший инспектор бросил на меня испуганный взгляд.

— Ого... точно, ты же говорить разучился. Я про это слышал. Мне жаль, парень. Очень жаль.

Я пожал плечами и улыбнулся, скрывая смущение. Мне не нравилось видеть, как мой недостаток действует на тех, кто меня любит. Я сразу вспоминал, каким же был трусом, не сделав за несколько месяцев ничего, чтобы восстановить речь.

— Я инспектор Гауна, — Эстибалис протянула руку.

— Приятно познакомиться, инспектор. Заботьтесь о моем товарище, в наших краях его очень ценят, — сказал он и похлопал Эсти по спине, да так, что она едва не упала.

— Непременно, инспектор. Непременно, — она улыбнулась.

— Итак, нас ждет разговор с Гектором дель Кастильо. Кстати, я очень благодарен вам за то, что вы раскрыли дело о краже Кабарсенского котла. Пресса писала об этом очень осторожно, но когда исчезает такое знаковое произведение, начальство готово нас по стенке размазать.

— По правде говоря, мы предпочли бы найти котел при других обстоятельствах, — заметила Эстибалис. — Ах да, и поблагодарите вашего коллегу за отчет о девушке из Фонтибре.

— Это наш долг, — Пауланер кивнул с довольной улыбкой, почесывая бороду. — Да, он что-то рассказывал мне об этом старом деле, но я тогда им не занимался.

— Надеюсь, Гектор дель Кастильо сообщит нам что-нибудь важное, — сказала моя напарница.

Мы переступили порог отреставрированного здания и поднялись на четвертый этаж, где располагался кабинет Гектора. Накануне, когда мы с Эстибалис решили, что надо съездить в Кантабрию, я написал ему письмо, и Гектор не замедлил любезно ответить.

Когда мы вошли в кабинет, он стоял у окна спиной к нам, любясь великолепным видом. Затем приветливо и спокойно посмотрел на меня и шагнул навстречу.

Гектор был на несколько лет старше меня, а неизменный строгий костюм добавлял ему солидности. Невысокого роста, светлые волосы, карие глаза, квадратная нижняя челюсть и учтивые манеры. Ответы его звучали продуманно, и, казалось, ничто не может выбить его из

колеи. Я знал о познаниях Гектора в археологии и хотел услышать его мнение относительно того, что случилось в туннеле Сан-Адриан.

— Инспектор Ланеро... — Гектор с улыбкой приветствовал Пауланера. — Инспектор Айяла, вы не представляете, как я рад снова вас видеть! Добро пожаловать в наши края!

Мы тепло пожали друг другу руки.

В первый момент он не заметил моей афазии, и Эсти пришла на помощь, прежде чем мы оба почувствовали неловкость.

— Я инспектор Эстибалис Руис де Гауна, можете называть меня инспектор Гауна. Я возглавляю расследование, в котором был задействован предмет, украденный из вашего музея: Кабарсенский котел. Инспектор Айяла — один из наших экспертов; сейчас он выздоравливает от афазии, к которой привела черепно-мозговая травма, полученная в ходе предыдущего дела. Вот почему он не сможет с вами говорить.

— Можешь обращаться ко мне на «ты», не такой уж я старый, — спокойно ответил Гектор, приглашая нас сесть на свободные стулья перед огромным ореховым столом, пока сам устраивался в кожаном кресле. — Я слышал о травме инспектора Айялы, однако предпочел не затрагивать эту тему, когда вчера он со мной связался. В последние месяцы средства массовой информации только и говорили, что об убийствах в Витории. Скажи, инспектор Айяла, как тебе удобнее с нами общаться.

«Я пишу на мобильнике, показываю экран, ты отвечаешь», — быстро набрал я, и Гектор улыбнулся.

— Значит, вся надежда на костыли, — пробормотал он. — Как тебе угодно, инспектор. Пусть будет.

— В пятницу наш полицейский участок связался с вами и директором Музея древней истории, чтобы сообщить, что украденный предмет найден. Следственный отдел и наш департамент исторического наследия ведут переговоры с техниками, и как только полицейский участок Витории получит все данные, необходимые для текущего расследования, котел вернут и грамотно отреставрируют, — начал Пауланер.

— Все верно, — подтвердил Гектор.

— Инспектор Ланеро представил нам отчет с твоим заявлением и заявлением сотрудников, поэтому мы не будем касаться этой темы, —

продолжила Эсти. — Насколько я знаю, предмет был помещен в витрину временной экспозиции, посвященной кельто-иберийской культуре на Кантабрийском карнизе. В зале, куда он был помещен, нет камер видеонаблюдения. Я знаю, что ты передал коллегам записи с камер, висящих у входа в здание, но ничего необычного на них не обнаружено: только посетители и сотрудники. Были взяты отпечатки со всех оконных рам, через которые мог выйти вор или воры, но совпадений с преступниками, задержанными за аналогичные преступления, не найдено.

— Так и есть. Этот музей основала моя семья, и финансируется он из фонда моего покойного брата, Хайро дель Кастильо, который при жизни был известным меценатом. Мы не можем рассчитывать на финансирование, получаемое государственными музеями, поэтому система безопасности ограничивается камерами у входа и охранниками, которые дежурят в дневное время. У нас нет сотрудников, работающих по ночам, да мы никогда в них и не нуждались. Особенно прискорбно, что украли именно эту вещь: я, как кантабрийский историк, испытываю к ней особые чувства, к тому же котел нам временно уступил Музей древней истории Кантабрии, и мы оказались в очень неудобном положении. Вы не представляете, какое облегчение мы почувствовали, когда его нашли! Но раз из Витории приехали два инспектора отдела уголовного розыска, его пропажу наверняка сопровождали какие-то тревожные обстоятельства... Я так понимаю, вы хотите обсудить их со мной?

Я кивнул. Гектор оказался человеком проницательным, с панорамным взглядом на события.

— Предмет нашего разговора строго конфиденциален, мы делимся секретной информацией. Судья объявил о тайне следствия, — вмешалась Эстибалис.

— Я все прекрасно понимаю; можете рассчитывать на мое благоразумие. Так для чего они использовали котел? — внезапно спросил он, ожидая ответа с явным нетерпением. — Неужели для водного ритуала?

— Что, простите? — переспросила Эсти.

— Я спрашиваю, не использовался ли котел в ритуале, связанном с водой.

«Мы не знаем, проводился ли ритуал, но тело мы нашли возле котла», — написал я и показал ему.

— Подвешенное за ноги к ветке дерева?

— Возможно, — перебила Эстибалис, растерянная не меньше моего.

Пауланер заворочался в кресле.

Гектор озабоченно посмотрел на нас и поднялся с места. Подошел к книжным стеллажам, осмотрел полки, заставленные тяжелыми томами по истории, и наконец положил перед нами раскрытый на нужной странице археологический атлас с цветным изображением котла, похожего на Кабарсенский, но более затейливого.

— Это Гундеструпский котел, найденный в тысяча восемьсот девяносто первом году в Дании. Обратите внимание на серебряное тиснение: это Таранис, бог-отец, погружающий воина в котел.

Мы с Эсти увидели внушительную фигуру, которая держала человека за ноги и явно намеревалась сунуть его голову в какой-то сосуд.

Гектор перевернул страницу и показал еще один похожий рисунок: фигура на нем держала на этот раз два котла.

— Более конкретный пример — диадема Моньес, найденная в Астурии в девятнадцатом веке. Она также относится к кельтской культуре — в данном случае к третьему — первому векам до нашей эры. На ней изображен искупительный обряд, связанный с плодородием. Вода как символ семени, порождающего жизнь.

— Это как-то связано с культом Матр?

— Трех Матерей? Конечно, культ Матр был широко распространен по всей области кельтского влияния, например, здесь, на Кантабрийском карнизе. Со временем римляне переиначили этот культ, превратив котел в вотивный^[17] жертвенник.

— А есть какая-то причина, по которой этот ритуал следует проводить в туннеле Сан-Адриан?

Гектор задумался.

— Древняя часовня, стоявшая на месте нынешней, была возведена в честь Святой Троицы, поэтому баски называли ее «Сандрати», или «Сантатрия», затем стали называть «Сан-Адриа» — видимо, так записал это слово тогдашний местный писарь, и, наконец, «Сан-Адриан». Триада, Матры... да, все сходится. Выбор места мне

понятен. Тройной элемент очень характерен для кельтской культуры. Кроме того, в точке, где начинается Алава, есть доисторический курган под названием Гора Повешенного — там вешали разбойников, которые скрывались в горах, поэтому со временем его стали называть Границей Злодеев. С другой стороны, ходили слухи, что в туннеле есть водные траншеи, ведущие к другим местам поклонения, и в Зегаме^[18] действительно были найдены алтари, посвященные Матрам.

— Да, — произнес я вслух. Не знаю почему, но с Гектором я не чувствовал той неловкости, которая мешала мне в присутствии посторонних. — *«Мы про это знали»*, — поспешил пояснить я письменно, поскольку мое «да» прозвучало слишком глухо и невнятно.

Гектор сделал вид, что не замечает моих вокальных усилий.

— А как же Фонтибре? — спросила Эстибалис. — Годится ли он для подобного ритуала?

— Фонтибре, Фонтес Иберис, ложные источники Эбро, как называл их Плиний Старший. Здесь то же самое — вода, нимфы, кельтские богини... Как вам известно, культ этих вод сохранился до наших дней. Сейчас это богородичный культ — верующие привязывают в устье реки цветные ленты. Однако вряд ли он сильно отличается от ритуалов прошлого. Такие же цветные ленты кельты повязывали и на священных деревьях вокруг жертвенника.

Я слушал Гектора, все еще размышляя о его словах об «искупительных обрядах».

«Гектор, — написал я на экране, — есть один факт, о котором ты до сих пор не знаешь. Дело в том, что обе женщины, убитые в Сан-Адриане и в Фонтибре, были беременны. Не представляю, как это сочетается с очистительным обрядом плодородия».

Его лицо изменилось, в карих глазах мелькнул подлинный ужас.

— Беременны?.. В таком случае обряд истолковывается по-другому. Вы говорили, что женщины были подвешены... Могу предположить, что, несмотря на ваши усилия максимально скрыть информацию о следствии, головы этих женщин находились внутри котла или, как в Фонтибре, в речной воде. Задам вам только один вопрос: их сожгли?

— Сожгли? — испугалась Эстибалис. — Нет, об этом нам пока ничего не известно. Правда, у нас нет результатов вскрытия одной из

них и мы не получили отчет по второй. А откуда такой вопрос? При чем тут сожжение?

Гектор снова встал. Его беспокойство передалось и мне.

— Потому что в этом случае речь идет о кельтской Тройной Смерти, первоначально именуемой *threefold death*: утопить жертву, повесить ее и сжечь — иногда порядок варьируется. Прочтите это, — сказал он и протянул нам небольшую книгу в кожаном переплете, настолько захватанном и потертом, что я задал себе вопрос, когда она была издана.

Эстибалис с любопытством приблизилась.

— Это на латыни, Гектор. Не представляю, что там написано.

Я полистал страницы.

— Прошу прощения, совсем вылетело из головы, — поспешно извинился он. — Это «Фарсалия» Лукана, первый век нашей эры. Итак: «Также и те, что привыкли поить человеческой кровью Еза ужасный алтарь, или дикого в злобе Тевтата, иль Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы». Для жертвоприношений в честь Тевтата человека топили, погрузив его голову в кадку или котел. В честь Еза вешали на дереве. А в честь Тараниса сжигали заживо, заперев в сплетенном из веток футляре. Возможно, вы смотрели «Плетеного человека», «*The Wicker Man*», фильм с Кристофером Ли — его сняли в семьдесят третьем году, а в две тысячи шестом году вышел ремейк с Николасом Кейджем. В фильме рассказывается о культе, сохранившемся до наших дней: по кельтской традиции, человека приносят в жертву внутри гигантской плетеной куклы.

— Как вы думаете, это может быть связано с неоязычниками или какой-то кельтской сектой? — спросила Эстибалис.

— Ни в коем случае. Действительно, в восемнадцатом веке по всей Европе наблюдалось возрождение кельтского национализма, появились ассоциации и культурные сообщества; однако у меня нет сведений о существовании подобных сект на Пиренейском полуострове в последние годы. Кроме того, для этого не требуется организованная группа — достаточно того, что кому-то пришло в голову кого-то наказать; это может быть любой человек, знакомый с классиками и знающий о Тройной Смерти. Что же касается места... выбор места можно интерпретировать как угодно. Сан-Адриан и Фонтibre имеют очень важное значение для жителей этих мест.

Такая популярность всегда атавистична. Тут и обряды, и молитвы, и культы... Это присуще многим культурам и связанным с ними религиям. Не имеет смысла все их перечислять; но некоторые места поклонения, самые популярные, никуда не деваются и по-прежнему притягивают адептов. Тройная Смерть имеет древние корни в индоевропейских мифах, ее происхождение предшествует бронзовому веку. Затем она перешла в фольклорный миф о кельтах на атлантических землях вплоть до Испании, в литературный фольклор, связанный с кельтами, в Галисии, Астурии и Кантабрии... и не только. Тройная Смерть появляется в средневековых повествованиях ирландской кельтской мифологии, упоминается в цикле о короле Артуре и даже «В книге благой любви» протопресвитера из Иты. Иными словами, существовала устная преемственность, которая на протяжении веков обретала письменную форму.

Мы слушали, стараясь не упустить ни единой подробности. Гектор повернулся к нам и добавил:

— Вы слышали о болотных телах — мумиях из торфяников?

— Нет. — Я покачал головой, старательно произнося это слово.

— В эндогамном мирке археологии девятнадцатого века только о них и говорилось. Их поисками занимались лучшие специалисты. Дренировали реки, такие как Темза, а также болота и трясины. Найденные мумии прекрасно сохранились благодаря кислой среде, свойственной торфяникам и болотам наиболее сырых стран Европы — Ирландии, Голландии, Дании, Англии... Вы наверняка слышали о человеке из Толлунда или человеке из Линдоу. Найденные тела были изучены учеными-криминалистами, и вот какой вывод они сделали: и тот и другой — жертвы сложных ритуальных жертвоприношений: тела были сожжены, повешены и погружены в воду. Например, палеопатологическое исследование человека из Линдоу, найденного в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году неподалеку от Манчестера, показало, что он умер вследствие тройного ритуального жертвоприношения в середине первого века нашей эры. Принадлежал к местной элите: на теле сохранились ухоженные ногти и усы, а в желудке были найдены остатки зерновых лепешек и пыльца омелы, священного растения кельтов, согласно свидетельству Плиния.

— А среди этих болотных тел... попадались останки женщин?

— Да, множество. Например, женщина, найденная в тысяча восемьсот тридцать пятом году в Гуннельмосе, недалеко от древней датской средневековой столицы; ее сочли легендарной норвежской королевой Гуннхильд, или Гунхильдой, вдовой короля Эрика Кровавой Секиры, родившегося в девятьсот сорок шестом году. Ее изнасиловали и утопили в болоте по приказу Харальда Синезубого — того самого Харальда Блютуза, чье имя красуется на всех современных гаджетах, потому что датская компания *Bluetooth* заимствовала его в качестве своего логотипа.

— Ты говорил о наказании, — перебила его Эстибалис, возвращая беседу в интересующее ее русло.

— Да, простите. Тройная Смерть считается искуплением или наказанием за оскорбление божеств. Вы утверждаете, что жертвы были беременны. Возможно, они оскорбили трех Матр, и послание исполнителя однозначно: казненные не заслуживали материнства. Или отцовства, если жертвой был мужчина, ожидающий потомства. Их дети предлагаются Матрам, которые будут заботиться о них лучше, чем собственные родители. Приносящий жертву заботится о нерожденных мальчиках или девочках, спасает их от родителей.

«За что же их наказывали, Гектор? — поспешно набрал я. — В прошлом, когда приносили такие жертвы?»

— За нарушение табу или за особо тяжкие преступления, такие как убийство родственников, по древним ирландским законам считавшиеся самыми страшными.

«Невозможно представить, что в наши дни кто-то стал бы убивать беременных женщин, желая защитить нерожденных детей».

— Цепь насилия восходит к палеолиту, — глядя в окно, произнес Гектор словно заклятие. — Кстати, скоро будет дождь: уже три дня подряд дует абрегу, дождевой ветер. Могу одолжить вам зонтик.

«Что, простите?»

— «Если абрегу задует, жди на третий день дождя», — говорят здесь. Вы, баски, называете его *хего хайцея* — «южный ветер», или ветер безумцев. Так или иначе, сегодня будет дождь.

«Я не имел в виду ветер, — ответил я. — Вы говорили о цепочке насилия».

— А, это старая теория нашего друга-историка, — пояснил Пауланер. Видимо, инспектор уже слышал ее раньше от Гектора.

— Я говорю с вами как человек, который много лет участвовал в раскопках по всему миру, разбирая человеческие останки, — начал Гектор. — Видите ли, с тех пор, как мы стали современными *Homo sapiens*, мы то и дело терзали и мучили своих братьев. Я имею в виду насилие в семье, вражду между кланами, соседними племенами, народами, государствами, королевствами... В доисторические времена не существовало понятия моонуклеарной семьи, однако нетрудно предположить, что патриархи частенько использовали насилие в отношении представителей следующих поколений, если те оказывались слабее или даже не уступали им в силе: родители избивали или мучили детей, пережившие насилие дети тоже рано или поздно становились обидчиками и мучителями. В психологии говорят, что обычно человек не склонен к насилию; мучает, как правило, тот, кто сам подвергался мучениям.

Я кивнул. Так оно и есть: будучи психологом-криминалистом, я все это изучал. Одна из базовых парадигм.

— В последние годы археологи все чаще находят свидетельства войн и насилия в самые ранние периоды предистории, — продолжал Гектор дель Кастильо. — Находки все более древние: двадцать семь связанных жертв, Кения, возраст — десять тысяч лет, дети и женщина на поздних сроках беременности, избитые и пронзенные стрелами, буквально истерзанные в клочья. Если обратимся к Средним векам, треть населения погибает насильственной смертью. Вы понимаете, что означает эта статистика?

— Все мы приходим либо от жертв, либо от убийц, — проворчала Эстибалис.

— Именно. Если одна треть была убита, значит, другие две трети убивали. Мы все потомки тех, кто пережил детство и успел оставить потомство до наступления смерти, в каком бы возрасте она их ни настигла. Вполне можно предположить, что в своих ДНК мы несем гены как людей, которые погибли насильственной смертью, так и тех, кого они убили.

Слова Гектора накрепко засели у меня в голове. Они угнездились по соседству с главным опасением, поселившимся во мне с того

проклятого дня, как Альба рассказала про свою беременность: очень возможно, что нам предстоит воспитывать дитя социопата Нанчо.

У Тасио также имелись черты нарциссической психопатии: обостренная эгоманья, отсутствие эмпатии, склонность к манипуляции, природное обаяние, направленное на достижение выгоды. Все это в его случае было не чем иным, как навязчивой жаждой социального признания.

Будущее меня ужасало: нам с Альбой придется воспитывать ребенка, с детства стараясь выявить в нем психопатические черты. Мне хотелось нормальной семьи с любимой женщиной: желанные дети, вылазки в горы по воскресеньям, выходные в Вильяверде или в Лагуардии...

На мой взгляд, не так уж много.

Самая обычная жизнь.

С другой стороны, если двое других братьев из этой тройки явно страдали психопатическими чертами или развитой психопатией, Игнасио был живым примером ее непсихопатического сегмента. Он вырос в той же среде, что и Тасио, унаследовал те же гены, но не унаследовал психопатический характер. Он сделал свой выбор: быть сострадательным, честным, прямым. Быть цельным. Высоконравственным человеком, отличным полицейским.

Во время учебы на психолога-криминалиста я следил за спорной дискуссией о генетической обусловленности психопатии. Не было выделено ни одного гена, который отвечал бы за образование психопатической личности, однако считается само собой разумеющимся, что психопатии способствуют именно гены. При этом изучение близнецов свидетельствует о том, что социализация и факторы окружающей среды оказывают не меньшее влияние, чем гены.

Но слова Гектора о том, что в родословной каждого из нас присутствует убийца, немного утешало мои терзания, которые преследовали меня после визита Альбы в мой дом: смогу ли я воспитывать ребенка, понятия не имея, что это за человек.

Время летело незаметно, Эстибалис с присущей ей бойкостью задавала вопрос за вопросом, Гектор терпеливо разрешал ее сомнения, но я находился далеко от этого музея в горах.

Я был в своем подъезде рано утром во время праздников Белой Богородицы, где, возможно, зачал еще одного Лопеса де Айялу.

Я был на вершине Сан-Тирсо октябрьским утром, сам не зная о том, что спасаю чью-то жизнь.

15. Исторический факультет

21 ноября 2016 года, понедельник

Гектор отправился проводить нас до музейной стоянки. Моросил дождь, и небо, сколько хватало глаз, было обложено тучами. На прощание он протянул нам красный зонтик с логотипом музея и спросил, нет ли у нас больше вопросов.

— Держите меня в курсе расследования, — сказал Пауланер, прежде чем усесться в машину и отправиться в полицейский участок Сантандера.

На прощание он обнял меня и посмотрел мне в глаза с сочувствием и жалостью, словно я был безнадежно больным, что было мне, надо заметить, не слишком приятно.

«Что ты думаешь о Гекторе?» — написал я Эсти, как только мы сели в машину.

— Кажется, я влюбилась, — со вздохом ответила она, проводив его взглядом.

Я сделал вид, что возмущен, и, слегка подтолкнув ее локтем, написал не без некоторого любопытства:

«Инспектор Гауна, неужели вам не хватило летнего флирта за барной стойкой?»

Эстибалис держала меня в курсе своей личной жизни после разрыва с Икером, своим давним бойфрендом. Все лето и часть осени она практиковала здоровую распущенность, деталями которой делилась со мной восторженно и одновременно равнодушно. Иногда я опасался, что Эсти сменила одно пристрастие на другое, следуя схеме токсикоманов. Во всяком случае, никакого влияния незаконных веществ в течение последних нескольких месяцев я в ней не замечал. Я наблюдал за ней, но все было в норме. Она казалась здоровее, чем обычно — больше, чем когда-либо, — занималась горным туризмом, все время где-то бывала, у нее появились друзья, с которыми я не был знаком.

Ну и отлично, ей же лучше.

— Гектор — не тот человек, с кем можно замутить летний романчик, — заметила Эсти, посерьезнев. — Ты опытный психолог и

должен это понимать. И вообще, хватит фантазий, какими бы соблазнительными они ни были. Сейчас я говорю с психологом-криминалистом. Итак, что вы думаете о том, что мы только что слышали, инспектор Кракен?

Я задумался. Гектор дал нам слишком много информации для размышления.

«Все это очень интересно. Пока что линия расследования ведет нас к Тройной Смерти, за исключением того, что обе жертвы не имели признаков сожжения. Думаю, если первое убийство было совершено тем же преступником более двадцати лет назад, тогдашний ритуал был менее сложным и более небрежным. Тот факт, что убийца забрал тело, говорит о страхе быть пойманным: видимо, что-то могло его выдать. Но я пока не уверен, что это работа одного и того же парня», — написал я и показал Эсти экран.

— Итак, Унаи, теперь с тобой говорит эксперт по виктимологии. Две незамужние беременные женщины подвешены за ноги в исторических местах поклонения, связанных с кельтскими водными ритуалами, в двух соседних провинциях, и... и что самое главное: жертвы знакомы, потому что двадцать четыре года назад три недели работали в археологическом лагере в кельтской деревне. Что бы тебе ни казалось, оба преступления и обе жертвы как-то связаны. Я ничего не сказала помощнику комиссара Сальватьерре о том, что ты знал убитых женщин, потому что не хочу связывать эти два преступления официально, пока у нас не появится твердая версия. Но я не собираюсь играть на доверии, которое сложилось у нас с Альбой, чтобы и дальше покрывать тебя. Я хочу, чтобы ты сам, своими словами объяснил Альбе, что был в том же лагере, что и две убитые.

«Сделаю это в ближайшее время. Я не хочу тебя подставлять. Позволь мне только самому выбрать время. Обещаю: когда вернемся, я поговорю с Альбой».

Прочитав мои слова, она удовлетворенно кивнула и торжественно произнесла:

— Итак, впереди у нас разговор с директором незабываемого лагеря; ты готов?

Я вздохнул, и Эстибалис повернула ключ зажигания.

За этим мы и отправились в Кантабрию. Нанести внезапный визит Саулю Товару, который теперь заведовал кафедрой и преподавал

социальную и культурную антропологию на историческом факультете Университета Кантабрии — как раз там, куда мы с Эстибалис теперь направлялись.

Сауль всегда вызывал у меня сложные и смешанные чувства.

Для нас, четверых друзей, приехавших в летний лагерь, он мог бы стать близким человеком, кем-то вроде отца, которого всем нам не доставало.

С кем-то так и получилось.

Но из-за нашего проклятого соперничества я был к нему наименее близок — возможно, по собственной вине. Узнав о смерти его дочери, я очень переживал.

Оказывается, Ребекка умерла больше двадцати лет назад, бедная девочка...

Как всегда бывает в университетских кампусах, к тому же в такой унылый дождливый день, мест на парковке не оказалось. В конце концов нам пришлось дожидаться, пока какой-то студентка, явно намереваясь слинять с занятий, заберет свою машину, и в конце концов мы припарковались перед зданием из красного кирпича и яркими синеватыми колоннами.

Найти Сауля Товара оказалось нетрудно; как только мы спросили, где его разыскать, нам тут же ответили; казалось, все были в курсе того, где именно он находится в каждую конкретную минуту.

Одна деталь привлекла мое внимание: когда мы подошли к компании студентов, чтобы спросить о Сауле, какой-то довольно взрослый парень — возможно, выпускник — посмотрел на нас недоверчиво и, казалось, даже разозлился. Голову парня украшал взбитый кок, делавший его выше сантиметров на десять. Имелась у него и другая характерная черта, которая не могла оставаться незамеченной: глаза разного цвета. Одна радужка карая, другая — светло-зеленая.

— Спрашивают про Седую Бороду, — прошептал он кому-то, но я стоял рядом и все слышал.

— Вроде бы раньше ты называл этого женоубийцу Синей Бородой? — отозвался его долговязый приятель.

— Синяя Борода со временем превратилась в седую... Ладно, я пас, сами разбирайтесь, — сказал он остальным, после чего оба парня

повернулись к нам спиной и ушли, пока Эсти внимательно выслушивала указания двух миловидных девушек.

Мы отыскиали его кабинет и постучались в дверь. Никто не ответил, и мы вошли. Сауль сидел во главе стола; расставленные вокруг стулья занимали несколько студентов.

Едва взглянув на нас, он жестом попросил подождать и продолжил свое наставничество.

Забавно, что именно бросается в глаза в человеке, после того как ты не видел его двадцать четыре года. Сауль как-то очень поблек... наверное, как и я сам. Сейчас, прикинул я, ему пятьдесят с чем-то. Седые волосы в некогда черной бороде, более заметные морщины вокруг глаз... и поведение. В первую очередь — поведение.

Я запомнил Сауля как типичного преподавателя-харизматика: всегда в сопровождении студентов, всегда окруженный юношами и девушками. Теперь его тоже окружали студенты, а он, как и прежде, выглядел неформально — в джинсах, в незаправленной клетчатой рубашке. Но в прежде живых манерах сквозили отчуждение, усталость, досада, как будто игра в модного препода давно ему опостылела.

Я познакомился с Саулем, когда Лучо уговорил нас записаться на стипендиальную программу при Университете Кантабрии, куда принимали молодых людей из всех автономных сообществ с учетом будущего зачисления на исторический бакалавриат. Мой друг всегда мечтал стать археологом, а остальные ребята хотели заработать летом немного денег и как раз думали, куда бы податься — на «Экспо»^[19] в Севилью или в Олимпийскую деревню в Барселоне.

Хотя в первую очередь мы с Лучо и Асьером хотели поддержать Хоту в худший момент его жизни и увезти его из Витории на несколько недель: его отец боролся с саркомой поджелудочной железы, и еще совсем недавно ответственный ученик и примерный мальчик Хосе Хавьер Уэто каждые выходные шел вразнос, все чаще и чаще выпивал и ввязывался в склоки. Мы хотели помочь ему и побыть с ним вместе. Мы знали, что он поедет и в Севилью, и в Барселону, однако близлежащая Кантабрия была самым удобным вариантом.

Способствовало нашему выбору и то, что программа для молодежи в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет предусматривала материальную субсидию в размере 50 000 песет,

оплату дороги и проживания также брал на себя университет; а когда тебе шестнадцать, а впереди целое лето, такой план придется по вкусу любому.

Студентки внимательно слушали Сауля, который рассказывал о теонимах, древних словах, обозначающих топонимы и скрывающих имена кельтских богов, таких как Деба, Тевтат, Тулоний, Луг... Две девушки прилежно записывали лекцию и, подняв голову, улыбались Саулю; при этом на лицах у них читалось настоящее обожание. Тот же делал вид, что ничего не замечает.

Мы подождали некоторое время, но Сауль был настолько сосредоточен на своей кельтской болтовне, что вскоре забыл о нас, и легендарное терпение Эстибалис через несколько минут лопнуло.

— Профессор Товар, — сказала она, выразительно покашляв, — мы прибыли из полицейского участка Витории. Нам бы хотелось, чтобы вы уделили нам внимание, когда освободитесь. Мы не торопимся.

Чуть раскосые глаза Сауля будто бы затуманились. Мы явно взяли ошибочную ноту.

— Патрисия, Майте, Сандра... не могли бы вы оставить нас наедине? В четверг приходите на факультатив, если у вас остались вопросы, — приказал он вежливым, но не терпящим возражения тоном.

Девушки ушли, обменявшись друг с другом пристальным взглядом и осмотрев нас с Эсти с головы до ног.

— Для чего вы приехали? — начал он, как только за девушками закрылась дверь.

— Узнаёте инспектора Унаи Лопеса де Айялу? — спросила моя напарница, стараясь облегчить мне жизнь.

— Еще бы. Ты стал настоящим мужчиной, Кракен, однако внешне почти не изменился. К тому же я следил за событиями в Витории несколько месяцев назад. Я все-таки живу не на Луне. В Сантандере только об этом и говорили.

— Вроде бы вы должны были жить в Витории... — вырвалось у Эсти. Она покашляла и выпрямилась, словно вспомнив, что находится на работе и должна опросить свидетеля по старому делу.

— Лучше нам всем обращаться друг к другу на «ты», — предложил Сауль.

— Отлично, — моя напарница кивнула. — Мы — инспекторы отдела уголовного розыска. Прибыли, чтобы проконсультироваться с тобой по поводу некоторых вопросов, которые возникли в связи с делом об исчезновении твоей дочери Ребекки Товар.

— Значит, все-таки из-за Ребекки... — прошептал он. Лицо его болезненно сморщилось, и он опустил глаза. — Есть что-то новое? Вы нашли тело? — спросил он, приходя в себя.

— Боюсь, что нет. Но тогдашнее дело внешне напоминает нынешнее. Мы хотим исключить связь между ними и как можно скорее оставить тебя в покое наедине с твоим горем, — сказала Эстибалис с искренностью, которую я не привык наблюдать в ней во время общения со свидетелями. — Что, по-твоему, случилось с твоей дочерью?

— Мутная история. Похоже на хулиганство, — ответил Сауль. Он снова стал самим собой, и тон его казался более теплым. Он посмотрел Эстибалис в глаза и приблизился к нам. — Думаю, их было несколько; кто-то из подельников сделал фотографии, чтобы шантажировать другого или других, а позже раскаялся и отправил фотографии в СМИ. Труп исчез — скорее всего, они испугались, что найдут следы или улики, которые выведут прямо на них. Под уликами я имею в виду биологические остатки, сперму, что угодно...

— Сауль, а что ты думаешь насчет ее беременности? — спросила Эстибалис.

— Она не была беременна.

— Она была подростком. Статистика насчитывает множество родителей, которые понятия не имеют о беременности своих дочерей.

— Я не из тех отцов, которые не догадываются о беременности своей дочери. Ребекка не могла быть беременной, потому что... — Он вздохнул и повернулся ко мне. — Унаи, ты помнишь мою дочь?

«Да, мы вроде бы дружили. У меня сохранились о ней хорошие воспоминания», — написал я на мобильном.

До этого я не открывал рта, а Эстибалис забыла упомянуть о моей травме в зоне Брока. Но Сауль явно о чем-то догадывался; должно быть, его цепкая память сохранила тогдашние заметки в прессе, и он понял, что я не смогу участвовать в разговоре.

— Я имею в виду внешний вид, — настаивал он. — Ты помнишь, были ли у моей дочери женские формы?

Вопрос меня смутил. Отвечать отцу погибшей девочки-подростка, помню ли я фигуру его дочери, показалось мне кощунством.

«Не помню», — соврал я.

— Конечно, ты смотрел исключительно на Аннабель Ли. Ребекка была не очень развита — ни физически, ни умственно. Она была совсем ребенком и с парнями не встречалась. Моя сестра была эндокринологом и следила за ее развитием. Полиция задала мне тот же вопрос двадцать три года назад, и сестра показала результаты анализов, по которым Ребекка не могла быть беременной в месяцы, предшествовавшие ее исчезновению. Они не придавали этому вопросу большого значения. Насчет живота у меня есть два объяснения. Прежде всего подобное впечатление может создать ракурс, с которого сделаны фотографии. Но эти объяснения меня не удовлетворили, и я посоветовался с судмедэкспертом в Сантандере. Его мнение сводилось к тому, что подобное вздутие живота может быть вызвано разложением тела, если она была мертва в течение нескольких дней, хотя больше никаких признаков разложения с этого расстояния не было заметно. А лицо... я тысячу раз смотрел на эти снимки, и это, несомненно, была моя дочь. Отец всегда узнает лицо своей дочери, будь та жива или мертва.

«Ты много рассказывал о местных культах, — написал я Саулю, меняя тему. — Что ты можешь сказать насчет Фонтибре?»

— Что у судьбы дурной вкус и паршивое чувство юмора.

«Тебе не приходило в голову, что это мог быть кто-то из твоей академической или рабочей среды, какой-то коллега, интересующийся культурной антропологией, группа твоих же студентов или кто-то, для кого Фонтибре имеет особое значение? Способ умерщвления девочки не имеет аналогов — по крайней мере, в нашей культуре, Сауль».

— И это ты мне говоришь как эксперт? Думаешь, я сам не понимаю? — сказал он, повышая голос.

Нынешний Сауль чуть хуже контролировал свои вспышки, чем тот, которого я знал, — мягкий и сильный парень, умевший уладить любой наш конфликт.

«А что, если кто-то отомстил тебе, желая причинить боль?» — нажал я чуть сильнее.

— И ему это удалось. Но в первую очередь он сделал больно ей. Да, в первую очередь ей. Чего вы, собственно, хотите? Являетесь сюда из Витории, не задаете никаких новых вопросов, не докладываете о новых результатах, не сообщаете, где может покоиться тело Ребекки... Очевидно же, что они снова кого-то убили, что теперь это случилось в Алаве, и новое убийство наверняка напоминает то, что сделали с Беккой; в противном случае, Кракен, тебя бы здесь не было, если учесть твое плачевное коммуникативное состояние. Я знаю, что ты теперь специалист-профайлер. Скажи, они снова это сделали? Я прав? Это серийный убийца?

Я принял удар, не слишком обижаясь на Сауля; куда больше меня озадачила его враждебность. Я не был его фанатом — куда ближе к нему был Хота, которого он поддерживал в истории с отцом, затем Асьер и наконец Лучо.

Но и я был за многое ему благодарен. Например, он посоветовал мне гордиться прозвищем и воспринимать его как тотем — так поступали древние с духами животных, которыми восхищались и чьи сильные стороны желали сделать своими собственными.

Постепенно я перестал обижаться на Лучо, который мучил меня этим прозвищем, и начал потихоньку к нему привыкать — сначала со смирением, затем с растущей симпатией. Так и ношу его по сей день. Полностью с ним отождествился.

Это был отличный совет, и я по-прежнему был благодарен Саулю.

Был я признателен ему и за усилия сделать то лето неповторимым, и за то, что он тщательно подыскивал к нам подход, стараясь не задеть уязвимое подростковое эго.

Я плохо понимал его теперешнюю враждебность, но, как ни крути, мы в самом деле ворвались в его жизнь со множеством бестактных вопросов, потревожили память об умершей дочери... Мне такое тоже не понравилось бы.

— Мы еще не знаем, Сауль, — вмешалась Эстибалис, видя, что писать я ничего не намерен. — Мы приехали в Сантандер, чтобы сопоставить сведения, которые имеем на сегодняшний день, и определить, достаточно ли общих черт, чтобы сделать вывод об одном и том же исполнителе.

— Исполнителях, — поправил ее Сауль, и голос его прозвучал так, словно его ударили хлыстом. — Исполнителях.

«Вижу, ты все понял, — написал я. — И у тебя явно есть своя теория о том, кто виноват».

— Любопытно, что ты сказал это, Унаи. Любопытно, что ты сказал...

16. Дом Пандо-Аргуэльеса

21 ноября 2016 года, понедельник

В Сантандере лило как из ведра, и нам пришлось бежать, чтобы укрыться в машине. Дождь распугал почти всех студентов, парковка опустела. Старинное здание, облицованное кирпичом, выглядело более величественно в отсутствие студентов, нарушающих своей суетой торжественную тишину его колонн. Когда-то я был таким же, как они, вечно суетился, тревожился о грядущих экзаменах... Теперь в моей жизни были другие приоритеты: задержать убийцу, восстановить речь, смириться с новостью, которую преподнесла мне Альба.

— Что он имел в виду, заметив, что любопытно, что ты спросил его о подозреваемых? — спросила Эстибалис после того, как Сауль проводил нас до двери своего кабинета с явным намерением вышвырнуть вон.

«Я удивлен не меньше тебя. Я ничего не знал о смерти Ребекки, наши ребята никогда это не обсуждали. Но дело в том, что мы долгие годы не упоминали то лето по причинам... — мне потребовалось время, чтобы подобрать и написать слово, — по очевидным причинам. Как я ухитрился про это не знать, Эсти? Не помню, чтобы исчезновение Ребекки Товар обсуждалось в новостях, в «Коррео Виториано» или в «Диарио Алавес».

— Я тоже ничего не слышала, но мне тогда было... десять лет. Ежегодно исчезают четырнадцать тысяч человек, и большинство из них возвращаются домой. Как правило, это подростки, сбегаящие от родителей, как собственных, так и приемных. Изредка какое-нибудь исчезновение мелькает в заголовках — как правило, из-за особых обстоятельств, — рассуждала Эсти вслух по пути в Виторию, которая обещала быть такой же промозглой, как и Сантандер. — Руководство кантабрийской газеты вело себя образцово, поддерживая контакт с полицией, но не превращая эти новости в цирк. Милан искала сводки об исчезновении Ребекки Товар в газетном архиве, но нашла лишь беглое упоминание о пропавшей четырнадцатилетней девочке и ее инициалы. В газете не было ни слова о полученных фотографиях. Не было паники, новость не красовалась на первой полосе.

«Кстати, инспектор Гауна, что ты думаешь насчет Милан?» — написал я, когда мы прибыли в город, и искоса посмотрел на Эсти. Наша новая коллега казалась мне любопытным экземпляром.

— Ну, в общении она производит впечатление немного неуклюжей, но в вопросах документов и компьютеров ей нет равных. Все, о чем ни попрошу, находит почти мгновенно. Не очень общительна и не любит болтать. Иногда грубовата, но человек она добрый, это чувствуется. Я очень рада за нашу нынешнюю команду. Пенья шебутной, он немного раздражает Милан тем, что не может спокойно сидеть на собраниях. Но, думаю, они отлично дополняют друг друга. Вне полицейского участка Пенья — прикольный парень. Не ест ничего до семи вечера, то есть весь день. Говорит, что ему так больше нравится. А еще он музыкант — играет на скрипке, участвует в концертах на фольклорных фестивалях. Но на работе преобразается, очень вдумчив и последователен, при этом действует со скоростью тысячу оборотов в секунду. Я имею в виду, что мне он не кажется человеком чересчур импульсивным. Это пойдет на пользу команде, когда ты вернешься. В тебе слишком много огня.

— Кто бы говорил, — проворчал я, потрепав ее по рыжей шевелюре.

Прозвучало это как что-то вроде «о э эл», и снова жар прихлынул к моим щекам: мне было стыдно.

— Ты должен ходить к логопеду, Унаи, — сказала Эсти, посерьезнев. — Альба считает это условием для твоего возвращения, и я должна регулярно писать ей отчеты о твоей эволюции. Мы будем стоять за тебя, но и ты не подводи. Это предупреждение. И я говорю серьезно.

«С каких это пор вы с Альбой дружите? Честно говоря, я очень рад», — ответил я, нагло меняя тему.

— С тех пор, как я ежедневно навещала тебя в больнице Сантьяго, где ты лежал в коме. Первые несколько дней Альба тоже там лежала, и я заходила к ней в гости. Мне казалось просто чудовищным, что она потеряла мужа, а тот к тому же оказался убийцей. В Лакуа все стояли на ушах; комиссар Медина не знал, что делать — выгораживать ее или начать внутреннее расследование. Некоторые коллеги относились к ней враждебно, не верили, что она ничего не замечала в поведении мужа, считали ее пассивной соучастницей. А я... Ведь это я

прикончила Нанчо. Собственными руками. Убила ее мужа. Я должна была с ней поговорить; она — человек, которым я всегда восхищалась. Нам обязательно нужно было поговорить по душам.

— Это делает тебе честь. И что дальше?

— С тех пор среди недели мы встречаемся в Витории, по выходным — в Лагуардии, у нее дома, а иногда вместе залезаем на какую-нибудь гору. Она очень уравновешенный человек, много размышляет о мире вокруг себя, в отличие от меня. Слушает и не осуждает. Она действует на меня успокоительно.

Я кивнул, на мгновение наши глаза встретились, и мой взгляд не ускользнул от Эсти.

— Ты что, ревнуешь?

«Конечно, ревную, — ответил я. — Хотел бы я, чтобы мы с ней общались так же запросто».

— Во всяком случае, мы никогда не говорили о тебе, — сказала она, словно нуждаясь в разъяснении. — Я имею в виду, о тебе вне работы. Мы говорили о твоём выздоровлении, но только в смысле работы. Когда мы встречаемся, мы не говорим о парнях — только о жизни. Кстати, у нее жутко интересное прошлое. Она тебе все расскажет, если захочет.

Теперь меня и правда глодала зависть. Я почти ничего не знал об Альбе. За исключением того, что хотел быть с ней. Тепло в груди и промежности по-прежнему возникало каждый раз, когда она появлялась в Лакуа. Не исчезли ни химия, ни желание проводить с ней все свое время, спать, есть, все, что угодно — с ней...

— Короче, насчет здоровья: либо ты начинаешь ходить к логопеду на этой неделе, либо вмешаюсь я.

«Я начинаю сегодня же, Эсти, — перебил ее я. — Сейчас, в этой истории с Анной Белен Лианьо и Ребеккой Товар, я первый, кто хочет быть на сто процентов в форме».

Эсти удовлетворенно улыбнулась.

— Это все, что я хотела услышать. Я позвоню тебе. Поцелуй меня, — сказала она, высаживая меня возле дома.

Я звонко чмокнул ее в щеку и отправился обедать в Толоньо, не желая ни готовить, ни оставаться дома наедине со своими раздумьями.

Во второй половине дня я мысленно подготовил себя к тому, что меня ждет, и, наполовину обнадеженный, наполовину взволнованный, направился в Энсанче, район девятнадцатого века. Офис логопеда находился в конце улицы Сан-Антонио, неподалеку от железнодорожных путей.

Аристократические улицы, выстроенные для высшего класса. В этом районе было много контор и офисов, но кабинет моего логопеда доньи Беатрис Коррес располагался, как мне показалось, в лучшем месте.

Дом Пандо-Аргуэльеса представлял собой нарядный особняк, выходящий на угол Мануэля Ирадье, одной из лучших улиц города. Дед в свое время рассказывал, что во время Гражданской войны его ярко-синий купол с оранжевыми звездами служил укрытием для зенитных пулеметов. После этого он был штаб-квартирой Промышленного профсоюза, колледжем «Ньевес Кано» и еще много чем. Последнее, что было известно, — его купил некий застройщик, намереваясь отгрохать жилье класса люкс; однако по какой-то причине задумка не осуществилась. Видимо, теперь особняк арендовали офисы.

Я с любопытством подошел к подъезду 41. Внушительная дверь, забранная черной решеткой, напомнила перила на берегу в Конча-де-Доности. Я нажал на звонок, и тихий голос попросил меня подняться на второй этаж.

Как только я вошел в подъезд, в ноздри ударил запах краски и свежего ремонта. Видимо, моя логопед стала одним из первых арендаторов, снявших офис в несостоявшейся элитной квартире.

— Итак, ты решился, Унаи, — сказала она в знак приветствия, открывая дверь, и широко улыбнулась.

Я был немного ошарашен ее внешностью. Беатрис Коррес была похожа на диву сороковых годов — идеальный макияж, стрелки на глазах, подведенные чуть ли не до висков, подбородок, увенчанный привлекательной ямочкой. Туфли на шпильках, юбка-«карандаш». Каштановые волосы, уложенные с помощью лака мягкими волнами. Она была чуть полновата, но явно гордилась своей фигурой.

Беатрис понравилась мне с первого взгляда. Ее необычная внешность была настолько идеальна, будто она сошла с модной рекламы, рассчитанной не на всякий карман. Наверняка полдня

приводила себя в порядок, прежде чем выйти на улицу. Кажется, Беатрис не заметила моего замешательства: она была абсолютно уверена в своей неотразимой женственности, и чужое восхищение ее не удивляло.

«Я должен был прийти раньше», — поспешно извинился я, показав ей экран мобильного телефона.

— Проходите, вы последний вечерний пациент, — сказала она, приглашая меня в маленькую студию без мебели и декора. — Я только что арендовала этот офис, посему прошу прощения за неуют.

Я улыбнулся и кивнул. На столе виднелось несколько листков с отчетом моего невролога и стеклянная банка со множеством шоколадных ванильных «чупа-чупсов» — моих любимых.

— Садитесь, пожалуйста. Я рада, что вы наконец пришли. Доктор Диана Альдекоа рассказала про вас и передала мне ваше дело. Ситуация непростая — у нас много работы, и время не ждет. Ваше выздоровление будет зависеть от того, сколько часов вы потратите на упражнения. Если готовы уделять им два часа в день, будет идеально. Если три, мы увидим результат значительно быстрее, понимаете?

«Четыре, пять, сколько угодно», — подумал я. Но промолчал: она мне все равно не поверила бы, да это было и неважно. Вновь заговорить, вернуться к нормальной жизни стало моей главной задачей, а логопед не обладала сверхспособностями, чтобы мгновенно узнать, что у меня в голове.

«С чего начнем?» — написал я.

— На этой неделе нам предстоит несколько сеансов, но, прежде чем мы начнем работу, я должна провести с вами ряд тестов. Из отчета хирургов, которые вас оперировали, и рассказа Дианы... извините, доктора Альдекоа, я знаю, что вам назначили лекарства. Вы их принимаете?

Я кивнул. Возможно, в последние несколько месяцев я вел себя как придурок, отказываясь ходить к логопеду, но я не был самоубийцей и с самого начала понимал, что лекарства, которые мне прописали, жизненно важны для скорейшего восстановления мозга. Я не хотел быть овощем и сделаться бременем для брата Германа, не говоря уже о почти столетнем дедушке, пусть он и был самым мужественным человеком, которого я когда-либо знал, и безропотно взвалил бы на себя это бремя, как и многие другие.

— Очень хорошо, Унаи. Вы получаете лечение, рекомендованное в некоторых случаях при болезнях Альцгеймера и Паркинсона, однако при травме головы оно также приносит отличные результаты. Источник травмы, а именно пуля, была извлечена в течение первых нескольких часов, поэтому прогноз, учитывая ваш возраст и отличную физическую и умственную форму, был довольно обнадеживающим. Подозреваю, что в долгом периоде реабилитации виноваты вы сами, — сказала Беатрис, пристально глядя на меня своими глазами с идеальными стрелками. Я не ожидал такой головной боли в первую же встречу, но все, что она сказала, было правдой. — Я понимаю, у вас посттравматический стресс, но вы и здесь себя запустили: нужно было обратиться к психологу. Видимо, этого вы тоже не сделали. Так что, Дон-Я-Сам, сделайте одолжение: докажите всему миру, что были правы, и выберите из этого самостоятельно.

«Я готов, — написал я. — А как будут проходить занятия?»

— Начнем с растормаживания устной речи: подсчет дней недели, месяцев года, чисел... У меня в офисе мы будем делать упражнения, затем вы получите домашнее задание: напевать известные мелодии и повторять готовые фразы. Вы религиозны?

Я покачал головой.

— Жаль; молитвы типа «Отче наш» обычно очень помогают.

«Найдем другой способ», — написал я.

— Музыка, — ответила Беатрис.

«Это меня устраивает».

— Пойте, когда окажетесь в одиночестве. В ванной, в квартире, в машине...

«Растормозить устную речь, — повторил я. — Согласен. Сделаю все возможное. Я много часов провожу один. Не стану молчать даже под водой».

— Далее будем тренироваться произносить слова. Делать это мы будем вместе — как шепотом, так и в полный голос. Заодно восстановим ваш активный словарный запас: например, я описываю объект, а вы находите соответствующее изображение и называете его. Я вижу, вам нравится сидеть в мобильном телефоне; раз так, советую загрузить два приложения, в которых вы будете узнавать объекты и называть их вслух. На занятиях мы будем разговаривать с первого же дня. Сначала это будут бессмысленные двусложные звуки, затем три

слога, четыре... Затем вы будете повторять слова сложной структуры. Как я уже сказала, нужно растормозить механизм речи. При таких афазиях, как ваша, пациенты прекрасно осознают и свои ошибки, и телеграфный стиль. Вы должны преодолеть стыд. И получится это только в том случае, если вы будете много заниматься самостоятельно, а затем произносить слова в присутствии людей, которым полностью доверяете, или же родственников. Найдутся у вас такие волонтеры?

— Двое, — отважился я произнести вслух. Снова раздался цыплячий писк, но я подумал, что она наверняка привыкла к любым уродливым и смешным звукам, — и сразу почувствовал себя лучше, как она и говорила.

Беатрис достала коробку с карточками, которые назвала «пиктограммами», и показала их мне.

— Это карты Нардила. С их помощью вы будете строить фразы из двух, трех, четырех слов... Через несколько недель начнете выражать свои мысли вслух. Может быть, не так бегло, как раньше, но наша цель состоит не в том, чтобы полностью очистить речь, а в том, чтобы в речи присутствовало как можно меньше остаточных явлений. С другой стороны, вам надо укрепить правую сторону тела. Вы занимаетесь спортом?

«Раньше бегал», — написал я.

«Бегал по утрам, но у меня больше нет мотивации», — добавил я про себя.

— Вернитесь к бегу, делайте упражнения на выносливость и силу. Не забывайте, что отныне левая область вашего мозга должна максимально восстановить нейронные связи. Сгодится все, что стимулирует правую часть: например, можно катать на ладонях и между подошвами ног шарик с шипами или любой другой предмет, который воздействует на чувствительность конечностей. Станьте одержимы терапией, поставьте ее на первое место. Мы станем встречаться каждый день; я буду стимулировать вас, чтобы получить результаты. Иногда вам будет казаться, что вы меня ненавидите. Но если вы перестанете сюда приходить, я продолжу все так же разговаривать и принимать пациентов, а вы останетесь со своей афазией Брока.

«Вы абсолютно правы».

— Сегодня мне предстоит оценить ваши механизмы глотания, состояние мускулатуры лица и голосовых связок. А еще я покажу вам лицевые праксии, чтобы вы сегодня же вечером приступили к самостоятельным занятиям. Делайте их как минимум один раз в день.

Я кивнул; доктор улыбнулась.

После бесчисленных тестов, назначение которых я так и не понял, а некоторые из них показались мне в точности повторяющимися, она завершила тестирование. Затем вытащила из ящика стола зеркало и терпеливо принялась учить меня двигать языком с севера на юг, с востока на запад и во всех возможных направлениях.

В восемь часов мы вместе вышли на улицу. Беатрис заперла кабинет и вручила мне «чупа-чупс», чтобы я даже на улице не переставал шевелить языком.

Дождь кончился, небо прояснилось, и я не ожидал, что при свете уличного фонаря на тротуаре напротив нас будет ждать мой брат Герман, одетый в один из своих безупречных костюмов, сшитых на заказ: из кармана, рядом с сердцем, выглядывали три кончика носового платка.

«День суда?» — написал я на мобильном и показал ему.

— День суда, — подтвердил Герман, но смотрел при этом не на меня: он не в силах был отвести взгляд от моего нового доктора. Я поспешил представить их друг другу.

«Беатрис Коррес, мой логопед, — написал я на мобильный и показал им обоим. — А это Герман Лопес де Айяла, мой брат. У него адвокатская контора на площади Амарика. Как видно, он решил за мной зайти».

Беатрис улыбнулась, а Герман ловко и грациозно поцеловал протянутую ему руку — с женщинами он был чертовски галантен. Впрочем, давненько я не видел, как он целует дамам ручки... Беатрис, казалось, совсем не удивил его маленький рост.

— И как он себя вел, доктор? — спросил Герман, когда мы шагали по улице Мануэля Ирадьеры.

— Сегодня у нас было вводное занятие. Но, уж если вы здесь, повторю еще раз: пациент должен участвовать в терапии не только во время визитов в консультацию. Если вы сможете помогать ему в упражнениях, которые я буду задавать на дом, его эволюция пройдет быстрее и...

— Полностью с вами согласен, — прервал ее Герман. — Умираю от нетерпения как можно скорее вновь услышать этого зануду. Кстати, мы с Унаи собирались перекусить в «Сабурди»; может быть, вы к нам присоединитесь?

Беатрис глянула на него так, будто предложение ей понравилось, и на мгновение у меня возникла мысль, что она вот-вот согласится.

— Звучит заманчиво, но на сегодня сеанс окончен, — она улыбнулась. — Унаи, увидимся завтра в семь. Домашнее задание должно быть выполнено. Хочу видеть прогресс как можно скорее. Герман, приятно было познакомиться.

И Беатрис звонко зашагала на своих гранатовых шпильках в сторону улицы Дато, а брат смотрел на нее так, словно перед ним предстала богиня Мари.

«Что это было, Герман?» — Мне пришлось поднести экран мобильного прямо к его глазам, потому что он все еще продолжал смотреть ей вслед.

— Что? — спросил брат, рассеянно глядя на ее качающиеся бедра.

«Это», — я кивнул вслед логопеду.

— Ничего... Просто у меня сложилось впечатление, что ты в надежных руках, и это меня очень радует, Унаи. Мечтаю, чтобы ты раз и навсегда выздоровел и перевернул страницу, чтобы этот год закончился и мы о нем забыли.

Неподражаем. В своей способности уходить, да еще так элегантно, от прямого ответа мой брат был просто неподражаем. Что помешало ему сказать: «Твой логопед кажется мне очень интересной женщиной...» Думаю, его смущает воспоминание о Мартине. Тут я его понимал: я пережил то же самое после гибели Паулы. Чувство вины за быстрое возвращение в строй, как будто наставляешь рога умершему человеку. Чувство предательства, которое я ненавидел, которое не отпускало меня на протяжении многих лет.

Я рано вернулся домой, но лег поздно: три раза повторил все двадцать четыре праксии. В ту ночь я узнал, что жевательные мышцы могут болеть, да так, будто в них вонзаются иглы. После того как я загрузил приложения, присланные логопедом, и попытался повторить бессмысленные слоги, мой мозг чуть не расплавился.

Я с религиозным фанатизмом принял таблетки, которые прописала мне невролог, и заснул счастливым и довольным.

Четыре часа. В первый день своей новой жизни я потратил на реабилитацию четыре часа.

* * *

Я встал около восьми и спокойно позавтракал. С тех пор, как я засел на больничном и забросил утренние пробежки, мне нравилось понежиться в кровати. Если, конечно, я ночевал в Витории. В Вильяверде всегда было полно работы, и дед вставал еще до петухов, голосивших в сарае Прудена, нашего соседа, поэтому я позволил себе немного осенней лени.

Включил мобильный, обнаружил пропущенный звонок от Эстибалис и собрался было написать ей в «Ватсап», как вдруг на экране высветился один из номеров полицейского участка. Я слушал «*Lau teilatu*»^[20], рингтон, установленный у меня на телефоне с лета, — он напоминал мне Альбу и наши четыре крыши, и у меня не хватало решимости его сменить, несмотря на то, что мне становилось больно каждый раз, когда я его слышал.

Я ответил «да». Это было мое любимое слово: оно получалось у меня лучше всего. Фраза моего логопеда о «растормаживании» речи показалась мне очень важной. Во всяком случае, я надеялся, что это звонит Эстибалис.

— Алё... инспектор Лопес де Айяла?

— Д... да? — промямлил я без особой уверенности, не узнав низкий голос, который говорил со мной из Лакуа.

— Я агент Милан; инспектор Руис де Гауна попросила меня позвонить вам, чтобы сообщить новости.

— И?... — спросил я. Произнести само по себе «и» тоже было несложно, к тому же полезно.

— Видите ли, инспектор попросила меня отследить банковские счета Аны Белен Лианьо. Это оказалось не так сложно, но больше всего нас заинтересовал счет, который она открыла в «Кутчабанке», выиграв три миллиона евро. Совладельцем учетной записи является некий Асьер Руис де Асуа.

Секунду она молчала. Я не сумел бы ответить, даже если б к тому времени полностью восстановил речь.

— Я провела небольшое исследование по нашим базам данных, — продолжала Милан своим меццо. — Самое любопытное: этому Асьеру сорок лет, он женат, по профессии фармацевт. Фактически владеет двумя аптеками, на улице Сан-Франциско и в районе Сальбуруа. Насколько мне удалось разузнать, с жертвой его не связывают никакие семейные или профессиональные отношения. Не может ли он быть отцом ребенка, которого она ждала?

Я ничего не думал — настолько был потрясен, услышав, что Асьер, тот самый Асьер, который несколько дней назад утверждал, что видел ее последний раз двадцать лет назад, открыл с Аннабель Ли счет, и она доверила ему половину своих трех миллионов евро.

17. Улица Сан-Франциско

22 ноября 2016 года, вторник

Вскоре раздался еще один звонок, на этот раз от Эстибалис.

— Жду тебя в аптеке твоего друга Асьера, — бросила она мне, и голос ее не предвещал ничего хорошего. — Я нашла его тело, оно лежит на полу.

Я пулей помчался вниз по лестнице, стараясь ни о чем не думать; в мозгах все еще стоял туман от недавнего крепкого сна.

Мне не приходило в голову, что с Асьером может случиться что-то плохое. Он был слишком устойчив — скала, а не человек, что-то непоколебимое и цельное. За почти четыре десятилетия нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы он дрогнул или сломался.

Нет, с ним ничего не могло случиться.

Я добрался до заведения своего друга минут через пять, Эстибалис кивнула мне с порога.

В аптеке, которая некогда перешла к Асьеру по наследству, время словно остановилось: пол шашечками, как шахматная доска, флаконы из лиможского фарфора, где хранились активные вещества, старинные медные весы.

Но, увидев Асьера в забрызганном кровью белом халате, неподвижно лежащего на полу девятнадцатого века, я почувствовал, как мое сердце будто провалилось вниз. Я бросился к другу, пытаюсь нащупать у него пульс.

Эстибалис озабоченно смотрела на меня.

— Успокойся, Унаи. Он не мертв, просто без сознания. Не знаю, почему, черт возьми, «Скорая» до сих пор не приехала, — я вызвала ее давным-давно. У Асьера рассечена бровь, поэтому столько крови. Похоже, его ранили в голову и оставили лежать в нокауте.

Было чуть больше половины восьмого, Витория лениво просыпалась. Большинство лавочек Старого города открывались после десяти, но на улицы уже выходили сонные люди, добравшиеся до работы на автопилоте. Никто и представить себе не мог, что на полу в аптеке лежит окровавленный фармацевт.

Я не мог прийти в себя от потрясения. Мимолетная мысль о том, что друг, которого я знал с первого класса, может быть мертв, парализовала меня, и на мгновение я усомнился, насколько разумным было мое решение вернуться в полицию, тем более в отдел уголовного розыска, работа в котором подразумевала столкновение с мертвыми телами каждые несколько недель. Готов ли я к этому? Я действительно этого хочу?

К счастью, голова у Асьера оказалась покрепче моей — по крайней мере, затылочная кость, где растущая на глазах шишка свидетельствовала о том, что кто-то ударил его по затылку. Но больше всего впечатляла кровь, хлеставшая из правой брови.

Потом я заметил, что в руке у него что-то зажато, и это мне не понравилось. Я взял салфетку из туалета для персонала, чтобы вытереть кровь, а заодно осторожно, потихоньку от Эстибалис, разжал кулак.

«Позволь мне для начала поговорить с ним», — умолял я Эсти взглядом, когда мы тащили тело Асьера в заднюю комнату, где у него имелся небольшой кабинет.

Напарнице это вряд ли пришлось по вкусу, но она вняла моим просьбам и согласилась.

В подсобке стояла софа, на которую мы уложили Асьера. Вскоре он зашевелился и открыл глаза. Лицо его исказила гримаса острой боли.

«Как ты?» — жестом спросил я друга. В этот миг я ненавидел себя за то, что не могу говорить. Я даже не смогу объяснить ему, как переволновался за него, как на долю секунды испугался, что он мертв.

— Круто меня отделали, — с отвращением пробормотал Асьер, глядя на окровавленный халат. — Помоги мне избавиться от этого дерьма. Через полчаса придут фармацевты; не хочу, чтобы они знали о случившемся. Слышишь меня? Они ничего не должны знать.

«А что случилось?» — Я показал ему экран мобильного.

— Какой-то придурок подкрался сзади, ударил меня по голове, и я потерял сознание. Скорее всего, какой-то начинающий наркоман... как же я от них устал! Давай посмотрим, не украл ли он что-нибудь, — сказал он, силясь подняться.

Я удержал его и вновь уложил на софу.

«Ты его не видел?» — настаивал я, тыча пальцем в экран. Раздраженно подумал: «Почему ты лжешь мне, приятель?»

— Я стоял у электрической панели и включал свет; сдуру оставил дверь незапертой, и кто-то ударил меня сзади.

«Все равно не верю», — подумал я.

«Асьер, перед тем как напасть сзади, тебе рассекли бровь; ты защищался, у тебя костяшки пальцев разбиты в кровь. Ты видел его, чувак. Ты знаешь, кто он, но не хочешь говорить. Что, черт возьми, здесь происходит?» — писал я, теряя терпение.

— Скорее всего, наркоман. Я ничего не видел, — упорствовал он.

«Это не тот район, где наркоманы бродят среди бела дня. Мы приехали, потому что кое-что обнаружили, расследуя убийство Аны Белен Лианьо. Ты действительно намерен все отрицать?» — написал я, немного устав от упорной лжи Асьера.

— Что отрицать?

«Что ты открыл с ней совместный счет, когда она выиграла в лотерею».

— Я не обязан ничего тебе объяснять, Унаи. Это личная тема.

«Она перестанет быть таковой, как только ты окажешься подозреваемым в убийстве».

— У тебя уже есть ордер на арест?

«Ты совсем идиот, приятель...»

«Пока нет, но, если ты откажешься давать показания, инспектор Гауна арестует тебя за отказ сотрудничать с полицией. Она имеет все необходимые полномочия. — Я показал ему экран, раздосадованный тем, что он заставил меня написать эти слова. — Есть еще кое-что, о чем я также хочу тебя спросить. После того, как я на днях рассказал тебе, что Ана Белен мертва, ты что-то говорил своей жене?»

Арасели, жена Асьера, была хорошим человеком, но в прошлом у них уже возникали проблемы из-за ее патологической ревности к его бывшим девушкам, да и после женитьбы Асьер был далеко не святым. Интересно узнать, каким образом мой приятель справился с непростым делом — сообщить Арасели о смерти Аннабель Ли. В самом деле, очень интересно.

— Не втягивай в это Арасели, Кракен, — бросил он мне, и лицо его в нескольких сантиметрах от моего побагровело от ярости. — Или

мы с тобой поссоримся. Арасели ни в чем не виновата. Даже не думай с ней разговаривать.

«А может, ты не хочешь, чтобы я ее видел, потому что вы сцепились друг с другом, и это ее лицо ты пометил костяшками пальцев?» — подумал я.

В этот момент к нам подошла Эстибалис, никогда не отличавшаяся ангельским терпением; на ее лице было написано «вы уже и так поговорили достаточно».

— Привет, Асьер. Вижу, ты не хочешь облегчить наше расследование и собираешься подать жалобу на невидимого наркомана?

— А что, это поможет? Вы побежите его арестовывать и принесете мне в наручниках на подносе? — ответил он: за это время к нему вернулся обычный язвительный тон.

— Не валяй дурака, так ты ничего не добьешься, — ответила Эстибалис. — Ответь на вопрос, и я перейду к делу. Итак, почему ты снял двести тысяч евро со счета, который вы поделили с Аной Белен Лианьо за два дня до ее смерти?

Я эту подробность не знал, Милан ничего мне не сказала. Слова Эсти потрясли меня. 200 000 евро? Для чего понадобилось Асьеру столько денег?

— Я уже сказал своему другу Кракену, что не собираюсь ничего объяснять, пока у вас не будет судебного ордера, — ответил он.

Взглянув на мрачную физиономию Асьера, я понял, что мы ничего от него не добьемся. Вообще ничего.

— А что сказала Ана Белен, узнав, что ты отщипнул кусочек от ее приза? Может, она возмутилась, вы поссорились, и она назвала тебя вором, который воспользовался удобным случаем? — не отступала Эстибалис, войдя в роль. — И ты убил ее, чтобы забрать половину, прежде чем она от тебя отстанет, — ведь деньги на общем счете принадлежат тебе по закону?

— Вы тычетесь, как слепые щенки. Удачи, — пробормотал Асьер.

В это время прибыла «Скорая». Носатый парень в фельдшерской форме принялся обрабатывать ему бровь, которая все еще кровоточила.

— Вы — козлы, и скоро об этом узнает весь Старый город. Большое спасибо, Кракен, за твою легендарную сдержанность.

Большое спасибо, — сказал Асьер, когда фельдшер направился к «Скорой» в поисках перевязочного материала, и бросил на меня такой испепеляющий взгляд, что напрочь испортил мне остаток дня.

Я узнал наше давнишнее соперничество, хотя еще недавно мне казалось, что оно уже позади.

Мы с Эстибалис покинули столетнюю аптеку; обоими нами владела такая ярость, что и язву желудка недолго заработать.

— Пойдем, приглашаю тебя позавтракать на Продовольственный рынок. Этот твой приятель оказался таким поганцем, что я чуть не сперла у него леденцы, но удержалась, представь себе... Давай-ка это отпразднуем, сегодня великий день, — убитым тоном предложила Эсти.

Заказав в «Чики» на Продовольственном рынке омлет, Эстибалис подошла к бару и вернулась к нашему столу с двумя экземплярами «Коррео Виториано» и «Диарио Алавес».

— Ты ничего не заметил, Унаи? — Она внимательно посмотрела на меня, перелистывая страницы «Диарио Алавес».

— Н... не, — вслух сказал я.

— Наш друг Лучо молчит, как мертвец. В его газете ни слова об Ане Белен Лианьо. И в «Коррео Виториано» тоже. Но Лучо был на похоронах, а значит, все знает. Я так понимаю, это ты ему рассказал.

«Ему, Асьеру и Хоте. Ана Белен была подругой нашей юности. Они имеют право знать», — возразил я.

— Ты герой эвфемизмов, — иронично заметила Эсти. — Но, возвращаясь к Лучо: впервые за всю свою долгую жизнь вижу, что он отказывается от скандального заголовка.

«Я предупредил его о тайне следствия. Приходится ее соблюдать», — заметил я.

— Да, но Лучо мог бы сообщить о смерти художницы-комиксистки Аннабель Ли, не связывая ее с находкой беременной альпинистки в туннеле Сан-Адриан. Однако все-таки молчит, — возразила она.

«Вероятно, чтит память Аннабель Ли», — написал я, но даже сам в это не поверил.

— А может, не хочет, чтобы об этом узнали, — заметила Эсти с набитым ртом.

Через час, хорошенько заправившись углеводами, мы вошли в кабинет доктора Гевары во Дворце правосудия, расположенного в конце проспекта Гастейс.

В пятницу, последовавшую за нашим собранием, вскрыли тело Аннабель Ли, и мы получили отчет. Но после встречи с Гектором де Кастильо в Музее археологии Кантабрии у нас возникли предположения, которые срочно нужно было проверить.

Судмедэксперт ждала за столом у себя в кабинете. Приветливо поздоровавшись, она пригласила нас сесть.

— Как прошли выходные? Пришли в себя после истории с градом?

— Жизнь продолжается, надо двигаться дальше. А как вы? — ответила Эстибалис, усаживаясь в кресло.

— Если честно, меня потрясла смерть Куэсты. Мы часто работали вместе на визуальных осмотрах. Очень тяжело, но ты верно говоришь, надо двигаться дальше... — Она вздохнула. — Чем я могу вам помочь?

— У нас есть вопросы насчет смерти Аны Белен Лианьо. Линия расследования заставляет нас подозревать в ее убийстве ритуальный элемент, — начала Эстибалис.

— Ваша задача — найти объяснение тому, что они сделали с этой бедной матерью, — спокойно перебила ее врач. — Согласна: за годы работы ничего подобного я не видела. Повесить человека за ноги со связанными руками и лишить жизни, погрузив голову в котел с водой... Признаться, необычная смерть.

«А что, если это не одна, а три смерти?» — написал я в мобильнике.

— Что значит «три»? Не понимаю твоего вопроса, Айяла.

— Коллега хочет знать, есть ли вероятность того, что Ана Белен Лианьо была убита во время кельтской церемонии под названием Тройная Смерть. Она заключается в том, чтобы сжечь, повесить и утопить жертву. В нашем случае не хватает одной стихии: огня. Мы внимательно прочитали отчет о вскрытии, просмотрели все фотографии трупа: те, что были сделаны при визуальном осмотре, а также те, которые вы нам прислали. Только один вопрос, доктор, — сказала Эстибалис, выбрала одну из фотографий с изображением шеи

Аннабель и показала судмедэксперту. — Взгляните на эти два прокола на шее: не мог их оставить электрошокер «Тейзер»?

Судмедэксперт отвела руку с фотографией подальше от лица, чтобы внимательно ее рассмотреть, затем надела очки-полумесяцы, висевшие на золотой цепочке.

— Я не специалист по электрошокерам, — заметила она, спокойно изучая снимок. — Но вы правы, эти проколы идеально соответствуют следам, оставляемым таким оружием. Они были на одной из гематом, и я подумала, что это мелкие царапины от ударов, которые она сама себе нанесла. Что же касается Тройной Смерти, как вы ее называете, жертва действительно была жива, когда ее голову погрузили в котел. Мы нашли воду в легких, так что она все еще дышала и, конечно, сопротивлялась. Получается, сначала она была неподвижна, парализованная «Тейзером», но затем подвижность к ней вернулась, и она захлебнулась в котле. Возможно, это выглядело так: убийца или убийцы выстрелили ей в спину, ее парализовало, и этого времени оказалось достаточно, чтобы связать ей руки, обмотать ноги веревкой и повесить на дереве. Затем ее голову погрузили в Кабарсенский котел. Далее шок закончился, мышцы снова стали послушны, и она попыталась высвободить голову, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своего сына.

Я сглотнул слюну, услышав последние два слова: Аннабель ожидала мальчика. Вскрытие показало, что плоду было двадцать недель, а значит, половые признаки уже определялись.

Этот факт делал трагедию более реальной: убийца или убийцы отняли две жизни. И это вновь привело меня к неизбежному вопросу: кто был отцом сына, которого ожидала Аннабель Ли?

Я знал, что можно извлечь ДНК — у доктора остались образцы тканей матери и плода, они могут храниться в течение нескольких месяцев — и сравнить ее с образцом ДНК потенциального отца, но для этого понадобится ордер судьи Олано, а мы его не получим, если не укажем мотивы преступления и не докажем, что подозреваемый причастен к убийству Аны Белен Лианьо. Тем временем расследование так и останется на мертвой точке.

На данный момент у нас был банковский счет, соединяющий Ану Белен с Асьером, но этого недостаточно, чтобы судья Олано подписал ордер, обязывающий Асьера пройти тест на отцовство.

Во всяком случае, я попытался добыть кое-какие доказательства и отправил Арасели сообщение по «Ватсапу». Я хотел знать, имеет ли она какое-либо отношение к разбитой брови Асьера, а заодно увидеть ее саму: нет ли у нее на лице каких-либо подозрительных синяков.

«Кайхо^[21], Арасели. Можно с тобой повидаться?» — написал я.

«Что-то случилось, Унаи?» — ответила она через мгновение.

«Нет, ничего, — соврал я. — Просто хотел выпить с тобой кофе, чтобы наверстать упущенное. Как в старое доброе время».

«Конечно. Надеюсь, сможем встретиться на следующей неделе. Я все эти дни в Деусто. Сплошные лекции, ты же знаешь».

«Сообщи, когда вернешься, и договоримся о встрече». — И я попрощался.

Домой мы с Эстибалис возвращались в полнейшем унынии. По дороге почти не общались. Оба понимали: если подозрения подтвердятся и в смерти Аны Белен участвовала огненная стихия — иначе говоря, если мы имеем дело с той самой кельтской Тройной Смертью, — дела наши плохи. Ритуальное преступление, связанное скорее с обрядом и жертвоприношением, чем с личностью жертвы... Это означает, что оно может повториться.

Что же касается убийства Ребекки Товар, трудно представить, что в нее тоже стреляли из «Тейзера»: в 1993 году этих шокеров еще не было в Европе. К тому же теперь невозможно узнать, сожгли ли каким-либо образом ее тело, сняв с дерева в Фонтибре. Может быть, именно поэтому оно так и не нашлось...

Подумав об обгоревшем теле Ребекки, я подавил рвотный спазм. Для такой нежной девушки это было бы слишком мрачным и страшным концом.

18. Бульвар Фрая Франсиска

23 ноября 2016 года, среда

Ложась спать, я поставил будильник на шесть. На улицу вышел около половины седьмого: Витория была озябшей и темной, но я этого не замечал. Пересек парк Флорида, который в эти часы казался холодной сырой пещерой, и замедлил темп, выйдя к бульвару Сенда.

Там я ее и нашел: она бежала по тротуару в своих белых рейтузах. Увидев меня, удивилась. Я предположил, что все это время она не прекращала тренировки и теперь вернулась к маршрутам, по которым мы когда-то бегали вместе.

Эта предутренняя встреча была для меня возвращением в прошлое лето, в первые дни августа. К взаимному притяжению, которым мы наслаждались в то время, не зная, что где-то впереди нас ждет смерть.

Теперь нас ждала жизнь, и мы оба о ней знали.

Следовало вести себя с ней честно. Пришло время перестать быть наперсточником, поднять все три наперстка и показать, что под ними.

— Инспектор Айяла или Унаи? — спросила она, когда я остановился, преградив ей путь.

«И то и другое», — написал я.

— Как скажешь, — сказала она, внимательно изучая выражение моего лица.

Мы стояли под уличным фонарем, струившим желтый свет; небо еще не окрасилось густой синевой виторианских восходов.

«Мы так остынем. Побегали потихоньку, мне нужно кое-что написать». — Я показал ей мобильник, и мы направились в сторону бульвара Фрая Франсиско.

— Ладно, начинай, — согласилась она.

«Инспектор Гауна установила личность владельца банковского счета жертвы. Асьер Руис де Асуа, фармацевт, женат. Вчера кто-то напал на него рано утром, когда он открывал свою аптеку, но писать заявление Асьер отказался».

— Да, я в курсе. Ты что-то хотел добавить?

«Да, Альба. Есть кое-что еще, но я молчал, поскольку хотел, чтобы ты разрешила мне участвовать в этом расследовании, и боялся рисковать».

Альба посмотрела на меня внимательно, ничего не понимая, затем остановилась и сложила руки на груди.

— Унай, расскажи мне все, пожалуйста, — сказала она; голос ее звучал напряженно.

«Жертва была моей первой девушкой, — признался я. — А заодно и Асьера — мы с ним были из одной компании. И Лучо, журналиста из «Диарио Алавес». И еще одного нашего общего приятеля, Хосе Хавьера Уэто по кличке Хота».

Альба выслушала мое признание и нахмурилась, пытаясь угадать, что все это может значить.

— Ты хочешь сказать, что четверо друзей из твоей компании спали с одной и той же девушкой? Прямо как в том анекдоте про виторианские тусовки, где у всех все общее?

«Нет, конечно, — ответил я: мне было не до шуток. — Для всех четверых она была первой. Это произошло в июле 1992 года; мы получили стипендию и поехали строить кельтскую деревню в Кантабрии. И еще кое-что: Ребекка Товар, четырнадцатилетняя девочка, подвешенная за ноги на дереве в Фонтибре, а также ее отец были в том же лагере».

— Хватит, Унай. Пока достаточно. Теперь с тобой говорит твой шеф, который за тебя поручился.

«Нас проконсультировал специалист по кельтской культуре: возможно, способ умерщвления обеих женщин — ритуал жертвоприношения, который практиковали более двух тысяч лет назад по всей территории кельто-иберийского влияния, включая эти земли, а также Кантабрию. Кельтская Тройная Смерть: жертвы сожжены, повешены и утоплены в воде, символизирующей плодородие. Поскольку мы подозреваем, что Ребекка тоже была беременна, это означает ритуальные наказания: кто-то решил, что из обеих получатся плохие матери. Согласно обряду, нерожденный ребенок будет передан трем Матрам, богиням-матерям из кельтского пантеона».

— Боже, неужели снова... Только не психопат, — прошептала Альба, поднеся руки к лицу: в этом жесте сквозило отчаяние. Она

всегда была сдержана в выражении своих эмоций, и меня поразила уязвимость, которой Альба не стеснялась в моем присутствии.

— Что ты думаешь обо всем этом как психолог-криминалист? — спросила она.

«Чтобы стать серийным убийцей, нужно совершить три убийства, соблюдая между ними период затишья, ты и сама это знаешь. Но мы не можем игнорировать сходство в почерке обоих убийц, да и жертвы похожи: незамужние беременные женщины. Выглядит все это так себе, Альба. Я бы сказал, похоже на начало серии. К сожалению, буря в Сан-Адриане послужила на руку убийце или убийцам. Думаю, что если те же убийцы действовали в Фонтибре, труп они прятали, опасаясь выдать себя полиции. Тело Аны Белен, вопреки всем расчетам, обнаружили горцы: зимой это место пустынно, к тому же преступление было совершено в будний день. Убийца собирался вернуться за котлом, украденным, скорее всего, для обряда. Молчание прессы, как и безнаказанность злодеев, стала, возможно, роковой ошибкой. Они обнаглеют, поверят в свою неуязвимость. Боюсь, это может сократить период затишья».

Прочитав мое сообщение, Альба опустила на скамейку напротив виллы София, дворца девятнадцатого века в восточном стиле, будто бы прилетевшего в наш город из «Тысячи и одной ночи» и мало напоминающего резиденцию лезндакари^[22], и неподвижно смотрела на странный шар, венчающий его купол, на минареты, словно где-то там был спрятан ключ к тайнам всего мироздания.

— Итак, ты ни слова не упомянул о том, что знаком с жертвой, и все равно влез в это дело. Я готова была за тебя поручиться, при том, что сама я сейчас в непростой ситуации и из-за беременности меня, возможно, ожидает скандал; а ты... ты скрыл от меня эту информацию? Что за нечистоплотность?

Я кивнул: она была права.

— Унаи, ты не имеешь права нарушать правила и иерархию из-за личных мотивов. Ты нас всех подставляешь; ты уже делал это однажды. Как ты можешь преспокойно вернуться к работе, скрыв от меня такие важные для расследования данные?

«Не забывай, что мы вдвоем взбесили твоего мужа, из-за нас погибли девушка Германа и брат Эстибалис. Не хочу быть к тебе несправедливым, но ведь и ты нарушала правила, Альба».

— И буду расплачиваться за это всю оставшуюся жизнь, — прошептала она.

«Не надо о том, что нельзя исправить. Прошлое есть прошлое, — ответил я. — Давай о другом: о том, что никто, кроме меня, не раскроет это дело. Я знаю окружение, жертв и вероятных подозреваемых. Позволь мне продолжать. Эстибалис так же упряма, как и я, расследование она ведет безупречно, но не была знакома ни с одной из жертв. Я могу оказать следствию неоценимую помощь. Наша общая цель — изловить мерзавца — или мерзавцев, не забывай об этом».

— Не забываю, Унаи. Ни на минуту не забываю. Ты — один из лучших профайлеров в стране, и мы совершим непростительную ошибку, если откажемся от твоей помощи. Но, прошу тебя, не скрывай от меня ничего; подобное не должно повториться. Не превращай мою работу в ад, договорились?

Я кивнул. Альба встала со скамьи, посмотрела на часы — и вскоре затерялась посреди Сенды. Только тут я заметил, что уже рассвело.

19. Колодец в Вильяверде

23 ноября 2016 года, среда

Я вернулся домой и все утро ждал звонка от Эстибалис, который так и не последовал. Я предположил, что мое присутствие в Лакуа не потребуется, а Эсти работает с документами, сидя у себя в кабинете. Я решил не терять время и отправился в Вильяверде, нашу деревушку в Алавесских горах в сорока километрах к югу от столицы.

В будние дни мы с Германом ездили туда по очереди проводить дедушку. Несмотря на свои девяносто четыре зимы, он не требовал посторонней помощи и отлично заботился о себе сам, а с огородом справлялся лучше, чем завзятый агроном, однако ему всегда было приятно, когда мы приезжали, да и наши руки никогда не были лишними.

Когда я вошел, дедушка храпел, сидя на диване и прикрыв беретом лицо от все еще ясного вечернего света, падавшего через балкон кухонки. Жар от очага отлично прогрел большой дом с каменными стенами.

Несмотря на то что уснул дедушка довольно крепко, спал он как заяц — в один глаз: почувствовав мое присутствие, поправил берет и спросил бодрым голосом:

— Как дела, сынок?

Я сделал условный знак, давая понять, что у меня все хорошо. Строго говоря, это было не совсем правдой, но беспокоиться об этом дедушке точно не следовало.

— Спустимся в огород? Гляну, как там лук-порей.

Я кивнул и последовал за ним вниз по лестнице. Зимой дедушкин огород выглядел довольно убого; обычно в нем росло всего несколько овощей, выдерживающих суровые здешние холода. Мы спустились по ступеням, выведившим на более низкий уровень — когда-то эти ступени с немалым трудом вырезал сам дед, — и обогнули каменную стену, возле которой возвышался полупустой резервуар, где хранилась вода для полива.

— Герман говорит, что докторша скоро тебя вылечит, — произнес дед. — Все время повторяет, что девка уж больно хороша, — добавил

он с хитринкой, сосредоточенный на том, чтобы не упасть с лестницы.

«Да, девка хороша», — написал я в мобильнике.

Дед терпеть не мог мои сообщения на экране — с его слабым ближним зрением ему стоило изрядного труда прочитать их, и приходилось надевать дорогие очки, к которым он так и не привык.

— А эта твоя врачиха не сказала тебе, чтобы ты отлип наконец от проклятого телефона? — ответил он, и я удивился его резкости. Обычно дедушка так не выражался.

— Нет, — ответил я тоже немного раздраженно.

«Я пытаюсь, дедушка. Я пытаюсь», — хотел сказать я.

— Значит, никудышная она врачиха. Любой, у кого есть хоть пара извилин в мозгу, знает, что ты не заговоришь, пока ковыряешься в этой штуковине, — неохотно проворчал дед, стоя посреди огорода.

«Значит, будет у тебя немой внук, и ничего с этим не поделать», — написал я капслоком; во мне закипал гнев, и в нем тоже.

Дед прочитал мою лапидарную фразу — и, прежде чем я опомнился, вырвал у меня из рук мобильный и бросил его в резервуар с водой.

— Нет! — закричал я, не успев перехватить его руку.

И побежал за старой деревянной лестницей, которая покоилась рядом с другими сельскохозяйственными орудиями.

— Вот и начинай нормально разговаривать, — заключил дед со своей сокрушительной логикой.

Я проигнорировал его замечание и взвалил лестницу на плечи. Чуть менее осторожно, чем следовало, поднялся по деревянным ступеням и заглянул в колодец. Его площадь составляла примерно три на четыре метра; дно едва виднелось сквозь воду, потому что на поверхности было полно веток и тины.

Я отправился за граблями. Постарался взять себя в руки и успокоиться, чтобы не обидеть деда.

«Он помогает тебе, дедушка по-своему тебе помогает», — твердил я про себя, но ничего не помогало.

Удерживая равновесие, я снова поднялся по шаткой самодельной лестнице и зашуровал граблями по дну.

Пару часов я в отчаянии прочесывал дно резервуара. Но из густых водорослей и гнилых веток удалось извлечь лишь тонну вязкого ила.

Дедушка появился перед обедом; выражение его лица было озабоченное.

— Пора тебе, сынок, что-нибудь перекусить, — сказал он мне, — ступай в дом.

Я покачал головой: как раз в этот миг я сосредоточенно исследовал один из углов, которые пока не успел разгрести.

— Этот мобильник ты даже на ночь не выключаешь. Нельзя же всю жизнь тыкать в него пальцами. Люди от тебя устанут.

— Нет... нни... — Я попытался произнести «ничего подобного», но не сумел закончить фразу. У меня все еще не доставало нужных навыков, да и силы были на исходе.

Я вернулся в дом, чтобы пообедать с дедушкой. Горячий суп-пюре из кабачков немного согрел мою душу, но разум не покидал дно резервуара.

Слопав все каштаны, которые нажарил дедушка, я вернулся к спасательной операции. На сей раз сменил тактику: достал высокие рыбацкие сапоги и залез в колодец, несмотря на то, что вода была ледяная. Благословив длину своих рук, я пядь за пядью ощупал все двенадцать квадратных метров скользкого ледяного пола. И только поздним вечером, когда в деревне загорелись фонари, а ноги уже не чувствовали холода, наконец нашел то, что осталось от моего мобильного телефона.

Я знал об опасности короткого замыкания, поэтому первым делом вытащил аккумулятор. Отнес его в дом бережно, как полукилограммовый белый трюфель, и удалил влагу промокательной бумагой. Я знал, что надо оставить его на несколько часов в сухом, но не слишком жарком месте, и смирился с ночевкой в Вильяверде, еще не зная, воскреснет мобильный или нет.

Дед молча наблюдал за моими операциями и угрюмо помалкивал. Он знал, что нам предстоит разговор.

Я отправился к себе в спальню и в ящике ночной тумбочки отыскал лист бумаги.

«На этот раз ты перестарался, дедушка. В этом телефоне были все мои рабочие контакты и много фотографий, которых больше нигде нет. Это был мой кабинет, это была моя жизнь», — писал я четким разборчивым почерком.

— Жизнь твоя еще впереди, сынок, а ты гроишь ее из-за своей трусости. И если мы швырнули в воду пятьсот евро, чтобы ты хорошенько это усвоил, значит, оно того стоит. Я верну тебе деньги, не сердись, — примирительно сказал дед.

«Дело не в деньгах, дедушка. Дело не в деньгах. Не волнуйся об этом», — написал я ему на листке.

Иногда дед преподносил мне болезненные уроки, и, может быть, ему бывало тяжелее, чем мне.

Но дед был прав: мобильник был всего лишь предметом, который я наделил силой, превратив его в центр своего существования, в спасательный круг, или, как сказал Гектор дель Кастильо, костыли.

Наконец я удалился к себе в спальню и попытался уснуть.

На следующее утро, очнувшись от тревожных снов, я вскочил с кровати и кинулся к мобильнику. Собрал его, вставил аккумулятор, но он не включался. Я остался без телефона.

Я открыл ноутбук и обдумал варианты действий, затем сел в машину и помчался в Виторию покупать новый мобильный, без которого попросту не мог продолжить расследование.

Я не хотел, чтобы коллеги из отдела преступлений в области информационных технологий или Милан имели доступ к памяти моего мобильного телефона. Там все еще хранились сообщения, которыми мы с Альбой обменивались летом; их никто не должен был видеть.

Все это я обдумывал в течение некоторого времени, а затем, не слишком убежденный в правильности своего решения, отправил электронное письмо. «Голден, нужна твоя помощь. Срочно», — только и написал я.

Услуги Голден Герл, золотой ручки национального хакинга, стоили дорого. За внешностью язвительной старушки с белыми сединами скрывался вышедший на пенсию эксперт по компьютерной безопасности, который десятилетиями работал в «Циско» и дал бы сотню очков самым опытным хакерам.

«Я к твоим услугам, Кракен. Рассказывай, что тебе надо», — ответила она через минуту.

Я кратко описал историю утонувшего мобильника и через полтора часа встретился с ней в Витории, чтобы передать то, что от него осталось.

Голден жила в Кантоне-де-лас-Пульмониас, в одном из домов, выходящих во внутренний двор бывшей семинарии напротив площади Старого собора.

Она встретила меня на пороге своей квартиры. Белая грива, остриженная вровень с подбородком, в руках костыли, делавшие ее на вид гораздо старше, чем я помнил. В дом Голден никого не пускала: так или иначе, она по-прежнему была угрюмым хакером, не доверявшим никому, даже мне.

— Что это? — удалось выговорить мне вслух, когда я увидел костыли.

— Месяц назад перенесла операцию на бедре. Почти не двигаюсь и умираю от скуки, — ответила она. — Спасибо, Кракен.

— Что? — повторил я вслух, неожиданно почувствовав себя в ударе.

— Восстановить данные в этом мобильном устройстве практически невозможно. Но я люблю сложные задачи. Свяжусь с тобой, как только смогу дать ответ. — Она улыбнулась, не сводя глаз с моего смартфона, словно перед ней было яйцо Фаберже.

Теперь, по прошествии времени, я осознаю последствия этой просьбы, ставшей еще одним звеном в бесчисленной череде заблуждений и ужасов, о которых говорил Гектор дель Кастильо. Той самой, которая порождала нескончаемую цепочку насилия, восходящую, по словам моего друга-историка, к палеолиту. Но тогда я этого не знал, да и знать не мог.

А может, так я себя сейчас успокаиваю, чтобы спать по ночам...

20. Сандаили

4 июля 1992 года, суббота

В нескольких метрах позади, в полутьме микроавтобуса, наша компания рассеянно созерцала пейзаж, проносившийся за окошком. Лучо и Асьер занимали соседние кресла, за ними сидели Хота и Унаи, устроившись таким образом по логике общего увлечения. Хота делал фотографии, которые потом проявлял. Кое-какие оказывались смазанными или нечеткими, но так или иначе это были первые неуверенные шаги только что проснувшегося призвания.

Все они чересчур пристально пялились на наряд, который Аннабель Ли выбрала для поездки, — свободное, восхитительно короткое черное платье, очаровательно смотревшееся с ее желтыми ботинками «милитари».

Асьер, как обычно, принялся ее подкалывать.

— Неужели ты еще не выросла из всех этих рисуночков и картиночек?

Аннабель даже не взглянула в его сторону. Бумаги у нее не было, и она прямо на собственной руке рисовала повешенного, который вот-вот испустит дух. Вдохновение пришло к ней в тот миг, когда она молча наблюдала, как ветви придорожных каштанов ударяются о зеркало на высоте ее головы.

— Это истории, придурок, — пробормотала она; остальные прислушались, затаив дыхание. — Просто ты живешь в материальном мире и ничего не замечаешь.

— Другого не существует. Возвращайся на землю, чувиха, кому нужна твоя готика... Тебя ждет голодная смерть.

— Голодная смерть? Посмотри на свои джинсы за тысячу песет. Готова поспорить, козел: в тот день, когда умру, я буду богаче тебя.

Асьер изо всех сил сжал губы. Затем пробормотал что-то вроде «договорились» и мрачно откинулся на спинку сиденья.

Аннабель наконец подняла глаза, и Унаи с беспокойством проследил за ее взглядом. Ненависти в нем он не увидел, что было логично. В этом взгляде был вызов, решимость, что-то вроде удовлетворения от принятого решения.

Сауль наблюдал всю сцену в обзорном зеркале заднего вида, соблюдая сдержанное молчание каталогизатора. В университете со студентами он вел себя так же: альфы, беты, пассивные, агрессивные, враждебные, равнодушные... У каждого была доминирующая черта, которая определяла сущность, и он умел этим пользоваться. В таком возрасте люди прозрачны.

Наконец автобус остановился. Сауль и Ребекка зашагали впереди всех по тропинке, ведущей к скалам. Через некоторое время показался проем, обозначавший пещеру, где располагался скит Сан-Элиас. Она была вырублена прямо в стенах пещеры и некогда служила жилищем сероры^[23], как рассказывала Ребекка, пока все поднимались по узкой каменной лестнице.

Справа — небольшой водоем, прямоугольный бассейн, вырезанный из того же камня. Этот бассейн был важной достопримечательностью. Главной целью экскурсии, как пояснил Сауль.

Он сделал знак остановиться.

— Местные жители называют это место Сандаили, но, возможно, это название не имеет отношения к имени Сан-Элиаса. Антропологи считают, что оно может быть связано со святой Юлией, а эта святая, в свою очередь, — с доримской богиней Ивулией, которая появляется в тексте, найденном в Форуа, в Бискайе. Запомните это. Для кельтов богиня Ивулия связана с поклонением воде, и этот бассейн всегда был местом проведения водных обрядов.

Некоторые вроде Лучо слушали восхищенно, другие — рассеянно.

— Водных обрядов? — повторил Хота, желая угодить Саулю.

— Да. Говорят, что в этом бассейне собирается вода, стекающая со сталактитов. Как видите, напрашивается сравнение оплодотворяющей влаги со спермой, а бассейна — с маткой. Женщины из деревень, разбросанных по Алавесской равнине, древней обители семьи Гевара, хозяев этих земель, приходили сюда с незапамятных времен, чтобы совершить то, что некогда называлось «плодородными омовениями», и заходили в бассейн по пояс. Женщины Оняти называли этот ритуал «берату», что по-баскски означает «размягчаться». Это были обряды плодородия, и женщины надеялись забеременеть.

Сауль подробнейшим образом рассказывал им о предмете своей главной страсти: о том, что кельтские обряды сохранились до наших дней, приняв обличие христианских церемоний, которые едва скрывали их языческое происхождение.

Затем вошли в пещеру. Желая немного отдохнуть после поездки, развернули бутерброды с чоризо и уселись возле низкой каменной ограды, окружавшей часовню Сан-Элиас. Небольшая, белая от извести полукруглая арка над колоколом придавала этому месту особое очарование.

Кто-то сразу же захрапел; это был ленивый час сиесты, к тому же стоял тяжелый летний зной. Досаждали слепни, но в пещере царила прохлада, которой снаружи не было, и в конце концов все задремали.

Впрочем, не все.

Лучше сказать, почти все.

Асьер остался снаружи и рассматривал стену, которую альпинисты использовали для обучения скалолазанию. В этот знойный полуденный час никого из них видно не было. Разговор с Аннабель опечалил Асьера — может быть, он действительно был слишком резок... Может быть, она что-то заметила...

«Нет, вряд ли заметила, она же не телепат», — твердил он себе, но по-прежнему переживал.

Появившийся Сауль — он спустился, чтобы немного размять ноги — обнаружил Асьера, понуро сидящего возле каменной стены.

— Эй, я видел твою руку. — Сауль перешел к делу; он уже думал над этим в последние ночи.

— А что с ней не так? — отозвался Асьер, готовый защищаться, и сунул левую руку в карман джинсов, где она едва умещалась.

— У тебя не заживает фаланга на безымянном пальце. Что это? Ты порезался?

— Порезался, да, — рассеянно ответил Асьер.

— У меня было такое же в твоем возрасте. Твой отец... Он чем занимается?

— Работает на складе в Эроски. Ты что, издеваешься надо мной?

— С какой стати мне над тобой издеваться?

— Ты — университетский профессор, а я — сын кладовщика из Эроски и домохозяйки.

— Какой у тебя средний балл?

— Довольно высокий, — пробормотал Асьер. Да, таков был его план А. Единственный, на самом деле: заняться учебой, порвать с заурадной семьей, не знающей ни культуры, ни образования... Только безумец пошел бы по пути его отца, занимавшегося низкооплачиваемым ручным трудом.

— В таком случае с моей стороны никаких насмешек — наоборот, сплошное уважение.

Ни разу за свои шестнадцать лет Асьер не слышал слова «уважение», обращенного к нему.

— А что ты собираешься изучать, историю? — спросил Сауль, все еще надеясь завербовать кого-нибудь из виторинцев.

— Нет; что-то такое, что сделает меня богатым.

Асьер был заиклен на денежном вопросе. Ребята из нашей компании знали, что если вечером он не пил, значит, у него не было бабок. Хотя в конечном итоге все же заказывал кубату^[24] или дежурный калимочо. То же самое с сигаретами: ему всегда что-нибудь перепало, и он не слишком парился, если нужно было стрелнуть у того, у кого имелаь целая пачка. Обычно подкатывался к добряку Хоте, у которого чаще, чем у других, водились деньги.

Деньги, точнее, их отсутствие, занимали все его существо, заставляя делать то единственное, на что он был голен в свои шестнадцать лет: хорошо учиться.

— Понимаю, — сказал Сауль. И знал, что парень его понимает. Этого было достаточно. — Слушай, что касается твоего отца...

— Что касается моего отца, не хочу ничего слушать, — отрезал Асьер.

«Лучше уж я, чем сёстры», — с горечью добавил он про себя.

— Не волнуйся, я ничего никому не скажу. О таких вещах не говорят. То, что происходит в семье, остается в семье. Я просто хочу сказать тебе, что наступит день, когда он поднимет на тебя руку, а ты посмотришь на него сверху вниз и спокойно дашь сдачи, понял?

— Я же не говорил, что меня кто-то бьет, — буркнул Асьер, немного смутившись.

— Разумеется, — ответил Сауль сдержанно.

— Я ничего тебе не говорил! — крикнул Асьер и одним прыжком поднялся на ноги. И тут же об этом пожалел.

Сауль видел, как тот удаляется в сторону лестницы, ведущей в часовню.

— Все я знаю, чувак, — тихо пробормотал он.

Отсчитал четверть часа и тихо поднялся в часовню. Проверил, все ли спят, и подошел к дочери.

— Давай, Бекка. Спустимся к бассейну. Богиня ждет.

Ребекка смотрела на него, в глазах ее застыл ужас.

— Папа, пожалуйста, не здесь, — прошептала она.

Сауль улыбнулся, не разделяя ее опасений.

— Давай, дочка. Не заставляй меня.

Ребекка уже знала, что ничего тут не поделаешь. Она сглотнула слюну, склонила голову и молча спустилась по узкой лестнице под пристальным взглядом отца.

* * *

Вскоре Унаи проснулся, задыхаясь от жары. Все тело затекло: он уснул в неудобной позе.

Огляделся. Кое-кого не доставало.

Отчасти из-за своей привычки убеждаться в том, все ли в порядке, отчасти потому, что срочно понадобилось облегчить мочевой пузырь, Унаи спустился по лестнице и, оказавшись на ровной земле, поискал среди деревьев укромное место, где можно было потихоньку справить нужду.

Он никак не ожидал увидеть то, что увидел.

Хотя лежал на траве, со спущенными до колен штанами. Аннабель, оседлав его, двигалась в волнообразном ритме. Висельник на ее предплечье двигался вместе с ней. Складки знаменитого черного платья скрывали место их плотского соединения, спущенный лиф оставлял открытой грудь, над чьим размером ежевечерне подшучивали все четверо.

Аннабель, одаренная выразительными изгибами и знающая об этом, шептала на ушко Хоте, будто хороший инструктор, как ловчее ее приласкать, чтобы доставить максимальное наслаждение. Послушный валет смотрел на нее завороченно, как на богиню воды.

Унаи замер с наполовину расстегнутой ширинкой.

Значение происходящего дошло до него не сразу. Наивным он, конечно, не был, но впервые видел вживую, как люди занимаются сексом, и потом, даже много лет спустя, его возбуждало видение Хоты и Аннабель.

Она заметила его первая, но не остановилась и продолжала двигаться. Дыхание ее сделалось прерывистым. Она схватила податливую руку Хоты и заткнула себе рот, чтобы не стонать слишком громко и не разбудить спящих ребят.

Для Унаи эта картина была чем-то невероятным, почти сверхъестественным; для Хоты тоже. А потом Аннабель просто слезла с него и вернулась к своей обычной апатии. На Унаи она смотрела как ни в чем не бывало. Ни следа смущения и стыда.

Хота тоже явно провел время неплохо, хоть и выглядел чуть менее уверенным, да и соитие длилось короче, чем нужно, как это случается в первый раз. Только тогда он заметил, что его ближайший друг стоит, прижавшись к дереву, в нескольких метрах от него.

— Простите, я не собирался за вами подсматривать, — попытался оправдаться Унаи, встретившись с ним глазами.

— Черт, Унаи! Ты что, все видел?.. — вскричал Хота, вспыхнув до корней волос, что выглядело почти комично.

— Простите, простите. Я ухожу... Я вышел пописать... я не хотел... — извинялся Унаи.

Мочиться ему расхотелось. Он поднялся по лестнице вверх.

Увиденное так и осталось у него в памяти, будто выжженное огнем.

21. Пруд Барбакана

4 декабря 2016 года, воскресенье

После инцидента с мобильником прошло больше недели.

Голден удалось спасти архив с фотографиями. К счастью, у меня был правильно настроен «Ватсап», и копии всех переговоров сохранились. Пришлось оплатить новый терминал, и оператор сделал мне дубликат карты. Моя цифровая жизнь была спасена.

В полицейском участке мы занимались самой нудной частью расследования: проверяли номера автомобилей на муниципальных камерах Залдуондо, проезжавших неподалеку от парковки, откуда Аннабель и ее сопровождающий — или сопровождающие — отправились в то утро в Сан-Адриан.

У Аннабель не было собственного автомобиля, и кто-то должен был за ней заехать. Несмотря на ранний час, нам пришлось проверить около тридцати автомобилей.

С другой стороны, телефон Аннабель так и не нашелся. Судья Олано добился того, чтобы оператор предоставил нам дубликат, но Аннабель явно не злоупотребляла телефонными разговорами: несколько звонков накануне смерти были сделаны ее редактору. Мы убедились в том, что в то утро телефон она даже не включала. Итак, мы не могли отследить последние часы ее жизни.

По вечерам я послушно являлся к логопеду, и мы целый час произносили слоги и строили слова. За последнюю неделю я потратил в среднем пять часов на практики, которые выполнял, стоя перед зеркалом, на упражнения с мобильным телефоном, где были загружены приложения, а заодно установил у себя в квартире турник, отныне пересекавший коридор. Каждый раз, проходя мимо турника, я останавливался и делал три подтягивания. Всего выходило около тридцати в день.

Сначала у меня ныли руки, но постепенно мне удалось укрепить правую сторону тела; к тому же дома я не выпускал из рук эспандер, укрепляя правую кисть.

Короче, полным ходом превращался в настоящего Кракена.

За неделю я так вымотался, что в выходные у меня не было моральных сил встречаться с ребятами, и я спрятался в Вильяверде, где с удовольствием дышал горным воздухом. Дедушка отказывался смотреть на экран нового мобильного, когда я что-то ему писал, и мне приходилось общаться с ним с помощью односложных фраз, которые он разгадывал терпеливо, как настоящий столетний старец, которому спешить некуда.

В воскресенье рано утром мне позвонила Эстибалис.

— Эй, ты в Вильяверде? — залпом выпалила напарница. Она явно была чем-то взволнована.

— Да, — поспешно произнес я.

— Срочно поезжай в Лагуардию. — Она говорила все так же встревоженно.

— В?... — Я ничего не понимал.

— К пруду Барбакана, в центр сохранения исторического наследия. Соседи обнаружили, что входная дверь справочного отдела взломана, и обратились в полицию Лагуардии. Прибыли двое полицейских, проверить, что там — ограбление или хулиганство, — и нашли молодого мужчину, подвешенного на потолочных балках. Котла на этот раз не было, но были мокрые волосы и одежда, мокрая до плеч. Похоже, он захлебнулся. Милан, Пенья и я выезжаем на место.

— Я... Я еду, — отчетливо произнес я.

Я запустил «Аутлендер», дремавший под балконом дедушкиного дома, помчался в Лагуардию и менее чем через полчаса припарковался у южного входа в алавесскую виллу.

Я ни разу не был в Центре сохранения наследия кельто-иберийской культуры Барбакана; насколько я понял, он располагался внутри здания. Вскоре я заметил патрульную машину коллег из полицейского участка Лагуардии и пролез под лентой, которой огородили периметр. Вытащил бляху, но, судя по всему, меня все узнали. Скорее всего, из новостей. Я не привык к тому, чтобы быть легендой местной полиции.

Судья подписал приказ начинать визуальный осмотр. Я узнал машину судмедэкспертизы; Мугуруса тоже уже прибыл. Я прошел через алюминиевую дверь, отжатую простым рычагом, и зашагал по темному коридору, который привел меня к стойке, где, как я предположил, принимали посетителей. Кто-то включил свет, а также

запись звуков воды, которые теперь окружали меня со всех сторон. Стены и потолок были окрашены в насыщенный синий, почти индиго, и это создавало сказочный эффект, как будто идешь по морскому дну.

Вокруг меня располагались панели, рассказывающие о кельто-иберийской культуре, существовавшей в этом районе 2100 лет назад. Я хорошо знал этот период истории по археологическим находкам, которые изучал под руководством Сауля Товара, а также по второму убийству из двойного преступления в дольмене: Нанчо убил двоих пятилетних детей в кельтской деревушке Ла-Ойя, расположенной на границе Лагуардии.

У моих ног простирался пруд, самый большой в Европе. Манекен, одетый в костюм кельто-иберийской женщины — белую накидку и головной убор того времени, — словно направлялся к пруду, чтобы выполнить ритуал — или же просто набрать воды.

А потом я увидел жертву, подвешенную за ноги на толстой веревке, перекинутой через одну из окрашенных в синий цвет цементных потолочных балок.

Конец веревки был привязан к креплению на одной из панелей, позволяя удерживать тело в подвешенном состоянии. Висящий был невысокого роста и издали выглядел совсем юным. Мугуруса протянул мне пластиковые бахилы. Я подошел к труп и преклонил колено в знак почтения перед безжалостной Смертью, перед живым человеком, которым это тело было всего несколько часов назад.

«Здесь заканчивается твоя охота и начинается моя».

Лицо немного отекло, но было вполне узнаваемо. По крайней мере, я его узнал.

Мертвец, висевший передо мной, был моим другом Хотой.

22. Отель «Донья Бланка»

4 декабря 2016 года, воскресенье

Плохо помню, что я делал дальше. Не знаю, к кому обратился, чтобы назвать имя покойного друга. Отправил по «Ватсапу» сообщение Эстибалис. Это я точно помню, потому что позже проверил время исходящих сообщений в мобильном телефоне. Войдя в роль дотошного следователя, приказал ей проверить вместе с судмедэкспертом, нет ли на теле Хоты следов «Тейзера».

Альба позвонила буквально через минуту.

— Я в Лагуардии. Эстибалис сообщила личность новой жертвы. Хочу, чтобы ты приехал ко мне, Унаи. Нам нужно поговорить. Высылаю тебе свои координаты. Я должна встретиться с судьей Олано и собираюсь в Барбакану. Относись к этому, как к просьбе или приказу, но приезжай немедленно, хорошо?

— Да, — ответил я вслух.

Мне было безразлично, как звучит мой голос. Мне все было безразлично. Когда я узнал посиневшее лицо Хоты, меня охватила глубочайшая апатия, и я не чувствовал себя в силах хоть как-то ослабить душевный упадок.

Я покинул Барбакану, ни с кем не попрощавшись. У них и так было достаточно улик. Я не хотел в этом участвовать — хладнокровно анализировать последние минуты друга детства, золотого мальчика, о котором мы все заботимся и которого в итоге предали...

Сломленный Хота — тот, из будущего: опустившийся, разрушенный алкоголем.

Не помню, когда я увидел его впервые; кажется, это случилось в первый же день в первом классе «Сан-Виатора». Те ранние годы мало кто помнит. Кстати, с какого времени, по мнению неврологов, начинаются первые воспоминания?

Лично я понятия не имею. Я больше ни о чем не имею понятия.

Я брел куда глаза глядят. Альба отправила мне на мобильник координаты своего местоположения в Лагуардии. Я не хотел брать автомобиль — был не в состоянии садиться за руль. Я зашагал по мощеным тротуарам, и мне казалось, будто машина времени уносит

меня в Средневековье. Проклятый эгускилор приветствовал меня на двери дома № 96 в одном из переулков.

«Не сейчас, несчастный», — прошептал я, проходя мимо. Сейчас меня даже Христос не защищал от злых духов...

Я обошел виллу с северной стороны, не очень хорошо понимая, где нахожусь, как вдруг обнаружил, что ноги ведут меня к противоположной части бульвара Кольядо, и там, прямо передо мной, возвышается замок, указанный Альбой. На самом деле, это был отель. Отель «Донья Бланка».

Древнее благородное здание с восьмиугольной башней резко выделялось на фоне прочих особняков Лагуардии. Я поднялся по крутой каменной лестнице, не слишком понимая, куда и зачем направляюсь, и открыл дверь, над которой красовался дворянский герб. Сбоку возвышалась стена, увитая плющом. Это был бар с решетками и витражами, за столиками сидели люди. Я понятия не имел, где искать Альбу.

В это мгновение меня перехватила женщина лет семидесяти. И не просто женщина, а настоящая дама. Все в ней было особенным: безупречно окрашенные светлые волосы, короткая объемная стрижка. Накинутый на плечи палантин сообщал ей элегантность, не признававшую моды.

— Доброе утро, Унаи. Я ждала тебя. Меня зовут...

«Аурора Мистраль», — подумал я, с трудом соображая, как очутился перед одним из величайших мифов кино и театра двадцатого века. Актриса, заслужившая всеобщую любовь и многочисленные награды, которую всегда будут помнить за главную роль в театральной постановке «Дома Бернарды Альбы»^[25].

Я знал, что она десятки лет назад вышла на пенсию. Но понятия не имел, что живет она неподалеку, в Лагуардии. Дед в обморок упал бы от такой встречи. Легенда послевоенного времени, чудо-девочка, которая играла в театре и пела. Несколько поколений восхищались ею, заполняя кинотеатры в течение всей ее блестящей карьеры.

— Я — Ньевес Диас де Сальватьерра, мама Альбы. Она сказала, чтобы вы подождали ее в «Комнате любви и безумия» на верхнем этаже. Она отлучилась — что-то срочное по работе. Если вам нужно отдохнуть, не стесняйтесь, прилягте на кушетку. Я сейчас на

мероприятии «Ротари-клуба»^[26] и прошу прощения, что не составлю вам компанию. Вот ключ от комнаты.

Аурора, или Ньевес, как утверждала она сама, прошла за стойку и протянула мне тяжелый ключ.

Мать Альбы не только блестяще играла на сцене. В ней чувствовалось достоинство, которое передалось дочери, хотя внешне они не были слишком похожи. Альба была смуглой, темноглазой, стройной. Ее мать, голубоглазая блондинка, не походила на дочь ни формой лица, ни носом, ни бровями. Я никогда не подумал бы, что передо мной мать и дочь.

Немного ошарашенный, я взял ключ. Еще раз пожал ей руку, поднялся по лестнице замка и, обнаружив комнату с названием басни Саманьего^[27], открыл дверь, лег на кровать, уткнулся головой в подушку и зарыдал как безумный. Толстые ковры приглушали мои рыдания, но в этот момент посетители бара мне были безразличны.

Хота мертв. Я устал от смертей. Мартина, Аннабель Ли, мой друг... Слишком много смертей для одного года, слишком много для двух расследований подряд.

Надо было предупредить его семью, мать и дядю. Я ненавидел сам себя за то, что до сих пор не могу говорить, — я не хотел сообщать эту новость в письменной форме.

Потом я перестал плакать и, расслабленный, лежал на кровати в спальне, оформленной для свадебной ночи новоиспеченных женихов и невест, которые только еще начинают новую жизнь. Я пребывал где-то в другом измерении и для своих сорока лет чувствовал себя слишком старым и изношенным.

Альба пришла нескоро. Она нашла меня в той же спальне: я равнодушно смотрел в окно на свою сьерру, как будто видел ее с другой стороны реальности.

— Как ты? — спросила Альба, усаживаясь рядом со мной на широченную кровать, залитую бог знает каким количеством спермы.

Вместо ответа я сжал кулак и опустил большой палец, как поступил бы Нерон, недовольный зрелищем на цирковой арене.

Альба взяла меня за руку с бесконечной нежностью, словно это был маленький дар богов.

— Я здесь, рядом. Хочу, чтобы ты это знал. Я здесь. — Она легла рядом со мной и обняла меня за плечи.

Я полностью отдался ее объятиям. Как приятно было чувствовать ее тепло в этот ледяной день...

— Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, Унаи. Мы это уже проходили.

Слова были излишни. Зачем они? Мне не хотелось ни писать, ни говорить. Только чувствовать, что она заботится обо мне, что она у руля. Что в это декабрьское воскресенье я могу оплакивать своих мертвецов.

— Пойдем в башню. Там потеплело, и наверху мы немного развеемся. Нам есть о чем поговорить, а здесь одни соблазны, — сказала она, глядя мои волосы с особым спокойствием, присущим лишь ей одной.

Потом протянула мне руку, и я последовал за ней по винтовой лестнице, сделавшей целых восемь поворотов, пока мы не добрались до башни и не вышли наружу.

Наших ноздрей коснулся свежий воздух. Панорамный вид на Лагуардию, под ногами — море виноградников. Видна была и деревня Ла-Ойя, с которой у меня были связаны самые горькие воспоминания. Даже сейчас Нанчо снова занял наши мысли.

— Здесь ты спас жизнь моему ребенку, — пробормотала Альба, глядя на раскинувшуюся перед нами сьерру.

«Твоего ребенка защищают древние боги этих гор», — написал я.

Взглядом она попросила у меня объяснений.

«У нас, местных, есть обычай называть эти горы Сьерра-де-Кантабрия, но их древнее название — Сьерра-де-Толоньо, оно произошло от вардулийского^[28] бога Туллония. Для кельтов это Бог-Отец, Тевтат. Сохранились даже развалины средневекового монастыря Санта-Мария-де-Толоньо. Говорят, монахам пришлось покинуть его из-за сурового климата. Я бы с удовольствием отвез тебя туда. Может быть, в тот день боги Толоньо защитили твоего ребенка. Хотелось бы верить, что хоть кто-то на нашей стороне».

— Я тоже предпочитаю в это верить. Это единственный стимул двигаться вперед. Я знаю, что у тебя сегодня скверный день, и хотела бы что-то изменить или, по крайней мере, облегчить... Позволь мне сообщить тебе хорошую новость.

— Го... говори, — с усилием выдавил я.

— На этой неделе я была у врача, мне сделали УЗИ и другие анализы. Несовершенный остеогенез второго типа исключен полностью, у ребенка его нет, — произнесла Альба с улыбкой, смакуя каждое слово.

Я с облегчением посмотрел на сьерру древнего бога — и с моих плеч будто свалилась тяжесть. Страх, что наш малыш унаследует ту же болезнь, которая убила первого ребенка Альбы, был еще одной тучей в моей голове с тех пор, как Альба сообщила мне о беременности.

«Спасибо, Тулоний. За заботу о моих близких», — мысленно взмолился я.

Объятия, в которые я заключил Альбу, поцелуи, последовавшие почти сразу, — таковы воспоминания, навсегда оставшиеся о том дне. Это был мой собственный выбор.

Немного придя в себя и не желая возвращаться к мыслям о своей поредевшей компании, я принялся расспрашивать Альбу.

«Расскажи мне о матери. Ты не имеешь права скрывать от меня фигуру такого масштаба».

— Знаю... — она вздохнула. — Не буду рассказывать тебе о ее светской жизни. Все знают легенду о бедной девочке из провинции: ее обнаружил один из мадридских художников, старый лис, когда она появилась на конкурсе юных дарований; девочка замечательно пела и танцевала, и родители, которые почти не выезжали за пределы Лагуардии, отважились отправить ее в Мадрид к родственникам, жившим в столице.

Эту часть я знал — кроме того, что касалось Лагуардии.

— Остальное — история. Своими голубыми глазами и светлыми волосами моя мама влюбила в себя целое поколение и год за годом выпекала фильмы, как пирожки, а когда наступил первый серьезный кризис в кино, переметнулась в театр. Она была уже взрослой, но импресарио управлял ее карьерой железной рукой. Триумфом стал «Дом Бернарды Альбы». Зато я видела ее с тех пор все реже. Это были уже не три месяца съемок, которые позволяли проводить вместе хотя бы выходные. Начались гастроли по всем театрам национальной географии, длившиеся годами. Это было несовместимо с моей школьной жизнью в Мадриде.

«А твой... — Я осекся, задав такой личный вопрос, но в конце концов знала же она обо мне почти все. — А твой отец?»

— Мой отец был шофером, работавшим у мамы с незапамятных времен. Простой парень, сын ее импресарио. Всю жизнь жил в тени своего отца.

«Так значит, импресарио твоей матери был твоим дедом?»

— Я никогда его так не называла. Он открыл мамин талант, когда она еще была ребенком. Он воспитывал ее, оплачивал уроки танцев, дикции и пения, но потом принялся швыряться мамиными деньгами направо и налево. Отправлялся в казино с четырьмя шлюхами и за один вечер тратил все, что мама зарабатывала на сцене за неделю. Я ненавидела этих баб. Вечно расфуфыренные, с сумочками из лучших бутиков, в туфлях на каблуках, в то время как мы с родителями жили от зарплаты до зарплаты и не могли позволить себе ни единой прихоти или незапланированного подарка. Я выросла в абсолютной строгости. К тому времени бабушка и дедушка по материнской линии скончались. Мать была уже совершеннолетней и осталась в Мадриде одна. У нее никого не было, кроме театральной труппы.

Я молча смотрел на Альбу; мне хотелось, чтобы она продолжала.

— У отца профессии не было. Сегодня мы сказали бы, что у него был низкий социальный статус. Думаю, мама начала с ним встречаться, потому что они много времени проводили вместе в поездках, в дороге. Были ровесниками, к тому же он не был льстецом, как остальные актеры, и ему не приходилось соперничать с ее эго. Коротко говоря, отношения с отцом были для нее как глоток свежего воздуха. Мой отец был единственным нормальным человеком среди американских горок, громоздящихся вокруг нее. Потом появилась я. Наверное, поначалу дед обрадовался, увидев в дочери своей протее еще одну золотую жилу. Но я не унаследовала маминих синих глаз. Ко всеобщему разочарованию, я была толстенькой девочкой, не обладавшей актерскими способностями.

«Не представляю тебя такой», — подумал я и подождал, пока она продолжит. Мне было приятно хотя бы ненадолго отключиться от настоящего.

— Спустя годы разразился скандал: отца обвинили в уклонении от уплаты налогов — якобы он сокрыл что-то около шестисот миллионов старых песет. В финансовом плане родители были

невеждами: дед отдавал им десятую часть денег, которые они зарабатывали, и мы едва сводили концы с концами. Остальное он удерживал. Во время суда дед сбежал; несколько лет назад я провела расследование и выяснила, что он уехал в какую-то латиноамериканскую страну под другим именем. Нам достался отравленный подарок: все дела дед вел от имени мамы, поэтому мы разорились. У нас конфисковали почти все имущество: мадридскую квартиру, помещения для репетиций, гараж. Мама не хотела возвращаться на сцену — она уже давно от всего устала, к тому же не выносила прессу.

«Твой муж ей нравился?»

Я знаю, что Альба обещала больше о нем не упоминать, но она так откровенно рассказывала о своей жизни, что мне хотелось знать о ней все. Понять до конца, кто она и что привело ее в эту башню, в этот город, к мужу-психопату.

— Она не была в восторге от того, что я с ним встречаюсь. Сначала думала, что он сошелся со мной из-за нее, чтобы с моей помощью сделать увлекательное журналистское расследование типа «Как на самом деле живут звезды?». А может, предполагал, что она что-то знает о местонахождении своего импресарио. Нанчо воспринял ее антипатию без лишних эмоций. Шероховатости в отношениях с тещей он сглаживал на свой манер: неторопливо, последовательно. Ты же знаешь его стиль.

Я впервые улыбнулся, вспомнив спокойного парня, который заслужил мое доверие выдержкой и хорошими манерами.

— Когда я вышла за Нанчо, мы с мамой отдалились друг от друга, — продолжала Альба. — Рядом с ним мама никогда не чувствовала себя комфортно. У нее аллергия на журналистов; она не хочет, чтобы кто-то связывал ее со сценическим именем, хотя Лагуардия — городок маленький, и практически все ее знают. Но люди здесь сдержанные, и она заслужила уважение как хозяйка отеля. Кроме того, мама сотрудничает в благотворительных делах с «Ротари-клубом» в Витории и Логроньо. Что касается наших отношений, то теперь мы с ней снова близки. Я уже говорила тебе, что она первая пришла в больницу, как только узнала, что он... сделал с нами. Взяла на себя все хлопоты в течение первых нескольких недель, когда я была не в состоянии реагировать из-за шока, а ты был в коме. Привезла меня

сюда. Панорама сьерры и виноградников исцелила меня. Теперь я приезжаю сюда по выходным, иногда привожу Эстибалис и ночую в замке. Думаю, жизнь у меня сейчас гораздо спокойнее, и мне легче понять мою мать.

«Расскажи, как твоя мама ушла из кино и театра».

— Я была подростком, толстым и застенчивым. В течение нескольких лет жизнь шла очень непросто. Отец в основном занимался хозяйством. У него не было знакомств, связей, работы. Когда дед исчез, он оказался без средств к существованию. Мама взяла бразды правления в свои руки — она была намного более зрелой, чем отец. Увезла нас в Лагуардию, подальше от Мадрида, к родителям, куда мы приезжали летом. Мать сделала все возможное, чтобы спасти от краха особняк в Лагуардии, который все еще числился как ее собственность. Она превратила его в отель. Спроси меня цену каждого цветочного горшка, и я отвечу: мы сами бережно скупали все это на протяжении многих лет. По вечерам после школы я подрабатывала репетитором, а по выходным подавала напитки, чтобы хоть как-то помочь матери. Я выросла буквально за два дня. До тех пор я училась чудовищно, но стоило мне взять себя в руки, как я подтянулась в учебе и сама заплатила за образование. Стала ответственным человеком в одночасье.

«Ты поменяла фамилию? Твоя мама сказала, что ее зовут Ньевес Диас де Сальватьерра. Кстати, я думал, ее имя Аурора Мистраль».

— Нет, это был сценический псевдоним. Что же касается моей первой фамилии, не хочу ничего о ней знать. Я сменила ее с разрешения родителей, когда мы приехали жить в Лагуардию, на курсах предуниверситетской подготовки. Я все еще была замкнутым подростком и скрывала, кто моя мать, чтобы меня не воспринимали как-то по-особенному, а главное, чтобы поскорее забыть тот ужас, который мы пережили из-за финансового скандала. А еще потому, что мы не хотели, чтобы его связывали с отелем.

«Тебя называли в честь «Дома Бернарды Альбы»?» — написал я.

— У всех нас имеется свое прошлое, — ответила она с некоторой иронией.

«Твоя мать вела себя как героиня пьесы — все контролировала и всех подавляла?»

— Нет; она становилась такой, только когда выходила на сцену. Думаю, мама подражала моему деду — вот он-то точно был таков: не ставил ее в пару с актерами, игравшими роль первых любовников, заботился о добродетели, ненавидел скандалы... Просто смех, учитывая, какую жизнь вел сам дед и чем она закончилась. Думаю, он мечтал сохранить ее невинность и помешать замужеству: сделать из нее эдакую королеву-девственницу, подобную Елизавете Первой. Да, в этой пьесе мама тоже играла... Впервые она взбунтовалась, забеременев еще до свадьбы с отцом. Деду пришлось согласиться на женитьбу по залету. Как религиозный фанатик, он был против аборт, и ему ничего не оставалось, кроме как согласиться.

«Значит, ты родилась по залету, — написал я и улыбнулся. У меня всегда была слабость к незаконнорожденным детям — их зачатие более естественное, чем у тех, кто родился после официальной церемонии. — Как твоему деду удалось в то время избежать скандала?»

— Это было в семидесятые. Мама исчезла со сцены и из прессы на два года. Никто не мог подсчитать срок, дата свадьбы не была объявлена. У деда было много друзей среди директоров тогдашних журналов. Когда мама снова появилась на сцене, известно было лишь то, что она замужем и у нее маленькая дочь. Я никогда не появлялась в журналах. Отчасти из-за деда, отчасти потому, что мама хотела защитить меня от вредоносного воздействия средств массовой информации и не желала портить мне жизнь. С другой стороны, отец моего отца не испытывал особой радости, показывая меня своим друзьям; он никогда не относился ко мне как к внучке, скорее как к досадному недоразумению. А я не понимала значения слова «дедушка», пока не увидела дедушек школьных подруг. Сначала меня поразила любовь, которую дедушки и внучки испытывают друг к другу; она казалась мне почти противоестественной. Я этого не понимала; в моем представлении семья — это только папа и мама, а дедушки — не близкие родственники, а чужаки.

«Мой дед дал бы тебе хороший подзатыльник, если б ты заявила такое в его присутствии».

В этот момент на телефон пришло сообщение, и я вернулся в реальный мир.

Альба сделала все возможное, чтобы я хотя бы на несколько минут отвлекся от того, что только что произошло у пруда Барбакана.

Это был «Ватсап»-чат нашей тусовки, и я очнулся.

«Кто-нибудь знает, где Хота? Мы договорились на 10.00, чтобы прогуляться до Арментии. Хота, ты дрыхнешь?» — писала Нерия.

Хота и Нерия познакомились в начале средней школы. Между ними полностью отсутствовало неразрешенное сексуальное напряжение, и их дружба длилась три десятилетия без каких-либо подводных камней — они были просто двумя людьми, которые очень ценили друг друга. Но Нерия, хозяйка киоска, стоявшего рядом с моим домом, была ходячим рупором, и я должен был остановить ее, прежде чем она перевернет всю Виторию с ног на голову.

«Унаи, вы, случайно, не договаривались где-то посидеть?»

«Нет, я же говорил, что в выходные я в Вильяверде. Нерия, я тебе позвоню...»

Затем я понял, что до сих пор не способен произнести четыре слога, составлявших простейшую фразу: «Хота умер». Мне пришлось с ненавистью к себе самому написать:

«Хота умер».

Секунду спустя позвонила Нерия — вероятно, она была так потрясена, что забыла о моей неспособности говорить.

Я нажал кнопку; что еще я мог сделать?

— Скажи мне, что это был редактор «Ватсапа», Унаи! Скажи, что ты ошибся, написав то, что написал, и твой палец нажал не на ту кнопку, — кричала она вне себя.

— Нерия, я... я... — Я даже не мог утешить подругу. Спасибо Нанчо, гори он в аду.

Альба пришла на помощь и вырвала мобильник у меня из рук.

— Добрый день, Нерия. Я — заместитель комиссара Альба Диас де Сальватьерра, старший помощник вашего друга Унаи. Мне очень жаль, но я подтверждаю: Хосе Хавьер Уэто действительно был найден без признаков жизни. Очень сожалею о вашей утрате, примите соболезнования от меня лично и от всего нашего подразделения. — Эти слова Альба произнесла спокойным, ровным голосом, как нас учили. Она мастерски владела искусством тактично сообщать плохие новости. — Мы говорили с его семьей, и, полагаю, скоро они оповестят вас относительно похорон. Будьте терпеливы, для них это

трудные времена; иногда требуется несколько часов, чтобы среагировать и сделать хоть что-то. Следствие проходит в секретном режиме, поэтому прошу вас не распространять эту новость и не разглашать публично подробности, связанные с кончиной вашего друга.

Нерее что-то ответила, но я не расслышал.

— Поддержите друг друга — Унаи тоже потрясен. Большое спасибо, что выслушали меня в это трудное время.

Альба попрощалась с Нереей с бесконечным терпением и вернула мне мобильник.

Я поблагодарил ее взглядом. Подошел, обнял и сжал ее голову в ладонях. Я хотел, чтобы она была рядом, — я устал от расставаний.

Ей предстояло разрушить заклятие, что-то терзало ее, и ей нужно было выговориться.

— Нам нужно поговорить о том, что я видела у пруда Барбакана, Унаи.

— Гов... говори, — выдавил я, и Альба сделала вид, что не замечает, как я покраснел.

— Я говорила с доктором Геварой. Твой друг Хосе Хавьер...

— Хо... Хотя, — поправил я. Хотя ненавидел, когда его называли именем, которое он делил со своим отцом; это желание следовало уважать хотя бы в день его смерти.

— У Хоты был синяк под глазом, вокруг все опухло. Эстибалис предположила, что его ударил ваш общий друг Асьер, а не таинственный наркоман, не оставивший ни единой улики. Ты общался с Хотой после инцидента в аптеке?

«Нет, у нас не получилось», — с трудом напечатал я.

«Как это не пришло мне в голову?» — ужаснулся я.

Не видел я с тех пор и Лучо. Как мог я быть настолько беспечным, чтобы не контролировать окружение Асьера, потенциальных участников драки? Я лишь расстроился, что Арасели медлит с нашей с ней встречей.

— Ты говорил, что четверо друзей из твоей компании были с Анной Белен Лианьо пару десятилетий назад. А теперь получается, что как минимум один из них продолжал с ней общаться, причем настолько близко, что она поделилась с ним тремя миллионами евро. И вот этот друг избит и обвиняет какого-то человека-невидимку...

«Куда ты клонишь, Альба?» — написал я.

— Эстибалис рассматривает новый поворот дела с точки зрения эксперта по виктимологии. Как ты наверняка заметил, характеристики жертвы изменились.

«Да, я уже это понял. Убийца или убийцы убивают не беременных женщин, а всех, кто был в лагере в 1992 году».

— Новые убийства тоже могут быть связаны с наказанием за плодородие, соответствовать тому же кельтскому обряду Тройной Смерти, то есть преследуют тех, кто, по мнению убийцы, не заслуживает иметь детей.

«Что-то я теряю нить... Хотя — не беременная женщина».

— Нет, но, возможно, он ждал ребенка.

— Хотя? Быть того не может.

— Если только... — Лицо Альбы приняло красноречивое выражение.

Если только мой друг Хотя не был отцом ребенка, которого ждала Ана Белен Лианьо.

23. Кантон Сан-Роке

4 декабря 2016 года, воскресенье

Стояла уже глубокая ночь, когда я добрался до площади Белой Богородицы, направляясь к себе домой. Желтые огни уличных фонарей отражались в гранитной мостовой: днем в Витории прошел дождь, воздух очистился и посвежел.

Я вытащил связку ключей с брелоком в виде деревянной сьерры, который вырезал дедушка, и застегнул до упора молнию на куртке.

Поскорее вернуться домой и улечься в постель. Забыть обо всем. Поспать хотя бы немного. А что еще делать, когда друзья детства осыпаются на землю, как осенние листья, и на ваши и без того сгорбленные усталостью плечи ложится ответственность за поимку виновных...

В этот момент я снова машинально сунул руку в карман куртки — и внезапно нащупал другую руку.

Некто, царапнув мне пальцы, сунул на дно кармана какую-то бумажку. Я взвился, как пружина. Кто и с какой целью лезет в мой карман? Меня хотят ограбить?

Парнишка в натянутом на лоб белом капюшоне, из-под которого торчали синие лохмы, помчался прочь, зажав под мышкой огромный скейтборд. На нем был белый пуховик без каких-либо примечательных деталей. Единственной подробностью, которой я мог бы воспользоваться на случай, если понадобится сделать официальное опознание, был скейт с нарисованным на нем стариком с длинной белой бородой.

— Эй! — закричал я в ярости. — А ну вернись!

Пять слогов. Я осознал это мгновенно. Когда к моим усилиям не примешивался фактор стыда, мне удавалось произнести больше слогов. Вот как полезно покидать зону комфорта...

Я побежал за ним через площадь. На тротуарах не было ни души. Одиннадцать с чем-то вечера, декабрьское воскресенье, вся Витория разошлась по домам.

Заметив, что я приближаюсь к кафе «Дублин», таинственный паренек вскочил на скейт и свернул на улицу Депутасьон, пешеходную

и пустую.

Возле кантона Сан-Роке, архитектурного памятника древности, который с течением веков превратился в самую узкую улицу города шириной чуть более метра, парень соскочил с доски, подхватил ее под руку и исчез в темном переулке.

К тому времени, когда я добрался до кантона и прошагал по нему несколько метров, я уже потерял его из виду. Я не знал, куда он направился — вверх по улице Эррерия или вниз, а может, пробежал весь кантон и был уже на Сапатерии или Корре...

Пришлось махнуть рукой, иначе не скажешь.

Домой я возвращался в ужасном настроении. На этот раз прошел по улицам гильдий. Закрыв дверь квартиры, вытащил наконец мятую бумажку и прочитал записку, которую оставил парень:

Кракен, как ты ее задолбал, поверить невозможно. Завтра в 13.13 встречаемся в склепе Нового собора. Об этом никому. Ни с кем не говори по мобильнику и не бери его с собой, ради бога.

В конце записки стояла подпись, сделанная на манер уличного граффити, в которой можно было разобрать имя «Матусалем».

Матусалем? Теперь я понял значение рисунка на скейте: библейский патриарх^[29], проживший более девятисот лет.

Я познакомился с Матусалемом несколько месяцев назад, когда выяснилось, что у Тасио имеется собственный хакер, выполняющий его поручения за пределами тюрьмы Сабалья. Несмотря на ангельский вид, парень был совершеннолетним, и в тюрьме добряк Тасио взял его под покровительство.

Мне стоило немалых усилий преодолеть атавистическое сопротивление мальчика-хакера и заставить его сотрудничать со мной при расследовании двойного преступления в дольмене, но благодарность за помощь Тасио взяла свое, и в конце концов он согласился исполнять мои поручения в качестве неофициального помощника.

А потом исчез.

Аккаунт Тасио в «Твиттере» был неактивен. Оставались лишь письма в моем почтовом ящике, смутные воспоминания... И больше ничего.

Я ничего не знал о нем с тех пор, как Нанчо выстрелил в меня, а потом я вышел из комы. Не то чтобы Матусалем держался в тени: он был гением преступного интеллекта, и если не желал оставлять следы, то просто не оставлял. Ни в виртуальном мире, ни в реальном. Я пытался напасть на его след и могу подтвердить это со всей ответственностью. Искал — и ничего не нашел. Только Голден Герл могла преподнести мне его на подносе. Но это уже другая история...

* * *

На следующий день рано утром Эстибалис вызвала меня на срочное совещание в своем кабинете в Лакуа. Я знал, что отчет о вскрытии Хоты еще не готов, но нам и без отчета было что обсудить. Сделав перед зеркалом праксии, я сел в машину и вскоре припарковался на стоянке у Порталь-де-Форонда. День выдался пасмурным, лил дождь.

Меня уже поджидали Альба, Эсти, Милан и Пенья. Ждал меня и открытый ноутбук с текстовой программой, и подключенный проектор, висящий на стене.

Я улыбнулся в знак благодарности. Я мог довольно бойко участвовать в общем собрании, вставляя письменные комментарии и ожидая, пока все их прочитают. Это напоминало обычный разговор; правда, давненько я не поддерживал беседу с пятью участниками одновременно. Это в самом деле напоминало возвращение к нормальной жизни с болтовней и всем прочим. Чувствовать себя полезным — как раз то, чего мне сейчас не доставало. Мое измученное эго очень в этом нуждалось.

Эстибалис не любила излишних расшаркиваний и сразу перешла к делу.

— Вот папки с материалами по текущему делу; мы назвали его «Водными ритуалами» за специфические характеристики, — начала моя коллега, раздавая листочки с докладом. — Унаи, на теле Хоты обнаружены две раны, напоминающие следы, оставленные шипами электрошокера системы «Тейзер»; доктор Гевара должна будет подтвердить это при вскрытии тела Хосе Хавьера Уэто сегодня же утром.

— Понял, — сказал я вслух и слегка растерялся, услышав свой голос. Я репетировал эти слова перед зеркалом, и получилось относительно сносно.

— Пенья, — продолжала Эстибалис, — вы должны были опросить соседей, живущих напротив Центра культурного наследия Барбакана, а также работающий там персонал. Расскажите, что удалось выяснить.

— Не так много, шеф, — разочарованно произнес Пенья, тяжело вздохнув. — В Центре культурного наследия нет камер видеонаблюдения, ни внешних, ни внутренних, поэтому записей или изображений у нас нет. Соседи не слышали и не видели ничего подозрительного. В этой части улицы живут в основном пожилые люди, поэтому в субботу вечером и в воскресенье рано утром все спали. Если не считать соседки: восемьдесят один год, страдает бессонницей, необщительна. Донья Регина Матауко, так зовут эту сеньору. Утверждает, что утром ей надоело ворочаться в постели, она выглянула в окно гостиной и прямо перед входом в Барбакану увидела автомобиль, припаркованный прямо у ворот. Это может показаться невероятным, но бабушка не знает, была ли это легковушка или микроавтобус, цвет она тоже не запомнила; с уверенностью утверждает лишь то, что оттенок был темный. Мы показали ей тысячу марок автомобилей, но все, что она запомнила, — у машины было четыре колеса. Пустое дело.

— Ладно, не заикливайтесь на том, чего нет; думайте лучше о том, что у нас есть, — изрекла Эсти. — Какие выводы вы можете сделать на основе ее показаний?

— Со второго этажа, откуда выглянула сеньора, была видна машина, закрывавшая подъезд и все происходящее на этом углу, а поскольку над подъездом имеется крыша, это место превращается в слепое пятно. Покажу вам фотографии, — сказал Пенья и разложил на столе снимки входа, сделанные с разных ракурсов. — Убийца или убийцы могли припарковать автомобиль или микроавтобус до рассвета, в час, когда по этой улице никто не ходит, а бабушки и дедушки не слышат шума. Затем они попросту отжали дверь и потащили тело к пруду. Возможно, жертва была уже мертва, особенно если она захлебнулась, поскольку в Центре культурного наследия нет подходящего резервуара с водой, чтобы погрузить кого-то и утопить.

Это должно было случиться раньше, в доме убийцы, в ванне или водоеме посреди какой-нибудь пустынной горной местности. Предполагаю, что до погружения жертву обездвижили выстрелом из «Тейзера». На все ушел час или два — убийца четко следует намеченному плану, к тому же действует не в первый раз. Как и в случае с первой жертвой, мотив неизвестен. Судья Олано попросит у оператора копию его сим-карты; возможно, с ее помощью мы получим информацию о его последних передвижениях. Из заявлений нескольких членов его тусовки нам известно, что Хота покинул Старый город в субботу вечером и вернулся около четырех утра. До дома он так и не добрался, так что, вполне возможно, в это время убийца его и перехватил.

Я представил себе Хоту после бурной вечеринки, явно поддатого. Он всегда был наивным малым, доверял кому угодно. Проклятый убийца выбрал моего самого уязвимого друга.

— Последнее замечание перед тем, как мы закроем тему сценария последнего убийства, — снова вмешалась Эстибалис. — Мы ждем отчетов судмедэкспертов; может, хоть у них найдутся какие-то улики. Хотя, когда я уходила с места преступления, у них ничего не было. Тем не менее есть что-то забавное и почти прозаическое, что несколько усложняет дело: преступник или преступники подмели дорожку от входа в комплекс до места, где повесили жертву. Занятный способ уничтожить следы. Метлу поставили у стены рядом с дверью; отпечатков пальцев на ней не осталось. Сейчас изучают весь мусор, который застрял в волокнах метлы. Посмотрим, удастся ли что-нибудь выяснить.

— Вряд ли, особенно если парень был аккуратен, — пробормотал Пенья.

«Определенные познания в криминалистике у него есть, — вмешался я, набирая текст на ноутбуке. — Возможно, преступная деятельность заставляет его совершенствоваться и избегать ошибок, допущенных при совершении предыдущих преступлений. Итак, в данном случае нет никаких кельтских котлов. Думаю, Кабарсенский котел представлял собой слишком большой риск, а другой сосуд с подобными характеристиками достать не так просто. На этот раз убийца ограничился тем, что утопил жертву в другом резервуаре с водой».

Мои слова были прочитаны в режиме реального времени на широком экране, висевшем напротив стола в кабинете Эсти. Я улыбнулся. Какая молодец, все предусмотрела!

Эстибалис продолжила:

— Давайте перейдем ко второму пункту расследования: отношения между Асьером Руисом де Асуа, совладельцем счета предыдущей жертвы, и Хосе Хавьером Уэто. Друзья детства, входят в одну и ту же компанию, равно как и присутствующий здесь инспектор Лопес де Айяла.

Я кивнул.

— Нам не удалось связать Хосе Хавьера с нападением, которому подвергся Асьер двадцать второго ноября в своей аптеке, но у обоих подбит глаз. Доктор Гевара попытается выяснить, образовалась ли гематома, имевшаяся на лице Хосе Хавьера в момент его смерти, за несколько минут до убийства, или же дата совпадает с нападением на фармацевта. Это важно для развития этой линии расследования.

— Инспектор Гауна, я хочу, чтобы вы поделились с нами сведениями об еще одной потенциальной жертве, которая могла быть убита подобным образом, — вмешалась Альба.

— Правильно. Ребекка Товар, четырнадцати лет, пропала без вести в девяносто третьем году из своего дома в Кантабрии; труп до сих пор не найден, но через несколько дней неизвестные лица отправили фотографии в «Периодико Кантабро». Снимки не были опубликованы. Как вы можете видеть, на них изображена молодая женщина, висящая на дереве; голова наполовину погружена в реку, расположенную в Фонтибре, древнем культовом месте, где некогда поклонялись водным божествам. Полиция нашла веревку, но тело исчезло.

— Что-нибудь еще?

— Мы с инспектором Айялой видели ее отца, Сауля Товара, профессора культурной антропологии в Университете Кантабрии. Он убежден, что нападавших было несколько и что они спрятали тело, опасаясь, что улики их выдадут. Он полагает, что один из них раскаялся и отправил фотографии в газету — возможно, чтобы сообщить семье, что девушка мертва, или дать зацепку полиции для задержания виновных. По фотографиям очевидно, что девушка была беременна, однако отец категорически это отрицает. Он утверждает,

что двадцать лет назад ее эндокринолог предоставила медицинские отчеты, которые подтверждают его слова. Одна деталь: эндокринолог — сестра Сауля Товара, то есть девочке она приходилась тетей по отцовской линии. Все очень тесно связано.

— Позвольте мне поработать с окружением профессора и его сестры, инспектор, — резко перебила Милан — быть может, с чуть большей энергией, нежели та, которую требовал этот ранний час.

— Все в вашем распоряжении, Милан, — согласилась Эстибалис. — Можете обратиться за помощью к инспектору Ланеро — не забывайте, что мы с ними сотрудничаем. Если хотите, съездите в полицейский участок Сантандера и встретитесь с ним... хотя, похоже, вы и сами неплохо разбираетесь, что к чему.

— Не думаю, что сейчас в этом есть необходимость. Если здесь что-то есть, я сразу же это увижу, — заявила Милан своим мощным басом, пожала плечами и зарделась. Трогательное зрелище: такая здоровенная тетка — и так реагирует на комплимент... Мы не выдержали и улыбнулись.

— Что вы скажете с точки зрения виктимологии, инспектор Гауна? — продолжала Альба, покосившись на часы.

Я был уверен, что перед декабрьскими праздниками ее ожидают бесконечные совещания. Неделя обещала быть не особо продуктивной: впереди маячил День Конституции, а сразу вслед за ним — день Непорочного зачатия^[30].

— К сожалению, мы имеем два вида жертв: женщины и мужчины, ожидающие ребенка, — это в том случае, если Хосе Хавьер собирался стать отцом сына, которого вынашивала Ана Белен, и если Ребекка была беременна. Если же исключить оба варианта, единственная связь между жертвами заключается в том, что лето девяносто второго года они провели в лагере в Кантабрии. Общим для всех трех мест, где были найдены тела, является кельтская культура: Сан-Адриан, Фонтибре, Барбакана. Мы не знаем, поддерживали ли убитые связь. За несколько дней до смерти Хосе Хавьер в разговоре с инспектором Айялой отрицал это, хотя мог и солгать, если желал что-то скрыть.

— Как, по-вашему, совершались убийства?

«В случае Аны Белен имели место все три компонента кельтской Тройной Смерти: сожжение, повешение и погружение в воду, — без колебаний написал я на ноутбуке. — Предстоит выяснить,

применялся ли «Тейзер» при убийстве Хосе Хавьера. С Ребеккой, к сожалению, это невозможно ни утверждать, ни отрицать, поскольку в год ее смерти подобное оружие применялось крайне редко. Впрочем, нельзя исключить, что тело было сожжено позже, и после неудачного опыта убийца или убийцы изменили способ: для сожжения тела необходимо укромное место, где можно жечь костер без свидетелей в течение нескольких часов... Сожжение громоздко, требует времени и дико неприятно. Может, преступника напугал этот опыт, и поэтому он двадцать лет к нему не возвращался. На этот раз он также желал соблюсти обряд Тройной Смерти и использовал электрошокер».

— А почему период затишья длился целых двадцать лет? — спросила Пенья.

«Если мы имеем дело с ритуальным наказанием, убийца или убийцы не знают заранее, когда снова совершат убийство: они просто ждут, когда выбранные жертвы станут потенциальными родителями ребенка», — пришлось написать мне.

Альба, побелев от ужаса, смотрела на меня. Реальность оборачивалась кошмаром.

— Скажите, — сказала она, покашляв, — в этом киношном сценарии с двумя или тремя трупами сколько, по-вашему, участвует убийц — один или несколько?

— Сауль Товар убежден, что убийц его дочери было несколько, — ответила Эсти и несколько секунд пристально смотрела на меня.

Мы промолчали о том, о чем оба догадывались: по какой-то причине Сауль обвинял нас, четверых друзей из кантабрийского лагеря 92-го года.

«Интересно, Сауль, — со злостью подумал я, — что ты скажешь сейчас, когда одного из нас больше нет, а?»

«Чтобы повесить труп, как в случае Аны Белен или Хосе Хавьера, требуется большая физическая сила. Либо это был очень сильный человек, либо их было несколько», — написал я.

— Инспектор Айяла, вы считаете, что мы имеем дело с серийным убийцей? — спросила Альба.

«У меня до сих пор нет оснований утверждать, что это серийный убийца. Все зависит от того, совершил ли убийство Ребекки Товар тот же человек, что и сейчас. Думал я и о том, не сделал ли это spree killer^[31], странствующий убийца, совершающий убийства в

разных местах в период от нескольких часов до нескольких дней. Это нечто другое, потому что у серийных убийц случаются промежутки затишья, и в период между убийствами они возвращаются к нормальной жизни — не забывайте, что психопаты, как правило, прекрасно интегрированы в общество. Spree killer не возвращается к обычному поведению. Меня беспокоит, что между убийством Аны Белен Лианьо и Хосе Хавьера прошло всего семнадцать дней. Очень надеюсь, что перед нами не спираль насилия, подобная той, которую Витория пережила всего несколько месяцев назад. Не представляю, как город выдержит еще один коллективный психоз».

Я посмотрел на часы: Матусалем ждал меня в 13.13. К счастью, Альба завершила напряженное собрание, и я поторопился в крипту Нового собора.

Меня ждал самый неуловимый хакер Витории.

24. Крипта Нового собора

5 декабря 2016 года, понедельник

Я прошел вдоль рядов лакированных деревянных скамеек, стоявших внутри собора. Вокруг возвышались толстые каменные колонны, похожие на секвойи; витражи следили за мной своими разноцветными радужками.

— Ты же мобильный с собой не притащил, верно? Если притащил, я смываюсь, — прошептал Матусалем своим подростковым голосом, когда я уселся на одну из скамей, глядя на пустой алтарь.

— Ага, — пробормотал я в ответ.

Среди арок и каменных барельефов никого не было. И все же говорили мы шепотом.

— Держи, для аналогового общения, — сказал он и протянул мне блокнот и карандаш HB № 2.

«Для чего ты привел меня в эту самую глубокую пещеру?» — написал я, не глядя на него.

— Хотел предупредить.

— О чем? — переспросил я, на этот раз вслух.

— Ты сделал ужасную глупость, показав Голден Герл содержимое своего мобильного телефона.

— Это почему?

— Потому что, дружок, с некоторых пор Голден задает в «Дип веб» очень странные вопросы. Ничто из того, что происходит в «Дип веб», нельзя воспринимать легкомысленно. Голден не из тех людей, которые просто так разгуливают по загробному миру, чувак. Она нашла что-то — не знаю, что именно — в твоём телефоне и убила кучу времени на поиск опять же бог знает чего.

«Дип веб», или Глубокий Интернет, составляет девяносто восемь процентов веб-сайтов и форумов, которые не обнаруживаются в поисковых системах. Все незаконное, целый супермаркет самых громких преступлений в истории человечества: наемные убийцы, наркотики, оружие, торговля людьми. Темная сторона человеческого общества, в основном развратная и агрессивная. Попасть туда, хотя бы с чисто познавательной целью, — непростая задача даже для

специалистов: незванный гость не догадывается о том, что его компьютер или мобильный телефон немедленно оказывается под пристальным вниманием взломщиков или хакеров «блэк хэт»^[32]. Любое устройство, которое осмеливается на подобное самоубийство, становится частью необъятной сети ботов или компьютеров-зомби: фотографии, контакты, кредитные карты, пароли. Плата за то, чтобы побыть Данте, блуждающим по аду виртуального мира, более чем высока. Нужно быть очень наивным, чтобы предположить, что с подобной экскурсии можно уйти целым и невредимым.

«А ты откуда знаешь, Мату? Только не говори, что следишь за мной, потому что это меня очень разозлит».

Матусалем прочитал написанное в блокноте и приподнял капюшон, чтобы я видел его лицо. Он отрастил волосы и выкрасил их в ангельски-синий цвет. Этот малыш будто сошел со страниц манги: идеальные черты, большие оленьи глаза, щеки без следа растительности. Покойная Аннабель Ли наверняка сделала бы его героем своих комиксов.

— Я говорил тебе однажды возле фрески «Триумф Витории», Кракен: «Фиделитас». Это исключительно мое дело.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы как-то связать концы с концами.

— Давай начистоту: тебя попросил Тасио.

— Скажем так: перед отъездом в Америку он поручил мне эту священную миссию. Он ценит тебя, чувак. А это для Тасио многое значит, особенно теперь. После того как вы засадили его, невинного, в тюрьму, он не доверяет половине человечества.

«Это брат-близнец посадил его в тюрьму, малыш. Его собственный брат-близнец, — напомнил я. — Но вернемся к нашей теме: ты шпионишь за мной, черт возьми».

— Мы заботимся о тебе. Я — твоя киберняня. Не благодари.

«Я вас об этом не просил. Моя частная жизнь — это не твоя игра и не игра Тасио. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, Мату, или я тобой займусь».

— Не обманывай себя. Я вот уже некоторое время абсолютно чист, и жизнь моя — сплошная «уайт хэт»^[33], но трудовая реинтеграция — дело трудное, особенно когда тебе нет и двадцати, а

твое криминальное прошлое фигурирует во всех базах данных. Короче, вернемся к теме: ты должен контролировать Голден.

— Я доверяю Голден, — произнес я вслух. Вышло что-то вроде «Иа аау Гулден», но меня все меньше волновало, что подумают люди о моей корявой речи.

— Что ты вообще о ней знаешь? — Мне показалось, в его голосе звучал вызов.

«Достаточно».

Что я знал о Голден Герл? Она помогла мне задержать сбежавшего преступника, обвиняемого в гендерном насилии, которому она сдавала комнату. Взамен я покрывал мошенничество, благодаря которому Голден получала пенсию по вдовству после смерти своего гражданского мужа, с которым они так и не расписались после сорока лет совместной жизни... Словом, кое-какие биографические подробности.

— Маловато. Следовало бы побольше. Фигово все это, Кракен. Представь себе, наша Голден выдавала себя за подростка в закрытом форуме самоубийц.

«Суицидальный форум? Разве это не городская легенда?»

Матусалем посмотрел на меня так, словно он — взрослый, а я — сопляк.

— Ты живешь в очень белом мире.

«Очень белом, — с горечью подумал я. — Сегодня мне предстоит хоронить друга, Мату. Обломись, я давно не девственник. Сатана трахнул меня без вазелина».

— Только один крошечный совет — и если ты действительно взрослый, то не наплюешь на него и послушаешь меня. Ни о чем не говори с ней напрямую, иначе она втянется в панцирь, как улитка. Позволь мне следить за ней, и я все тебе расскажу. У Голден длинная история, длиннее, чем ты думаешь. В девяносто восьмом году, когда интернет еще только развивался, она уже нащупывала границы между виртуальным Добром и Злом. Голден была частью тогдашней команды «Циско», которая в амстердамских офисах вращивала черенки того, что стало сетью сетей всей Европы. Я тогда был новорожденным младенцем; даже моя мать была по сути еще ребенком. Это теперь Голден тебе помогает, но не думай, что она всегда ходила в белом пальто; ей случалось ходить и в черном. Теперь она шурует в «Дип

веб» как у себя дома, а для тамошних делишек нужны крепкие нервы... Короче, будем откровенны: если ты туда лезешь, то либо хочешь замутить преступление, либо хочешь замутить преступление. Другого выбора нет. Иногда перед тобой лежит целая история, но дерево мешает прочитать всю надпись, и ты видишь только фрагмент, — добавил он, но я его не понял. — Допустим, мы не знаем слово целиком, но одной его части достаточно, чтобы иметь собственное значение. Возьмем в качестве примера компанию «Циско». Ее основатели увидели перед офисом в Стэнфордском университете плакат с названием города «Сан-Франциско», но дерево закрывало часть слова, и они прочитали только «Циско». Заимствовали его для названия для своей бизнес-идеи, и теперь она повсюду на рынке.

«Допустим, я тебе верю, — написал я в блокноте. — Допустим, я не участвую в поколенческой борьбе двух легендарных хакеров северной зоны. Дашь какой-нибудь технический совет, который пошел бы мне на пользу?»

— Купи себе новый мобильный телефон с новым номером и сложи туда все, что не хочешь никому показывать. Получи новую SIM-карту, которая не связана с твоим удостоверением личности; я уверен, что кто-нибудь из твоих коллег из отдела информационных преступлений может тебе в этом помочь. Расследования, личная жизнь, безопасность... Подсыпай хлебных крошек Голден, чтобы она не врубилась, что ты в курсе ее делишек. Нужно тебе это или нет, я все равно буду ходить за ней следом по преисподней. Запомни: тебе я не подчиняюсь; ты не можешь ничего мне запрещать, все равно я тебя не послушаю.

Его невинная наглость начинала меня потихоньку бесить.

«Дай мне хоть одно доказательство, Мату. Хоть одно доказательство, чтобы я тебе поверил».

— Тебе нужны доказательства? Спроси свою Голден Герл, какого черта она ищет шокеры «Тейзер» во вратах ада.

Этого было достаточно, чтобы заткнуть мне рот.

Это было доказательством того, что Голден Герл разведывала и про остальное.

Матусалем взглянул на свои наручные часы и поднялся с церковной скамьи.

— В два часа тут появится народ, так что я смываюсь. А сейчас либо сожги эти листки, либо съешь. И слушай, Кракен: я понимаю, не мне давать тебе жизненно важные советы, у меня не так много опыта и все такое, но ты просто обязан начать говорить, черт возьми. Твоя жизнь и разговоры не должны проходить через гаджеты. Как бы ты ни был осторожен, это небезопасно. Ты же в курсе, как говорим мы, хакеры: чем больше знаешь, тем сильнее твоя паранойя. Опасность реальна; не подставляй себя так запросто. Ты уже один раз напортачил...

Парень вырвал исписанные мною листы, положил их рядом со мной на скамейку, взял блокнот и карандаш и исчез так же бесшумно, как и появился.

* * *

А как же похороны?

Итак: похороны. И хоронят не кого-то, а Хоту. Не хочется ничего про это рассказывать, честное слово. Все прошло как всегда, ничего нового. Говорить ребятам было не о чем, все были подавлены. Мы снова были тремя парнями в капюшонах под дождем, адской триадой, которая не сумела защитить Хоту от демонов.

Хота был самым слабым из нас четверых.

Так было всегда.

Его сразили первым.

Остальные — Лучо, Асьер и я — были тверды, как камень, как лед, как дуб.

Мы послушно стояли возле могилы, несмотря на колючий снег.

Прилетел черный ворон, зловещая птица, и уселся мне на плечо. Нет, не ворон. Это была всего лишь мысль:

«Я покончу с этим. Я, внук своего деда, заключу договор с богом, который меня слушает; я покончу с этим, и никто здесь больше не умрет».

Прошло совсем немного времени, и кладбищенские статуи чуть от смеха не лопнули, вспоминая тот день.

25. Лето Кракена

8 июля 1992 года, среда

Их утренний распорядок не слишком изменился с того дня, как они вернулись из Сандаили. Около шести Аннабель включала шахтерский фонарь, вылезала из мешка и рисовала, лежа на кровати. Просыпался Унаи, подсаживался к ней поближе, и они продолжали свои тихие разговоры, с каждым разом все более откровенные.

И все-таки в привычках Аннабель что-то действительно изменилось. Точнее, к ним добавилось нечто новое.

Прежде чем занималась заря и небо светлело, она заканчивала сеанс рисования при свете фонаря, надевала горные ботинки и отправлялась на прогулку по близлежащей секвойной роще.

Шла она не одна. Последние несколько дней ее сопровождал Лучо. Около семи утра оба выходили на цыпочках, переговариваясь шепотом, и покидали дом, чтобы углубиться в сумеречную и все еще спящую Кантабрию.

Лучо был одним из последних проектов Аннабель. Однажды вечером девушка долго и пристально смотрела, как он приканчивает целую тарелку бекона.

— Что? — спросил Лучо с полным ртом, почувствовав, что за ним наблюдают.

— Ты — то, что ешь, — сказала она уверенным тоном. — Ты ешь жир; значит, ты — жир. И люди видят жир. Пойдем завтра со мной, прогуляемся по горам. За пару месяцев я тебя переделаю.

На протяжении многих лет Лучо сохранил эту привычку — уходить рано утром в горы. А заодно увлекся скалолазанием: это началось с тех пор, как он увидел двоих альпинистов на стене Сандаили, и Аннабель рассказала ему о школах скалолазания и скалодромах — к тому времени они вошли в моду в других уголках Европы, и она уже успела их посетить. Аннабель рассказывала ему о роликах, карабинах и кошках; они занимались боулдерингом^[34] и взбирались на близлежащие скалы, которые казались ей наиболее безопасными, или, как два паука, карабкались на полтора метра вверх

по четырем наружным стенам дворца графа Сан-Диего, чтобы укреплять фаланги пальцев.

Новоявленный союз между Аннабель и Лучо принес с собой и новые трения. С Унаи Лучо общался теперь гораздо более язвительно, чем обычно, — возможно, потому что не выносил утренние откровения, которым Аннабель и его друг детства предавались каждое утро. Его бесила эта болтовня вполголоса, смех и все возрастающее доверие.

Однажды утром, листая газету, в одном из заголовков Лучо нашел идеальный повод позубоскалить и поиздеваться:

ЛЕТО КРАКЕНА

Уже три экземпляра гигантских кальмаров найдены мертвыми на астурийских берегах недалеко от города Луарка.

Последним был обнаружен самец Architeutis dix, который к 17 месяцам достиг почти 14 метров в длину.

— Унаи, тебе не кажется, что этот кальмар — вылитый ты? — принялся острить Лучо за завтраком.

За столом были все — Сауль, Ребекка, Аннабель и четверо виторианцев. Поначалу шутку никто не понял.

— Что ты имеешь в виду?

— Ха, чувак! Посмотри на эти щупальца. В два раза длиннее тела. Точно как у тебя. Какая у тебя длина рук?

— Больше, чем твои нейроны, это же ясно.

— Не сердись, Кракен.

— Я не Кракен, — раздраженно возразил Унаи. — Не трогай меня, достал уже.

— Кракен на нас разозлился... — хихикнул Лучо.

Свою шутку он повторил на следующее утро, а потом еще через день.

Как-то среди недели Унаи вышел из душа и не обнаружил свое полотенце. Кто-то решил над ним пошутить — Лучо, Асьер? — и полотенце исчезло бесследно. Пришлось голым и мокрым подойти к

умывальнику, снять крошечное полотенце для вытирания рук и обмотать вокруг талии.

Он спустился вниз по лестнице, мечтая никого не встретить. День обещал выдаться жарким: не наступило и половины девятого, а уже чувствовался зной. Спальня была пуста, все спустились завтракать.

Он развязал полотенце и собирался начать одеваться, как вдруг за спиной у него послышался тихий, мелодичный голос Аннабель Ли.

— Где Лучо? — спросил Унаи.

— Завтракает. Ты злишься на него из-за прозвища?

— Нет, — солгал он.

— А мне нравится Кракен. С прозвищем тебе повезло больше, чем мне.

— Сомневаюсь.

— Серьезно. Ты кое-что обо мне не знаешь: имя Аннабель Ли я выбрала потому, что мне не нравилось прозвище, которое мне дали в байкерской тусовке моей матери, — сказала Аннабель, по-прежнему стоя у него за спиной.

Он повернулся и сел на кровать, держа в руке джинсы и футболку, которую собирался надеть.

— И что это было за прозвище?

— Сорняк. Меня терпеть не могут девушки, даже взрослые женщины, я не в силах помешать их мужчинам провожать меня взглядом, матери моих подруг не любят, когда я прихожу к ним на день рождения, а парни... как только я появляюсь, собирается ураган и начинается буря. Ничего не могу с этим поделать. И не хочу ничего с этим делать. Короче, я тебя предупредила. Даже мамины бойфренды на меня западали, мама очень из-за этого страдала. Иногда она находила мне оправдание, иногда — и это было ужасно больно — обвиняла меня в том, что я их притягиваю. Я, равнодушная ко всем парням в мире, кроме тебя. Я, которая мысленно всегда была верна только тебе. Я жду тебя с четырех лет.

А Унаи стоял перед ней, прикрываясь полотенцем для рук, слишком для этого коротким.

Он ничего не ответил, схватил одежду и убежал из этой раскаленной печки, как демон-дезертир.

Через несколько часов Хота, Аннабель и Ребекка, изрядно подуставшие и с расцарапанными руками, наконец-то достроили кровлю сказочной хижины железного века. Ребекка в тот день была напряжена и молчалива, Хота сразу это заметил. Есть люди, чуткие к другим людям. А есть равнодушные, как Аннабель, которая большую часть времени даже не замечала присутствия девочки.

Ребекка улучила момент, когда Хота пошел налить воду во фляжку, осталась с Аннабель внутри хижины один на один и попыталась с ней поговорить.

Девочка знала, что Хота и Аннабель что-то видели в Сандаили. Когда спустились из пещеры, чтобы немного побыть наедине, они наткнулись на нее и Сауля, которые как раз возвращались назад. Ребекка подумала, что это хороший предлог. С колотящимся сердцем, стыдясь и запинаясь, она заговорила шепотом.

Вскоре Аннабель ее перебила:

— Все, больше ни слова. Ну и воображение у тебя, детка, надо же такое насочинять!

— Значит, ты мне не веришь? — спросила Ребекка дрожащим голосом. Она не смела глянуть Аннабель Ли в лицо. Та была такой... холодной. Она напоминала ей тетю.

— Конечно, нет. А если бы все так и было... Ох, девочка. Если б это так и было, тебе повезло больше всех нас.

Стоя на пороге хижины, Хота услышал конец разговора.

— Что здесь происходит? — спросил он, чувствуя что-то неладное.

— Пусть она сама тебе расскажет. Так что, в этой хижине я больше не нужна? — ответила Аннабель, выхватила у Хоты фляжку и вышла вон, оставив дрожащую, на грани отчаяния девочку.

И снова сердце бьется быстро-быстро. Иногда с ней такое случалось — сердце готово было вырваться из груди, и она не могла остановить его бешеное биение.

— В чем дело, Ребекка? Ты можешь все мне рассказать.

— Ничего, Хота. Ничего страшного, — тихо сказала Ребекка. Главное, чтобы их не застукал отец, хотя она знала, что он отправился в дом за газировкой и портативным холодильником.

Хота подошел, сел рядом на деревянную скамью, которую другие студенты построили годом ранее, и взял ее за руку.

— Ребекка, серьезно. Что бы это ни было, ты можешь мне все рассказать. — Его голос был как у старшего брата: надежный, ласковый...

Ребекка посмотрела на его руку, и внезапно эта рука ей понравилась. Она была маленькая, совсем еще детская. Сама невинность.

И тогда Ребекка снова пустилась рассказывать, не скупясь на подробности. Рассказала даже о своей тете. Все-все.

Унаи увидел Хоту через двадцать минут: тот блевал, стоя на обочине дороги.

— Что-то ты фигово выглядишь... Может, из-за жары?

«Надеюсь, к этому времени ты еще не нажрался», — мысленно добавил он, обеспокоенный состоянием лучшего друга.

Хота положил руку ему на плечо. Он нуждался в поддержке. Унаи был человеком здравого смысла, а ситуация казалась дикой и бессмысленной.

— Ничего. Дочь Сауля, бедняжка... с ней что-то не так. У нее психическое расстройство. Сауль предупредил, что она принимала лекарства и лежала в больнице с депрессией.

— Но что она тебе сказала?

— Чушь. Все это чушь собачья. Ребекка рассказала что-то просто немыслимое. Ей всего тринадцать; не представляю, как девочке ее возраста приходят в голову такие вещи. Я просто в шоке. Сауль просил меня предупредить его, если я замечу что-то странное. Он очень за нее переживает. Эй, только ребятам ничего не говори — мне эта девочка очень нравится и мне ее жаль. Бедняжка, она потеряла мать в прошлом году...

— Блин, жуть какая. В двенадцать-то лет, — вслух подумал Унаи.

Если в лагере и был кто-то, равнодушный к драме Ребекки, то это он, Унаи, — сирота, потерявший и мать, и отца. И Хоту, которому тоже вскоре предстояло вступить в этот клуб.

— Сауль рассказал, что, помимо депрессии из-за истории с матерью, ей поставили еще один диагноз; не помню, как это называется, я в таких вещах не шарю. Но что-то странное. Ей давали таблетки и все такое, она провела в больнице в Сантандере несколько месяцев, все время под кайфом. Сауль в отчаянии; он и привез ее сюда

затем, чтобы девочка развеялась и все забыла. Он говорит, что ни за что на свете не хочет снова класть ее в больницу.

— Что ты собираешься делать, Хота? Я никому ничего не скажу, расслабься.

— А что я могу тут сделать? Что? В первую очередь надо поговорить с ее отцом, хотя мне влом, если честно. Надо передать ему то, что она рассказала. Это единственное, чем ей можно помочь, правда ведь?

26. Сады Кольядо

7 декабря 2016 года, среда

Декабрь принес холодные темные утра. Я продолжал выходить на пробежки, несмотря на предрассветный туман. В точности следовал указаниям логопеда: укреплять правую сторону тела, проговаривать слоги вслух, стать настоящим фанатом реабилитации.

Что ж, подобный фанатизм меня вполне устраивал. Иногда лишь благодаря фанатизму можно чего-то добиться.

Силясь восстановить речь, я продвигался со скоростью крейсера: прошло всего две недели, а я уже произносил фразы из трех слов, перестал смущаться, когда приходилось говорить со знакомыми и незнакомыми людьми. Пусть думают что хотят, мне нет до этого дела; на карте — моя собственная жизнь, а это в шкале моих ценностей значительно превышало чужое мнение и сочувствующие взгляды.

Я решил последовать категорическим настояниям Матусалема и купить еще один мобильный телефон, а Милан поможет мне в мутноватом деле получения номера, не привязанного к удостоверению личности.

Был зенит короткой рабочей недели с целой чередой праздников, поэтому я надел рейтузы и куртку с капюшоном и побежал по площади в направлении парка Флорида.

Мы с Альбой вернулись на наши старые беговые маршруты; темные улицы города обеспечивали анонимность и близость, которых так недоставало в полицейском участке.

Я нашел ее в Эль-Батане. Она бежала сосредоточенно, стараясь не терять ритм: чуть более расплывшаяся талия, чуть меньшая скорость, осторожность в движениях. Что-то в ней меня беспокоило; тревога возникла на подсознательном уровне, да так и осталась где-то в дальних отделах мозга, чтобы ничем не омрачить нашу встречу.

Я был подготовлен аналогово, как сказал бы Матусалем, вооружившись записной книжкой и ручкой. Сделал ей знак рукой, и мы побежали бок о бок в направлении проспекта Сан-Пруденсио.

— Ты бежишь... — набравшись храбрости, начал я.

— Да, продолжай.

— ... в сто... рону?..

— Арментии, — закончила она.

— Я х... хочу кое-что тебе сказать.

«Это важно», — добавил я взглядом.

— Конечно, Унаи. Хочешь, остановимся?

— Да, так лучше, — ответил я и достал из кармана записную книжку. Альба покосилась на нее, не понимая.

«Присядем на скамейку», — написал я.

Слева от нас виднелись шале; огни сообщали о том, что их жители просыпаются. Туман на набережной был настолько густым и низким, что мне пришлось отыскать скамейку под уличным фонарем, чтобы видеть хоть что-нибудь. Мы подошли к каменной арке, в которой стоял святой Пруденций, покровитель нашего города. Пожилой епископ смотрел на нас с беспокойством.

Было промозгло, на рейтузах оседали капельки влаги, день обещал быть холодным.

«Боюсь, у меня взломали телефон. Две недели назад дед бросил его в воду, и я отдал аппарат одному специалисту, не имеющему отношения к полиции, чтобы он восстановил информацию: контакты, фотографии и прочее... Его ник — Голден Герл. Она была — да и продолжает быть — человеком, которому я полностью доверяю. Но другой мой специалист, Матусалем, тот самый хакер, который помогал Тасио Ортису де Сарате, следит за мной по просьбе того же Тасио. Он предупредил, что с тех пор, как я отдал Голден Герл в починку свой телефон, она посещает «Дип веб», интересуется шокерами «Тейзер» и прочими вещами, связанными с расследованием».

Альба прочитала абзац и кивнула.

Я перевернул страницу и продолжил:

«Надо проследить за Голден Герл. Она — очень опытный хакер, и придется выработать особую стратегию, хотя в первую очередь я заведу новую симку с новым номером, где будут только Эстибалис, Милан, Пенья и ты. Для личной переписки добавлю брата и дедушку. На всякий случай. Нужно решить, чем именно мы продолжим делиться на моем старом мобильном телефоне и что перенесем в новый, чтобы Голден ничего не заподозрила. В любом случае я больше не могу делать на экране записи, касающиеся работы, или совершать

звонки, связанные с расследованием. Оказывается, за всем этим шпионят».

— Два вопроса: как ты думаешь, какое отношение имеет эта Голден к водным ритуалам?

— Понятия не имею, — ответил я вслух. — Еще... вопрос?

— Почему, черт возьми, инспектор Айяла, вы не передали свою карту памяти нашим компьютерщикам или Милан?

Я воспользовался моментом и присмотрелся к ней повнимательнее. Альба набрала пару килограммов, ее продолговатое лицо округлилось. Тонкие руки чуточку опухли. Она явно устала, под глазами залегли тени, и мне захотелось предложить ей пойти ко мне и немного поспать, как в то летнее утро.

«Потому что на карте памяти сохранились сообщения в «Ватсапе», которыми мы обменивались в августе. Прости, Альба, я их не удалил. Иногда мне нужно было их перечитать, они давали мне силы. И я не хотел, чтобы о нас все знали. А они узнали бы. Я не мог тебя подставить».

Прочитав мою запись, Альба покраснела. Она взяла меня за руку, нежно ее пожала и поблагодарила взглядом. А потом снова стала помощником комиссара.

— Ты ее подозреваешь? — спросила она, указывая на строчки в блокноте.

— Голден? Конечно, нет, — произнес я вслух.

«Какого черта мне ее подозревать», — подумал я.

«Пожилая женщина, недавно перенесшая операцию на бедре, она просто не может совершить такие убийства», — записал я в блокноте.

Некоторое время Альба молчала, размышляя над моими словами, затем расстегнула теплую жилетку и машинально, словно меня рядом не было, погладила живот. Я с трудом удержался, такую нежность вызвало у меня это движение, но, видимо, мне это не удалось, потому что в уголках ее губ мелькнула едва заметная улыбка.

«Скоро живот станет заметным. Расскажешь про это на работе?» — написал я.

— Да, надо бы поговорить с комиссаром Мединой до того, как поползут слухи. Никогда не думала, что мне будет так сложно обсуждать личные вопросы на работе, тем более на такой, как наша.

«Я никогда не спрашивал тебя, почему ты ее выбрала...»

— Ты действительно хочешь, чтобы мы сейчас говорили о моей жизни?

«Я почти ничего о тебе не знаю. И хотел бы кое-что узнать. Многое. Все».

Альба склонилась слишком близко к блокноту; это движение мне не понравилось.

— Ты в порядке?

— Да... Нет... Не знаю, в глазах все как-то поплыло... Думаю, это из-за тумана.

— Вернемся? — обеспокоенно предложил я.

— Нет, все в порядке, — возразила она. Я был рад, что мы разговариваем сидя; было заметно, что она плохо себя чувствует. — Ты спрашиваешь, почему я выбрала такую работу... Это случилось в старших классах, мне тогда было семнадцать. Я уже говорила, что была застенчивой девушкой, толстой и закомплексованной из-за обстоятельств моей жизни и скандала в Мадриде, связанного с финансовыми неурядицами маминого импресарио. Мы поселились в Лагуардии, пытаюсь вести нормальную жизнь. В соседнем классе учился парень, его звали Альваро. Я была от него без ума, хотя в него были влюблены и другие девочки.

Я не был ревнив, к тому же не имел права ревновать к ее прошлому, но в горле застрял комок: «Как жаль, что это был не я».

— С нами училась девушка по имени Марта. Она была самая настоящая альфа, любила доминировать. Марта тоже за ним бегала, но, как ни странно, Альваро больше нравилась я. Думаю, он играл с нами обеими, чтобы заставить ревновать, хотя я этого не понимаю. Однажды Альваро предложил мне остаться у него на ночь. Самое настоящее свидание. Первое в моей жизни. В тот вечер мы договорились встретиться в парке неподалеку от маминого отеля, в садах Кольядо, рядом со статуей баснописца Саманьего. Я надела туфли на каблуках, юбку, покрасила губы маминой помадой. Не представляю, как Марта об этом узнала. Может быть, он сам ей сказал, чтобы она приревновала и в конце концов тоже согласилась с ним переспать... Так вот, вместо Альваро появилась компания девчонок, тусовка Марты, к тому же с ней во главе.

Альба грустно улыбнулась, словно набираясь сил для того, что должна была рассказать дальше. Я сжал ее руку; мне хотелось ободрить ее, сказать: «Все в порядке, успокойся».

— Они шли за мной по парку, оскорбляя меня. Я прибавила шаг, но они не отставали. Я вела малоподвижный образ жизни, весила сто двенадцать килограммов, и это при росте метр семьдесят четыре... И вот я побежала. Я понимала их намерения, к тому же их было пятеро. Я бежала с трудом, задыхаясь; вскоре началась тахикардия, сердце не справлялось с весом. Девчонки набросились на меня, я получила удар ногой в живот от Марты, и меня вырвало. Нельзя было вести себя так наивно и разгуливать по пустынному парку среди ночи, как бы хорошо я его ни знала...

Я так нервничала из-за предстоящего свидания с Альваро, что почти не смотрела вокруг себя и не увидела девчонок вовремя, пока они не подошли ко мне сзади. Мой добрейший папа слишком опекал меня всю жизнь, повсюду меня сопровождал, но в тот день защитная скорлупа наконец треснула.

В то лето я в одиночку отправилась по Камино-де-Сантьяго; родителям соврала, что иду с друзьями. Почти восемьсот километров пути я прошла за двадцать дней, то есть в день проходила по сорок километров. Дойдя до площади Обрадойро^[35], я потеряла двадцать два килограмма и больше их не набирала, потому что не прекращала заниматься спортом ни на один день. Я прошла курсы самообороны в Логроньо, а потом поняла, что хочу чувствовать себя полезной, а заодно разыскать импресарио моей матери, посадить за решетку и вернуть ей деньги, чтобы избежать новых штрафов за отель. Я пошла учиться, решила стать эртцайна^[36]. Я отследила все перемещения деда после того, как тот сбежал. Но затем след его затерялся в Чили. Думаю, он уже мертв, но до сих пор не знаю, куда он девал деньги. Мама не в курсе моего расследования.

Альба умолкла. Выглядела она неважно; может быть, виной тому были тяжелые воспоминания, но я беспокоился, потому что она хваталась за живот всякий раз, когда умолкала.

— Что касается Марты, то она стала фигурантом одного из первых моих вызовов, когда спустя годы я уже работала в полиции. Он поступил от одного из жителей Лагуардии; мы явились по указанному адресу, и я обнаружила их обоих. Марта была замужем за Альваро; она

постарела, на лице ее темнели синяки. Мне самой пришлось надеть наручники на Альваро, того парня, которому я без колебаний сказала бы «да». Лишь взбучка, которую задала мне Марта, удержала меня в то лето от свидания с ним. У Марты была дочь, с ней он тоже плохо обращался. Я позаботилась о том, чтобы их обеих поместили в центр для женщин — жертв гендерного насилия. Сейчас Альваро запрещено к ним приближаться. Марта время от времени звонит мне; мы встречаемся, пьем кофе, притворяемся подругами. Я выслушиваю ее истории о попытках переделать жизнь, но ей приходится трудно. Окончив школу, учиться дальше она не стала, засела дома. Альваро уверял ее, что его зарплаты будет достаточно. Замуж она вышла рано и никогда не работала. Он держал ее взаперти. Не представляю, какое будущее ее ждет.

«Зачем ты с ней общаешься? Ведь когда-то она подняла на тебя руку», — с трудом написал я.

— Потому что Марте нужен якорь, нужны подруги. Это что-то вроде общественной жизни. Чтобы Альваро снова ее не соблазнил и она к нему не вернулась. Не знаю, для кого я это делаю — для нее или, может быть, для ее дочери, — но мне невыносима мысль, что я могла бы оказаться на ее месте, и я не хочу, чтобы он победил.

— Ты выбираешь... смертельно опасных мужчин, — прокомментировал я вслух. Хотя стоило ли бросать камни в собственный огород?

— Это ты и про себя тоже?

«В какой-то степени, — написал я в блокноте. — Я слишком потрясен событиями последних трех лет, чтобы быть нормальным человеком, к тому же у меня есть зависимость от работы. В расследовании серийных убийств нет ничего хорошего, сплошная одержимость, а я и так склонен к одержимости по своей природе. Мне недостает качеств, чтобы быть хорошим психологом-криминалистом, я не умею вовремя переключаться, я слишком быстро теряю объективность. Жить со мной — значит жить в постоянном напряжении: выследить одного преступника, дожидаться появления следующей серии убийств... Тебе нравится такая жизнь? Так ты хочешь жить? Разве ты не предпочла бы нечто более спокойное?»

— Я уже вышла замуж за более спокойного. Это был король спокойствия, воплощение безмятежного сосуществования...

«От этого ты бежишь? Боишься, что снова обманут?»

Наверное, я не должен был этого говорить. Представляю, как прозвучал для нее этот вопрос. Лицо ее изменилось, она вспыхнула. Посмотрела на меня сердито, гневно вскочила, не переставая держаться за живот.

— Твои чувства ко мне, — сказала она наконец, — те эмоции, которые я в тебе вызываю, подлинны, произвольны. У тебя все тело напрягается, когда я появляюсь. Весь твой невербальный язык кричит о том, как сильно на тебя действует мое присутствие. Чувства твои реальны, это не уловка, чтобы лишить девственности неуверенную в себе подружку, как в случае с Альваро, и не способ поучаствовать в расследовании, как у Нанчо. Я не нужна тебе, тебе не нужен никто, кроме деда и брата, — и все-таки ты здесь, несмотря на все проблемы.

«Ты хочешь быть со мной только из-за моих чувств? — написал я дрогнувшей рукой. — Я тоже не хочу быть для тебя необходимостью, мне тоже нужно, чтобы отношения со мной не были стратегией, убежищем, лейкопластырем».

— Лейкопластырь... Надо же такое выдумать... — прошептала она. — Иногда ты ведешь себя со мной, как с дочерью. И называешь себя «лейкопластырем»...

Но закончить фразу Альба не успела. Ее лицо исказилось от боли, пригвоздившей меня к скамейке. Она рухнула на землю, прежде чем я успел ее удержать.

А над обледеневшим газоном теплилась заря.

27. Больница Чагорричу

7 декабря 2016 года, среда

Я даже не смог позвонить по номеру 112 и вызвать «Скорую». Точнее, цифры-то я набрал, но пролепетал лишь «Сан... Пруденсио» и нажал отбой, бессильно сжимая руку потерявшей сознание Альбы. Отправил отчаянное сообщение по «Ватсапу» Эстибалис, умоляя небеса, чтобы в это время у нее был включен телефон: «Вызови «Скорую» на бульвар Сан-Пруденсио. У беременной 40-летней женщины судороги, сознание спутано».

Я увидел смайлик с поднятым большим пальцем и понял, что помощь уже в пути.

* * *

Это был долгий, мучительно долгий день. Альбу увезли в больницу Чагорричу; обследование проходило ужасающе медленно. Я не знал, потеряла ли она ребенка, бьется ли ее сердце. Ответом мне было молчание и снисходительные взгляды персонала.

Я позвонил ее матери в отель в Лагуардию и максимально терпеливо, с помощью множества бессвязных слов кое-как объяснил, что произошло. Она прибыла через час; теперь мы оба были рядом с Альбой.

Я с ума сходил от беспокойства за Альбу. Однако новый поворот событий совершенно выбил меня из колеи: она ожидала девочку. Я сразу почувствовал, что девочка — моя дочь, еще с того момента, как Альба заговорила со мной об этом, еще в Арментии. У меня будет дочь. Мне было безразлично, что ее биологический отец — Нанчо. Его не было рядом, чтобы воспитывать девочку. Рядом был я.

Да, я был рядом.

Диагноз сообщили поздно, было уже почти темно: эклампсия, осложнение преэклампсии беременных. Альба знала про это, у нее бывало высокое давление, ее наблюдали. Но мне она ничего не

сказала, не поделилась со мной. Молчала все это время. Я такого отношения не заслужил.

После введения антигипертензивных препаратов обе, мать и дочь, были вне опасности. Да, мы могли их навестить. Нет, мы не должны утомлять мать. Да, Ньевес останется ночевать. Нет, мне не нужно оставаться. Пусть вернется домой, сказала Альба голосом колибри, пусть отдохнет. Как будто кто-то способен сомкнуть глаза, когда ему заявляют, что у него будет дочь.

Эсти отправилась к Альбе в больницу, как только в Лакуа закончился рабочий день. Она привезла коробочку трюфелей «Гойя», я так и не понял, для Альбы или для меня. Я не удержался и сунул несколько конфет в карман — так или иначе, меня ожидала бессонная ночь. Они улыбались, пожимали друг другу руки, о чем-то шушукались. Альба отключила режим строгой начальницы — теперь она была всего лишь улыбчивой и усталой женщиной с непростой беременностью, которая неизвестно чем кончится. Любого человеческого участия было мало, чтобы поддержать ее. Я готов был поцеловать Эстибалис в лоб и заключить ее в крепчайшие объятия Кракена.

Я сдержал себя — этого не стоило делать.

Я уже возвращался домой, когда в одном из навощенных коридоров больницы столкнулся с комиссаром Мединой.

— Я только что узнал, — скорбно произнес он своим низким голосом. — Могу я навестить ее?

Я отрицательно покачал головой и указал на часы, чтобы аргументировать свой отказ. Было уже поздно, время посещений давно закончилось, и, когда я закрыл дверь в палату, Альба спала.

— Хорошо, тогда приду завтра. Хотел нанести ей личный визит... Но меня привели сюда также и профессиональные дела. Вы руководили расследованием дела ее мужа...

Я кивнул, немного насторожившись. Я не понимал, куда он клонит.

— Видите ли, полицейский участок — это рассадник всяческих слухов и сплетен, и я должен заранее знать, что именно отвечать на вопросы сослуживцев и как заместитель комиссара хотел бы представить эту ситуацию. Вы, наверное, в курсе... Видите ли, если у

нее девятнадцать недель беременности, значит, она забеременела в августе, и ее сын...

«Дочка», — написал я на мобильном и показал Медине.

В этот момент у меня начисто вылетело из головы предостережение Матусалема: моя жизнь не должна отражаться на экране мобильного и прочих гаджетов. Мне было не до того; я начисто забыл, что надо действовать осторожно, защищать себя, мыслить ясно и быть стратегом. Я впервые чувствовал себя отцом, всецело заботившимся о женщине, которая сводила меня с ума, и нашей с ней общей дочери.

— Хорошо, ее дочь, — поправился он. — Я лишь хотел сказать, что если отец ее дочери — наш серийный убийца...

— Я отец ее дочери, — перебил я Медину. Я произнес это вслух, и ответ прозвучал как удар хлыста — четкий и громкий, в нем слышались ярость и решимость. — Я отец, — подтвердил я.

И на ходу сочинил благочестивую ложь, чтобы защитить их обеих. Написал на мобильном и повернул экран так, чтобы он оказался прямо перед изумленной физиономией Медины.

«Заместитель комиссара находилась в процессе развода с мужем, несмотря на то, что юридические процедуры еще не начались. У нас с ней были отношения, и ребенок мой. Мы держали это в секрете, так сложились обстоятельства. Заместитель комиссара собиралась в ближайшее время поставить вас в известность. Я знаю, что вы ее поймете, хотя это непросто. Прошу вас не распространять эту новость до тех пор, пока заместитель комиссара не будет в состоянии поговорить с вами лично; но, разумеется, вы можете и должны пресечь все намеки на то, что отец нашей с ней дочери — Нанчо».

Я не хотел, чтобы Альба страдала от позорного клейма — родить ребенка от серийного убийцы. Я лгал ради нее самой и ради девочки: было бы несправедливо взвалить на малышку такой груз.

Предстояло выяснить, позволит ли мне Альба остаться в ее жизни и в жизни ее дочери, уточнить свою роль в этой трагикомедии. Возможно, я с самого начала вел себя неправильно. Но теперь мне предстояло защитить обеих от памяти, которую Нанчо оставил по себе в Витории. Это был единственный способ развеять досужие слухи.

Какая ирония! Только теперь я понимаю, что в тот момент подписывал свой смертный приговор...

28. Больничные сады

8 декабря 2016 года, четверг

Был выходной, но, несмотря на раннее утро, когда пациентов будят, чтобы взять у них первые анализы мочи и крови, я уже был в больнице Чагорричу. Мать Альбы спала на зеленом кожаном диване; эта женщина и во сне выглядела элегантно. Даже на больничном диване она сохраняла свою стать.

Я осторожно разбудил ее, стараясь, чтобы Альба не проснулась. По моему умоляющему взгляду Ньевес поняла мои намерения и оставила меня с дочерью наедине, в неудобном кресле, которое я придвинул к кровати.

Я не спешил будить Альбу — был слишком растерян, глядя на ее чуть выпирающий живот, укрытый одеялом. Хотел протянуть руку и сказать ему: «Не тревожься, малышка, папа рядом, он не даст тебя в обиду», — но не решился.

Похоже, эта необыкновенная девочка умела читать мои мысли и разбудила мать, потому что в этот момент Альба открыла глаза. Медленно, словно возвращаясь из небытия.

— Доброе утро, Альба. Как себя чувствуешь? — Признаюсь, эту фразу я долго репетировал.

— Шесть слов. Ты сказал шесть слов. — Она улыбнулась, несмотря на усталость, написанную на лице, и мешки под глазами.

— Дай мне еще месяц, и я... произнесу целую речь.

Альба засмеялась, но я не хотел, чтобы она смеялась. К этому я пока не был готов. Теперь предстояло самое трудное. Я хотел поговорить с ней устно, без блокнота. Всю ночь я готовил нужные фразы. Короткие, емкие, самые важные, которые остаются в памяти до глубокой старости.

— Комиссар знает, — сообщил я.

— Что знает?

— Он приходил вчера вечером.

— И что он знает? — настаивала она.

— Что вы с Нанчо уже практически разошлись, и мы с тобой были вместе.

Альба задумалась. Фраза получилась не очень, я и сам это понимал, но на большее я пока был не способен.

— Зачем? Зачем ты ему сказал?

— Я сказал, что ребенок мой, что у меня нет никаких сомнений.

Альба посмотрела на свой живот, словно разговаривала не со мной, а с девочкой, а меня исключили из этого телепатического диалога.

— Ты сделал это для нее, — сказала она наконец.

— На работе сомневаются, Альба. Никто не должен думать, что...

— Что это дочь Нанчо.

— Это очень тяжелое бремя, ребенок такого не заслуживает.

— Надо же, ты ее защищаешь... Не знаешь, твоя ли она дочь, и все равно защищаешь...

— Позволь мне это сделать. Ты и я... Ты сама должна решить, существуем ли мы вместе — ты и я. И позволь мне взять на себя остальное.

— Итак, мы всем расскажем, что я уже рассталась с Нанчо, что мы с тобой в августе были вместе и ребенок может быть только от тебя.

— Да, и это будет единственная версия. Всегда. Без колебаний. — Я повторял эти слова как мантру. Мы должны держаться за эту версию вместе всю жизнь. Две жизни. Ее и мою.

— А что, если девочка похожа на Нанчо?

— Пусть. Он был славным парнем, когда не убивал, — вырвалось у меня.

Альба посмотрела на меня так, словно собиралась вонзить в меня иголку, соединенную с капельницей. А потом рассмеялась. Рассмеялась от души.

— Ты прав, он действительно был славным парнем. Особенно после всего того, что сделал.

Я тоже засмеялся, но мысленно попросил у Мартины прощения за это кощунство. И все же мы обязаны были посмеяться над этим, смириться с ситуацией, быть сильнее обстоятельств, которые вот-вот должны были на нас обрушиться.

Хотя эфемерного единодушия было недостаточно. Я потянулся к Альбе, словно желая придать ей силы, но она убрала руку.

— Унаи, что касается нас с тобой... Я пока не могу дать тебе ответ. Сейчас для меня важнее другое. Я должна набраться сил к тому времени, когда попрошу выписку и вернусь к работе. Хочу самостоятельно справиться с тем, что ждет меня в участке. А потом я приму решение про нас с тобой, хорошо?

«Что ж, звучит оптимистично», — подумал я.

— Конечно. Можно я зайду к тебе днем? — спросил я перед уходом.

— Ты можешь видеть свою дочь в любое время, Унаи. Приходи, когда захочешь.

Одной этой фразы было достаточно, чтобы во вселенной стало светлее.

Я вышел в коридор и увидел Ньевес, которая ждала меня, прислонившись к стене.

— Идем, Унаи. Я провожу тебя до дверей.

— Конечно, — ответил я.

Какой-то пациент в металлических ходунках на колесиках искоса поглядывал на нас. Непонятно, кого из нас двоих он узнал — Кракена или бывшую актрису.

Ньевес делала вид, что ничего не замечает, я ей подыгрывал.

Мы шагали вдвоем, обходя больных и санитаров в белых бахилах, до самых входных дверей. Вышли на улицу и пересекли парковку. Мимо проезжали машины; их водители, защищенные кабиной от промозглого утреннего холода, сосредоточенно размышляли о делах, которые сулил предстоящий рабочий день.

Я наблюдал за ними без зависти: скоро я тоже стану одним из них.

— Я восхищаюсь ею, — не удержалась Ньевес.

— Что?

— Восхищаюсь Альбой.

«Вы даже не представляете, как восхищаюсь Альбой я...» — хотелось сказать мне, но я удержался.

— Меня всегда поражала ее зрелость, ее сила. Можешь себе представить, каково это — иметь дочь, которая никогда ни на что не жаловалась?

Я улыбнулся. Это было очень похоже на Альбу: не жаловаться никогда и ни на что.

— Из всего, что я когда-либо делала в жизни, она — мой лучший результат, лучшее мое произведение. Она не сломается. Эта беременность, какой бы тяжелой она ни была, ее не сломает. Она знает, что такое потери. Куда страшнее обнимать мертвого ребенка. Она приняла решение. Ты кажешься мне хорошим человеком, и я не собираюсь просить тебя, чтобы ты не обижал мою дочь. Это ваши дела. Альба сама позаботится о том, чтобы ты ее не ранил.

— Я знаю.

— Об одном прошу: не обижай мою внучку. Если ты будешь с ними рядом, если Альба тебе позволит, будь настоящим отцом. Всегда. Если она, или ты, или оба решите, что ты не будешь отцом, оставь их в покое, не вмешивайся, не влезай в жизнь моей внучки; ты можешь все испортить. Я пока не знаю, будет ли она сильной, как Альба, или слабой, как ее дед, или жадной, как прадед. Может, окажется психопаткой, если ее отец все-таки Нанчо. Этого я не знаю, но точно знаю, что с отцом, который то появляется, то исчезает, девочка будет страдать так же, как страдали все мы. Я всего лишь хочу сказать, что вы с Альбой должны четко осознавать роль, которую намерены играть в жизни моей внучки еще до того дня, как она появится на свет. Подтверждение отцовства — это не просто бумажка, Унаи. Не заблуждайся, как многие отцы и матери. Именно сейчас ты должен решить, кем будешь в жизни ребенка. С этого момента вы с Альбой не просто пара, не двое независимых взрослых. Теперь речь идет о семье, и на карту поставлена жизнь моей внучки.

— Надеюсь, Альба будет не против, Нье... Ньевес. Я хочу, чтобы у моей дочери был настоящий отец.

Казалось, мой ответ удовлетворил Ньевес, а может, ее убедила решимость моего взгляда. Я был без маски, я был перед ней безоружен, и меня не волновало, что она видит меня таким, каков я есть. Мою нервозность, мои убогие речевые способности. Да, я не был идеалом, но, несмотря ни на что, чувствовал, что могу быть хорошим отцом.

Мы попрощались, дважды чмокнув друг друга в щеку. Ньевес поднялась по лестнице, чтобы исчезнуть в больничном вестибюле.

— Я вернусь днем. Предупреди меня, если... если что-то понадобится, — сказал я ей, прежде чем мы попрощались.

Ньевес махнула рукой, что означало «ничего не нужно, не беспокойся».

— Унаи... еще кое-что, между нами лично, — сказала она, прежде чем уйти.

— Что?

— Я была бы очень рада, если б ты был отцом моей внучки.

— Спа... спа... спасибо, Ньевес, — обрадовался я.

Теперь я знал, откуда в Альбе взялись такие редкие человеческие качества.

29. Жертвенник Матр

9 декабря 2016 года, пятница

Было семь часов вечера, и лило как из ведра. Спасаясь от дождя, я в два прыжка достиг подъезда, где принимала мой логопед, и поднялся на нужный этаж. Волосы и плечи у меня были мокрыми. Ничего страшного, скоро все высохнет, подумал я, хотя кабинет Беатрис Коррес еще не отапливался и вообще не был приспособлен для зимы, которая обещала быть суровой: обильные снегопады, утренние морозы...

Мы повторили фразы из восьми слов. Беатрис еще раз напомнила, чтобы я как можно чаще использовал приложение, чтобы выражать мысли более складно и уверенно. Но, думаю, я продвигался быстрее, чем она ожидала. Никаких секретов у меня не было, кроме бешеного желания как можно скорее вернуться к нормальной жизни, что в среднем предполагало четыре-пять ежедневных часов самостоятельной работы.

Моя квартира стала моим личным боксерским рингом. Лень, перемены настроения и умственная усталость были моими обычными соперниками. С каждым днем я узнавал их все лучше, с каждым днем мои мышцы получали все больше нагрузки, с каждым днем я отбивал очередной удар, выигрывая скромную битву. Ключевыми словами здесь были «каждый день».

К Беатрис я пришел в восемь. Вскоре стемнело; капли дождя летели по диагонали и яростно ударялись в приоткрытое окно. Иногда начиналась настоящая буря, как будто небеса вот-вот рухнут на Виторию; но, к счастью, это длилось недолго, и вскоре тьма прояснилась.

— Время вышло, Унаи. Хватит на сегодня. Если так будет продолжаться, в ближайшее время я останусь без пациента, — улыбалась Беатрис.

Она надела свою шубку цвета индиго, взяла зонтик, отлично сочетавшийся с синими туфлями, и мы спустились на улицу.

Я не ожидал увидеть то, что увидел, и почувствовал такую нежность, что снова обрел веру в человечество.

На улице Сан-Антонио прямо перед подъездом нас ждал мой бедный брат Герман. Промокнув насквозь, он все-таки защитил то, что осталось от букета цветов, который еще недавно наверняка был нарядным и дорогим.

Я заметил, что из соседнего мусорного бака выглядывает знакомый зонтик. Прутья были сломаны: буря не пожалела ни романтических чаяний моего брата, ни его робкого ухаживания.

— Что ты тут делаешь? — спросил я вслух.

Это был один из дежурных вопросов, которые я отрабатывал с Беатрис до посинения, поэтому получилось неплохо.

Герман кашлянул и выпрямился; для него было важно выглядеть достойно, я прочитал это в его умоляющих глазах.

— Я хотел поблагодарить нашего доктора за то, что он сделал для моего брата. Беатрис, завтра я принесу букет в более приличном состоянии, и...

— Надо было позвонить и подняться, Герман, — перебила она, подавшись вперед и взяв промокший букет. — Спасибо за подарок.

— Я не хотел мешать занятиям. Это самое важное и... короче, самое важное.

Беатрис смотрела на Германа с бесконечной признательностью; думаю, она была очень тронута. Герман промок насквозь, до бумажника, и его короткие толстые пальцы, сморщенные и влажные, как у старика, побелели от холода.

Краем глаза я наблюдал за своим логопедом. Она молчала и, кажется, была немного смущена, даже растеряна. Не знаю, но я бы сказал, что именно в этот момент Беатрис в него влюбилась. Что-то сломало ее непроницаемую стену профессионализма, и она позволила себе уступить.

Беатрис впустила Германа внутрь. Отныне она была с ним сама нежность.

— Ты замерз, Герман. Пойдемте в какое-нибудь кафе, закажем что-нибудь горячее, бульон, кофе... мне это не нужно, я не замерзла, но я тебя провожу.

И мы побежали на улицу Дато. К моей большой радости, Беатрис не выпускала из рук мокрый букет, несмотря на то, что он плохо сочетался с ее дорогой шубой и фирменной сумкой.

— Тебе правда не холодно? — забеспокоился Герман.

Беатрис улыбнулась.

— У меня всегда имелись лишние килограммы: я была полненькой девочкой и очень пухлым подростком. Думаю, лишний вес дает определенные преимущества; во всяком случае, я не мерзлячка, — заметила она и снова улыбнулась.

Я наблюдал за ними молча. Как мило... Прямо передо мной робко рождалась взаимная симпатия. Сомнения и неуверенность Германа, маска профессионализма моего логопеда — все это осталось в мусорном ведре вместе с зонтиком, сломанным бурей. Зато были феромоны, способные пробудить либидо даже у серого волка, самого верного животного, способного прожить всю свою взрослую жизнь с одним и тем же партнером.

Такое у меня складывалось впечатление, когда я смотрел на Германа и Беатрис. Брат не закрывал рта ни на секунду — он превратился в настоящий словесный вулкан, Беатрис слушала его с улыбкой и смотрела на него так, как будто само небо послало ей Германа.

Я проводил их до входа в «Усокари» и простился, приведя в качестве извинения какой-то предлог, который не мог бы опровергнуть ни один из них двоих. Несмотря на то что он пахивал благонамеренной ложью, они попрощались со мной с обещаниями «в другой день посидеть где-нибудь вдвоем», после чего я их оставил в маленьком раю. Они его заслужили, они оба были этого достойны. Всего лишь потому, что были хорошими людьми.

Я шел по улице Дато — пустой, мокрой, без единой человеческой души. Только бронзовый Путник приветствовал меня со своей трехметровой высоты. Из-за дождя температура упала еще сильнее, и люди предпочитали сидеть дома, делать уроки с детьми, тупить перед телевизором, готовить ужин... иначе говоря, заниматься своей жизнью.

Я переходил улицу перед памятником Битвы при Витории, направляясь к своему дому, как вдруг вспомнил, что так и не позвонил Гектору дель Кастильо, и достал из кармана новый телефон с номером, который дала мне Милан. Чтобы отличить его от старого мобильного, я установил в него мелодию с «Love me again» Джона Ньюмана. Знаю, подсознание иногда принимает решения вместо меня.

Я просмотрел телефонную книгу и набрал номер Гектора. Не хотелось, чтобы Голден отследила этот звонок.

— Гектор, это Унаи Лопес де Айяла. У меня новый мобильный.

— Инспектор, как я рад быть свидетелем ваших речевых успехов, — откликнулся приветливый спокойный голос.

— Знаю, — я улыбнулся. — Могу я задать вам вопрос?

— Да, конечно.

Я рассказал ему коротко, с грамматикой маленького ребенка, о пруде Барбакана. Я понимал, что следовало бы рассказать Гектору о появлении нового трупа, однако не стоило сообщать столько подробностей.

— Только один вопрос: нет ли там еще одного алтаря? — спросил я.

— Вы совершенно правы: алтарь действительно есть, и посвящен он трем Матрам. Был обнаружен в стене в одном из огородов за пределами Лагуардии. Я лишь хочу сказать, что это еще одно место, связанное с культом воды как оплодотворяющего начала, а также с обрядами и жертвами Матрам. Вы не рассказали мне об обстоятельствах вашей последней находки, но, опережая вас, замечу, что это идеальное место для совершения обряда, подобного кельтской Тройной Смерти. Это как-то связано с вашим расследованием, инспектор Айяла?

Я вздохнул; мне не хотелось, чтобы это было связано с моим расследованием. Не хотелось новых водных обрядов. Я предпочел бы личный мотив, одно-единственное убийство, а не цепочку убийств, только что наметившуюся и далекую от завершения.

— Да... связано, — сказал я наконец, открывая дверь дома свободной рукой. — Большое спасибо, Гектор.

— Все, что пожелаете, инспектор Айяла. Меня это беспокоит так же сильно, как и вас. Я уверен, что смогу помочь, хотя надеюсь, что в будущем подобная помощь не понадобится. Берегите себя, инспектор. — И историк повесил трубку.

Я поднялся к себе и приступил к новой серии упражнений, заданных мне логопедом. Это были карты Нардила со все более длинными фразами: «Девочка спускается по лестнице, мальчики играют с девочкой, девочка рисует большую белую Луну...»

Именно в этот момент на мой новый телефонный номер позвонила Эстибалис.

— У меня несколько новостей насчет нашего расследования, Унаи. И новости эти прямиком из Кантабрии. Сядь, если стоишь, — выпалила напарница с немыслимой скоростью.

— Хорошо... говори, — ответил я. Снял влажноватый свитер, надел домашнюю толстовку, подошел к окну и прильнул лбом к стеклу, не сводя глаз с белых балконов напротив.

— Милан разыскала сестру Сауля Товара; она работает в больнице Вальдесилья, занимает руководящую должность и, видимо, неприкасаема. Я бы хотела, чтобы мы нанесли ей визит без предупреждения, как и Саулю. Понятия не имею, какие у них отношения в настоящее время. Родители умерли, когда оба были еще детьми. Сара Товар на четыре года старше и была опекуном Сауля до его совершеннолетия; они и потом жили вместе, пока он не женился. Одинока, детей нет. Мужчин у нее тоже не было; она вообще похожа на монахиню. Состоит в дюжине религиозных ассоциаций, помогающих странам Третьего мира. Святая душа, так о ней все говорят.

— Почему... почему Сауль?

Эстибалис понимала меня с полуслова: я хотел знать, почему она так упорно расследует линию Сауля, когда подозреваемые имелись и ближе, в Витории; для начала хорошо было бы потрясти Асьера и Голден Герл. Оба должны были многое нам объяснить, и оба выглядели крайне подозрительно. Мы продвинулись бы, занявшись этими двумя.

— Почему Сауль? Так вот, вторая часть: Милан обнаружила факт, который мы упустили... это не тетка, а настоящее сокровище, у нас в команде киборг!

— Эсти...

«Давай же, Эстибалис, говори», — хотел скомандовать я, вне себя от нетерпения.

— Не знаю, помнишь ли ты дело о юных самоубийцах. В этом году у нас три самоубийства при странных обстоятельствах в разных горах Кантабрийского карниза. Так вот, в сентябре девушка двадцати трех лет, жительница Сантандера, покончила с собой на горе Дóбра в Кантабрии.

— Как ... как она себя убила?

— В том-то и дело. Каждая смерть выглядит загадочно. Подростки или молодые люди, некоторые из них застенчивы и имеют проблемы с социализацией, домоседы, но в прошлом не совершавшие каких-либо насильственных действий и не посаженные на наркотики. В один прекрасный день уходят из дома в чем были, залезают на ближайшую гору, снимают одежду, ночуют на этой горе и к утру умирают от переохлаждения. Такое впечатление, что так у них и задумано: умереть от холода. Очень необычный акт агрессии по отношению к себе. Предпочитают замерзнуть за несколько часов, чем перерезать вены, наесться таблеток или спрыгнуть в пропасть. С точки зрения виктимологии, все это люди, боящиеся крови, мирные, почти трусливые, несмотря на мужество, которое требуется, чтобы продержаться так много часов на темной горе под открытым небом.

— Так кто эта девушка?

Касательно самоубийств все было ясно, но я не понимал, какое отношение имеют эти жертвы к Саулю.

— Жертва — Химена Товар, Унаи. Молодая девушка, тоже якобы дочь Сауля Товара. Ребекка Товар — не единственная дочь, которую потерял твой препод.

«Неужели?» — подумал я, но не смог выразить вслух свое замешательство.

Неужели у Сауля была еще одна дочь? Я знал только Ребекку. Сауль ни словом не упомянул еще одну погибшую, когда мы беседовали с ним у него в кабинете.

Итак, отец потерял двух дочерей, погибших при столь трагичных обстоятельствах...

А я об этом понятия не имел.

Я не знал, сочувствовать ли Саулю или заподозрить, что вокруг него происходит слишком много драм, которые разрушают статистику о несчастьях, переживаемых человеком в среднем в течение жизни.

Так или иначе, меня снова ждало путешествие в страну кантабров.

30. Крест Горбеа

10 декабря 2016 года, суббота

Рано утром молодая женщина отправилась к горбейскому кресту. Темнота ее не пугала — она отлично знала дорогу. Это ненадолго, она лишь навестит брата. Женщина всегда носила его с собой под одеждой — серебряный эгузкилор согревал ей грудь, — но в ту субботу ей хотелось пообщаться с ним лично. У нее не было другого способа выпустить пар. Альба для этого не годилась. Не для этого разговора. Она с ума сходила от беспокойства с тех пор, как у той впервые случился приступ судорог, и впервые ревновала. А ревность — это такая штука, которую она еще лет сто назад научилась держать под контролем. И гордилась этим. Ей удалось контролировать ее с Паулой, а Альба подходила Кракену больше, чем Паула. Более зрелая, более женственная, более цельная. Она надежнее защитит его от самого себя и его навязчивых идей.

«Почему ты ждешь ребенка именно сейчас, простофиля? Ты еще не поняла, что речь идет о ритуале? Что умирают те, кто не готов стать родителями?» — мысленно упрекала она Альбу.

Как, интересно, циничная Аннабель, эта холодная баба, собиралась воспитывать ребенка? Или Хотя... Эсти знала, на что способен алкоголик, когда у него рождаются дети. Чего уж говорить о Ребекке; брат рассказал ей, на что намекал Лучо...

Унаи признал ребенка с ходу. Мол, девочка от него, и нет никаких сомнений... На что он рассчитывает? Обвести вокруг пальца целый город этим вынужденным объяснением?

Эстибалис сказала ей: «Я рада за вас обоих». Сказала в утешение. И она действительно рада. Разумеется! Она хотела семью для Унаи.

Она уже прошла через это, когда они с Паулой, отчаявшись, что полоска так и не окрасилась в синий цвет, записались на прием к гинекологу, занимающемуся бесплодием. И с этим Эстибалис смирилась.

Но только не сейчас, ради бога, не сейчас...

Машину она оставила на парковке в Муруа и через некоторое время, измученная и разгневанная, уже стояла у подножия Креста

Горбеа. Там она видела своего брата в последний раз, касалась его пепла, наблюдала, как он летит по воздуху, исчезает, сливается с вершинами гор...

— Я знаю, что Унаи тебе не нравился, и теперь ты скажешь, что он держит меня за мазохистку и идиотку, но ты же сам знаешь, насколько несознательны люди...

Эстибалис выслушала едкий ответ Энеко.

— Слушай, я пришла сюда не для того, чтобы ты меня отчитывал.

Дух ее мертвого брата сегодня был не в духе.

— Если ты продолжишь психовать, останешься здесь один на ледяном ветру.

Энеко сменил тему, но веселее их разговор от этого не стал.

— Папе плохо, как всегда. Хуже некуда. Более взвинченный, более агрессивный, больше таблеток. Не спрашивай меня, ты и сам знаешь.

Эстибалис достала бутерброд с вырезкой, приготовленный накануне вечером, села, прислонившись спиной к подножию креста, и откусила кусок.

— Энеко, я хочу помогать другим детям вроде нас с тобой. Чтобы с ними не случилось... ну, ты меня понимаешь. Чтобы с ними не случилось того, что случилось с нами. Альба хочет заняться этим вплотную. Думаю, каждый рождается для чего-то особенного, чего-то, что задевает его за живое, и он просто обязан этим заниматься. Ты вытащил меня из ада благодаря своим снадобьям. Я тоже так хочу — быть человеком, способным вытащить кого-то из ада, но по-другому: давая силы. Не знаю, понимаешь ли ты меня. Для тебя это наверняка чушь... Эй, не смотри на меня с таким скепсисом, я больше ничего тебе не скажу.

Но все было без толку. Был ли тому виной неудачно выбранный день, или ветер, или отрицательные ионы, но, как ни билась Эстибалис, ей не удавалось, как прежде, пообщаться со своим братом.

Разочарованная, она поцеловала Крест Горбеа и отправилась вниз.

В двадцати пяти километрах к югу, на Алавесской равнине, Витория еще не проснулась.

31. Игра в повешенного

15 декабря 2016 года, четверг

В «Твиттере» слухи поползли тем же утром. Кто-то распустил язык и принялся болтать о повешенных и туннеле Сан-Адриан. Кто-то другой связал этот случай с происшедшим у пруда Барбакана.

К тому времени, когда мы отследили первый твит и подумали о том, не обвинить его владельца в разглашении тайны следствия, тысячи пользователей судачили об одном и том же, и мы не могли требовать закрытия всех аккаунтов. Это была непосильная задача.

Полномасштабный эффект бабочки. Кто был первый? Неря, Лучо, друг или родственник горцев из Араи, пенсионерка из Лагуардии, которая жила напротив Барбаканы и шпионила за нами из-за занавески?

Может, Неря разболтала сестре? «Никому не говори» поползло по цепочке. Сестра все рассказала мужу. Тот, чтобы заработать очки в трудовом коллективе, поведал об этом нескольким доверенным коллегам в холле перед кофемашиной «Мерседес». «Никому не говори» повторялось, отменялось и клонировалось бесчисленное количество раз по спальням, барам и тротуарам Витории, пока кто-то особо несдержанный не запустил его по социальным сетям.

Возможно, это был Лучо, который от беспомощности открыл аккаунт в сети «Синей птички» как юзер, внешне не имеющий к нему отношения. Возможно, он всего лишь страстно желал высказаться, встретив решительный отказ директора «Диарио Алавес» публиковать какие-либо сведения. По ночам мне не давал покоя вопрос: был ли заинтересован Лучо в распространении этой новости? Какова его степень вовлеченности? До какой степени он в курсе? Сколько он рассказал мне о смерти Аннабель и Хоты?

Когда были прочитаны и проанализированы все хештеги, нам стало ясно, что никто из пользователей не знал, что жертвы были подвешены за ноги. Говорилось только о двух повешенных. Однако просочилась информация о том, что одна из жертв была беременна.

Другим фактом, который разошелся по интернету, были места преступлений — Сан-Адриан и Барбакана, — поэтому коллективный

разум, демонстрируя свою изобретательность, окрестил преступления «Игрой в повешенного».

Для простой души, не любящей усложнять себе жизнь, существовала логическая последовательность двух убийств.

А. Убийство в туннеле Сан-Адриан.

Б. Убийство в Барбакане.

Где подвешат следующую жертву? Каково будет историческое место, начинающееся на С?

Только мы знали, что в Кантабрии имеется еще два места, годные для того, чтобы вписать их в алфавит.

D — гора Добра, и F — Фонтибре.

Но, как бы мы ни бились, на рассвете город проснется в страхе, мечтая, чтобы все это оказалось дурным сном, и новый заголовок упадет на него, как атомная бомба:

«Убийца — безумец, который затеял с нами «Игру в повешенного».

32. Больница Вальдесилья

16 декабря 2016 года, пятница

Открылся новый сезон охоты: люди стали злобно поглядывать на меня на улице.

В пятницу, чтобы добраться до Лакуа, мне пришло в голову сесть на трамвай. Впервые в ту зиму. В трамвае беременные обнимали свои животы, машинально стремясь защитить их. Их спутники поглядывали на меня с угрюмой враждебностью. При виде меня какая-то дама нарочно заняла полтора сиденья, чтобы я не уселся рядом. Я предположил, что бедняжка вот-вот собирается стать бабушкой.

Я снова стал знаковой фигурой всего подразделения, от которой требовали немедленных результатов, — но, не получая почти никакой поддержки со стороны судмедэкспертов, не имея понятия ни о мотивах, ни о личности убийцы и его связи с жертвами, едва ли я мог предупредить его следующий шаг.

Меня взбодрил неожиданный звонок Гектора на старый мобильный, взломанный Голден Герл и Матусалемом. Услышав, что он вспомнил какой-то факт, который якобы может помочь в расследовании, я быстро перебил его:

— Сегодня как раз собирался в Сантандер, заодно загляну к вам... — Эти двенадцать слов я произнес как можно старательнее. — И вы мне все расскажете.

Затем я отправил ему сообщение с нового мобильного телефона, где указал время нашей встречи. Гектор, в свою очередь, прислал мне координаты своего дома в Сантандере. Подобную осмотрительность он объяснил своим беспокойством о том, что в МАК так часто является полиция.

Два часа спустя мы с Эстибалис бродили по коридорам огромной сантандерской больницы Маркиза де Вальдесильи в поисках Сары Товар, сестры Сауля.

Мы расспросили о ней на ресепшене, и, к нашему удивлению, рассеянная курносая девушка отправила нас в больничную часовню.

— Проще найти ее там, чем в кабинете, — пояснила она, пожав плечами.

Пару раз заблудившись в лабиринтах огромной больницы и вновь отыскав правильную дорогу, мы наконец добились успеха и вошли в пустую часовню со светлым полированным полом. Женщина в белом халате молилась, стоя на коленях у передней скамьи. У нее были длинные волосы, собранные в низкий пучок, и выглядела она немолодой. Я усомнился, что это сестра Сауля.

Тем не менее мы подошли к скамье и незаметно расположились рядом. Прочитав надпись, вышитую на ее левом кармашке, Эстибалис протянула ей руку и шепотом представилась:

— Инспектор Гауна из полицейского участка Витории. А это инспектор Айяла, старый знакомый вашего брата Сауля. Не могли бы вы уделить нам минутку, доктор Товар?

Женщина вздрогнула. Казалось, у нее действительно была прямая связь с Богом, и в этот момент она как раз с ним беседовала, а на нас посмотрела как на демонов, которые явились прервать священный диалог.

Сара Товар, высокая и худая, как пасхальная свеча, встала и протянула нам длинную руку с паучьими пальцами. Затем пригласила сесть рядом на скамью; создавалось впечатление, что, помимо дома Божьего, часовня была ее собственным домом.

— Мы можем поговорить здесь. Думаю, это самое подходящее место во всей больнице. Брат уже предупредил меня, что вы расспрашивали его о моей племяннице. Что именно вы хотите от меня услышать? Кажется, в свое время я все рассказала инспекторам, которые вели это дело.

Сара смотрела на нас с явной враждебностью. Пучок придавал резкости чертам ее лица, которое когда-то много лет назад наверняка было таким же незабываемо красивым, как у брата: смуглая брюнетка с иссиня-черными волосами, глаза зеленые, почти кошачьи, квадратный подбородок, с годами несколько поплывший. Одета как благородная вдова — вплоть до царственного жемчужного ожерелья. В ее манерах и внешности совершенно отсутствовала юношеская беззаботность, всегда отличавшая Сауля. Однако было очевидно, что их связывает не только общая фамилия, но и общие гены. В лицах и во всем облике явно проглядывало семейное сходство.

Я уже проинструктировал Эстибалис, какие вопросы ей следует задать вместо меня, и напарница, предвидя, что доктор не будет с нами

излишне церемониться, принялась энергично прощупывать почву.

— Тогда вы уже знаете, что мы расследуем дело об исчезновении вашей племянницы, Ребекки Товар.

— Убийство, — перебила она. — Это было убийство. Разве вы не видели фотографии Ребекки, висящей на дереве в Фонтибре?

— Да, они есть в досье, но тело так и не нашли.

— Это правда. Халтурщики... Но очевидно же, что девочка была мертва, когда ее фотографировали.

Эстибалис вздохнула. Было очевидно, что обе женщины очень друг другу не понравились, и моя напарница старалась, чтобы возникшая между ними неприязнь не вынудила нас завершить разговор раньше времени.

— Мы хотели бы расспросить вас о медицинской карте Ребекки. Ваш брат сказал, что девочка отставала в развитии и вы были ее лечащим эндокринологом. За несколько месяцев до исчезновения у нее брали кровь на анализ, и результат исключил возможность беременности.

— Да, конечно, это было просто невыносимо.

— Сара, мы знаем, что Ребекка была помещена в психиатрическую клинику при этой больнице. Не могли бы вы рассказать, каков был ее диагноз?

Доктор Товар посмотрела на нас так, словно съела лимон. Сложила руки на груди, покачала головой.

— Я не могу предоставить вам такую информацию, и вы оба это знаете. Это медицинские сведения, и касаются они несовершеннолетней. Я могу рассказать лишь то, что имеет отношение к моей специальности. В свое время ее собственный отец попросил меня передать результаты анализов в полицию, чтобы доказать, что девочка не могла забеременеть. Но это на будущее. В первую очередь судья должен подписать соответствующий ордер, а затем вы должны связаться с доктором Осорио, заведующим отделением детской психиатрии, который отвечал за Ребекку. Желаю удачи.

Мы с Эсти обменялись быстрым взглядом:дохлый номер, надо следовать другим путем.

— А еще мы хотели бы расспросить вас о самоубийстве другой вашей племянницы, Химены.

Гримаса боли исказила обращенное к нам жесткое, холодное лицо. Такую боль невозможно подделать, невозможно изобразить.

— Химена совершила смертный грех: никогда не прощу ей самоубийства. Она была хорошей девочкой, умненькой, одной из лучших учениц по истории. Безупречно нравственной. Ни разу не запятнала нашу семейную репутацию каким-нибудь парнем.

— Но объясните мне одну вещь, — осторожно спросила Эстибалис, стараясь не упустить момент внезапной откровенности. — Сауль потерял Ребекку в девяносто третьем году; за два года до этого он овдовел, и вроде у него никого не было. Чья же тогда дочь Химена?

— Как, вы не знаете? Химену удочерили. Брат с женой хотели подарить Ребекке брата или сестру; думали, что это пойдет ей на пользу, и, будучи людьми великодушными, решились на усыновление, чтобы принять в свою семью мальчика или девочку, которому не посчастливилось родиться в доме, полном любви, подобном их дому. Процесс усыновления в этой стране, тем более пару десятилетий назад, длился бесконечно. Брат и невестка прошли все собеседования, дома у них побывали комиссии, их признали дееспособными и включили в список на подбор.

Овдовев, брат не собирался отказываться от начатого усыновления, хоть ему и пришлось бы взвалить на себя непосильную ношу, заботясь о неуравновешенной дочери. Его заявление об усыновлении по-прежнему было действительно. К тому времени от семьи остался только отец, однако брат продолжал соответствовать всем требованиям дееспособности: стабильное социально-экономическое положение, хорошее жилье, наличие свободного времени для занятий с ребенком — все оставалось как прежде...

Химена явилась в его дом вскоре после смерти Ребекки, подобно благословию. Безупречная нравственность моего брата убедила судью, и Сауля не вычеркнули из списка приемных родителей, несмотря на то, что он овдовел. Так в опустевшей жизни моего брата появилась Химена, чудесная малышка. Он отдавал ей всю любовь и все время, которых Химена заслуживала. А она... ах, милая Химена! Не знаю, как пришло ей в голову так с нами обойтись. Залезть на гору, провести ночь под открытым небом и умереть от переохлаждения. До сих пор не могу этого понять, учитывая всю любовь, которую получала моя дорогая племянница. Ребекка была совсем другой:

дерзкой, капризной, манипулятивной... Она жила в выдуманном мире; у нее была черная душа, склонная ко лжи и выдумкам.

— А с чем связывают ее самоубийство? Какова ваша личная оценка, доктор? — спросил я.

— Химена только что закончила исторический факультет. Она была счастлива, перед ней открывалось такое будущее... Впереди был выпускной вечер. Правда, последние несколько месяцев она выглядела печальной. Сауль не мог уделять ей все свое время, это понятно, — раньше-то они были вместе практически постоянно, в университете, дома... Может быть, она слишком зависела от него. Мой брат был лучшим отцом в мире, и вполне естественно, что Химена его обожала.

— У вас нет фото Химены? — рискнул я.

— Да, ее фото все время со мной, я каждый день ставлю его перед алтарем. Алтарь — это очень важно, понимаете? Он помогает нам предстать перед Богом. И я молюсь за ее душу. Она была ребенком с чистой душой, чуждой злу этого мира.

Доктор Товар показала нам снимок девушки, которая, если честно, никак не выглядела на двадцать три года. Она была похожа на девочку: плоская, бесполоая, с короткой стрижкой примерной девочки и наивным, застенчивым взглядом.

— Да, — признала Эстибалис. — Она и вправду хорошая девочка. А не могли бы вы сказать...

Свой вопрос Эсти не закончила. Думаю, Сара от нас устала — мы и так просидели с ней слишком долго. Она посмотрела на классические часики, украшавшие ее тонкое запястье, и показала их нам в качестве оправдания.

— Пора возвращаться к работе. Надеюсь, вы меня извините, — сказала она непреклонным тоном, вставая с отполированной скамьи.

— Конечно, — сдалась Эстибалис. — Мы проводим вас; может быть, вы укажете нам выход — нам потребовалась куча времени, чтобы сюда добраться...

Сара одарила нас снисходительной улыбкой, в которой читалось самодовольство человека, владевшего ситуацией. Вряд ли это была определяющая черта, вынуждающая назвать кого-то психопатом, но профайлер, неустанно бодрствующий у меня в мозгу, зафиксировал эти данные.

Она повела нас к лифту, и в следующий миг мы втроем загрузились в его полированную стальную капсулу. Сара Товар собиралась нажать кнопку, отправляющую на первый этаж, когда пожилой мужчина в белом халате, почти старик, сунулся в лифт с явным намерением составить нам компанию.

— О, простите... Вижу, мы не поместимся. Я подожду, — сказал он прокуренным голосом.

Это длилось всего микросекунду, но Сара и незнакомый мужчина столько сказали друг другу взглядом, что я не мог не вмешаться.

— Проходите, проходите, — подбодрил я его. — Поместятся все.

Я не оставил ему выбора: вышел из лифта и почти заставил его войти в кабину — разумеется, как можно более деликатно и предупредительно.

Доктору, как и всякому человеку его возраста, достаточно вежливому, чтобы не причинять людям неудобств, не оставалось ничего другого, как войти и неловко уставить в потолок, когда мы все четвероплыли на первый этаж в металлической утробе лифта.

Я заготовил фразу из пятнадцати слов — на тот момент мой рекорд — и выдал ее в режиме камикадзе, чтобы посмотреть, сработает ли она.

— Сегодня мы воз... возвращаемся в полицейский участок Витории, доктор. Вы знаете, где нас найти, чтобы поговорить о Ребекке.

Что ж, игра того стоила. Grimаса ужаса, отобразившаяся на лице врача — чья фамилия, вышитая на аккуратном белом халате, соответствовала фамилии психиатра, который лечил Ребекку Товар, — поведала нам очень много.

Сара посмотрела на меня с ненавистью, сочившейся словно из самой преисподней.

Лифт открылся и выплюнул всех четверых. Мы с Эстибалис вежливо попрощались с доктором Товар, а пожилой врач зашагал в направлении, противоположном нашему, причем складывалось впечатление, что отныне ему не очень понятна собственная судьба.

— Что ж, поздравляю, Кракен. Ты был просто... ты был на высоте. Какая крутая фраза, — похвалила меня Эстибалис, когда мы уже сидели в патрульной машине.

Мы нарочно отправились в больницу на полицейской машине, которая выдавала нас с головой. Во время нашего первого визита в Кантабрию мы предвидели любопытство, с которым нас провожали взглядом, и не собирались упускать возможность оказаться в центре внимания и позволить досужим языкам распустить слухи. Нам нужны были свидетели, нам нужны были люди из местного окружения, способные рассказать о прошлом.

— Ваши впечатления, инспектор Гауна, — откликнулся я, раздуваясь от гордости. Я был просто на седьмом небе; салон машины наполнился эндорфинами.

— Помимо необычной реакции доктора Осорио, которую нам придется исследовать более пристально, совершенно очевидно, что Сара Товар любила Химену и ненавидела Ребекку. Интересно, почему? Обе были ее племянницами.

— Причем одна — кровная, а другая — приемная, — уточнил я.

— Именно. Все это не укладывается у меня в голове. То, что Сара Товар рассказала об удочерении Химены, ни в какие рамки не лезет. Это ненормально со всех точек зрения. Двадцать лет назад никто не отдал бы новорожденного ребенка овдовевшему отцу, даже если его имя по-прежнему присутствует в списке на подбор.

— Если только... — Я посмотрел на Эстибалис. Мы оба пришли к одному и тому же выводу.

— Если только Сауль, его сестра или сам психиатр, доктор Осорио, не поучаствовали в этом деле.

В тот момент, когда Эстибалис собиралась позвонить в участок, на экране ее мобильного, словно прочитав нашу мысль, появилась Милан.

— Милан, как вовремя... Вы с Пеньей? — спросила Эсти.

— Да, мы в кабинете, и у нас новости.

— Включите громкую связь.

— Уже.

— Я с инспектором Айялой в Сантандере, — сообщила Эсти. — Пенья, мне нужно, чтобы вы расследовали процесс усыновления Химены Товар в девяносто третьем году в Сантандере.

— Что ищем?

— Любые нарушения, которые бросаются в глаза. Заодно проследите за тем, не всплывут ли имена доктора Сары Товар или

некого доктора Осорио, психиатра из больницы Маркиза де Вальдесильи.

— Записал. В ближайшее время займусь, — ответил Пенья.

— Милан, что вы хотели нам сказать?

— Интернет выходит из-под контроля, — сказала Милан. — Сегодня утром редактор «Малатрамы» повесил на странице издательства официальное объявление о смерти Аннабель Ли.

— Какого черта он сделал это именно сейчас?

— Фанаты Аннабель Ли неделями страдали от того, что она не обновляла контент в социальных сетях, и когда «Твиттер» заговорил о беременной жительнице Алавы, найденной мертвой семнадцатого ноября, многие принялись дергать издателя, не была ли это Аннабель Ли. Вот он и признался, там же, в «Твиттере», — думаю, в основном из-за неловкости, нежели по другой причине. А дальше пошло-поехало — соболезнавания и... — Милан колебалась, говорить или не стоит.

— И?.. — нетерпеливо подбодрил я ее.

— Инспектор Айяла, даже не знаю, как вам это сказать.

— Легко; просто возьмите и скажите.

— У Аннабель Ли было много поклонников, которые... готовы за нее убить. В прямом смысле слова. По крайней мере, так они утверждают. Они не готовы смириться с тем, что их муза умерла, а убийца на свободе, и...

— Милан, или вы наконец объясните, что происходит, или я сейчас же отправлюсь в Виторию и выведу вас на чистую воду, — отрезала Эстибалис.

— Они назначили цену за голову Кракена.

33. Сан-Хуан де Газтелугаче

11 июля 1992 года, суббота

В субботу они покинули лагерь и отправились в Сан-Хуан де Газтелугаче, часовню посреди Бискайского побережья, расположенную на живописном островке. В эти выходные к ним присоединились бывшие студенты, и в честь этого Сауль захватил с собой несколько бутылок медовухи. Он пытался научить ребят готовить блюда по кельтским рецептам, которые в основном состояли из каши и жареного мяса, но без особого успеха.

Медовуха, напиток, насчитывавший две с половиной тысячи лет, которым упивались кельты, был воспринят с большим энтузиазмом. Литры воды и светлого меда вылили в медный котел, который Сауль достал невесть откуда, добавили корицу, гвоздику, перец, имбирь и высушенные листья бузины в завязанном полотняном мешочке, который затем вытащили, а Ребекка терпеливо помешивала отвар — молчаливая, замкнутая, безучастная ко всему, что касалось окружающих ее людей.

Медовуха ферментируется как минимум три месяца, Сауль это предвидел, а потому вытащил бутылки, оставшиеся от предыдущего года. Таким образом, продукция, заготовленная летом одного года, терпеливо дожидалась стипендиатов следующего. Ребята покрепче, Унаи и Асьер, перетаскивали бутылки в машину.

Асьер меж тем радикально изменил свое отношение к Саулю. Теперь он от него не отходил, садился рядом возле костра, который они зажигали в прохладные вечера, когда Сауль рассказывал свои истории.

Он его обожал. Не обязательно было вновь заводить тот разговор и рассказывать ему об отце. Они понимали друг друга с одного взгляда. Сауль вселял в Асьера силы и мужество, даже не открывая рта. Они стали неразлучны. К ним примкнул Лучо, более активный альфа в их триаде, чем «тормоза» Хота и Унаи.

Уже стемнело. Они праздновали удачное лагерное лето, сидя перед воротами часовни и слегка опьянев от медовухи. Трижды ударили в колокол, как велела традиция, и уселись к костру,

замерзавшей любовью обступившим их со всех сторон морем. Все, кроме Сауля, которому предстояло вести микроавтобус обратно в Кантабрию и которого ждали впереди два часа за рулем. Человек он был ответственный, и скорее бы умер, нежели рискнул жизнью ребят, а потому к медовухе не притронулся, хотя и очень ее любил.

Хота встал, шатаясь сильнее, чем следовало, и искал глазами Аннабель. Он давно ее не видел.

— Надеюсь, она не до такой степени сошла с ума, чтобы отправиться ночью на прогулку. Да еще по этим скалам... — прошептал ему Унаи.

Он тоже немного волновался. Друзья договорились отправиться на поиски. Хота открыл рюкзак с черепами, принадлежавший Аннабель, достал из кармана фонарик и надел на голову. На дне рюкзака нащупал упаковки презервативов. И, смутно предвкушая перспективу, отправился со своим другом в темноту.

Они спускались на двести с чем-то ступенек, пытались вести им счет, над чем-то смеялись — поистине, это был самый возвышенный момент их дружбы.

Маленький Хота шагал впереди, освещая прибрежную ночь конусом света, дрожащим от его неуверенных пьяных шагов. Унаи, более осторожный, шел позади, оглядываясь по сторонам в поисках пропавшей девушки.

Она обнаружилась чуть ниже, на ступеньке номер двести пять.

Они трахались без намека на нежность, яростно, порывисто, без поцелуев или ласк. Это было жестокое соитие, почти судорожное.

— Хота, лучше не смотри, — бросил Унаи, опасаясь худшего.

Асьер сидел; сверху пристроилась Аннабель, повернувшись к нему спиной. На этот раз оба полностью разделились — теплая ночь и знойная морская дымка требовали наготы.

У Хоты на голове по-прежнему светил фонарик. Унаи, который все это однажды уже пережил — второй раз никогда не бывает таким же болезненным, как первый, — отреагировал быстро: заслонил фонарик рукой и потянул Хоту за руку — еще не хватало, чтобы друг испытал такое же потрясение.

Опьянение от медовухи и спуск по крутой лестнице были не лучшим сочетанием. О чем думал Сауль?

Хота и алкоголь тоже не были безобидным коктейлем — Унаи уже пришлось вытаскивать его из Окендо в ту пятницу, когда Хоте наконец объявили страшный диагноз отца, и в баре ему показалось, что все нарочно наступают ему на ногу.

Вот почему, оставив яростных любовников на ступеньке, Унаи потащил Хоту обратно вверх по лестнице, проклиная афродизиакальные свойства медовухи.

34. Вдовий склон

16 декабря 2016 года, пятница

В Сантандере утро так и не занялось. Белое солнце, укрытое пеленой облаков, тщетно пыталось согреть город. Пожалуй, все это напоминало наше настроение.

Орда готических фриков и любителей комиксов, мечтавших насадить мою голову на кол, не входила в мои планы провести Рождество тихо и по-домашнему. Все по новой: ненавидящие взгляды, оскорбления в интернете, враждебное бормотание при встрече...

Ладно. Через это я уже проходил.

Интересно, что сказал бы на это дедушка? «Хватит ерундой страдать, занимайся своим делом», — вот что он сказал бы.

«Да, дедушка. Ты совершенно прав».

Меня ждал реальный мир. Понадеявшись на удачу, мы решили во второй раз отправиться к Саулю в Университет Кантабрии.

Эстибалис едва сдерживала ярость и сжимала губы так, что они побелели. Я знал, что она заботится о моей безопасности, но иногда ее реакции делали жизнь просто невыносимой.

Мы свернули на бульвар Кастрос и припарковались на уже знакомой студенческой парковке, забитой подержанными автомобилями. Затем углубились в те же коридоры, и студенты так же удивленно рассматривали нас при встрече.

Мы направились прямо в кабинет Сауля. Я постучал в дверь костяшками пальцев, но она была заперта, и внутри никто не ответил. Я попросил Эстибалис позвонить Саулю со своего мобильного.

Эсти нетерпеливо ждала ответных гудков, но мобильный Сауля Товара был выключен или находился вне зоны действия сети, как сообщил нам оператор.

— Сестра предупредила его, что мы в Сантандере, и теперь он нас избегает, — пробормотала Эстибалис, бегая по коридору взад-вперед, как запертая кошка.

— Похоже на то.

Тут Эсти заметила студента с двухцветными глазами, который украдкой наблюдал за нами, стоя в углу коридора. Это был тот самый

парень, который называл Сауля Седой Бородой и женоубийцей.

Эстибалис, не теряя времени, окликнула его:

— Эй, ты! Мы хотели бы с тобой поговорить.

Но парень испугался окрика Эсти и бросился бежать по коридору.

Мы оба кинулись следом. Эстибалис была очень шустрой и на короткие дистанции бегала быстрее меня, несмотря на все мои утренние тренировки. Она быстро догнала парня с чубом и схватила за руку, но тот юркнул в мужской туалет и запер дверь. Секунду Эстибалис колебалась. Ровно столько потребовалось мне, чтобы догнать ее.

— Вытащи его оттуда, — взмолилась она.

Я ворвался в мужской туалет. Но парень уже успел вылезти через окно. Какого черта в мужском туалете такие огромные окна? Насколько я помнил, в других местах они всегда были крошечными, к тому же располагались слишком высоко и не были пригодны для бегства.

— Ушел через окно, — сообщил я в качестве объяснения.

Нас окружила стайка студентов, не скрывавших своего любопытства. Должно быть, это был очень тихий кампус: наше появление означало для них целый спектакль.

— Скажи, — начала Эстибалис, обратившись к какому-то парню, больше других похожему на аутсайдера, — ты знаешь, кто это был?

— Осорио. Хороший парень, к наркотикам отношения не имеет, — ответил тот. — Вы ошиблись, сеньора. Вам нужен кто-то другой.

— Спасибо. Можете разойтись, спектакль окончен, — приказала Эсти, чуть повысив голос.

Небольшая толпа мигом рассыпалась, удовлетворенная зрелищем, и мы остались в коридоре одни.

На этот раз Эстибалис заговорила вместо меня — и произнесла то, о чем думали мы оба:

— Не знаю, может быть, это всего лишь случайность, но неуловимый Осорио, обвинявший Сауля в женоубийстве, носит ту же фамилию, что и пугливый психиатр, который держал у себя Ребекку. Вспомни к тому же его слова — «Синяя Борода теперь Седая Борода». Тебе не кажется подозрительным, что следующее убийство произошло в месте под названием Барбакана^[37]?

Я достал из кармана блокнот и написал:

«Не стоит повсюду видеть чудесные совпадения, Эсти. Хотя, возможно, не зря мы с тобой наведались в университет. Поехали дальше, нас ждет Гектор дель Кастильо».

На губах Эсти мелькнула улыбка.

— Какой прекрасный день, — задумчиво сказала она, когда мы снова сели в машину. — Расследование продолжается, впереди встречи с приятными людьми...

— Кажется, наша рыженькая влюбилась.

* * *

Вскоре мы уже шагали по улице, обсаженной деревьями, которую местные жители называли Склоном вдов, но я не мог вспомнить почему.

Во всяком случае, мы попали в самый аристократический район Сантандера, и координаты, присланные Гектором дель Кастильо, привели нас к подножию старого дома с видом на пляж Пелигрос.

Плющ увил весь фасад; у Эсти вырвался взглас восхищения.

Мы нажали на полированную латунную кнопку дверного звонка и вошли в чудесный сад, в котором можно часами сидеть с книгой в руках среди цветущего жасмина.

Гектор ждал нас в гостиной, где книг было не меньше, чем в Александрийской библиотеке. Возле камина нас ожидали два пустых кресла, третье занимал он сам.

— Как здесь уютно и тепло, — сказал я в знак приветствия.

— Ого! Рад твоему прогрессу, инспектор Айяла, — откликнулся Гектор, горячо пожимая мне руку.

— Согласна с тобой, — сказала Эстибалис после сдержанных поцелуев в щеку.

— Садитесь, прошу вас, — ответил он, пододвигая нам блюдо с орехами. — Я позвонил вам, поскольку вспомнил эпизод, которым хотел бы с вами поделиться. Возможно, он поможет в расследовании.

— Все, что ты нам сообщишь, полезно для расследования, — подбодрила его Эстибалис.

— Видите ли, я все время думаю про кельтский обряд Тройной Смерти, который так странно встретить в настоящем. Честно говоря, я считал его давно забытым... да, давно забытым. Приятно думать, что жестокие обычаи остаются в прошлом и прогресс заставляет людей забыть подобные дикости. Но... я вспомнил историю, которую несколько лет назад мне рассказал голландский коллега-археолог.

— Голландский, — непонимающе повторила Эсти.

— Да. Я тогда работал в старом Историческом музее Амстердама, расположенном в здании, где некогда располагался Муниципальный детский дом; не знаю, были ли вы там когда-нибудь... В настоящее время он называется Амстердамский музей. Он совсем небольшой; мой коллега был его сотрудником и отвечал за древнейшую эпоху. Координировал временные экспозиции и доставлял экспонаты из других крупных музеев, поскольку их собственный фонд был весьма невелик.

— Пока все понятно, — подбодрил я его, съев несколько орехов и согрев руки у огня.

— Помните, я рассказывал вам о котле из Гундеструпа, самом известном из кельтских котлов? На самом деле он принадлежит Национальному музею Дании, но мой коллега, доктор Грэн, подписал соглашение о сотрудничестве и организовал выставку с участием нескольких произведений кельтской культуры, которые ему временно уступили: этот котел, шлемы бронзового века, солнечная колесница Трудхольма... И вот за несколько дней до открытия выставки в разгар приготовлений котел исчез.

— Исчез?

— Кто-то его украл. Прямо из музея, тут сомневаться не приходится. Как и наш МАК, откуда похитили Кабарсенский котел, музей был небольшой, без охраны и камер.

— И как они себя повели?

— В хранилище Амстердамского музея имелась реплика — не очень высокого качества, но все-таки реплика. Директор связался с датским музеем и все ему рассказал. В Копенгагене не хотели скандала. Разумеется, я не должен делиться с вами такими подробностями, но лучше говорить начистоту. В общем, иногда музеи не сразу сообщают о краже. И пропажу находят.

— Не понимаю, — призналась Эстибалис.

— Объяснение вполне логично. Видите ли, если котел украли с намерением продать на черном рынке, сообщение о его пропаже немедленно привлечет потенциальных покупателей и ускорит покупку украденной вещи, поэтому директор Музея Дании попросил подождать несколько дней, чтобы принять решение и предупредить полицию.

— Ладно. Так что ваш датский коллега? — не удержалась Эстибалис.

Гектор сделал вид, что не расслышал.

— Подготовка к выставке продолжалась, и через несколько дней... котел из Гундеструпа — точнее, его оригинал — обнаружили в водосточной канаве на соседней с музеем улице. Грэн лично его подобрал — ему сообщила об этом одна из жительниц ближайшего квартала.

— Тогда понятно, почему они не сообщили о пропаже, не взяли отпечатки пальцев, не начали расследование и не искали подозреваемых.

— Все верно. Но поразило меня нечто другое. Грэн рассказал об еще одном происшествии, случившемся в Амстердаме в те дни. Видите ли, соседи, проживавшие неподалеку, жаловались, что у них исчезают домашние животные. Кошки, собаки. Некоторые из них появились... — Он вздохнул. — В общем, зрелище не для слабонервных.

— Поверь, в нашей работе мы всего насмотрелись, — заверила его Эсти.

— Охотно верю. Прошу прощения за бессвязный рассказ. Так вот, найденные животные были сожжены и подвешены на деревьях со связанными задними лапами и мокрой головой... Мой коллега сразу подумал о кельтском обряде Тройной Смерти — он видел одну из мумий, найденных в торфяниках, Женщину из Хюлдремоса. Изучал этот ритуал и знал, что одним из священных предметов, используемых на церемонии, был котел.

— Очень интересно, — сказал я вслух, но мозг мой был далеко, в голландских землях.

— Грэн и раньше что-то подозревал; он думал, что кто-то украл котел из Гундеструпа, чтобы провести водные обряды и соответствующую церемонию.

— А не знаешь, обратились в полицию те люди, у которых убили питомцев? — спросила Эсти.

— Не знаю; это был всего лишь странный случай, о котором мой коллега-археолог поведал мне в момент профессионального откровения. Но я и сам не хотел вникать в это, и мне не пришло в голову расспрашивать его более подробно. Я только хочу, чтобы вы поняли: сам факт того, что кто-то в наши дни исполняет кельтский обряд Тройной Смерти, очень необычен.

— Ты хочешь сказать, что это может быть один и тот же человек? — спросил я.

— Не знаю. Тот случай от нынешнего отделяют много лет и большое расстояние. Но... как не думать об этом? Как не думать о том, что существует какая-то связь?

— Гектор, мне нужно кое-что знать. И это очень важно, — удалось выговорить мне. Я волновался; меня очень встревожило то, что я только что услышал.

— Да, инспектор.

— Какой это был год?

— Это произошло в девяносто восьмом году. Тебе это что-нибудь говорит?

Да, мне это кое-что говорило.

Это говорило мне то, чего я не хотел слышать.

Это мне говорило, что Голден Герл жила в Амстердаме, в штаб-квартире компании «Циско» в те самые годы, когда кто-то делал свои первые шаги в кельтском ремесле Тройной Смерти.

35. Чердак в Вильяверде

20 декабря 2016 года, вторник

Наша команда запланировала общую встречу в Вильяверде. К этому времени меня уже основательно достали твиты, хакеры и мобильные телефоны. Я чувствовал, как кто-то пристально наблюдает за каждым моим движением, и, шагая по Витории, брезгливо поглядывал на уличные камеры видеонаблюдения.

Пора было бежать от Большого Брата, который снова вышел на свободу из-за «Дела водных ритуалов».

Альба, Эсти, Милан и Пенья были не против, и мы договорились встретиться в шесть часов вечера у дедушки.

Зимой Вильяверде выглядел уныло; его семнадцать обитателей едва появлялись на улицах в будние дни, когда больше всего хотелось укрыться в четырех надежных каменных стенах.

В тот декабрьский вторник было холодно, но дедушка с утра прогрел дом, как следует растопив печь в кухне, и к тому времени как мы поднялись на гору, тепло проникло даже в самые дальние уголки старого дома.

Мы расселись вокруг широкого стола для пинг-понга, предварительно разложенного дедом.

Я попросил коллег припарковаться в разных точках у въезда в деревню, чтобы автомобили не теснились в одном месте, и наша встреча осталась незамеченной немногими жителями, которые могли заметить наше появление на его крутых улочках.

Все документы, которые я раздал коллегам в тот день, были составлены и отпечатаны на автономных компьютерах. Дед принес чудно пахнущий свежепожаренный миндаль, крепко пожал руку Милан, Пенье и Альбе и похлопал по спине Эсти, словно говоря: «Мы с тобой друг другу не чужие, и не нужны нам формальности». Потом заботливо предложил домашний глинтвейн, но я отправил его вниз с видом «пожалуйста, дедушка, сейчас не время».

Он молча ретировался, затворив за собой дверь.

Я достал блокнот и ручку; остальные сделали то же самое, за исключением Милан, которая извлекла из кармана несколько желтых,

розовых и зеленых стикеров, сопровождаемая отчаянным взглядом Пеньи.

Я подошел к коробкам, в которых хранились мои воспоминания. Они, как и прежде, были завешены лисьими шкурами, сохранившимися с послевоенных времен. Я открыл коробку с надписью «1992 год» и вытащил несколько фотографий. Положил их на стол, и четыре головы склонились над ними, внимательно рассматривая изображение.

Там были мы все — Лучо, Асьер, Хота, Аннабель Ли... На других снимках фигурировал Сауль, ласково говоривший что-то Ребекке. Имелась и отличная групповая фотография, на которой были все перечисленные, а также студенты прошлых лет, которые по выходным приезжали к нам в качестве подкрепления.

— Графическое свидетельство того времени, — выпалил я.

— Итак, уважаемые коллеги, — начала Эстибалис, вставая. — Мы собрались вместе, чтобы сопоставить все данные, полученные в ходе следствия, и наметить линии, которым отныне будем следовать. Вы знаете, что из-за специфики этого дела у инспектора Айялы появился новый номер телефона, благодаря которому мы можем делиться с ним секретной информацией, однако для вопросов, не имеющих жизненно важного значения, продолжим использовать его обычный номер, поскольку известно, что его мобильник отслеживают два хакера. Об этом мы и поговорим. Пенья, давайте начнем со вскрытия тела Хосе Хавьера Уэто.

Пенья встал и протянул нам отчет о гибели человека, чьи фотографии я не желал даже видеть. Ныне неподвижное, тело Хоты выросло на моих глазах с тех пор, как он был такой же мелюзгой, как я сам. Я видел, как он превращается в юношу, как толстеет и теряет форму из-за вредных привычек и отсутствия физической нагрузки. Мне не хотелось видеть ни кровоподтеков, ни его посиневшего лица, ни вздувшегося живота. Однако я сделал вид, что внимательно читаю записи доктора Гевары.

— Выявлено, что погибший получил разряд из электрошокера «Тейзер». На шее имеются отверстия от его гарпунов. Известно также, что он захлебнулся: кто-то поместил его голову до плеч в жидкую среду. В легких была обнаружена вода; значит, когда это произошло, он был жив. Проводится анализ воды с целью определить, была ли она

очищенной или необработанной, однако место смерти определить пока сложно. Дело в том, что впоследствии тело Хосе Хавьера был доставлено к пруду Барбакана и подвешено за ноги, — подытожила Эстибалис.

Мы кивнули.

— Вновь перед нами преступление, совершенное в соответствии с обрядом кельтской Тройной Смерти, — продолжила она, — и, следовательно, тот же образ действия, что и в убийстве Аны Белен Лианьо, — за исключением того, что в этом случае не участвовал украденный котел. Возможно, потому, что такие археологические предметы редко встречаются на Пиренейском полуострове. Мы склоняемся к мысли, что преступник намеревался использовать Кабарсенский котел для всех убийств, произведенных после убийства Аны Белен Лианьо, но раннее обнаружение трупа исключило эту возможность. Вы знаете, что убийцы действуют согласно логике затрат и выгоды. Котел был важен для выполнения кельтского ритуала, но в этом случае его ценность не перевешивает риск повторной кражи, поскольку отныне он хранится в нашем архиве. Ритуал адаптируется к обстоятельствам, как и в Фонтибре, если авторство то же: голова Ребекки Товар была погружена в реку, и котел оказался не нужен.

— Сколько у нас на сегодняшний день убийств, инспектор? — спросила Альба.

— Итак, Ребекка Товар в тысяча девятьсот девяносто третьем году, Ана Белен Лианьо семнадцатого ноября две тысячи шестнадцатого года и Хосе Хавьер Уэто четвертого декабря того же года. Мы с инспектором Айялой обнаружили еще одно возможное звено этой серии в девяносто восьмом году в Амстердаме — правда, в данном случае речь идет о домашних животных, собаках и кошках, принесенных в жертву с помощью ритуала Тройной Смерти и другого знакового археологического предмета культового назначения — котла из Гундеструпа, который также был украден.

Эстибалис закончила свое выступление и кинула в рот горстку печеного миндаля, приготовленного дедом. Она была такой же сластеной, как и я, и мысленно я напомнил себе, что должен передать ей несколько банок груш в вине и печеных яблок из нашего сада, которые мы с бабушкой приготовили в выходные и теперь не знали, куда девать.

— Полагаю, нам нужно сосредоточиться на подозреваемых и продолжать сбор связанной с ними информации. Какие линии мы разрабатываем в первую очередь, инспектор?

— Асьер Руис де Асуа, хакер с ником Голден Герл и Сауль Товар.

— Давайте по порядку, — поторопила ее Альба. — Что мы имеем против Асьера?

— Он был знаком со всеми тремя жертвами, — напомнила Эстибалис, — поддерживал связь с Аной Белен Лианьо — характер этой связи нам еще предстоит выяснить — и числится как совладелец ее миллионного счета. За несколько дней до смерти Хосе Хавьера на него было совершено нападение в принадлежащей ему аптеке, и он лжет, утверждая, что нападавший — наркоман, которого он раньше не видел. Есть физические доказательства того, что тот также нанес ему удар. Возможно, Асьер подрался со своим другом Хосе Хавьером, поскольку на лице жертвы обнаружено несколько синяков, полученных еще до смерти.

— Мотив?

— В случае Аны Белен Лианьо это могут быть деньги, необходимые для спасения бизнеса; если же он был отцом ребенка, мотивом убийства могло стать желание скрыть беременность от жены. Возможно, его друг Хосе Хавьер знал слишком много, они поссорились, и он расквитался с ним уже в Барбакане. Что касается подозрения на убийство Ребекки в девяносто третьем году, возможно, девочка забеременела от него еще в летнем лагере в июле предыдущего года. Они продолжали общаться, и он убил ее, чтобы не связываться с беременной малолеткой. К тому времени ему было около семнадцати, и эта беременность всерьез угрожала его будущему: Сауль мог подать жалобу на то, что он обрюхатил его несовершеннолетнюю дочь. Даже если сама она была не против ребенка, ее согласие считалось бы недействительным.

Признаться, я чувствовал себя не в своей тарелке. Прежде мне не приходило в голову, что Эсти настолько убеждена в возможной виновности Асьера. Она не сказала ничего такого, о чем не знал бы и не думал я сам, но выводы и сама логика...

Асьер, один из наших ребят, убил Ребекку, Ану Белен и Хоту...

Да, все сходилось — мотивы, отсутствие эмпатии, познания в области кельтской культуры... Но неужели этого было достаточно,

чтобы развязать такую бойню?

— Какой стратегии вы собираетесь придерживаться? — спросила Альба.

— Проведем расследование в его окружении, проверим алиби на семнадцатое ноября и четвертое декабря; возможно, устроим допрос и надавим, чтобы вытянуть из него как можно больше...

— Предоставьте это мне, — перебил я Эсти. — Мы ничего не теряем.

Все переглянулись; лица коллег выражали «сочувствие бедняге», а этот взгляд я ненавидел.

— Предоставьте это мне, — повторил я. — Я с ним поговорю. А потом он весь ваш.

— Хорошо, — согласилась Эстибалис. — Поговори с ним на этой неделе; если мы не увидим прогресса и ничего от него не добьемся, вызовем для дачи показаний в качестве подозреваемого. Посмотрим, что у тебя получится, Унаи.

Я молча кивнул. Асьер был непрошибаемой стеной, но, быть может, Арасели, его жена, с которой мы всегда ладили, даст мне какую-то подсказку, о которой Асьер упорно молчит...

— Я готова произнести вслух то, что кое-кто из нас, возможно, не желает слышать: самое главное в этом деле — знать наверняка, ожидали ли ребенка все три жертвы, — сказала Эстибалис. — Это первостепенно, потому что если родителями собирались стать и Ребекка, и Ана Белен, а заодно и Хосе Хавьер... то все, кто был в кантабрийской деревне в девяносто втором году и теперь ждет ребенка, находятся в группе риска. Это моя гипотеза.

— Неужели вы настолько в этом уверены? — отозвалась Альба.

— Видите ли, заместитель комиссара, если основные характеристики жертвы — ожидание ребенка и участие в студенческом проекте в девяносто втором году, инспектору Айяле грозит смертельная опасность. Я не имею в виду угрозы в социальных сетях, которые наверняка поступают от горстки экзальтированных фанатов, на самом деле вовсе не собирающихся никого убивать. Я говорю об убийце, который совершил предыдущие преступления и который, скорее всего, возвращается в окружении инспектора Айялы. Думаю, я не сказала ничего такого, чего не знала бы вся наша команда до того, как началась встреча, — добавила Эстибалис.

Ее категоричное резюме могильной плитой легло на столик для пинг-понга.

Было ужасно неловко, что кто-то намекает на нашу с Альбой личную жизнь перед тремя другими коллегами, но в словах Эстибалис звучало такое отчаяние, такое желание меня защитить, что ее реакция в очередной раз меня тронула.

Милан задержала дыхание, Пенья покраснел до ушей. Альба выдержала неловкую сцену со свойственным ей достоинством.

— Тогда сделайте все от себя зависящее, чтобы раз и навсегда определить мотив этих убийств, потому что моя дочь не заслуживает того, чтобы не знать своего отца.

Все повернулись ко мне, но никакого смущения я не испытывал.

Альба впервые называла меня отцом своей дочери.

Мы оба знали, что делаем это для того, чтобы защитить ее, что наше единодушие — единственное, что поможет ей на протяжении всей жизни, уберегая от клейма дочери серийного убийцы.

Пристально посмотрев на Альбу, я постарался передать ей всю свою твердость: «Это ради нее. Ради малышки. Это наша единственная официальная версия. Ради нее».

— Асьер и Лучо тоже в опасности, если ждут ребенка, — вмешался неизменно прагматичный Пенья. — Мы должны исключить этот момент, не так ли?

— Конечно, — сказала Милан и записала пару замечаний на своем розовом стикере.

— Давайте поговорим о других подозреваемых, — предложил я, чтобы быстрее проскочить узкое место.

— Голден Герл. Неофициально сотрудничала с инспектором Айялой в предыдущих расследованиях, — сказала Эстибалис. — Инспектор получил уведомление от некого Матусалема — другого известного специалиста по компьютерной безопасности, ранее судимого — о том, что Голден раскапывает в «Дип веб» вещи, связанные с «Делом водных ритуалов»: «Тейзеры», форумы подростков-самоубийц... Любопытно, что юными самоубийцами она заинтересовалась до того, как Милан выяснила, что в сентябре прошлого года Сауль Товар, директор лагеря в девяносто втором году, потерял приемную дочь Химену Товар при сходных обстоятельствах: девушка поднялась на Добру, важный археологический объект,

напоминающий сценарии предыдущих преступлений, и умерла от переохлаждения.

— Минуточку, — прервал я ее не очень уверенно, — Голден расследует то, что не должна... не должна расследовать, но с каких это пор ее подозревают в убийстве?

— А тебе, Унаи, она не кажется подозрительной? — удивилась Эстибалис. — Не хочешь ли ты сказать, что тебе это даже в голову не приходило?

«Голден — шестидесятивосьмилетняя пенсионерка со сломанным бедром, — написал я, немного устав от длинных фраз. — Кто-нибудь представляет себе, как она подвешивает человека за ноги на вершине горы?»

— Ты должен рассказать все, Кракен, — сказала Эстибалис, прочитав мою запись. — Начни про Амстердам.

— Рассказывай сама... у нас не... у нас не так много времени, — мрачно ответил я.

— Эта «бабушка» работала в офисе RIPE^[38] в Амстердаме за счет компании «Циско». Она контролировала все шаги раннего интернета, знала все о компьютерной безопасности, состояла в команде первых администраторов IP-сетей в Европе. В девяносто восьмом году в музее голландской столицы произошла кража: украли котел из Гундеструпа. Вскоре были проведены кельтские ритуалы Тройной Смерти; жертвами стали домашние животные.

— Я понимаю ваше беспокойство, — заметила Альба. — Не рискованно ли следить за ней из офиса? Получается, что бы мы ни делали, в вопросах компьютерной безопасности эта дама обставит нас в два счета.

— Лично я, — вмешалась Милан, хорошенько откашлявшись, что показалось мне немного забавным, — лично я думаю, что лучшая стратегия — продолжать как ни в чем не бывало, сохраняя при этом оба канала связи: один частный и еще один с менее секретной информацией.

У меня была другая стратегия, гораздо более аналоговая, чтобы выяснить наконец, с какой стати Голден сунула нос в это дело. Но я догадывался, что ее не одобрит ни мое начальство, ни коллеги, и поэтому я молча потянулся за предпоследним миндальным орехом, пожаренным дедушкой.

— И что, никому не кажется подозрительным Матусалем? А как насчет Тасио? — спросил Пенья.

— Я давно уже рассмотрел этот вариант, — ответил я. — Тасио невиновен. Он и так заплатил сполна.

— Допустим, святым Тасио не был.

— Да, но в убийстве он невиновен, к тому же сейчас он в Лос-Анджелесе. Дайте ему спокойно начать новую жизнь, — заметил я.

— Помощник инспектора Пенья, — вмешалась Альба, — неужели вы всерьез думаете, что это работа юного хакера или Тасио Ортиса де Сарате?

— Матусалем уже побывал в тюрьме; нельзя утверждать, что он уважает закон. А Тасио... ладно, оставим его в покое. По общему признанию, он уже заплатил за то, чего не совершал, хотя тем, кто чуть ли не всю сознательную жизнь видел в нем серийного убийцу, трудно воспринимать его иначе. И это они взломали мобильный телефон инспектора уголовной полиции. Сами они утверждают, что желают о нем позаботиться, однако это уголовное преступление.

— Будем работать с тем, что есть, — ответила Альба. — И вернемся к делу о водных ритуалах. Ни в деле Матусалема, ни в деле Тасио нет ни намека, ни подозрения, что кто-то из них имеет отношение к жертвам или местам преступлений.

— Не совсем так. Сценарии имеют четко выраженное историческое значение. А Тасио был археологом, да и сейчас им остается.

— Может, хватит? — не выдержал я и написал: — *«Из-за этого он уже был один раз несправедливо осужден; неужели мы ничему не научились?»*

Прочитав мою запись, Пенья покорно вздохнул.

— Честно говоря, я и сам в это не верю. Он был козлом отпущения. Нам в полицейском участке в Доности случалось сталкиваться с подобным. Извините, если я слишком категоричен, но, на мой взгляд, это тупиковый путь. Мы должны сосредоточиться на других подозреваемых, которым есть что нам рассказать. На Сауле Товаре, например.

Эстибалис снова взяла слово:

— Как раз хотела об этом поговорить. Здесь нам точно есть чем заняться. В девяносто третьем году Сауль потерял Ребекку, а всего

несколько месяцев назад — приемную дочь Химену. У нас имеются подозрения, что удочерение не было законным, поскольку ребенка разрешали усыновить ему и его жене, которая скончалась в девяносто первом году, и Сауль не обновлял данные в свидетельстве о дееспособности. Мы вновь обратились в полицейский участок Сантандера с просьбой о помощи и сотрудничестве в обоих делах — Ребекки и Химены. Я поговорила с инспектором Ланеро; он не связывает старое дело Ребекки Товар с самоубийством Химены, несмотря на то, что у девочек один и тот же отец. В полиции Сантандера не осталось никого из тех, кто когда-то расследовал убийство в Фонтибре, а потому они не слишком заинтересовались смертью Химены: для них это всего лишь еще одно самоубийство. Кстати, нам предстоит выяснить причину смерти жены Сауля, о которой нам ничего не известно.

— Хорошо, тогда за дело, — согласилась Альба. — Вы считаете Сауля Товара подозреваемым?

— Рано говорить об этом, — откликнулась Эсти. — Нельзя судить человека за то, что вокруг него слишком много смертей, а у нас пока больше ничего нет. Но продолжать расследование в этом направлении нужно.

— Хорошо, а что делать с «Твиттером»? — вмешалась Милан с зеленым стикером в руке. — Стоит ли как-то учитывать «Игру в повешенного»?

— Чушь собачья... — Эстибалис вздохнула. — Людям скучно, вот они и пишут всякую ерунду. Давайте все-таки рассуждать как взрослые.

— Согласна, — поддержала ее Альба. — Мы — профессионалы, а это игра, спекуляция. Возвращаясь к нашей работе, напоминая, что подразделение отслеживает все сообщения. Мы попросили судью Олано продлить секретность следствия еще на месяц; до тех пор все средства массовой информации обязаны соблюдать молчание, к которому мы их призывали. Это все, что в наших силах. Пресса, радио и телевидение не участвуют. Поскольку число жертв до сих пор неясно, дело не привлекало внимания международной прессы. Ни одно иностранное агентство или СМИ с нами не связались. Это хорошо... на данный момент.

Все кивнули.

— С другой стороны, нам до сих пор не известен источник слухов, циркулирующих в социальных сетях. В таких условиях сложно избежать всеобщего психоза и давления на одного из наших коллег, а именно — инспектора Айялу, который является наиболее медийным персонажем из-за шума, поднятого во время расследования дела о двойных преступлениях. Все фанаты Аннабель Ли, угрожавшие инспектору, были опознаны и объявлены в розыск. Это несколько разрядило обстановку. Инспектор, если вы считаете, что сетевое давление влияет на вашу повседневную жизнь, и предпочитаете держаться подальше от расследования, самое время заявить об этом, — сказала заместитель комиссара, не сводя с меня глаз.

— Ни за что, — ответил я.

Этим встреча и завершилась.

Время перевалило уже за восемь, улицы Вильяверде освещали лишь редкие фонари, а впереди нас ожидало почти часовое возвращение назад в Виторию.

Мы спускались по лестнице, ведущей по склону вниз, когда дедушка нагнал пятерых участников нашей команды и раздал им банки с жареными перцами, маринованным чили и терном, из которого можно было приготовить пачаран — баскский терновый ликер.

— Дед, ты уничтожишь все наши запасы, — шепотом предупредил я его, но заранее знал, что он меня не послушает.

Я воспользовался моментом, чтобы всучить Эсти несколько банок груш в красном вине, и она посмотрела на них, как на редчайший деликатес.

Мы уже выходили на улицу, а Пенья и Милан исчезли впереди у подножия горы, когда я услышал разговор деда с Альбой. Он вел ее под руку так бережно, словно она могла рассыпаться от дуновения ветерка. Они еще не были знакомы; тем не менее дед сказал ей несколько слов...

— Я знаю, что вы его начальница и заботитесь о нем, но все равно: не отправляйте его туда, где его могут убить. Вы сделаете это для меня?

— Постараюсь, дедушка. Правда, я постараюсь.

У меня мурашки по коже пробежали, когда я услышал, как Альба произнесла слово «дедушка». Я знал, что для нее это слово было табу.

Как было бы здорово, если б все изменилось и Альба получила в подарок настоящего дедушку, которого заслуживала...

Дед покашлял, покосился на растущий живот Альбы и протянул ей еще одну бутылку.

— Это медовая солянка, отсюда, из нашей сьерры. Возьмите ее; она придаст вам сил, а они вам еще понадобятся. Что бы ни случилось, вы знаете, где меня найти.

36. Каток

20 декабря 2016 года, вторник

По дороге в Виторию, где-то в районе Сан-Висентехо, ночью начался снегопад. Тонкий, опасный слой невесомых снежинок покрыл асфальт, и все пять машин сбавили скорость, вытянувшись караваном, который не спеша продвигался до самой Аречабалеты.

На первом же красном светофоре у старых корпусов фабрики Урсса я отправил Альбе сообщение с нового мобильного телефона.

«Ты домой?»

«Вроде собиралась», — ответила она.

«В Витории сейчас пусто, последний снегопад в эту осень, завтра зима. Пойдем погуляем», — предложил я.

Ожидание далось мне непросто. Альба не отвечала до следующего красного светофора у поворота на Батан.

«Давай».

Это «давай» принесло мне райское блаженство.

«Припаркуемся у Нового собора. Встретимся у пруда, где крокодил с человеческими руками», — написал я.

Альба не ответила. Я решил, что она согласна.

Сидя внутри «Аутлендера», я срывающимся голосом пел «*Chasing cars*»^[39]. Я всего лишь следовал указаниям логопеда — возможно, моей будущей невестки, — и тексты песен, которые я знал наизусть, помогали мне более бегло выражать мысли и слитно произносить готовые фразы.

Если я лягу здесь, если я просто лягу здесь, на земле,
ляжешь ли ты со мной, чтобы забыть обо всем на свете?

Альба стояла рядом с бронзовым крокодилом, укутанным тонким покрывалом снега. Тихий, легкий снегопад выбелил кусты и верхушки сосен в саду позади Нового собора.

— Пойдем, на улицах ни души, — предложил я: эту фразу я предварительно отрепетировал на лестнице возле парковки.

Альба молча взяла меня под руку, и мы двинулись к парку Флорида.

— Ну что, теперь мы родители уже официально.

— Да, мы родители официально, — подтвердила она с улыбкой. — Давай я куплю тебе кулечек каштанов. Я видела, как ты на них смотришь.

Альба подошла к киоску, похожему на черный вагончик, и протянула мне горсть огромных, дымящихся и невероятно вкусных каштанов, которые оказались как нельзя более кстати.

Мы сами не заметили, как оказались у площади Белой Богородицы. Снег сделал ее еще величественнее и белее, чем когда-либо прежде. Ни единого следа, пятавшего белизну. Обильный, тихий снег падал на притихший город, и его белая мантия росла сантиметр за сантиметром.

Временный каток, который каждое Рождество заливали на площади, молча ждал какого-нибудь отчаянного конькобежца, скользящего под памятником Битвы при Витории.

У меня в голове все еще звучала песня. Я потащил Альбу за руку на середину площади, куда выходили мои окна, и мы оказались позади стоящего на пьедестале ангела с мечом, сраженного тяжестью снега.

— «Если я лягу здесь, если я просто лягу здесь, ляжешь ли ты со мной, чтобы забыть обо всем на свете?» — спросил я, вторя «Сноу патрул».

Альба надела перчатку, и мы улеглись на белую площадь, как беззаботные ангелы. Взялись за руки и уставились в черно-белое небо. Даже Персеиды не были нам нужны.

Мы подвигали руками и ногами, оставляя силуэты двух ангелов, как меня, четырехлетнего, научили в детском саду на бульваре Сенда когда-то зимой в другой жизни, и рассмеялись, заметив, что след, оставленный в центре площади нашими телами, больше напоминает какое-то диковинное божество со множеством рук и ног, чем классического ангела.

— По-моему, у нас получился Кракен, — прошептала Альба восторженно и смущенно.

— Пойдем домой сушиться; не хочу, чтобы вы с девочкой застыли, — заметил я. Кажется, у меня самую малость съехала крыша, но Альба не сопротивлялась.

Мы вошли в подъезд, где однажды жарким летним утром все началось — и, может быть, именно там зародилась маленькая жизнь, — и поднялись по лестнице, хихикая и краснея в предчувствии того, что должно было вот-вот произойти.

Я поднялся чуть выше, чтобы открыть дверь квартиры, а Альба отстала, и ее дыхание щекотало мне затылок.

«Обними меня сзади, прикрой мне спину, чтобы я повернулся и не терял тебя из виду больше никогда в жизни», — хотел сказать я, но это была слишком длинная фраза, а нейроны в моем мозгу вели себя в этот миг не лучшим образом.

Я повернулся и подхватил ее на руки; ее ноги обхватили мою талию, и так мы вошли в квартиру, и зимы вокруг больше не было, потому что в доме пылали даже стены.

— Я думал, ты больше меня не хочешь, — пробормотала Альба мне на ухо.

— Нет, что ты...

— Тогда делай все, что угодно.

— Я и собирался.

Альба сняла белое пальто и всю одежду, ставшую вдруг такой ненужной, и осталась обнаженной перед высоким окном, загороженным одной-единственной занавеской. Она казалась мне богиней с плавными округлостями и волшебной тенью, которую отбрасывали ее припухшие беременные груди. Я пошел в спальню, сорвал одеяло с кровати и постелил его на пол в гостиной. Отодвинул стол и освободил побольше места для нас и наших неистовых порывов.

Но Альба все делала не спеша, как в замедленной съемке, и когда я вошел в нее, я почувствовал ее так сильно, как будто это был еще один первый раз.

Тугая плоть, жар, давление... Внутри нее было так хорошо...

Во время любви Альба словно увеличивалась; она была более мощной, более властной, чем в обычной жизни. В этот момент мы были одним бешено колотящимся сердцем Белого города, единым организмом, дышащим яростно и одновременно ритмично и тихо. Еще бы, мы так долго друг друга желали...

Желали так сильно...

Я положил руку ей на пупок и вдруг осознал, что у меня под ладонью, — моя дочь, которая в этот миг не спала и всем своим существом чувствовала, как ее родители любят друг друга.

«Девочку, которая пока что у нас внутри, будут защищать два надежных утеса — ты и я. Не знаю, осознаёшь ли ты это, но вместе мы непобедимы; так позволь мне разделить с тобой обитель белой богини», — подумал я.

Но произнести эти слова я не мог, это было бы слишком.

Потому что, закончив заниматься любовью лицом друг к другу, на четвереньках и на боку, Альба оделась и снова стала заместителем комиссара.

— Сегодняшний вечер — исключение. У меня есть свой дом, Унаи.

— Сегодняшний вечер — исключение. У тебя свой дом, — я кивнул. — Но главное, что мы будем семьей. С двумя домами, двумя колыбельками... со всем что угодно; главное — семьей.

— Семьей, — согласилась Альба и, черт возьми, побежала вниз по лестнице.

А я, как последний трус, так и не сказал главного — что хочу родить с ней много малышей, что разучиваю колыбельные, чтобы быть говорящим отцом и успокоить дочку, когда у нее будет резаться первый зуб, и что никто прежде не заставлял меня трепетать так, как в эту декабрьскую ночь.

37. Ночь свечей

23 декабря 2016 года, пятница

Декабрь летел быстрее, чем я предполагал, впереди уже маячили праздники, а по опыту я знал, что расследование забуксует на недели. Если только не появится еще один мертвец, который мигом вернет нас к рабочей повестке.

Календарь лопался из-за кучи неотложных дел. И за каждое из них я брался охотно, с душой. Пенья, живший в съемной квартире в Корре, частенько звонил мне по утрам снизу, и мы вместе шли в полицейский участок в Портал-де-Форонда.

Вне работы это был беспечный и неунывающий малый, а неутомимый музыкант, который жил у него внутри, вырывался на поверхность, заражая окружающих творческой энергией, помогавшей ему в расследованиях. Женщинам он нравился, судя по взглядам, которыми они повсюду его провожали.

Герман каждый день забирал меня от логопеда; иногда я оставался выпить пинчо в компании его и Беатрис, но чаще под каким-нибудь вежливым предлогом исчезал, оставив их наедине.

В один прекрасный день брат осмелился наконец свозить Беатрис в Вильяверде. Та, казалось, была в восторге от нашей деревни и сьерры.

Присутствие этой безупречной женщины в дедушкином доме было таким же неожиданным, как бриллиантовое кольцо в котомке Спартака. Ее каблуки, юбка-карандаш, идеальные волосы цвета корицы, аккуратно уложенные с помощью лака... Но главное, энергия, которой наполняли Германа эти отношения, вновь превратила его в разговорчивого и остроумного парня, которого мне так недоставало после смерти Мартины.

Альба являлась в мой дом когда угодно, без расписания и предварительного звонка. Мы вдвоем открыто появлялись в городе, гуляли по улицам и в конечном итоге задыхались под простынями в объятиях друг друга.

Короче говоря, жизнь иногда становится отличным местом.

В эти дни я решил залатать кое-какие прорехи и связался с Арасели, женой Асьера. Я позвонил ей со старого номера. Следовало по-прежнему подсыпать Голден свежие крошки, чтобы она не подумала, что я знаю, что она знает.

В тот вечер Арасели была занята — она состояла в команде добровольцев, устанавливавших по всему средневековому кварталу пятнадцать тысяч маленьких свечек, которые освещали Старый город и превращали Ночь свечей в волшебное путешествие в старину. Она пригласила меня помочь, и я отправился во дворец Эскориаса-Эскивель, чтобы разыскать ее там и пообщаться подальше от тех мест, где обычно бывал ее муж.

Арасели была одним из последних приобретений нашей компании; они с Асьером познакомились всего пару лет назад и сразу же поженились. У обоих был сильный характер. Она работала в компании инновационных технологий с непроизносимым названием, и супруги виделись урывками, потому что в будние дни она читала лекции в университетах на севере страны.

Я отлично ладил с ней с самого начала, у нас было много общего. Она нравилась мне даже внешне. Брюнетка, длинные волосы...

В тот вечер, увидев ее под зубчатой средневековой стеной, я вдруг понял: она отрезала челку. Коротко, вровень с бровями. Большой бюст. Одежда всегда черная. Пижонка, при этом с налетом готики.

Непревзойденный стиль в духе Аннабель Ли.

Это была одна из тех мелочей, которые застревают в самых дальних отделах мозга и не просачиваются в повседневные мысли, пока что-то не выгонит их на поверхность, причем иногда это случается слишком поздно.

— Тебе нравится? — кокетливо спросила Арасели.

— Конечно, — сказал я и слегка взъерошил ее волосы.

Я сделал усилие, стараясь скрыть смятение: Арасели как две капли воды походила на Ану Белен Лианьо.

Внешне, а может быть, и характером.

«Любовь и ненависть, как я не заметил этого раньше... Так вот в чем дело, Асьер?»

— Я хотел поговорить с тобой, Ара, — сказал я.

Та протянула мне зажигалку и открыла рюкзак, где хранилась сотня свечей.

Вся старая часть города была подсвечена настоящим живым огнем: множество добровольцев и муниципальных служащих ставили и зажигали свечи и факелы.

Мы были у подножия дворца эпохи Возрождения; от кантона Мясников его отделяла общая стена.

На мгновение я почувствовал озноб — старинные ворота виллы Гастейс напомнили мне двух пятнадцатилетних ребят, которых Нанчо убил, перенес в нишу и разложил вокруг три эгускилора.

Подобно многим виторрианцам, я избегал этих траурных точек.

Но я покорно шагал за женой моего друга и расставлял вместе с ней свечи по периметру дворцового патио, построенного когда-то лечащим врачом Генриха Третьего, самого знаменитого женоубийцы в истории. Казалось, эти теплые насыщенные огоньки, образующие таинственную игру светотени, перенесли нас на полотна Караваджо.

Через полчаса, расставив все принесенные свечи и исчерпав все несущественные темы, Арасели набралась смелости и задала мне вопрос, который вот уже некоторое время отчетливо висел между нами.

— Ты пришел из-за работы?

— Боюсь, что да.

Ара присела на корточки, чтобы выстроить последнюю партию свечей, незаметно кивнула, и мы отошли чуть в сторону от группы добровольцев.

— Не пугай меня, Унаи, — сказала она, как только мы остались относительно наедине. — Мне уже хватило Хоты. Так что случилось?

— Это насчет Асьера. Сразу перейду к делу, хорошо?

— Отлично.

Фраза была не очень длинной, но за день я устал, поэтому вытащил из заднего кармана джинсов блокнот и написал:

«Что ты знаешь о неудавшемся ограблении аптеки?»

Арасели нахмурилась, но мне показалось, что этого вопроса она и ждала, потому что ответила слишком поспешно, как будто подготовилась заранее:

— Это был торчок, он ударил Асьера, но Асьер его не видел. Кстати, его задержали?

— Мы не доверяем этой версии, — сказал я, мысленно добавив: «И ты тоже». — Ара, мне неприятно об этом спрашивать, но...

— Но — что? Говори, Унаи!

— Вы в тот день не ссорились?

Я наблюдал за ее реакцией: на этот раз удивление было неподдельным.

— Думаешь, это я ему врезала?

— Возможно, это была самозащита.

— Этого еще не хватало... Асьер иногда бывает ужасным козлом, на него находит, но он в жизни не поднял на меня руку. Ни он, ни кто-либо другой. Я этого просто не потерпела бы. Заявление в полицию, чемодан, вокзал. Точка.

— Что ж, больше мне от тебя ничего не надо, — ответил я.

Тупик. Версия предполагаемой супружеской разборки провалилась. Вариантов оставалось не так много, но мне хотелось выяснить еще кое-что: сколько она говорит, о чем умалчивает, как много знает.

Я поднялся на ноги, взял свечу из рук Арасели, поджег фитиль и осветил ей лицо. В такой ситуации трудно солгать. Видно каждое, даже самое неуловимое подрагивание лгущих век: вот глаза смотрят прямо, вот косят чуть вправо... Видно каждое движение лицевых мышц, предназначенное для маскировки: слишком напряженные челюсти, линия сжатых губ, не желающих произнести правду.

— Скажи, кто это мог быть? — спросил я.

— Понятия не имею, Кракен.

«Кракен, отлично... Ты сокращаешь дистанцию. Я больше не Унаи».

— Ара... я знаю, когда ты врешь. И сейчас как раз тот самый момент.

Она сложила руки на груди, словно отгораживаясь. Я заметил это движение и сделал выводы.

— Хотя. Это был Хотя, — сдалась наконец Арасели. — Они поссорились. Хотя был поддат, началась потасовка... Асьер не рассказывает о причине драки. Оправдывается тем, что у них остались непогашенные счета. Накопилось из прошлого, говорит. Вроде как это дела вашей тусовки, и я все равно ничего не пойму. Но после того, как Хоту обнаружили в Барбакане мертвым, он заставил меня поклясться, что я никому ничего не скажу. Не хочет, чтобы вы думали, что это он убил Хоту, потому что он этого не делал. В ту субботу я была с ним.

Мы ушли из «Куэсты» в четыре часа, спроси Нерею. Вернулись домой и проспали все воскресное утро до десяти. Мы спим вместе, Унаи. Он не мог выйти из дома, убить Хоту, отвезти тело в Лагуардию и вернуться в Виторию.

— Мог. Это всего шесть часов.

«Конечно, мог. Запросто».

— Не знаю. Могу поклясться, что слышала, что Асьер всю ночь храпел.

— Как, если ты спала?

— Понятия не имею. Правда не знаю. Но он этого не сделал. Точка.

— А что было семнадцатого ноября?

— Когда?

«17 ноября, в четверг. Рано утром. Ты спала дома с Асьером или была за пределами Витории, читала лекции?» — написал я.

Арасели не поняла смысл моего вопроса. Прочитав его, она удивилась, а потом сверилась с органайзером.

— На той неделе я была в Витории и никуда не ездила. А почему тебя это интересует?

«Просто постарайся вспомнить: в ту пятницу рано утром Асьер был с тобой в постели? Или дежурил в аптеке? А может, произошло что-то необычное?»

Арасели еще раз сверилась с органайзером — видимо, там у нее были записаны дежурства мужа. Все это я уже проверил, когда мы с Эсти побывали в аптеке, чтобы оказать ему первую помощь, но хотел понаблюдать за реакцией Арасели — быть может, что-то удастся подметить...

— Нет, у него не было дежурства. Я плохо помню тот день, это было больше месяца назад, но если я его не помню, значит, ничего особенного не произошло. Асьер никогда не уходил в будние дни так рано... Но почему ты не скажешь прямо, откуда столько вопросов?

— Умерла женщина, Ана Белен Лианьо. Ты ее знала?

Я наблюдал за ее лицом, но не видел на нем ни следа какой-либо реакции. Даже удивления или любопытства.

— Нет, понятия не имею, кто это. А что, должна знать?

«Нет, конечно, если вы с мужем не говорите о прошлом», — подумал я.

— Нет, — ответил я вслух. — Мы просто расследуем возможную связь между смертью этой женщины и убийством Хоты, вот и все.

— Только пообещай мне, что если Асьер что-то скрывает, ты меня предупредишь, — попросила она, хотя в глазах ее ничего похожего на просьбу не было.

Взгляд Арасели не был взглядом женщины, которая действительно о чем-то просит; это был прагматичный взгляд тетки, которую голыми руками не возьмешь.

«Не похоже, что вы слишком близки», — отметил я.

— Скажу то, что имею право сказать, договорились? — пообещал я, поцеловал ее в щеку и ушел.

Я торопливо шагал по мощеным улочкам, и дрожащие огоньки свечей освещали мне путь. Этот вечер отлично подходил для спокойной прогулки по Старому городу, но дома было назначено свидание с Альбой, и я ни за что на свете не опоздал бы ни на секунду.

* * *

Через пару часов Эстибалис преподнесла мне очередной сюрприз. Мы с Альбой погасили свет и лениво любовались на зажженные свечи вокруг площади Белой Богородицы, а потом долго резвились у меня в постели.

Эсти звонила на новый мобильный, да так настойчиво, что пришлось ответить.

— Это очень срочно? — спросил я, готовый задушить ее за столь несвоевременное упорство.

— Это очень интересно.

— Хорошо, говори, — подбодрил я ее, не сводя глаз с четырехглавой мыши Альбы. Да, я парень простой.

— Помнишь, убежавший студент в Сантандере сказал, что Синяя Борода теперь Седая Борода?

— Помню.

— Помнишь, он называл его женоубийцей, как того персонажа с синей бородой?

— Эсти, давай к делу.

— Жена Сауля, Унаи. Жена Сауля Товара погибла в результате весьма необычного бытового несчастного случая. Ее звали Асунсьон Переда, и Милан нашла некролог по случаю ее смерти в архиве «Периодико Кантабро». Я поговорила с Пауланером; он проверит записи в полицейском участке Сантандера, но, учитывая праздники, вряд ли что-то найдет раньше понедельника. Не знаю, что думаешь на этот счет ты сам, но человек, который потерял жену и двух дочерей в расцвете жизни при столь странных обстоятельствах, кажется мне тем, кому есть что нам рассказать.

38. Скользящий склон

24 декабря 2016 года, суббота

Как и каждый год, все члены нашей компании в канун Рождества собрались ближе к вечеру в Старом городе, чтобы выпить по стаканчику глинтвейна.

Несколько лет назад бары, расположенные в центре города, решили возродить традицию, которую виторианцы приветствовали с энтузиазмом: перед Рождеством обычно стояли холода, и глинтвейн с корицей, лимоном, курагой, инжиром и прочими вкусоностями пили охотно и с радостью, которая переполняла улицы Старого города и напоминала давно уже оставшиеся позади праздники Белой Богородицы.

На самом деле тот год был особенным. В воздухе витали тревога и напряжение. Неприязненные взгляды, острые локти, которые пихали кого-то из нас, когда мы входили в «Рохо» или «Сегундо»... Моя голова возвышалась над прочей публикой, и незнакомые глаза бесстыдно пялились на меня. Некоторые — ободряюще, другие же — так, словно хотели повесить меня на пивном кранике.

Атмосфера в компании тоже была не фейерверк. Мы переживали потерю Хоты, который в эти дни всегда возвращался домой к ужину навеселе, и много лет кому-то из нас приходилось его провожать, чтобы он не ошибся улицей или подъездом. Но отныне это осталось в прошлом. Провожать Хоту больше не было необходимости. Как же это тяжело, черт возьми...

Герман краснобайствовал больше, чем когда-либо, — он всегда такой, когда выпьет. Его роман с логопедом продвигался на всех парах, и я радовался за них обоих. Только Неря чувствовала себя в своей тарелке, пересказывая сплетни из газет или собственного квартала. Арасели не явилась, Ксавьер отправился кататься на лыжах, а Лучо, Асьер и я держались подчеркнуто независимо и предпочитали лишний раз обменяться словечком с другими столиками, лишь бы не общаться друг с другом.

Вскоре после того, как мы завалились в «Экстичу», Асьер подкараулил меня в мужской уборной.

— Хотел поговорить с тобой. Пройдемся немного?

— Конечно, — ответил я.

«Я ждал этого, приятель», — добавил я мысленно.

Притихшие и немного подавленные, мы побрели по улице, которую с незапамятных времен называли Скользким склоном, и она того заслуживала: стоило ударить морозцу, и на легком утреннем снежке можно было разбить себе башку, особенно если возвращаешься домой под градусом.

Мы добрались до площади Фуэрос. Я сделал Асьеру знак, и мы поднялись по гранитной лестнице, образывавшей своего рода амфитеатр, внутри которого можно было спрятаться и поговорить наедине, к тому же с отличным видом на площадь. У наших ног виднелся пустой фронтон и каменный лабиринт, где столько детишек во время игры наставили себе шишки.

Мы с Асьером уселись на самом верху. Во время подъема слегка запыхались и даже вспотели, несмотря на упавшую к вечеру температуру.

— Ты зачем ходил к Арасели? — Асьер спросил с такой яростью, как будто вот-вот меня укусит.

— Работа, Асьер. Ты же знаешь.

— Ты мне очень подгадил. Она со вчерашнего дня не в себе. Что ты ей сказал?

«Давай начистоту: поскольку я знаю, что кое-где ты соврал, я подтвердил твое алиби в дни убийств Аннабель и Хоты», — написал я в блокноте.

— Ты не должен был к ней ходить. Ты ее не знаешь. Ара двулична; на публике она очаровательна и кажется очень уверенной в себе, но на самом деле патологически ревнива. Ты упомянул Ану Белен Лианьо. Арасели ничего не знает об этой истории и понятия не имеет, кто это такая, но теперь она в ярости, потому что я что-то скрываю... Ты выдал меня с головой, чувак.

— Если б ты не лгал с самого начала, я к ней не пошел бы, — отрезал я.

— Я рассказал тебе и твоей напарнице все, что мог. И если вы не предъявите мне ордер, я не думаю, что...

— Прекрати, мы ходим по кругу, — осадил его я.

— Больше я ничего не скажу.

«Ты ударил Хоту, Хота ударил тебя, твоя жена это подтвердила. Я могу как следует пощекотать тебя, Асьер. У меня достаточно улик, чтобы начать действовать через суд. Тебе решать, чувак, но это очень серьезно. Не знаю, хочешь ли ты, чтобы я объяснил подробнее, или тебе все и так достаточно ясно». — Я показал ему написанное и дал время немного подумать.

— Плевать я хотел на Арасели, — пробормотал он себе под нос.

— Лучше объясни мне все сам, Асьер. Все. Начиная с Аннабель Ли.

Асьер задумался, принял какое-то решение, потом заговорил. Я хочу сказать, что никакого эмоционального катарсиса или чего-то подобного у него не случилось, хотя с ним такого и прежде никогда не бывало.

— Это было весной. Хота снова нашел ее, и они начали встречаться. Все по-старому: ах, фотография, а может, попробуешь еще раз, а давай устроим тебе выставку, ах, творческая жизнь... Разве не помнишь, как однажды он снова принялся все фотографировать?

Да, я помнил, Хота стал ужасным занудой — только и знал, что болтал о цифровой фотографии. Я с надеждой думал, что он устал от жизни, которую вел, и решил всерьез заняться чем-то другим. Как я мог связать все это с Аннабель Ли, если никто не вспоминал о ней двадцать четыре года?

— Мне и в голову не приходило думать, что она за этим стоит.

— Однажды я встретил их в баре «Юдизменди». Было заметно, что между ними что-то есть... ну, то что может быть с Аннабель Ли, ты меня понял, ты тоже прошел через это. Мы втроем выпили кофе. Она дала мне номер своего мобильного, когда Хота отлучился в туалет. А я... в общем, я ей позвонил.

«Молодец, Асьер. Очень в твоем духе», — подумал я.

— Ладно, остальное можешь не рассказывать. Это твоя жизнь. Просто скажи мне, кто отец?

— Может быть, Хота, но точно не я, — категорически ответил он. — Мы с Аннабель не спали.

— Не издевайся надо мной.

— Да нет же, правда, я...

Разговор меня утомил. Я схватил Асьера за лацканы куртки и навалился на него так, что его спина повисла над улицей, проходившей

в нескольких метрах ниже. Новый статус-кво был очевиден: если я его отпущу, он упадет.

— Не... не валяй... дурака... — прошептал я медленно, очень медленно.

Систематическое вранье друзей детства плачевно сказывалось на моем терпении.

Я снова притянул Асьера к себе. Он, казалось, все понял.

— Да, все у нас было. Но я не могу быть отцом ее ребенка — я принимал меры предосторожности. Я ведь женат, Унаи.

— И все-таки ты можешь им быть.

— Нет, это невозможно.

— А Хотя мог, как ты думаешь?

— Мог. Он-то как раз ничего не контролировал, вечно был бухой... В общем, вся эта хрень продолжалась несколько месяцев, но летом нас всех хорошенько встряхнуло дело о двойных преступлениях. Нам с Хотой все это оказалось только на руку: все были заняты чем-то другим, и ни Лучо, ни ты не заметили появления Аннабель. Мы не знали, как вы на нее отреагируете — вдруг снова откроются старые раны...

— Почему ты не сказал, что вы снова с ней встречаетесь? Я все равно узнал бы.

— Ты же меня знаешь, черт возьми. У меня нет воображения, не умею я импровизировать. Чувак, я чуть не помер, когда ты позвал нас всех троих в сад у стены... В четверг Аннабель мне не звонила, но я и вообразить не мог, что она умрет.

«Значит, убийца считает кандидатами в отцы и тебя, и Хоту», — подумал я.

— Как ты думаешь, могла ли она в тот день отправиться с кем-нибудь в горы?

— Аннабель всю жизнь ходила в горы рано утром, выбиралась из Витории ночью, но я понятия не имею, была ли она одна или с компанией.

— А не знаешь, не появился ли у нее какой-нибудь новый приятель?

На мгновение Асьер задумался.

— Не исключено, — отозвался он наконец. — Иногда она говорила о какой-то новой подруге, но подробностей не рассказывала.

Ее звали... тьфу, вылетело из головы. Помню только, Аннабель говорила, что та поддерживает ее с того момента, как она забеременела.

— В смысле?

— Она появилась вскоре после того, как несколько месяцев назад Аннабель рассказала про беременность в социальных сетях. Думаю, это какая-нибудь фанатка ее комиксов, связалась с Аннабель, чтобы та поставила ей автограф, они подружились и продолжали встречаться. Мне это показалось странным — Аннабель с бóльшим удовольствием тусовалась с парнями, чем с бабами. Наверняка у нее появлялись какие-то новые друзья, но со мной она про них не говорила, а я ничего не спрашивал. Кто угодно мог подняться с ней в горы.

— Я не видел на похоронах ни одной подруги.

Асьер пожал плечами:

— Ты же знаешь, я туда не ходил.

— Ты не ходил, но мы все там были.

— А как ты все это объяснил Арасели, а? — вскочил он в ярости. — Я не хотел, чтобы жена задавала мне вопросы, не хотел, чтобы она узнала от вас или от какого-нибудь сплетника на похоронах, что покойница была беременна, и связала концы с концами.

— А деньги? Ты должен мне все объяснить, Асьер.

— Меня так взбесило, когда Аннабель выиграла в эту лотерею... К тому времени я собирался с ней расстаться. Она была беременна; думаю, это ее изменило, она искала стабильности для ребенка, а ждать чего-то от Хоты было бессмысленно. Аннабель настаивала, чтобы я бросил Арасели и ушел к ней, убеждала, что ребенок, скорее всего, мой, хотя мы предохранялись. Она утверждала, что такое случается — уж в ее-то воображении наверняка случалось все, что угодно. Ты же знаешь, какой она была — врала одно и то же, пока ей не начинали верить, и думала, что может убедить кого угодно в чем угодно, и мы всё проглотим. Я хотел ее бросить, я устал от этой истории, от нее самой и от того, что Хота с каждым днем все больше шел вразнос. Думаю, толком он ничего не знал, но что-то подозревал — держался со мной напряженно, разговаривал сухо. Обычно Хота так себя не вел, но он был трусом, у него не хватало смелости спросить меня прямо.

— Значит, ты собирался ее бросить, а она выиграла в лотерею... — напомнил я.

— А ты не помнишь пророчество, которое она выдала двадцать четыре года назад, в лагере?

— Какое такое пророчество?

— Пари, которое мы заключили, когда она заявила: «В тот день, когда умру, я буду богаче тебя».

— Не пудри мне мозги, Асьер. Ты имеешь в виду тот ребяческий треп?

— Тот ребяческий треп осветил мне путь и сделал меня тем, кто я есть. Вот почему я стал фармацевтом, а вовсе не потому, что мне нравится смешивать микстуры. Аннабель поставила передо мной цель, помогла понять, что я не хочу быть похожим на отца-неудачника, не хочу прозябать, хочу зарабатывать бабки. Клянусь, я вспоминал ее слова каждый день с четвертого июля девяносто второго года, когда эта чертова баба их произнесла.

«Эта чертова...» — мысленно отметил я.

— И видишь, как все повернулось. Пари свое Аннабель проиграла. В день смерти она была не богаче меня. Мы были равны, у нас обоих было по полтора миллиона евро в банке.

— Значит, она выиграла в лотерею и отдала тебе часть...

— Я сказал, что брошу Арасели, что перееду к ней, что мы будем семьей, но я прошу у нее доказательства того, что она тоже хочет серьезных отношений.

— Например, общий счет в банке.

— Как ни странно, она не кривлялась. Она не заботилась о деньгах — материальные потребности были у нее как у бомжа, и ей вполне хватало того, что она зарабатывала на комиксах. Она не была материалисткой — целыми днями жила в собственном выдуманном мире, у нее не было времени ходить по магазинам и делать покупки, это для нее было слишком обыденно. Ей не стоило особого труда поделиться со мной этими миллионами.

Я посмотрел на Асьера. Потом посмотрел на часы у себя на запястье.

Дедушка ждал нас с Германом в Вильяверде к ужину. Альба и ее мать ужинали вместе в Лагуардии и пригласили к себе Эстибалис, у которой семьи не было; в противном случае она провела бы рождественскую ночь одна или с нами. Уже половина седьмого вечера, мне пора было идти, но чем дольше я расспрашивал Асьера, тем

больше вопросов у меня возникало. Я хорошо его знал — он редко откровенничал, а значит, у меня еще не скоро появится новая возможность поболтать с ним по душам.

— А то, что ты сразу же снял двести тысяч евро, ее не насторожило?

— Ты не поверишь, но мы об этом не говорили, даже не касались этой темы. Скорее всего, она не проверяла ежедневно остаток на счете; к тому же я снял эти деньги в понедельник, а в четверг она была уже мертва.

— Ты хоть понимаешь, насколько подозрительным все это покажется судье?

— А ты понимаешь, что я говорю тебе правду, несмотря на то, что это может мне навредить, — и все равно говорю тебе гребаную правду, Унаи? — сердито буркнул он.

— Что ты собираешься делать с деньгами?

Он задумался. Это меня удивило: холодный мозг Асьера заранее должен был все спланировать.

— Как только ты закончишь свое расследование, поймашь виновного и никто не будет больше меня подозревать, я расстанусь с Арасели. Сниму со счета свои миллионы. К счастью, мы поженились на условии раздельного владения собственностью, и она не сможет ни на что претендовать. На эти деньги я рассчитаюсь с долгами и возьму тайм-аут, чтобы переосмыслить свою жизнь.

— Не думал, что тебе это нужно. Ты выглядишь таким...

«Самодовольным», — мысленно закончил я фразу.

— Я не знаю, хочу ли и дальше быть фармацевтом. Аптека — всего лишь способ зарабатывать, а это становится все труднее. Не хочу тратить время и силы, заклеивая пластырем пробоины в тонущем корабле. Может, закрою обе аптеки и вложу деньги в какое-то новое дело... А может, буду управлять своим имуществом до выхода на пенсию... Не знаю пока. В этой жизни мне хотелось только денег, чтобы жить по-человечески, а не прозябать, как отец, и Аннабель мне их дала. Забавно, правда?

Этого было достаточно, более чем достаточно для моих ушей. Допрос подошел к концу. В желудке тянуло — из-за вина или из-за того, что я только что услышал от Асьера...

— Ладно, я узнал достаточно. Можешь идти, Асьер.

— Да, пойду-ка я, пожалуй. Так будет лучше, — сказал он, встал и начал спускаться по ступенькам. — Знаешь, что я скажу тебе, Кракен? Ты испортил мне глинтвейн, а заодно этот чертов сочельник. Пойду домой, Арасели и родители меня заждались. Счастливого Рождества.

Некоторое время я наблюдал, как угрюмый Асьер спускается по лестнице и лавирует между пешеходами, спешащими домой, чтобы приготовить семейный ужин, самый важный в году.

Я не знал, что делать дальше — защищать ли Асьера, который запросто мог стать следующей жертвой, или просить у судьи ордер на арест, потому что у моего друга имелись мотивы и достаточно хладнокровия, чтобы собственными руками убить Ребекку, Аннабель и Хоту.

39. Гора Дóбра

15 июля 1992 года, среда

Между четырьмя членами компании росло напряжение, которое сказывалось в мелочах.

— Эй, можешь дать бритву?

— Не, у меня кончились.

Ложь.

Крошечные стычки, трение, раздражение — пока еще невысокая стена, растущая между ними.

Доверие, шутки, открытость — все это осталось в прошлом. Прежняя близость угасала по мере того, как проходили дни, и четверо друзей, разинув рот, взирали на нимфу, поселившуюся у них в спальне, на существо из иного мира, куда более интересного, чем тот, который они знали до встречи с ней.

Унаи с беспокойством наблюдал за своим приятелем Хотой, потихоньку разводил ему вино водой, старался увести подальше от напряженной атмосферы, где обитала Аннабель и некогда верные друзья неразлучной команды.

Лучо добавлял огня. Только и слышалось: «Кракен, Кракен»... особенно если рядом была Аннабель Ли.

Сауль каждое утро наблюдал за повторяющейся сценой и в середине недели все-таки решил разрядить обстановку. Как-то под вечер он предложил им съездить в Пуэнте-Виесго под предлогом того, что где-то в тех краях расположено множество кантабрийских городищ. Пока они поднимались на Добру, он рассказывал про название этой горы, которое на самом деле — теоним, то есть происходит от имени божества, кельтского Дуброна, и означает «место, где много воды». И что неподалеку нашли алтарь местного бога Эрудина.

А еще он потихоньку следил за Хотой, который болтал с Ребеккой, и ему это не нравилось. Они что, касаются друг друга руками? Сауль плохо видел их со своей точки и немного ускорился.

Стоял душный июльский вечер. Сауль, сделав несколько быстрых шагов вверх по тропинке, воспользовался тем, что Унаи шагал рядом,

чтобы поговорить с ним по душам.

— Вижу, тебя задевают шутки твоего друга, — начал он.

— Я не люблю прозвища, — ответил Унаи. — За ними всегда прячется злоба.

— Ты явно не из тех, кого дразнят в школе, правда?

— Меня — нет, а брата дразнят. У меня есть младший брат, Герман. Ему одиннадцать, и у него ахондроплазия.

— То есть он карлик?

— Можно и так сказать.

— И тебе приходилось его защищать?

— Проблема не в том, должен ли я защищать его или нет. Рано или поздно меня не окажется рядом, и ему придется защищаться самостоятельно, понимаешь?

— Понимаю.

— Терпеть не могу прозвища, — повторил Унаи. — Это зло.

— Твое новое имя — не прозвище, а тотем.

— Что?

— Древние тоже носили такие прозвища. Выбирали животное, чьи лучшие качества хотели бы перенять, и делали его своим тотемом. Сделай то же самое — носи свое прозвище с гордостью.

— Кракен — это кальмар, а я не похож на кальмара.

— Во времена Средневековья это животное считалось мифологическим. Его можно встретить в портуланах^[40] и бестиариях, подобно морским змеям или Левиафану. Он появляется в скандинавских текстах, в «Эддах», которые читали скальды или поэты-викинги. А сейчас, тысячу лет спустя, вдруг выяснилось, что эти звери существуют. Их выбрасывает на берег даже здесь, в Кантабрии. Необыкновенное животное, упрямое, живучее, невероятной природной силы, которую ему не нужно демонстрировать. Это имя не кажется мне тяжким бременем.

«Что ты знаешь о моей жизни», — с горечью подумал Унаи.

И это было правдой. Ни Сауль не знал о жизни Унаи, ни Унаи не знал о жизни Сауля.

Оба продолжали подъем молча, исподволь следя за парой, которая двигалась в нескольких метрах впереди. Сауль следил за Ребеккой, а Унаи — за своим другом Асьером, о котором он беспокоился после сцены в Гастелугаче.

Не склонный к откровениям, Унаи все же выбрал подходящий момент, и когда они наконец достигли вершины Добры и уселись передохнуть, заметил, что свидетелей поблизости нет, и подсел потихоньку к добряку Хоте.

— Слышь, ты в порядке? — спросил он.

— В порядке.

— А как же Аннабель и Асьер?

— С моей стороны это был чистый трах, у нас больше ничего не было. Что же касается Асьера... пусть пользуется. Долго они не продержатся.

— Я тоже так думаю. Не похоже, чтобы они занимались любовью; скорее, это напоминало ненависть. Какая уж там любовь... Нет, конечно, нет. Хотя беспокоит меня не Асьер — он тверже камня, чего с ним сделается? Я беспокоюсь о тебе... Ты правда в порядке? Можешь мне все рассказать.

— Хорошо, я расскажу тебе, Унаи. Аннабель Ли переметнулась к Асьеру так быстро, что не успела как следует меня зацепить. Конечно, я был разочарован, не буду отрицать. Но вчера я разговаривал с мамой, и она сказала, что отцу стало хуже. А я здесь, развлекаюсь... Я сказал, что поеду в Виторию, а она принялась меня разубеждать, чтобы я не сходил с ума, что она все контролирует, чтобы я как следует набрался сил перед тем, что ждет нас обоих дальше, что по ночам она дежурит в Чагорричу. Она права. Мне здесь хорошо, я набираюсь сил, чтобы... Только никому не говори, Унаи, но я не собираюсь поступать на архитектурный.

— Что?

— Серьезно, не собираюсь. Я хочу быть фотографом и заниматься искусством.

Унаи провел пальцами вдоль носа.

— Ты уверен?

— Я никогда не чувствовал себя лучше, чем сегодня утром, когда отправился в Сантьягу и получил проявленную пленку. Ты должен увидеть эти фотографии. В жизни не подумал бы, что способен сотворить такое. В них есть сила, которая... не знаю, в них как будто я сам. Это сложно объяснить. Враждебный мир, чувство, что ты

взаперти... все есть в этих фото. Главное — увидеть. Я буду фотографом, Унаи. К черту планы и это дурацкое строительство.

— К черту так к черту, — согласился Унаи, радуясь и тревожась одновременно.

* * *

Несколько часов спустя Унаи сидел в одиночестве в их общей комнате. С первого этажа доносились голоса людей, накрывающих на стол и расставляющих тарелки и столовые приборы.

Он почувствовал тяжесть шагов — кто-то поднимался по лестнице.

Он знал, что это она, — никто не двигался так, как она, по этому многовековому дому.

— Так значит, ты теперь с Асьером, — заметил Унаи, увидев, что вошла Аннабель Ли, и сделал вид, что сосредоточенно складывает джинсы.

Она посмотрела на него, как на маленького ребенка, — возможно, таковым он и был для этой старушки, выглядящей как подросток.

— Разумеется, я сделала это не для того, чтобы помирить их, если ты это имеешь в виду. Меня не беспокоит их враждебность; наоборот, она помогает поддерживать форму.

Унаи сжал губы. Он не понимал, как ей это удастся, но Аннабель Ли всегда сбивала его с толку. Она поддерживала в его душе постоянное чувство неопределенности, и, что самое худшее, он становился все более зависимым от нее.

— И что? — настаивал Унаи; он просил, он требовал разъяснений — «объясни мне, чтобы я понял».

— Я доказала ему, что он тоже уязвим.

— В каком смысле?

— В таком, что появится кто-то вроде меня и взорвет к чертям весь ваш мир. Все вы уязвимы.

— Ты говоришь так, будто знаешь меня всю жизнь, — раздраженно возразил он.

— Я действительно знаю тебя всю жизнь, дорогой Унаи. Теперь, когда мы расчистили территорию и твои друзья вышли из игры, ты

выслушаешь меня? Можем ли мы вернуться к нашей истории там, где ее оставили?

— Видишь ли, дорогая Аннабель Ли, это так не работает.

И Унаи зашагал вниз по лестнице; сердце же его перекачивало в этот момент гораздо больше крови, чем следовало.

40. Синяя Борода

26 декабря 2016 года, понедельник

В понедельник после праздников мы с Эсти встретились, чтобы поговорить. Накопилось много дел, пора было все обсудить. Я заехал за ней в ее квартиру в доме № 1 на Портал-де-Кастилия, которую она снимала с тех пор, как рассталась со своим бывшим. Эстибалис не нашла ничего лучше, чем поселиться в доме, известном как самое узкое здание во всей Витории. Как будто твердо решила быть одна, и этим выбором желала заявить миру, что прекрасно чувствует себя в квартире, рассчитанной ровно на одного.

Мы молча прошли до Флориды и углубились в парк, где, как обычно в это время, были выставлены куклы в натуральную величину для рождественского вертепа.

Начались отпуска и каникулы, и целые семьи с детьми прогуливались среди фигур прачек, гончаров и овец. Фотографировали римского легионера и искали Ирода, чтобы сделать с ним селфи.

Мы спрятались от гуляющих в укромном уголке позади здания парламента, где убежищем нам служила каменная скамья, имитирующая ствол дерева.

Эсти пришла в футболке, на которой можно было прочесть: «Позаботься о том, чтобы быть цельным, и все придет к тебе само. Лао Цзы».

— Что это? — спросил я.

— Рождественский подарок Альбы.

— Она теперь твоя гуру?

— Увидела эту майку, ей понравилось, вспомнила обо мне и подарила за рождественским столом, вот и все. — Эсти пожала плечами.

— Вот уж действительно, дружба движет миром... Что ж, очень рад, — ответил я. — Как прошел ужин?

— Все было мило, тихо и уютно... По-семейному. Ее мама приняла меня как свою младшую дочь. Она очень спокойная женщина. Такое впечатление, что она нарочно стала такой после всего, что случилось. Постепенно пришла в себя, а потом решила видеть мир

именно такими глазами: спокойными... Ничего общего с тем, какой была моя мать.

— Беспокойная, как ты?

— Слабая.

Эсти явно хотелось сменить тему.

— Общался с Асьером? — спросила она.

— Да.

Я рассказал ей обо всем, что услышал от Арасели и Асьера, о том, что у него есть алиби в утро обоих убийств, если только Арасели ничего не скрывает и не лжет ради спасения мужа. Потом рассказал об отношениях Аннабель Ли с двумя моими друзьями.

Долгие объяснения полностью меня исчерпали, хотя обычно я предварительно их репетировал, доводя практически до совершенства.

— Если Асьер признался, что оба они спали с этой женщиной, как бы он ни отрицал свое отцовство, отцами могут быть оба. Попросим судью Олано разрешить нам провести ДНК-тест с использованием органического материала, который доктор Гевара извлекла из плода Аны Белен Лианьо, и сравним его с ДНК Хосе Хавьера Уэто, — прокомментировала Эсти, сосредоточенно следя за моей мучительной речью.

«Думаешь, это надо? — написал я. — Один из потенциальных родителей мертв, а другой не имеет отношения ни к одному из преступлений; у нас нет ни одного физического доказательства того, что он бывал в тех местах, зато есть показания его жены, подтверждающие алиби».

— Нам бы очень помогло, если б отцом ребенка действительно был Хота. По крайней мере, твой друг Асьер оказался бы вне потенциальной опасности.

— Это зависит от того, насколько убийца в курсе таких подробностей, — заметил я. — В любом случае продолжай начатое. Поговори с Альбой, пусть запросит ордер. Расследование должно продвигаться.

Затем я рассказал ей о таинственной подруге, с которой Аннабель Ли общалась в последнее время и которая появилась в социальных сетях, когда та объявила о беременности.

Эсти что-то записала — и решила поручить Милан поиск возможных кандидатов. Та мониторила аккаунт Аннабель с самого

начала расследования и любую улику нашла бы быстрее, чем кто-либо из нас.

— Поговорим о смерти жены Сауля. Пауланер уже рассказал тебе о несчастном случае? — спросил я.

— Да, почти сразу. Странная и очень печальная смерть: Асунсьон Переда Аргуэсо ушла рано утром прогуляться в окрестностях их шале на побережье Кантабрии. Было еще темно. В докладе сказано, что Сауль был дома и спал, а Ребекка, их дочь, которой было тогда двенадцать лет, на выходные уехала с ночевкой к тете по материнской линии, сестре Асунсьон Переды, с которой была очень близка.

— Почему ты говоришь, что ее смерть была «странной»?

— Очевидно, жена Сауля упала в колодец, находившийся вровень с землей на одном из полей в окрестностях шале. Полиция пришла к выводу, что она его не заметила, поскольку было еще темно. Споткнулась, упала в колодец и при падении ударилась головой о стену, а затем частично погрузилась в воду. Колодец был узким, всего метр двадцать в диаметре и шесть метров в глубину. Когда Сауль проснулся, заметил ее отсутствие и вызвал полицию и соседей, чтобы отправиться на поиски, супруга уже умерла.

Эсти выразительно умолкла, словно ожидая моей реакции или желая услышать от меня что-нибудь умное.

— Ммм... ты ничего не заметил? — спросила она с загадочным видом.

— А что я должен был заметить?

— Женщина в колодце, захлебнувшаяся в воде... неужели ты не видишь параллель с остальными жертвами?

— На сегодняшний день это случайная смерть; жена Сауля не была жертвой убийства, — напомнил я.

— Унаи, не беси меня. Это же настоящая семейная драма — сперва умирает жена, затем дочь, а теперь покончила жизнь самоубийством еще одна его дочь, приемная!

«А что тут такого? Да, Эсти, семейная драма. Посмотри на свою семью, посмотри на мою. Называй это драмой, если хочешь, а лучше признай, что жизнь иногда бывает очень подлой. Но Сауль — не тот человек, который способен на подобную дикость, тем более по отношению к дочери и Ане Белен». — Все это мне пришлось написать — у меня и так голова шла кругом.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я с ним жил. Он был очень чутким, он действительно о нас заботился. Ради Ребекки готов был на все. Он явно не притворялся.

Эстибалис встала — она принадлежала к тому типу людей, которые не выдерживают долгого сидения и неподвижности. Теперь она расхаживала взад-вперед по мосту и не знала, верить мне или нет. Ей трудно было мне верить, и она предпочла сомневаться.

— Раз так, несчастный он мужик. Ну и досталось ему... — сдалась она наконец. — А может, кто-то сознательно ему гадит, а он почему-то молчит?

— Не представляю, кто это может быть. Его чванливая сестра или какой-то завистник в университете? А может, всему виной интрижка с замужней коллегой?

— Вот и я не знаю, — проговорила Эсти и снова уселась рядом со мной, сосредоточенная на своих мыслях. — Он невероятно привлекательный и харизматичный тип, а сексуальности в нем по самую макушку. Ты видел, как на него пялятся студентки? И он это знает. Не женился повторно, хотя овдовел уже более двадцати пяти лет назад. При этом ему совсем не идет образ безутешного вдовца или монаха.

— Наверняка были какие-то истории, как и у всех нас. Просто он сдержанный парень. Однако это не делает его подозрительным.

— И все-таки кто-то обмолвился насчет женоубийцы. Да еще эта кличка — Синяя Борода... Я уже говорила со студентами. Ты слышал когда-нибудь настоящую историю о настоящей Синей Бороде? От нее мороз идет по коже.

— Честно говоря, нет; а что, это важно?

— По крайней мере, она по-своему любопытна. Синяя Борода — персонаж из сказки Шарля Перро, написанной в семнадцатом веке. В ней рассказывается об одном богатом человеке, прославившемся благодаря густой синей бороде. Он женился то на одной, то на другой, несмотря на свою темную славу: стоило ему жениться, как вскоре он становился вдовцом. Его последняя жена нарушила запрет — не входить в потайную комнату. Вошла и увидела висящие тела предыдущих жен. В последний момент ее спасли братья, получившие просьбу о помощи. Прежде всего в этой сказке наказывается женское

любопытство, как и в притчах об Адаме и Еве, жене Лота или Пандоре...

— Очень интересно, — подбодрил я Эсти.

— Хуже всего то, что рассказ Перро — адаптация реальной истории Жилья де Ре, французского барона, родившегося около тысяча четыреста пятого года в Бретани. На поле боя он был непобедим, покровительствовал Жанне д'Арк... Но я покопалась в его истории в свете криминологии двадцать первого века — это действительно была психопатическая личность, страдающая тяжелой формой шизофрении.

Бабушка, ведущая за руку внуку, прошла в двух шагах от нас, и Эсти умолкла, пока они не скрылись в гроте Младенца Иисуса.

— Существует теория, что Жиль де Ре участвовал в Столетней войне, чтобы удовлетворить свои инстинкты: ему нравилось убивать, он любил чужие страдания, — продолжала она. — Во Франции он стал героем, но когда сожгли Жанну д'Арк, его как будто прорвало, начался темный период. Он совершал ритуальные жертвоприношения, в деревнях вокруг замка Тиффож годами исчезали крестьянские дети, которые так и не были найдены. Дети пропадали сотнями. Убийства и похищения людей не прекращались до тех пор, пока не вмешалась церковь и епископ Нантский не приговорил барона к смерти. В итоге его повесили и сожгли на костре, что, кстати, очень напоминает Тройную Смерть.

— Не зацкливайся на этом, — предупредил я.

— Расскажу тебе о пытках, которым де Ре лично подвергал этих мальчиков и девочек; он сам в них потом признался. О них известно благодаря сохранившимся судебным протоколам. Выключи эмпатию, а то ночью не уснешь.

Я выключил — по крайней мере, мне так показалось.

— Ладно, рассказывай.

И Эстибалис рассказала то, что я готов был услышать, а также и то, чего не желал бы знать вовсе.

Это было подробное повествование о том, на что способен человек только из-за того, что наделен физической силой и властью.

Предпочитаю опустить детали. Они попросту ни к чему.

Рассказ о настоящей Синей Бороде произвел на меня тягостное впечатление.

То, что некто пытал, насиловал, расчленял и убивал множество детей в течение восьми лет, пользуясь полной безнаказанностью, причем происходило это во Франции пятнадцатого века, оскорбляло мое сознание абсолютной вседозволенностью, которую обеспечивали преступнику тогдашние правители. Никто не обращал на него внимания, власти бездействовали.

Не делал ли я теперь то же самое?

Так или иначе, я никак не ограничивал виновника стольких смертей.

К тому же сейчас столкнулся с одним из моих самых застарелых заблуждений: доверием к хорошим людям.

Я с самого начала не хотел ссориться с Голден Герл. Несмотря на предупреждение Матусалема, проходили дни, а я усердно избегал встречи лицом к лицу с той, которую знал не по аккаунту в соцсетях, а как человека, которому столько раз смотрел в глаза, с которым разговаривал...

Пришло время вернуться в Кантон-де-лас-Пульмониас.

41. Кантон Пульмониас

26 декабря 2016 года, понедельник

Я хотел застать ее врасплох и, предвидя, что она способна отследить мои перемещения по взломанному мобильному телефону, оставил его дома и отправился в ее берлогу с новым устройством, спрятанным во внутреннем кармане пальто. Я действовал так, будто Голден действительно опасна...

Похоже, все мы давно уже превратились в настоящих параноиков и подозревали даже статуи на улице Дато.

Я прошел через Старый город, размышляя о том, как лучше начать разговор, и наконец углубился в сады возле ее дома, расположенного в Кантоне-де-лас-Пульмониас: спрятанные во внутреннем патио, они сохраняли холод покруче любого холодильника, и снег, оставшийся после недавнего снегопада, так и белел на живых изгородях.

Это был безмятежный идиллический пейзаж, настоящий городской оазис; он подействовал на меня благотворно, помогая успокоить нервы и стереть страшные образы, которые Эстибалис посеяла у меня в памяти своими историями об этой чертовой Синей Бороде.

Если б кто-то сказал, что в таком мирном месте находится генеральный штаб одного из самых легендарных компьютерных пиратов Европы, я попросту не поверил бы.

Я постучал в дверь костяшками пальцев. Было слышно, как Голден ковыляет по коридору, подволакивая оперированную ногу.

— Да?

— Это Унаи; мне нужна твоя помощь. Думаю, карта снова доставляет мне неприятности, — обратился я через дверь с заранее подготовленной речью.

Несколько секунд Голден размышляла, наконец решилась и открыла.

— Что ж, посмотрим на эту карту... похоже, сейчас их делают не такими, как раньше, — ворчала она за дверью, не спеша открывать

железную цепочку. Затем протянула руку, готовясь взять у меня несуществующую симку.

Тут я неожиданно взял ее сухие пергаментные пальцы и галантно поцеловал, как это обычно делал Герман.

Сработало.

Она умилилась.

И впустила меня в свой бункер.

Я знал, что голова ее лихорадочно работает, силясь найти объяснение тому, как она сумела проворонить мое приближение к дому, но слова насчет карточки вызвали у нее некоторое доверие.

— Не угостишь меня солеными крекерами? — мурлыкнул я с кошачьей улыбкой.

Мне хотелось покинуть коридор, войти в гостиную и увидеть ее лицо, чтобы она без уловок объяснила мне то, что казалось необъяснимым.

— Вижу, разговариваешь ты намного лучше, Кракен. Ты не представляешь, как я рада этому. Однако мне не хотелось бы, чтобы соседи видели, как ты разгуливаешь по моему дому. В Витории ты личность известная, а нам это только повредит. Давай, садись.

Я проследовал за ней. Ее белая грива вздрагивала от неуверенных после недавней операции шагов.

Квартира мало походила на типичное жилье пожилой пенсионерки. Декор был функциональным и современным, никаких фарфоровых статуэток и вязаных крючком салфеточек. Модульные книжные стеллажи забиты миллионами CD- и DVD-дисков. Ее квартира ничего не говорила о личности владельца, словно была съемной.

Я не хотел начинать издалека — прежде всего потому, что такие люди, как Голден, заставляют говорить собеседника, а сами при этом отмалчиваются и в итоге получают от тебя больше информации, чем тебе удастся получить от них.

Я уселся на диван, просевший под моим весом, и ждал, пока она займет место в кресле напротив.

— Неужели все так плохо, что приходится искать ответы на форумах юных самоубийц? — взял я с места в карьер.

Эхо моего вопроса разнеслось по всему дому. В ответ она молчала, словно опустился занавес и зрители поняли, что это всего

лишь спектакль.

Голден помрачнела, но тут же взяла себя в руки. Она была умелой притворщицей; вероятно, из нее получился бы отличный игрок в покер.

— Это не имеет отношения к тебе, — только и сказала она.

— Но ты ищешь «что-то» на основе «чего-то», что имеет ко мне непосредственное отношение. Не говоря уже о «Тейзерах».

Голден посмотрела на меня; лицо ее выражало бесконечную нежность, как у фермера, который знает, что этого теленка ведут на убой.

— Для тебя это опаснее, чем ты себе представляешь, дорогой Кракен. Ответь-ка лучше на мой вопрос, прямо и чистосердечно. Со временем ты поймешь, что я пытаюсь спасти тебе жизнь. Скажи, это тот мальчик Матусалем тебя предупредил?

— Давай оставим Матусалема в покое. Ты мне не ответила.

Голден не торопилась. Но в итоге сдалась.

— Ладно. Согласна. Я не была с тобой откровенна; пора тебе кое-что объяснить, — мрачным тоном пробормотала она.

— Видишь, мы начинаем договариваться... Наверное, все дело в Рождестве.

— Конечно, в Рождестве. Ну, устраивайся поудобнее, Унаи, мне есть о чем тебе рассказать. Принесу печенье и немного вина, чтобы не грызть его всухомятку.

Я кивнул, хотя не собирался пить в компании хакерши, и она заковыляла своей шаткой походкой на кухню.

* * *

О том, что произошло дальше, я почти ничего не помню.

Не помню, как она нанесла мне удар, и не знаю, что за предмет оказался у нее в руках.

Теперь, спустя время, я понимаю, что убивать меня Голден не собиралась. Что, прежде чем сбежать, нарочно оставила дверь приоткрытой, чтобы соседка из квартиры напротив сразу увидела мое тело, распростертое на полу в гостиной, и вызвала «Скорую помощь».

До сих пор слышу — а может, все это болезненные конвульсии моего мозга, — как после удара, глядя на меня сверху, она пробормотала без малейшего сожаления:

— Чертов парень... Снова в бега. Чертова жизнь... Мать твою за ногу, Мату!

Но я ей этого не простил, никогда не простил.

Человека, которого однажды уже застрелили, не бьют по голове.

42. Больница Сантьяго

9 января 2017 года, понедельник

Судья Олано подписал постановление о розыске и задержании Глории Эчегарай, известной также как Голден Герл, пропавшей без вести.

Целых тринадцать дней меня продержали в больнице Сантьяго. Лечащие врачи едва позволяли мне двигаться, пока КТ однозначно не показала, что черепно-мозговая травма оказалась нетяжелой; не было даже внутреннего кровотечения, которое пришлось бы ликвидировать, а кровь, которая наполняла мне рот, оставляя привкус ржавчины, сочилась из лопнувшего сосуда рядом с височной костью. Кровотечение, хоть и обильное, было вызвано поверхностным повреждением.

В первые дни у меня раскалывалась голова; потом ныли ноги из-за того, что я не двигался; в последние дни у медсестер хватало терпения, потому что удержать меня в неподвижности было практически невозможно. Главное, чего мне хотелось, это побыстрее вернуться к расследованию, особенно теперь, когда был сделан такой важнейший прорыв, пусть он и стоил мне страшного синяка на правом виске.

Как только мое здоровье немного пришло в норму, явилась Эстибалис. С собой она захватила результаты анализа ДНК: отцом ребенка, которого ждала Аннабель Ли, был Хота.

Мне потребовалось несколько дней, чтобы осознать эту новость. Помимо прочего, сложно было мириться с тем, что существует прямая связь между его смертью и будущим отцовством.

В чем-то больница сыграла мне на руку. Так, Альба навещала меня рано утром, во время обеда и вечером. Ежедневно. Ее живот рос с той же скоростью, что и наши нежные отношения.

Иногда она приносила мне планшет, и мы смотрели старые фильмы, которые нравились нам обоим. «Подозрительные лица», «Одержимость»... редкие жемчужины категории В, которые объединяли нас и позволили мне наконец узнать что-то о ней, о непрозрачной и таинственной Альбе.

9 января меня выписали.

К тому времени моя маленькая семья удвоилась: дедушка и Ньевес Диас де Сальватьерра, мать Альбы, обменивались рецептами каракатицы в чернилах, а Герман, мой логопед и Альба бегали за мной следом по Дато, потому что тоска по доброму куску картофельного омлета делала меня неуловимым.

Я пользовался тихим часом, когда посещений в больнице не было, — совершенствовал речь, готовил небольшие выступления и даже побил собственный рекорд в двадцать пять слов, который в день, когда я выписался, достиг тридцати восьми. Я постоянно бросал вызов самому себе; я делал это для себя и для дочери, чей отец должен быть здоровым полноценным человеком.

В участке царила эйфория: наконец-то у нас появился подозреваемый. Некто осязаемый, пусть даже он сразу же исчез, не оставив следа.

Голден, казалось, привыкла убегать, прихватив с собой все необходимое: в описи, составленной в ее квартире в Кантоне-де-лас-Пульмониас, не осталось ни единого следа какого-либо компьютерного оборудования, которое могло послужить уликой. Коллеги из отдела киберпреступности вынесли все компакт-диски и внимательно их просмотрели, но они были всего лишь копиями ее работы в «Циско» — подозреваю, касавшейся официальной части, той, что не переходила границы закона.

Это случилось утром, когда меня отпустили.

Наш «синий чулок» Милан принесла новости мне в больницу как раз в тот момент, когда я переодевался, готовясь выйти на улицу, чтобы наконец-то оставить позади однообразную рутину больничной жизни.

— Инспектор Айяла, я не могла ждать. Я выяснила истинную личность Голден, — пропыхтела она, будто бежала три этажа по лестнице и нуждалась в передышке. Возможно, так оно и было.

Милан появилась как раз в тот момент, когда я собирался снять с себя нелепую ночную рубашку, которая едва закрывала бедра, к тому же имела сзади отверстия, через которые задувал сквозняк.

— Успокойся, Милан. — Я положил руку ей на плечо. Милан машинально ее стряхнула, словно ее ударило электрическим током.

Я с сожалением отстранился. Даже не-психолог мог догадаться, что Милан относилась к типу людей, всеми силами избегающих

физического контакта. Я даже задумался о том, какое детство было у человека, столь чуждого миру чувственных проявлений.

Милан вытащила несколько стикеров из карманов своего теплого пальто. Щеки у нее пылали; она всеми силами старалась не смотреть ни мне в глаза, ни на мою ночную рубашку.

— Видите ли, — нервно пояснила Милан, — вы передали нам информацию о том, что Голден Герл родилась в Витории в сорок восьмом году и зовут ее Глория Эчегарай, и что она почти сорок лет жила в кантоне Семинарио на улице Фрай Захария Мартинес в доме номер девять с доном Бениньо Ларреа Руисом де Эгино. В первую очередь меня встревожило то, что такого человека не существует: его нет ни в базах данных, ни в центральном архиве. Зато у нее есть номер социального страхования. В общем, это выдуманный персонаж — кто-то подделал необходимые документы.

— Этого не может быть. — Я сел на кровать и озадаченно почесал затылок.

Я сам смотрел сквозь пальцы, когда Голден подделала свидетельство о браке, никогда не существовавшем, чтобы остаться в квартире, которую делила со своим партнером в течение десятилетий: мэрия Витории отказала, потому что брак не был зарегистрирован.

Я смолчал, потому что Голден сдавала в то время комнаты в этой квартире, а снимал их некий тип, объявленный в розыск по обвинению в семейном насилии. Я обратился к ней за помощью, она мне помогла, и вскоре я задержал негодяя, избивавшего детей и жену.

У меня не хватило хладнокровия выдать Голден, но я воспользовался ее компьютерными знаниями и попросил оказать мне кое-какие услуги. И вот прошло несколько лет, а мы все еще оставались должны друг другу то за одно, то за другое и возвращали долги.

Не самые здоровые отношения, согласен. Но я представить себе не мог, что ее партнера, с которым она якобы жила сорок лет, никогда не существовало, что она лгала мне, разыгрывая карту сострадания к бедной беспомощной пенсионерке, чтобы обеспечить себе квартиру в историческом центре города. Жульничала с самого начала. Это меня очень задело.

— Продолжай, — взмолился я. — Ты сказала, что личность Голден Герл тоже фальшивая.

— Да. Вы велели мне разыскать Глорию Эчегарай, которая работала сотрудницей компании «Циско», однако до девяносто третьего года данных о ней не существует. Это побудило меня заняться отпечатком пальца в удостоверении личности, оказавшегося поддельным. Этот отпечаток совпадает с отпечатком пальца Лурдес Переда Аргуэсо, чье удостоверение истекло, информации о смерти также не существует, и тем не менее она перестает появляться в бумагах в девяносто третьем году, что совпадает с появлением Глории Эчегарай: водительские права, социальное страхование...

— Как, вы сказали, ее зовут на самом деле?

— Как раз собиралась про это поговорить. Не знаю, обратили ли вы внимание, но Лурдес Переда Аргуэсо родилась в Сантильяна-дель-Мар, Кантабрия, в сорок девятом году, то есть шестьдесят семь лет назад. Та же фамилия, что и у покойной жены Сауля Товара, чьи обстоятельства смерти мы расследуем.

— Может, просто совпадение?

— Ага, и город, в котором они родились, тоже один и тот же... Я проверила: жена Сауля Товара, Асунсьон Переда Аргуэсо, родилась двенадцать лет спустя, то есть в шестьдесят первом году. В том же году, что и ее муж Сауль. Думаю, они сестры, инспектор. Вы не дали мне времени установить личность родителей, но, если они совпадут, сомнений не останется.

У меня слегка закружилась голова. Мне не хотелось показывать Милан обуревавшие меня чувства, поэтому я так и сидел на кровати в ночной рубашке с открытой задницей.

— Получается, Голден Герл на самом деле тетя Ребекки, — сказал я.

Теперь я понимал, почему она заинтересовалась расследованием, обнаружив в моем телефоне странную смерть Аннабель Ли: тот же почерк, что и у убийцы ее племянницы...

По крайней мере, так мне хотелось думать.

43. Сад секвой

9 января 2017 года, понедельник

Знаю, что должен был отправиться прямиком домой, чтобы как следует отдохнуть, однако новость, принесенная Милан, изменила мой маршрут, так что в итоге я прошел мимо своего дома на площади Белой Богородицы и зашагал к Новому собору.

На лестнице у главного входа, напротив водяных струй, бьющих прямо из асфальта, обычно отрабатывали прыжки и развороты юные скейтбордисты, лихо рассекавшие на разрисованных досках. Я любил исподтишка наблюдать за ними, когда проходил мимо храма, направляясь перекусить в «Сагартроки», к тому же Альба жила в доме 22 на улице Прадо, и я частенько ее провожал до дома. Случалось, среди скейтбордистов я замечал парня с синими волосами, прикрытыми белым капюшоном. Выдавала его и доска с изображением библейского патриарха.

В то ледяное утро, окутанное густым туманом, я отправился специально на его поиски. Приметив его, незаметно подкрался и подождал, пока он закончит свои акробатические трюки. Его приятели жестом предупредили его о моем присутствии. Я понимал, что он вот-вот бросится наутек, вскочив на скейтборд, схватил его за птичью лапку и увидел полные ярости глаза Матусалема.

— Ты решил наехать на меня в офлайн-режиме?

— Мне нужна твоя помощь, — прошептал я.

— Спрячемся где-нибудь, где потише, — неохотно согласился Мату. — Ах да, ты же не в курсе, что такое осмотрительность...

— Кто бы говорил... Ты знаешь даже о том, что я ем по утрам на завтрак.

— Эй, а ты разговариваешь, — заметил он, закрывая лицо капюшоном.

— Пойдем в Сад секвой, разговор будет серьезный, — отозвался я.

Парень сжал челюсти; его ангельские глаза пристально смотрели на горгулью Нового собора.

— Хорошо, но только в виде исключения.

— Договорились, — пообещал я и направился вслед за ним.

Мы обошли собор и оказались в небольшом дворике рядом с древними Урсулинами под сенью гигантского дерева. Поблизости не было ни камер, ни посетителей. Я поманил Мату за собой, и тот с некоторой подозрительностью шагнул во дворик.

— Ну, говори, — сказал он, оказавшись возле ствола секвойи.

— Голден сбежала, — доложил я.

— Это верно, хотя и не совсем точно.

— Поясни.

— Очевидно лишь то, что Голден исчезла из Сети и уничтожила за собой все следы, включая свои странствия по «Дип веб».

— С каких пор? — спросил я.

— С двадцать шестого декабря. Она стала невидимкой.

— Можешь использовать свои сверхспособности и разыскать ее?

— Сперва объясни, что произошло в реальном мире. Уродливый синяк у тебя на физиономии имеет к этому отношение?

— Она напала на меня, ударила по голове и сейчас в розыске. Личность, под которой я ее знал, оказалась прикрытием, она ее больше не использует.

— Ого, вот же чертова бабка!

— Можешь ее отследить? — настаивал я.

Мату вздохнул, словно давая понять, что это невозможно.

— Попробую объяснить подробно, а ты слушай внимательно и постарайся понять, что взрослым дается непросто: если она покинула онлайн, я не смогу ее найти.

— Ты хочешь сказать, что лучший хакер современности не может найти эту старую прохиндейку?

— Напрасно ты пытаешься сыграть на моем эго; ты же знаешь, что моя единственная цель — благополучие Тасио. Я буду и дальше защищать тебя там, внизу, но предупреждаю: если ты намерен и дальше вторгаться в мой физический мир и в моем окружении поползут слухи, что я тусуюсь с легавым, все кончено.

— Ладно, давай договоримся: если увидишь на моем балконе белый крест, это будет означать, что на следующий день встречаемся в один час тринадцать минут в склепе Нового собора. Такой вариант тебя устраивает?

— Устраивает. — В следующую секунду он чуть не добавил «круто придумал», но вовремя себя остановил и вслух ничего не произнес.

— Договорились. Агур^[41], Мату.

— Агур, Кракен.

И я зашагал домой. Разочарование давило мне на плечи, ушибленный череп побаливал.

Дело было не в словах, я действительно почувствовал беспомощность Матусалема. Я знал, что парень сделал все, чтобы разыскать следы Голден, но у него ничего не вышло. У него явно поубавилось детской бравады, что случается с теми, кто лезет из кожи вон, а в итоге натывается на каменную стену. Я понимал, что мы не найдем Голден до тех пор, пока она сама не захочет, чтобы ее нашли.

Я и не представлял, что мирная пенсионерка уже тянет за свои чуткие нити, чтобы лишний раз затащить меня в свои планы.

* * *

Войдя в подъезд и открыв почтовый ящик, чтобы очистить его от скопившейся рекламы, я нашел письмо без обратного адреса, адресованное Кракену. Печати тоже не было: кто-то вошел в мой подъезд и опустил конверт в почтовый ящик, на котором из соображений безопасности не было обозначено моего имени.

Я взял письмо со всеми предосторожностями. Конверт был невзрачно белым и почти невесомым. Я представил себе, что внутри ничего нет, кроме листка бумаги. На всякий случай отошел в сторону и распечатал конверт.

Кракен, я знаю, что сегодня ты выходишь из больницы. В двенадцать в урочище Атча, других шансов не будет. Никому не говори, иначе не появлюсь. И никаких телефонов или устройств для слежения.

И еще одна просьба: не стреляй во все, что движется.

Голден Герл

44. Три волны

18 июля 1992 года, суббота

Лагерь подходил к концу — двадцать один день пронеслись незаметно, — и Сауль решил, что в последние выходные они посетят пляж Деба на гипускуанском берегу.

— Деба, — объяснил он накануне вечером, когда все сидели вокруг костра, — это кельто-иберийский теоним, встречающийся на всем побережье Кантабрии — в Астурии, Галиции, Стране Басков. Есть реки с этим названием, есть горы, деревни, пляжи. Это имя богини Дебы, оно происходит от индоевропейского слова *deuwo*. На древнем языке кельтов означает всего лишь «богиня».

— Какое прекрасное название, — прошептал Унаи на ухо Аннабель.

— Хотелось бы сделать там что-нибудь особенное, — тихо ответила она, но не пустилась в дальнейшие объяснения, как будто взгляд, пробежавший вдоль позвоночника Унаи, сам по себе был обещанием.

Но тот улавливал в воздухе нервозность, напряжение, причину которых до конца не понимал, хотя знал, что Хота решил рассказать Саулю то, что поведала ему его дочь Ребекка, все эти дикие сказки.

Сауль вел себя странно. Отсутствующий, замкнутый, раздраженный; его снова предали, эта девочка — сплошное разочарование. Как он ее ни любил, как ни... Ребекка не понимала, что такое семья, что означает заботиться друг о друге, чтобы все оставалось в семье и ничто не покидало ее узкие замкнутые границы. Он чувствовал ярость — и это после того, как он столько в нее вложил... На него навалилась усталость — ему снова приходилось проходить через то же самое. Угроза позора, подозрений, публичных оскорблений...

Он не мог этого допустить. Он не мог себе этого позволить.

— Это рецидив, — успокоил он Хоту. — Нас предупреждали. Постарайтесь не разговаривать с ней и не поощрять эти ее фантазии. Лагерь я не покину, но позже ее придется снова положить в больницу.

Ни за что на свете добряк Хота не хотел, чтобы девочку снова положили в больницу или чтобы лагерь свернулся раньше времени, лишившись своего директора. Отчасти потому, что ему самому хотелось пробыть в нем как можно дольше, прежде чем столкнуться с реальностью, ожидавшей его в Витории.

Ребекка, наловчившись ради выживания отслеживать малейшие изменения в настроении Сауля, также поняла, что в отношениях между ее отцом и ней что-то изменилось. Исчезли улыбки и подмигивания — остались только Синяя Борода и его угрожающий взгляд.

— Папа, с тобой что-то не так?

— Завтра вечером, Бекка. Завтра, дочка.

* * *

Вечером прибыли в Дебу. Туда же подтянулся кое-кто из добровольцев прошлых лет, так что в итоге сформировалась довольно многочисленная группа парней и девушек, которые вскоре разбрелись по местным барам. В конце дня все собрались на пляже. Расселись прямо на песке, образуя круг, символизировавший братство и прощание с лагерным летом.

Это были последние выходные в лагере. Все знали, что срок их совместной жизни истекает, скоро каждый вернется к своей рутине, в Сантандер, в Виторию, и некоторые больше не увидятся.

По дороге на пляж Унаи сидел на переднем сиденье микроавтобуса. Ему нужно было побыть одному и подумать о том, что, по его мнению, случится той ночью. Но даже он уловил, что между Саулем и его дочерью что-то не так. За два часа пути от Кабесон-де-ла-Саль до Дебы они не проронили ни слова. Сауль был холоден. У Ребекки, как у сбитой стрекозы, все время дергалась нога; это был самый настоящий тик, который чуть не свел Унаи с ума.

Наконец все вышли из автобуса. Сауль вытащил бронзовый котел и бутылки с медовухой.

Унаи воспользовался моментом, чтобы подойти к девочке.

— Эй, ты в порядке?

— Да, конечно. — Ребекка старательно улыбнулась.

У нее не было повода вести себя дерзко или вызывающе. Унаи всегда относился к ней хорошо. Оставался по вечерам подмести кухню, помогал вытаскивать мусор... «Может, ей грустно возвращаться в Сантандер, где ее ждут воспоминания о матери», — подумал он.

— Поболтаем потом, если хочешь, хорошо? — предложил Унаи.

— Хорошо, — согласилась Ребекка.

По крайней мере, кто-то хотел с ней поговорить. Потому что Лучо, Асьер, Ана Белен...

Лучше не думать об этом.

Это последние часы, больше она их не увидит. Никогда.

Пусть сгинут. Пусть все они сгинут.

* * *

У Сауля была заготовлена легенда, история, относящаяся к устной традиции и рассказанная в 1865 году пожилой женщиной из деревни Деба.

— Проклятие трех волн, не слышали раньше?

Все помотали головами; ни один из ребят не был уроженцем тех мест, а легенда была древней, очень древней.

— Женщина рассказала, что в те годы, в середине девятнадцатого века, жил в Дебе рыбак с женой и дочерью. В том же доме обитали его племянник и молодой моряк по имени Блинич. У рыбака выдалась в жизни неудачная полоса — улов был скудный, и много дней подряд он возвращался домой печальный, с пустыми руками. Но как-то ночью, когда все трое рыбаков спали в лодке, Блиничу во сне явились две женщины. Они рассказали ему о ведьмах, ламиях, водяных нимфах... Точно не знаю, о ком был рассказ, — все это лишь варианты изначальной истории. Так или иначе, те женщины предупредили Блиничу о кораблекрушении, а также о том, что в ту ночь на лодку обрушатся три огромные волны. Первая волна будет из молока. Вторая волна — из слез. Третья — из крови. Старшая женщина поведала Блиничу, что единственный способ побороть эти волны — забить гарпуном кровавую волну, но тогда умрет и она сама. Утром

встревоженный Блинич рассказал странный сон своему хозяину, но тот не послушался, и лодка вышла на промысел.

— ...и вот появились три волны, — перебил его Хота, самый впечатлительный из ребят — после каждой подобной истории он долго ворочался в спальном мешке.

— Точно. Как только они вышли из гавани, появилась большая белая волна — первая, молочная. Потом они кое-как продержались на волне из слез. К тому времени, когда подкатила огромная кроваво-красная волна, рыбаку стало ясно, что он должен покончить с наваждением и забить ее гарпуном. Так и вышло: море затихло, и сети наполнились рыбой.

— Счастливый конец, — подался вперед Лучо, всегда внимательно ловивший каждое слово того, кого он уже считал своим будущим преподавателем.

— Как бы не так... Когда рыбак вернулся домой с корзинами, полными рыбы, он обнаружил жену при смерти. Она прокляла его за то, что он убил ее своим гарпуном. Дочь тоже разозлилась на отца, обвинив его в смерти любимой матери, и вскоре таинственным образом исчезла. Рыбак никогда больше не видел ее в Дебе. Когда он спросил Блинича о двух женщинах, явившихся ему во сне, моряк подтвердил, что это были его жена и дочь. Рыбак остался в доме один; от тоски он тяжело заболел. Конец, как видите, очень печальный.

Сауль сделал театральную паузу, чтобы добиться среди молодых слушателей желаемого эффекта, затем кивнул в сторону пляжа.

— Посмотрите на море: сегодня идеальная ночь для трех волн.

— Почему сегодня? — спросил Унаи.

«Да, почему именно сегодня?» — подумала Ребекка, сидевшая на песке рядом с отцом, съездившись и скрестив ноги.

— Сегодня полнолуние. С этой точки мы увидим огромную луну. Существует чудесное слово — «ардора»; оно означает фосфоресцирование поверхности моря, вызванное косяками серебристых рыб, таких, например, как сардины. В Галисии оно передает отражение Луны. Белый коридор, сделанный из лунного света.

«Итак, ночь ардоры», — подумала Аннабель Ли. Неплохая тема для комикса, который она собиралась начать и не знала, как закончить.

Аннабель улыбнулась Унаи; взглядом они условились встретиться позже.

Сауль продолжил свою последнюю лекцию. Ему нравилось выступать перед аудиторией, он обожал быть в центре внимания.

— В легенде, насколько я понимаю, присутствуют элементы водных ритуалов, о которых я столько вам рассказывал. Вновь появляется женский элемент: умирающая женщина и исчезнувшая дочь. Молоко, слезы, кровь — все это жидкие субстанции, связанные с сокровенной сущностью человеческой жизни. Грудное молоко или отцовская сперма, слезы из-за неизбежных трагедий жизни, кровь как символ смерти и возрождения... У меня, как у антрополога, есть на этот счет своя точка зрения. Учитывая лингвистическую фоссилию, которую представляет собой топоним Деба или Дева, означающий одну из самых важных богинь кельтского пантеона, принадлежащую триаде кельтских богинь Набия, Рева и Дева, я бы сказал, что в легенде присутствуют архаичные элементы плодородия и очищения.

Все кивнули, забыв о медовухе, которая стояла возле Сауля, не думавшего в этот миг ни о чем, кроме плодородия и очищения.

— И вот что я вам скажу, ребята. Неважно, поступите ли вы в университет и будете ли заниматься историей. Главное, чтобы вы знали: почти все важные дни года, все праздники, все традиции ваших городов или деревень — следы более древних традиций. От кельтского Самайна, который с легкой руки ирландских иммигрантов закрепился в Соединенных Штатах как Хэллоуин, в Галиции существовал как Ночь Самайна, а у римлян превратился в праздник урожая, до ночи Сан-Хуан, летнего солнцестояния, или Сочельника, зимнего солнцестояния. Ключевые моменты года в культуре наших предков — солнцестояние и равноденствие — совпадают с крупными праздниками католической церкви. Я хочу, чтобы каждый раз, входя в храм, вы вспоминали о руинах, которые таятся в его основании, о местах силы, которые выбирали ваши предки. Одного этого мне будет вполне достаточно.

Наступали сумерки, над морем медленно таяли облака.

Сауль умолк и посмотрел на часы. Итак, лагерь был официально закрыт, а новый начнется только через год.

— Оставляю вас на пару часов, встретимся в одиннадцать вечера у автобуса. Можете сходить в город, выпить в баре. Веселитесь, вы это

заслужили.

Ребята поднялись со своих мест, а Аннабель сжала запястье Унаи и помешала ему подняться.

— Не ходи с ними в город, — чуть слышно прошептала она. — Останься со мной на пляже.

Унаи молча кивнул. Он ждал этой минуты все время, он думал о ней с тех пор, как двадцать дней назад сел в поезд.

— Ладно, придумаю какую-нибудь отмазку; жди меня здесь возле камня, — пробормотал он ей на ухо.

В ответ она улыбнулась.

Унаи побежал догонять троих своих друзей.

Хотя шагал нетвердой походкой: медовуха Сауля пришлась ему по вкусу, и он знал, что больше не попробует ее никогда в жизни.

Лучо и Асьер, как обычно, думали о своем: скорее всего, они предвкушали знакомство с какой-нибудь местной девчонкой, чтобы достойно завершить вечер.

— Чуваки! — крикнул Унаи в нескольких метрах позади ребят. — Я останусь в автобусе. Медовуха плохо подействовала, живот крутит.

— Сунь два пальца в рот, — предложил Хота со знанием дела.

— Нет, не тот случай, — отозвался Унаи. — Немного посплю — не хочу на обратном пути никого задерживать.

— Как знаешь, — ответили одновременно Асьер и Лучо. «Нам больше достанется», — подумали оба: перспектива вполне их устраивала.

И трое друзей зашагали к центру города.

Унаи повернулся и побрел обратно на пляж. Он напряг зрение и постарался разглядеть издали свою нимфу, хотя уже почти стемнело.

Аннабель сидела рядом со скалой, как и договорились. Он бросился ей навстречу, не заметив появившуюся у него на пути Ребекку.

— Привет, Унаи. Ты остался, чтобы поговорить со мной? — спросила она, и в голосе ее звучало огромное облегчение. — Спасибо. Правда, это очень здорово. Большое, большое спасибо. Если хочешь, посидим на берегу.

Унаи резко затормозил, не сводя глаз с маячившего вдали силуэта Аннабель Ли.

— Ребекка, слушай, я... давай завтра... Завтра обсудим все, что ты захочешь, попрощаемся как друзья, а потом после лагеря споемся, и я заеду к тебе и твоему отцу, когда окажусь в Сантандере. Но сейчас мне нужно идти, хорошо?

— Да... Конечно.

Ребекка повернулась к нему спиной — и так и осталась на пляже. Вскоре Сауль подобрал бронзовый котел и попросил ее вернуться вместе с ним.

Девочка наконец осознала черную реальность своей жизни. «Никто не может меня защитить. Никто не хочет меня защищать. Это случится, а я буду одна».

Провожая глазами Унаи, которого ждал его собственный обряд посвящения, Ребекка пыталась осмыслить слова, которые Сауль шепнул ей, когда все поднялись с места:

— Богиня ждет нас.

В этих словах таился двойной смысл, о котором она в ужасе догадывалась.

Ее воображение заработало в полную силу.

Шли минуты, на пляж Дебы опускались сумерки, и Ребекка знала, что с восходом луны ее ожидает неизбежное.

45. Урочище Атча

9 января 2017 года, понедельник

И где, черт возьми, находится это урочище Атча? Я посмотрел на часы: одиннадцать двадцать. Ни минуты на то, чтобы прийти в себя, предупредить Эсти и разработать стратегию. Я должен был идти один, на свой страх и риск; в противном случае мы упустим Голден.

В два прыжка я взбежал по лестнице, выложил из кармана мобильные телефоны, взломанный и новый, порылся на антресолях в шкафу, пока не нашел бронежилет, и надел поверх него пуховик, плотно застегнув верхние пуговицы.

Если б Голден пришло в голову пальнуть в меня из «Тейзера», как в Хоту или Аннабель, это, по крайней мере, было бы не так просто. По той же причине я натянул перчатки. На голову надел шапку. По правде сказать, я предпочел бы шлем: надоело получать удары по черепу.

В последний момент прихватил «пушку»; я не любил брать с собой оружие, но... Короче, объяснять тут нечего, это на крайний случай.

Я выскочил на улицу, через двадцать секунд пересек площадь Белой Богородицы, оказался на Новой площади, вбежал в туристический офис и обратился к одной из девушек, улыбнувшейся мне из-за стойки.

— Вы не в курсе, где находится урочище Атча? Это срочно, — выпалил я в упор.

— Секундочку, — быстро ответила она. Как будто призналась: «Я, как и вы, не имею об этом ни малейшего представления».

Пока она занималась поисками, я мысленно перебрал все известные мне археологические районы Витории и окрестностей. Ничего подобного на ум не приходило.

На экране появилась девушка в дорогих темных очках и с короткой стрижкой и жестом пригласила меня приблизиться.

— Вот оно, на Зеленем кольце, на севере между Юрре и Гобео. Это место не очень популярно, там мало достопримечательностей. Распечатать вам карту, как добраться?

— Лучше я сам посмотрю, — отозвался я. — Можете показать фотографии, чтобы я знал, как это выглядит?

«Чтобы у меня заранее сложилось представление о том, что я увижу», — добавил я про себя.

Увидев фотографию, я сглотнул слюну: от урочища осталось лишь несколько камней, которые отмечали стены того, что некогда было доримским поселением, а затем — довольно значительным римским военным лагерем.

Меня обеспокоило расположение урочища: рядом протекала река Задорра, а на берегу росло множество деревьев, тополей и дубов.

Это слишком напоминало место убийства Ребекки в Фонтибре.

Мурашки пробежали у меня по спине, под увесистым бронежилетом, однако я поблагодарил за информацию и бросился к машине. Посмотрел на часы: до встречи оставалось двадцать минут. Я не успевал.

* * *

Кое-как припарковавшись напротив шале, стоящих на проспекте Задорры, я пересек шоссе и углубился в парк. Кусты и деревья утратили свою листву, утренние заморозки сменились ледяными зимними холодами, и большинство растений погрузились в спячку.

Было почти двенадцать, но подслеповатое солнце едва прогревало воздух. Туман не покидал это холодное сырое место.

Я увидел табличку с планом местности и зашагал по узкой тропинке, по которой в тот день явно никто не проходил. Поднялся на небольшой холм и обнаружил сделанный из бревен указатель, на котором значилось, где именно расположено таинственное урочище Атча.

Наконец я выбрался из этого маленького лабиринта. Внизу, прямо передо мной, разросшиеся сорняки скрывали то, что, видимо, и было тем самым урочищем.

Оно занимало всего три метра в длину и метра четыре в ширину. Я проигнорировал столбики, предлагавшие обойти достопримечательность по периметру, и забрался прямо в урочище, разыскивая нечто, сам не очень понимая, как оно должно выглядеть.

В этот миг слышался шум мотора.

Я насторожился и повернул голову.

В мою сторону по узкой тропинке приближался небольшой мопед.

Рука машинально нащупала пистолет. Я вспотел, как мышь, несмотря на туман и холод.

На склоне возник крепкий светловолосый мужик верхом на нелепом мопеде курьерской компании. На багажнике виднелся красный ящик. Мужик мрачно посмотрел на меня и остановился напротив.

— Вы — Унаи Лопес де Айяла? — прокаркал он вороньим голосом.

— А вы, простите, кто такой?

— Я Хозерра, сотрудник компании «Полики», специализирующейся на срочных доставках. Если вы Унаи, у меня есть для вас пакет. Заказ был на двенадцать ноль-ноль, и вы не представляете, чего мне стоило найти это место.

Я посмотрел на него с недоверием. Огромным недоверием.

— Ни разу не слышал. Я имею в виду, про такую компанию.

Это была плохая шутка. *Poliki* на баскском языке означает «медленно». Какой идиот дал бы такое название курьерской компании?

— Мы новенькие... Эй, поставьте вашу подпись вот тут, и я исчезну.

— Покажите сначала пакет. Только открывайте медленно, — приказал я и выхватил пистолет.

Не хватало еще, чтобы парень вытащил «Тейзер» и поджарил мне мозги.

— Черт! Я всего лишь привез вам посылку, — воскликнул верзила, увидев «пушку». Он послушно поднял руки и положил их за голову, не дожидаясь моего приказа.

— Я инспектор полиции, — сказал я, показывая бляху. — Делайте, что говорю. Очень медленно.

Светловолосый мужик достал коробку и открыл. Извлек из нее пухлый сверток и протянул мне.

Я посмотрел на часы — было двенадцать ноль пять. Это запросто могла быть часовая бомба. Отлично. Я знал процедуру, которой нужно было следовать. Попросить курьера аккуратно положить конверт на

землю, убратся оттуда поскорее, вызвать товарищей из отдела разминирования, чтобы те явились со своими роботами и занялись пакетом.

Ничего этого я не сделал. Отошел метров на пятнадцать, не переставая целиться в посыльного. Я все еще смотрел на него подозрительно.

— Откройте пакет и опишите мне содержимое, если вам не известно, что в нем.

Я медленно попятился, дошел до обрыва в несколько метров высотой, которым заканчивался склон. Внизу протекала река. Тут я заметил влажное пятно, расплывающееся на красных форменных брюках верзилы: тот обмочился от страха.

Он не послушался меня и вскрыл конверт торопливо, как ребенок в утро Волхвов. Крикнул:

— Это планшет! К нему приклеен розовый стикер с надписью «Это не бомба». Вот урод, мог бы написать поверх конверта...

«Пожалуй», — молча согласился я, подошел к курьеру и выхватил планшет.

— Чертова работа. Знала бы моя супружница... — пробормотал мужик, теребя воротник форменной рубашки. — Вам надо подписать эту бумагу.

Я накорябал подпись и протянул ему маленькую тетрадку.

— Напишите здесь ваше имя и номер удостоверения личности, — сказал я чуть более расслабленно. — И никому ничего не говорите — ни на работе, ни дома. Это тайна следствия.

— Можно подумать, мне кто-то поверит... — недовольно пробурчал он.

Затем снова уселся на мопед, неведомым образом уместившись на крошечном сиденье, и его как ветром сдуло.

Оставшись в урочище один, я включил планшет и увидел на экране открытый персональный чат.

«Здравствуй, дорогой Кракен. Очень сожалею, что пришлось ударить тебя по голове».

Я принял приглашение и начал писать.

«Ну и сильна же ты для своих шестидесяти с чем-то...»

«Следствие того, что ты меня недооценивал».

«Ясно. Этого больше не повторится», — пообещал я ей. А заодно и себе.

«А еще мне жаль, что пришлось прибегнуть к такому специфическому способу пообщаться. Но я не могла допустить, чтобы вы меня задержали. Ничего хорошего меня не ждет».

«Чего ты хочешь?» — спросил я.

«Помочь, несмотря ни на что. Помочь».

«Помочь в чем, Голден?»

«Вы должны остановить Ребекку. Я хорошо ее знаю. Она не остановится».

Ребекка?

Почему Голден говорит о Ребекке так, будто та жива, если бедная девочка была убита в 1993 году?

46. Амстердам

9 января 2017 года, понедельник

«Итак, давай с самого начала, и как можно более подробно — ты и так сломала мне несколько схем. Во-первых, ты была тетей Ребекки. До этого мы докопались сами».

«Это уже достижение, — написала она. — У вас в команде хорошие ребята; не думала, что вы когда-нибудь это раскроете».

«Еще одно очко в пользу Милан», — подумал я. Но промолчал: той Голден, которую последние дни я только-только начинал узнавать, не хотелось давать ни единой наводки.

«Теперь твоя очередь, — надавил я. — Что ты можешь рассказать о Ребекке и ее исчезновении?»

«Ты знаком с моим зятем Саулем. С него все начинается и им же заканчивается».

«Только не говори, что для тебя он тоже был Синей Бородой».

«Подожди, пока я все тебе расскажу, и сам сделай выводы, Кракен».

«Отлично, начинай», — сдался я.

«Моя сестра Асунсьон погибла при весьма сомнительных обстоятельствах. Я всегда была убеждена, что именно Сауль толкнул ее в колодец, хотя у меня нет ни малейшей надежды на то, что через столько лет вы сможете доказать его вину и посадить. По крайней мере, я могу остановить кровопролитие, которое началось по его вине».

«То есть все началось по вине Сауля...»

«Это долгая история».

«Чем скорее ты начнешь...»

«Ладно. У Сауля и Сары, его старшей сестры, всегда были странные отношения. Они принадлежали к одной из коренных семей в Сантьяна-дель-Мар, о них много чего поговаривали... Мать, в последние годы жизни больная и сломленная, как это нередко случалось с женщинами в прежние времена. Отец, человек жесткий и не в меру религиозный, тоже из тех, что встречались раньше. Спартанские условия, библейские имена, воскресные

двенадцатичасовые мессы... Умерли они довольно рано, надо заметить. Брат и сестра в этих обстоятельствах очень сблизились, и никто не мог сказать, почему Сауль приударил за моей младшей сестрой. В то время она была совсем еще ребенок — развилась довольно поздно. Тем не менее сестра тоже была очарована Саулем, как и все девчонки в деревне. Они поженились совсем юными и родили Ребекку в восемнадцать лет».

«Очень интересно».

«Сауль полностью отрезал мою сестру от остального мира — он был не только очаровашкой, но и ужасным собственником. Оторвал ее от меня и моей семьи. Оправданием была Ребекка, всегда и всюду Ребекка. Я часто бывала в их шале, навещала сестру и племянницу, почти всегда по секрету от Сауля. Он меня недолюбливал, как и всю нашу семью. Иногда я думала о том, чтобы плюнуть и оставить их в покое, но я ему не доверяла. Я не доверяла позолоченному миру Сауля, той идеальной жизни, которую он пытался перед всеми представить».

«Почему, Голден?»

«Сейчас объясню. После смерти сестры я продолжала общаться с Ребеккой, почти всегда за спиной у Сауля. Я была ее крестной матерью, и мы всегда были очень близки, удавалось мне повидаться с ней или нет. Потеряв мать, девочка сильно страдала, но была очень привязана к отцу. Тот изолировал и ее. Между Саулем, Ребеккой и Сарой сложились нездоровые отношения, Сара превратилась в ее вторую мать и была с ней очень строга. Девочка обладала богатым воображением, а отец забивал ей голову образами из древней истории, обрядами, магическими местами. Ребекка пряталась в воображаемом мире, погрузилась в книги, которые заставлял ее читать отец, чтобы заслужить его похвалу. Без моей сестры их отношения стали очень странными».

До сих пор я был согласен с Голден. Я замечал это и в лагере: взаимозависимость, постоянная привязка друг к другу...

«Иногда я не видела Ребекку месяцами. После лагеря, где был ты и другие жертвы, я ее навестила. Она очень изменилась, выглядела отстраненной, почти взрослой. И очень печальной. Я за нее беспокоилась. Она не хотела ничего мне говорить, и меня это пугало. Однажды в апреле 1993 года я заехала к ней в шале. Сауль был в университете, а сама Ребекка собирала вещи и складывала их в

рюкзак. Она была в плохом состоянии, в физически плохом. У нее распух живот, она не могла спрятать его под майкой. Я посмотрела внимательно — и потеряла дар речи, Кракен».

«Она была беременна?»

«Именно что была. Она родила несколько дней назад в своем собственном доме, при помощи Сауля и Сары. Ребенок умер — крошечный мальчик, который родился недоношенным, так пояснили его отец и тетя. Ничего удивительного: Ребекке тогда было четырнадцать, она сама была ребенком».

«Кто был отцом?»

«Сауль».

«Сауль?!»

«Да, Кракен. Саулю нравились совсем юные девочки, еще не сформировавшиеся. В деревне ходили безумные слухи...»

«Поясни, что значит «безумные слухи».

«Люди видели, как Сауль и его сестра Сара ходят, взявшись за руки, целуются, касаются друг друга, лежат в стогу сена... И все это с самого детства. Это были типичные деревенские байки, истории о кровосмешении. Но старшая сестра выросла, и истории прекратились; они больше не выглядели такими близкими. Сауль потерял к ней интерес, как только она стала взрослой женщиной».

Я попросил ее продолжать, хотя не был уверен, что способен выслушать за одно утро столько мерзостей.

«Вот почему он так рано женился на моей сестре. Вот почему избавился от нее, когда она повзрослела: в тридцать лет у нее уже были вполне женские формы. Она перестала его интересовать. По ее словам, он месяцами не проявлял к ней ни малейшего интереса в постели. Когда Ребекке исполнилось двенадцать, моя сестра оказалась в доме лишней».

«Ребекка рассказывала тебе, что отец с ней сделал?»

«Да, Унаи. Бекка поклонялась отцу, он был для нее божеством. Представь себе шок, когда твой тринадцатилетний мозг сталкивается с подобными реалиями. Ты любишь отца, боготворишь его, а он тобой пользуется».

«И что ты сделала, когда все это узнала?»

«Забрала ее оттуда. Помогла сбежать».

«Ты инсценировала ее исчезновение?»

«Я инсценировала убийство. Я хотела подставить Сауля, чтобы он заплатил за то, что сделал. Я убедила Ребекку убежать со мной, сделала новое удостоверение личности и паспорт, уговорила уехать вдвоем из страны, чтобы никогда больше не слышать об ее отце, — но для этого пришлось убедить самого Сауля, что она мертва».

«Так это ты отправила фотографии в газету и придумала кельтский обряд в Фонтибре?»

«Я сделала фотографии и отправила в газету. Мне казалось, этого достаточно, чтобы подставить Сауля. Но его так никто и не обвинил, даже не заподозрил. Это же заклинатель змей, прирожденный манипулятор. Идея принадлежала самой Бекке: я подвешиваю ее за ноги с головой в реке, все в соответствии с кельтским обрядом, и делаю снимки. Она в этом отлично разбиралась — ведь отец всю жизнь вбивал ей в голову кельтские заморочки. Я была уверена, что почерк его выдаст, но ничего не получилось».

«Видишь ли, Голден, то, что ты сделала, считается инсценировкой преступления, а это преследуется по закону».

«Вот почему я переписываюсь с тобой, используя данные украденной SIM-карты, и когда вы ее вычислите, она никуда вас не приведет».

«Так я и прикидывал», — подумал я, но ничего не написал.

«Вы отправились в Амстердам?»

«Вижу, ты зашел дальше, чем я думала... Мое почтение, Кракен». Я проигнорировал комплимент, ибо не заслуживал его.

«Неужели никто не заметил, что с тобой четырнадцатилетняя девочка?»

«Не буду рассказывать тебе о своих связях на тогдашнем черном рынке. Мы купили новые документы, и я стала приемной матерью Ребекки. Устроилась в «Циско» под новым именем. Это были очень хорошие, счастливые, спокойные годы. О прошлом мы с Беккой старались не вспоминать».

«А Сауль не пытался связаться с тобой, когда пропала его дочь? И неужели тебя не допросила полиция?»

«Нет, я же говорила тебе, что у нас с Саулем отношений практически не было, а моя тогдашняя жизнь не предполагала постоянного места жительства. Думаю, полиция так и не нашла

оснований меня допрашивать — я была всего лишь родственницей, не поддерживающей связи с семьей».

«Хорошо, продолжай».

«Ребекка была очень хорошей ученицей — правда, держалась всегда особняком, друзей у нее не водилось. Она защищала свой внутренний мир, избегая других детей. Мне не казалось это странным, учитывая обстоятельства. Она была полностью погружена в себя. По моей работе мы ездили в командировки в другие европейские города — Париж, Милан, Женева... Я любила ее как дочь, которой у меня никогда не было, я была ей как мать, я очень старалась быть хорошей матерью... но у меня ничего не получилось».

«Почему ты так говоришь?»

«Меня не было с ней рядом, когда начались все эти внутренние перемены».

«Где сейчас Ребекка?»

«Я ищу ее с тех пор, как поняла, чьих это рук дело. Все началось в тот день, когда ты явился ко мне со сломанным мобильником и я увидела кельтскую Тройную Смерть. Я отследила все продажи шокеров «Тейзер». Ни одна ниточка не привела меня к Бекке, но я знаю, что за всеми этими убийствами стоит она, это ее почерк. Не забывай, что, прожив столько лет рядом со мной, она знает все о компьютерной безопасности».

«Скажи лучше, о благородном искусстве хакинга».

«Называй как хочешь, но отнесись к этому серьезно. Ребекка идет за тобой по пятам».

«Я в опасности?»

«В опасности все, кто, по ее мнению, не должен становиться отцом или матерью. Мне жаль, что я вмешиваюсь в твою личную жизнь, но я стала свидетелем вашего общения с Альбой Диас де Сальватьерра... по крайней мере, того, что зафиксировано в письменной форме. Если ребенок твоей начальницы — твоя работа, то ты в опасности. Если же отец кто-то другой, то нет. Заяви об этом публично, скажи всем, что ты не отец, — и спасешься. Лучше поступить так и выжить, чем лишить ребенка отца, правда же? А то обоим родителям будут носить цветы на кладбище».

«Я разберусь с этим раньше, чем ты думаешь», — подумал я.

«А Асьер? Он тоже в опасности?» — спросил я, чтобы сменить тему.

«Если в этой серии вашего кино Асьер еще жив, опасность ему не грозит. Думаю, Ребекка выведала у Аннабель имя настоящего отца, потому и убила Хоту. Лучо будет в безопасности до тех пор, пока от него никто не залетит».

«Надежный метод контрацепции под названием Ребекка», — подумал я.

«Я пишу тебе лишь для того, чтобы предупредить тебя, Унаи. Я должна рассказать тебе, что представляет собой Ребекка».

«Говори».

«Обаяние и способность манипулировать она унаследовала от отца. Он был фантастически расчетлив, ничего не делал просто так. А еще я быстро обнаружила, что она избалована. Сауль баловал ее, удовлетворял все ее прихоти, чего я не могла, да и не хотела себе позволить, тем более в таком суровом обществе, как голландское. Ребекка продолжала изучать историю самостоятельно, посещала музеи... Однажды она увидела объявление о временной экспозиции в амстердамском Историческом музее. Она пришла в восторг, потому что прочитала в рекламе, что там будет выставлен котел из Гундеструпа».

«Да, я слышал про эту штуковину».

«Через несколько дней она рассказала, что хочет устроиться в музей волонтером, и несколько дней следила за персоналом, нанятым для выставки. В один прекрасный день сбила на велосипеде одну из стипендиатов, сломала ей лодыжку — и отправилась в отдел кадров, как только пострадавшая сообщила в музей, что ей пришлось взять больничный. Ребекка подала поддельное резюме, устроилась на работу на пару недель и украла бесценный котел. И все это лишь для того, чтобы провести чертов ритуал, используя в качестве жертв домашних животных, принадлежавших соседям. Она рассказывала об этом как о невинной шалости, свято веря в то, что я буду гордиться ее отвагой и предприимчивостью. Котел она потом подбросила обратно в музей».

«Как ты ей разрешила, Голден? Не думал, что ты склонна поощрять такие действия».

«Я очень разозлилась. Ты даже не представляешь, как меня это взбесило. Но Бекка меня не понимала. Для нее эти кошки и собаки не имели ни малейшей ценности, она очень гордилась своим подвигом. Я выгнала ее из дома».

«Что?»

«Она была совершеннолетней, а за время нашей совместной жизни я дала ей достаточно навыков, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Подарила ей новую личность. За годы, прожитые вместе, от нее требовалось соблюдать одно-единственное условие: она не должна искать отца, отслеживать его, делать попытки с ним связаться. Сауль был опасен, у его сестры имелись связи в официальных структурах, и я запросто могла оказаться в тюрьме за похищение несовершеннолетней. Но те давние события в Кабесон-дела-Саль стали ее навязчивой идеей. В том, что с ней произошло, она обвиняла четверых виторианцев и девушку, переспавшую со всеми четверыми. Когда ты принес мне сим-карту, я поняла, что ты — один из них».

«Значит, ты ничего о ней не знаешь с тех пор, как...»

«С 1998 года. Никогда себе не прощу. Надо было отвести ее к психологу, помочь измениться... А я вместо этого выгнала ее из дома. Как ты думаешь, Унаи, могла ли она измениться? Вряд ли, она была так одинока... Но, кроме пятерых студентов, в лагере был еще один человек, которого она ненавидела. Узнав из твоего мобильного, что Бекка начала убивать, я была уверена, что она придет и за мной. Видимо, она решила свести счеты с прошлым».

«Но в любой преступной карьере существует триггер, травматический фактор, точка невозврата, которая заставляет человека решиться и начать убивать, — написал я. — Как думаешь, что подтолкнуло ее к убийству после стольких лет?»

Несколько секунд чат молчал, Голден не отзывалась.

«У меня есть теория: юные самоубийцы», — наконец ответила она.

«Ты имеешь в виду Химену Товар?»

«Да, ту девочку, которую Сауль удочерил после исчезновения Ребекки. Думаю, Ребекка услышала новость и решила, что Химена покончила с собой из-за того же самого, что Сауль некогда проделал с ней, из-за тех же мерзостей. Возможно, это и стало триггером: Ребекка

взялась за дело и попыталась связаться со всеми вами. Если только она не сделала этого раньше».

Я подумал о том, как в 2014 году впервые готовился стать отцом. Я спрашивал себя, верна ли теория Голден, не следила ли Ребекка за нами уже тогда, не покусилась ли она на мою жизнь, если бы беременность Паулы не оборвалась так внезапно. Я отогнал от себя эту мысль: нужно было сосредоточиться на настоящем.

«Вот зачем ты подделывала аккаунты в группах суицидников...»

«Я так и не нашла следов Химены Товар, но уверена, что рано или поздно найду. Я хотела знать причины ее самоубийства. Эти ребята обычно довольно откровенны, когда скрываются под ником. На форумах, где я тусовалась, обнаружилось много чего: дети, готовые покончить жизнь самоубийством после издевательств в колледже, девочки, страдающие анорексией, любовные драмы... были и жертвы насилия, довольно много жертв насилия, о котором не знали даже самые близкие люди».

«И все же почему Ребекка хочет отомстить нам, а не Саулю?» — спросил я.

«Разве тебя не учили, как помочь жертвам сексуального насилия, Кракен? Среди них нет никого, кто не чувствовал бы себя виноватым: «Я не должна была идти с ним», «Я не должна была приглашать его домой», «Я не должна была надевать эту юбку», «Я не должна была целовать своего папу», «Я не должна была...». Годы напролет я выслушивала, как Бекка оправдывает Сауля всякий раз, когда я его обвиняла. Она защищала его и одновременно ненавидела; у нее комплекс Электры, она это знает и чувствует себя виноватой. Свою ненависть она направила на вас. Сауля она и пальцем не тронула бы, она слишком его любит. Она все еще влюблена в него. Это похоже на болезнь: для нее он по-прежнему самый прекрасный отец в мире, самый умный, самый добрый. Она все еще жертва его обаяния».

Да, она была права: если это дело рук Ребекки, я означал для нее то же самое, что Аннабель Ли и Хота.

«Подскажи мне что-нибудь, чтобы я не сидел сложа руки, Голден. Получается, ты не даешь мне никаких улик, которые я мог бы представить своему руководству. Скажи, под каким именем скрывается Ребекка?»

«Пока не знаю, но будь уверен, что четверо из лагеря с ней встречались, она где-то совсем рядом».

«Тогда с чего мне начать?»

«С любой мелочи, которая поможет ее разоблачить. Например, имена. Ребекка никогда ничего не делала просто так. Эта макиавеллиевская черта также досталась ей от отца. Не забывай, она превосходный манипулятор и первоклассный хамелеон... Ребекка может подкрасться с любой стороны, пока ты разбираешься с делом».

«Я все еще не получил от тебя никаких указаний, кроме самой истории, которую ты не можешь доказать, потому что сама вне закона. Они не поверят мне, Голден. В полицейском участке мне не поверят, и судья не пойдет мне навстречу».

«Это все, Кракен. Я и так здорово рискую, а я вовсе не сестра милосердия. Начиная с этой минуты действуй самостоятельно. Я рассказала тебе все, что знаю, и больше на меня не рассчитывай. Я хочу жить спокойной жизнью, если только Ребекка не придет и за мной. Пока, Кракен. Это прощание».

«Подожди! — остановил я Голден. — Если мне от тебя что-то понадобится, я нарисую у себя на балконном стекле черный крест, хорошо?»

Но секунду спустя экран потемнел, и у меня возникло сомнение, встречу ли я еще когда-нибудь в жизни с неуловимой Голден Герл.

Я зашагал по тропинке через парк и сел в машину. Когда вернулся домой, мозг у меня кипел. Еще бы — мне предстояло сразиться с Ребеккой!

Если я — отец нашей с Альбой дочери, она попытается меня убить. Если отец — Нанчо, я вне опасности.

Это был вызов мне лично. А заодно и моей дочери.

Закрыв за собой входную дверь, я достал новый мобильный и позвонил Тасио в Лос-Анджелес.

— Как продвигается сериал? — поинтересовался я.

— Живу в бешеном ритме, как типичный шоураннер... Ты представляешь, который сейчас час в Калифорнии?

Я проигнорировал его комментарий, хотя и отметил, что около пяти утра.

— Скажи, ты уже написал сценарий «Жала Белого города»?

— Как раз этим занимаюсь, но еще не закончил. А почему ты спрашиваешь, Кракен? — В его голосе прозвучало любопытство. Наконец-то мне удалось его разбудить.

— Я должен рассказать тебе кое-что новое, и ты сможешь использовать это для работы.

— Если это обогатит сюжет, я само внимание.

47. Деба

18 июля 1992 года, суббота

Все произошло тихой ночью, в ардору, на пляже, названном именем кельтской богини.

Для Ребекки все было как в легенде: одна волна из молока, другая из слез — ее собственных слез, третья же волна оказалась кровавой.

— Ты этого хотела? Это то, о чем ты мечтаешь? — шептал ей на ухо Сауль, и в его голосе полыхала ярость, обжигавшая кожу, как лава.

Ребекка молчала, она не могла говорить.

— Ты больше не можешь так вести себя, деточка. Ты не можешь и дальше говорить все, что вздумается. Ты разоришь семью, ты разоришь меня. И я не хочу... не хочу снова класть тебя в больницу. Ты должна вылечиться, но мы постараемся обойтись без больницы. Пообещай, что ты постарайся.

Ребекка кивнула, и Сауль немного успокоился.

Он встал, посмотрел на часы.

В том темном уголке пляжа больше никого не было.

— Зайди в море и вымойся хорошенько, только быстро, — приказал он дочери. — Трех волн достаточно.

Ребекка ненавидела его за эти слова.

Не только из-за страданий, не только из-за обманутого доверия. А еще из-за цинизма Синей Бороды, позволявшей себе насмехаться над ритуалами, изгадить то, что еще совсем недавно их объединяло. Ребекка поклялась себе, что не станет историком. Никогда больше не будет она заниматься этой наукой.

Она навсегда возненавидит историю, кельтов, легенды, прошлое... Да, прошлое. Это случилось только что, но Ребекка уже знала, что всю жизнь будет ненавидеть собственное прошлое.

* * *

Первый опыт Унаи выглядел совсем по-другому.

Аннабель ждала его на пляже, где все покрывала ночная тень, и даже сияние ардоры не было достаточно сильным, чтобы различить ее черты.

Унаи не хотел выглядеть неопытным девственником, не желал, чтобы она уселась на него сверху. Он нашарил несколько маленьких ракушек и провел ими по ее телу в тех местах, которые не закрывало платье. Удивленная его инициативой, Аннабель тихонько мурлыкала — прикосновение ракушек волновало. Унаи воспользовался ее слабостью и сжал одной рукой оба ее запястья. Он не хотел, чтобы она контролировала ситуацию, как с Хотой или с Асьером. Пусть с ним все будет по-другому. Сорвать с нее маску безразличия, проверить, бьется ли под этой лунной кожей живое сердце или это всего лишь бездушная скорлупа.

И когда она в нетерпении попыталась раздеть его, он ей не позволил.

— Только без рук, договорились?

Ее расширенные зрачки заблестели.

— Хорошо, — согласилась она. — Это будет не так круто, но...

— Забудь о крутизне.

И Аннабель принялась зубами стягивать с него футболку с «Нирваной». Они немного посмеялись, пока она тщетно пыталась это сделать, так и не добившись успеха. Касаясь его ртом, зубами, увлажняя слюной, Аннабель Ли добралась до талии Унаи, который боялся щекотки, и это завело его не на шутку. Потом настала очередь брюк — это оказалось немного сложнее, потому что ширинка готова была лопнуть.

Затем Унаи перехватил инициативу и скинул зубами лямки ее платья. Некоторое время он наслаждался ее шеей, плечами, грудями и пупком. Они терлись друг о друга, катаясь по песку. Но когда Унаи проник в нее, он внезапно увидел перед собой всего лишь пятнадцатилетнюю девушку, которая веселилась так же, как и он сам. И это было то, чего он хотел — да, именно то, чего хотел.

Когда они закончили, Унаи на секунду отключился. Он с удовольствием подремал бы прямо на пляже, но Аннабель уже была озабочена чем-то другим и пристально всматривалась в циферблат на часах.

— У нас есть полтора часа, пока все не вернется из города. Пойдем в автобус. Сауль дал мне ключи. Я хочу сделать это еще раз, Унаи, но там удобнее и нет песка.

Что мог Унаи сказать на это? Они оделись, стряхнув с одежды песок, смеясь и подшучивая друг над другом, и вскоре две тени зашагали к стоянке, где их ждал закрытый микроавтобус.

Аннабель Ли открыла заднюю дверцу, и они забрались внутрь по крутой лестнице. Полутьма возбуждала. Им не нужно было ничего, только смотреть друг другу в глаза, но затем они сорвали одежду прямо посреди двух рядов кресел, чтобы снова соединиться. Унаи понятия не имел, что Аннабель Ли солгала ему, назвав неверный час, и оставила дверцу открытой.

Он догадался об этом сам, в какой-то миг его осенило предчувствие, — но подвыпившие Хота, Лучо и Асьер уже залезли в автобус и обнаружили их в тесных объятиях друг друга.

48. Арния

10 января 2017 года, вторник

— Ты должен был предупредить меня, это просто безумие, — повторяла Эстибалис за рулем, направляясь в Сантандер.

Она была зла, по-настоящему зла. А заодно и обижена.

— Альба уже сделала мне втык; можешь сменить тему?

— Нет, не могу. Это полное самоуправство, ты ужасно рисковал. А что, если это была ловушка? Ты запросто мог повиснуть на сосне башкой вниз!

— На тополе.

— Что?

— На берегу Задорры растут сплошные тополя и несколько дубов.

— Не будь таким легкомысленным, Кракен. Еще немного — и я отстраню тебя от расследования.

— Голден поставила условия, и мы не узнали бы... мы не узнали бы того, что она сообщила, если б я не согласился.

— И что она сообщила, а, Унаи? Что? У нас нет ни одного доказательства, чтобы показать судье; зато появилась еще одна линия расследования, которую мы должны сегодня же отработать. Эта линия только застопорит дело, в котором мы и так не добились особых результатов. Теперь я лучше понимаю Альбу, когда она нас подгоняет. У меня ничего нет... у нас ничего нет, — поправила она саму себя. — Только котлы, которые появляются и исчезают, оказываются на месте преступления без каких-либо физических улик, поддерживая диковинные теории. До сих пор наш единственный успех — доказательства того, что Ана Белен с Хотой ждали ребенка.

Я благоразумно умолк — и помалкивал до конца пути. В течение нескольких недель Эстибалис находилась под безумным давлением, и нервы у нее были на пределе. А я получил серьезную взбучку, когда рассказал Альбе о том, что произошло в урочище Атча.

Похоже, ни на одну из них не произвели впечатления откровения Голден, как будто моя безопасность волновала их больше всего. Я был расстроен, очень расстроен. Но больше всего мне хотелось увидеть лицо Сауля, когда он узнает, что Ребекка жива.

Мы прибыли в Университет Кантабрии и вновь спросили о Сауле Товаре. Нам назвали аудиторию. Занятия заканчивались через десять минут; мы прокрались через заднюю дверь и услышали конец его лекции.

Он рассказывал о жертвоприношениях в кантабрийских племенах. Отличная тема, что и говорить. Я наблюдал, с каким упоением слушали его студенты. Почти все они были девушками. Надо признать, вкус у них был превосходный. Излагая свой материал, Сауль весь светился — и, казалось, даже помолодел. Он владел аудиторией так, как актер на сцене владеет своими зрителями. Больше всего его лекции подошло бы название «перформанс».

Но в какой-то момент, когда лекция уже подходила к концу, Сауль всмотрелся в глубину круглого зала и увидел нас: мы стояли, прислонившись к стене. Его взгляд стал жестким — не знаю, заметил ли это кто-нибудь из студентов.

— На сегодня все. Завтра продолжим, — сухо оборвал он сам себя, не договорив, что, черт возьми, кантабрийцы делали с козами, которых приносили в жертву.

Пара студенток обменялись недоуменными взглядами, потом все собрались и молча двинулись на выход, но, прежде чем покинуть аудиторию, подошли к нему, чтобы разрешить сомнения, получить ответ на вопрос, поблагодарить за потрясающую лекцию, попросить о руководстве научной работой...

Сауль задержался — нужно было собрать материал и выключить проектор. Мы дожидались, чтобы остаться с ним один на один и спокойно поговорить.

— Вы снова здесь. Я же вам все уже сказал. Я не хочу, чтобы вы здесь появлялись. Я подам на вас в суд за домогательства, — сердито зашипел он, не глядя на нас, убрал пульт от проектора в ящик и запер его на ключ.

— Сауль, у нас появилась новость, связанная с Ребеккой. Это важно, — начала Эсти, пристально глядя в его колдовские глаза.

По выражению ее лица Сауль понял, что произошло что-то серьезное. Он стоял неподвижно, словно ожидая удара, который вот-вот обрушится на него с небес.

— Что-то новое о Ребекке? — Его голос прозвучал напряженно, но чувствовалось в нем и облегчение.

— Да, — ответил я.

Сауль вздохнул, снова набрал воздуха в легкие, устремил взгляд в пол и упер руки в бока, словно стараясь удержать равновесие.

— Тогда нам лучше поговорить в более уединенном и приватном месте. Например, у меня дома. Следуйте за мной на своей машине, и там мы все спокойно обсудим.

Мы с Эсти обменялись взглядом. В его словах снова звучал какой-то подвох. Кроме того, я, к сожалению, знал это место. Оно отпечаталось в моих самых черных воспоминаниях.

— Ладно, я поеду в твоей машине, а инспектор Гауна последует за нами, — сказал я.

Тон моего голоса не оставлял им выбора. Когда мы покидали аудиторию, Эсти бросила на меня испепеляющий взгляд. Сауль шел впереди, и я кивком указал на свой пистолет, спрятанный под курткой. Да, я его захватил. На всякий случай.

Мы добрались до дома Сауля Товара на Коста-Кебрада всего за двадцать минут. Сауль жил в разбросанном по склону поселке с видом на бухту Арния и пляж.

За двадцать пять лет там почти ничего не изменилось.

Дом явно был ему велик. Все в нем выглядело очень по-мужски; нигде не было заметно следов дочери, жившей здесь всего несколько месяцев назад. Огромная гостиная, скорее библиотека, вся заставленная книгами, некоторые из них лежали на полу стопками. У меня было ощущение, что я проник в его мозг. Саулю явно было не по себе, пока мы незаметно осматривали его жилище.

Каминную полку украшала реплика кантабрийской стелы со знаменем и небольшая коллекция кинжалов и наконечников от копий — я так и не понял, было ли это оригинальное кантабрийское оружие, насчитывающее более двух тысячелетий, или же скромные копии с оригиналов, найденных в продолжение целой жизни, проведенной на урочищах, — я не обладаю достаточными познаниями, чтобы что-либо утверждать.

— Давайте лучше поговорим на террасе, морской бриз разряжает обстановку, — нервно предложил Сауль.

Мы с Эсти согласились и перешли на террасу в задней части дома, откуда можно было напрямик добраться на небольшой пляж Арнии. На востоке виднелись очертания утесов Лиенкрес и остров Кастро.

Эсти была в восторге от сурового скального пейзажа; я же отлично знал коварство этого моря, я так и не примирился с прошлым, и растущее напряжение, которое я постоянно ощущал, вернувшись в это проклятое место, разъедало оставленный пулей шрам у меня на голове.

Наверное, виной тому была всего лишь сырость. Неприятные ощущения, не более.

Мы уселись в деревянные кресла, слишком большие для крошечной Эсти, утонувшей в огромных подушках, и ждали приглашения что-нибудь выпить, которое так и не последовало.

— Итак, вы хотите сказать, что нашли тело Ребекки? — сказал Сауль, потирая руки, которые, как мне кажется, он плохо контролировал.

— Нет, Сауль. Тело Ребекки не найдено. Скорее всего, его не найдут никогда, учитывая поворот, который приобрело расследование ее исчезновения в последние дни. Видите ли, у нас есть весьма достоверные сведения о том, что она жива.

Огромные руки Сауля, всегда такие выразительные, резко затормозили и застыли в неподвижности.

— Как... Что значит «жива»?

Он откинулся на спинку кресла, потом улыбнулся. Это была самая настоящая, самая искренняя улыбка, которую я видел в последние столетия.

— Но... а фотографии? Мы же сами видели ее мертвой! На фото была моя дочь, не какая-то другая девочка. Это была Бекка... и она была мертва.

— По сведениям, которые мы получили, Ребекка сбежала из дома и инсценировала свою смерть, чтобы ее не искали. Она сама изготовила и выслала фотографии, притворившись на них мертвой.

— Значит, это правда... она жива... И вы это обнаружили, а я так долго не верил в вашу эффективность! Вы не знаете, как страстно я мечтал услышать эти слова, эту потрясающую новость... — произнес Сауль хриплым от волнения голосом.

Он поднес руки к лицу и смущенно вытер слезы — воплощение радости, облегчения, неподдельных чувств человека, ставшего свидетелем чуда. Затем неуклюже поднялся с кресла и подошел ко мне, желая меня обнять. Я поспешно вскочил и тоже обнял его.

Это было крепкое, искреннее объятие истинной благодарности. Такое в нашей работе встречаешь нечасто. Я толком не знал, как на это реагировать. Я знал наизусть все правила, как сообщать хорошие и плохие новости, однако в этот момент ничего подходящего на ум не приходило.

— И... где она? Могу я ее увидеть? Можно с ней поговорить? Мне так много нужно ей рассказать...

— Сауль, похоже, вы нас неверно поняли, — прервала его Эстибалис похоронным голосом. — Вам лучше вернуться назад в кресло.

— Так жива она или нет? — нетерпеливо переспросил он, ничего не понимая. — Не шутите с этим, прошу вас. Я и так достаточно настрадался.

— Как мы уже объясняли, нам удалось получить свидетельские показания, и у нас появилась новая версия, которую еще предстоит проверить. У нас нет доказательств того, что эти показания верны, но мы решили, что в первую очередь следует сообщить о них вам. Вы хорошо знаете свидетельницу — она член вашей семьи — и должны рассказать о ней как можно больше, чтобы мы поняли, можно ли относиться к ее словам серьезно.

— Женщина — член семьи? Но это же не моя сестра Сара? Сара не могла сказать вам ничего подобного...

— Это не Сара, Сауль, — перебила его Эсти.

Перебила не очень вовремя. Мне хотелось бы услышать, чем закончится его фраза.

— Кто же тогда? У меня не такая большая семья.

— Твоя невестка, Лурдес Переда.

— Что? И вы доверяете этой мошеннице? — воскликнул он, и щеки его покраснели от напряжения.

Приблизительно такой реакции я и ожидал. Голден, похоже, тоже не очень доверяла Саулю, учитывая серьезность ее обвинений.

— Твоя невестка утверждает, что навещала Ребекку в этом доме в апреле девяносто третьего года, в день ее исчезновения. Она обнаружила, что девочка складывает вещи в рюкзак, поскольку решила уйти из дома: она только что родила, потеряла ребенка и решила уйти. По показаниям Лурдес, она вместе с твоей дочерью подделала фотографии, чтобы все считали Ребекку мертвой и больше не искали.

Они не хотели, чтобы полиция заподозрила, что Ребекка жива и сбежала.

— И что она сделала с Ребеккой? Куда она ее увезла? Невозможно спрятать четырнадцатилетнюю девочку, чтобы этого никто не заметил!

— Она рассказала, что обратилась на черный рынок и купила Ребекке фальшивый паспорт. Много лет они жили в Амстердаме, где твоя невестка работала в компании «Диско». Она утверждает, что подделала бумаги, сделав Бекку своей приемной дочерью.

— Амстердам... я оплакивал ее в Фонтибре, а вы говорите, что Ребекка преспокойно жила в это время в Амстердаме?

— Как ты оцениваешь... вероятность того, что это правда? — осторожно спросил я, хотя вышло, возможно, чересчур резко. Я тоже был напряжен и взволнован.

— Мне сложно представить, что Ребекка меня бросила.

Я не знал, как реагировать на столь категоричную фразу.

— Объясните подробнее, — попросила Эсти.

— Я не хочу говорить сейчас об этом. Ваш источник, то есть моя невестка, была позором всей семьи. Они с женой почти не общались. Лурдес всегда была манипулятором и мошенницей. Не исключено, что ей и в тюрьме довелось посидеть — я десятилетиями ничего о ней не знал. Ходили слухи, что она чуть ли не деньги фальшивые печатала. У нее не было постоянного места жительства, она постоянно пряталась от закона. Моя жена очень страдала из-за Лурдес, ее махинации подкосили здоровье моих тестя и тещи... Не знаю, честное слово, не знаю, как относиться к тому, что она вам рассказала.

— Любопытно... А вот твоя невестка утверждает, что это ты прятал от нее сестру, женившись на ней, когда она была еще совсем девочкой.

— У нас с Асунсьон была настоящая любовь. Не трогайте ее, — выпалил Сауль не задумываясь.

— Кто мы такие, чтобы судить об этом... Мы просто передаем вам ее слова и ждем любых аргументов, которые вы сочтете уместными, — терпеливо отозвалась Эстибалис. — Мало того, она подозревает, что смерть ее сестры не была случайной.

— Закончим этот разговор. Кому вы верите: преступнице, признавшейся, что она похитила несовершеннолетнюю, изменила ей имя и годами держала при себе, или вашим коллегам из полицейского

участка Сантандера, которые обследовали колодец, куда упала Асунсьон, и не обнаружили никаких признаков дурного умысла?

— Мы верим тебе, Сауль, — вмешался я. Нам действительно нужно было ему доверять, потому что самая тяжелая часть разговора ждала впереди. — Мы не доверяем ее показаниям.

Казалось, мои слова немного его успокоили.

— А теперь нам предстоит обсудить с тобой очень деликатный вопрос, Сауль. Перейдем к тому, что ты только что сказал: якобы тебе трудно представить, что... Ребекка тебя бросила. — Я набрал воздуха в легкие, чтобы продолжить: — По словам твоей невестки, Ребекка утверждает, что ты надругался над ней.

Сауль пригладил волосы и уставился в море, медля с ответом.

— Похоже, эта история будет преследовать меня вечно, — пробормотал он, словно нас рядом не было и он разговаривал с самим собой.

— Можно подробнее?

— Ребекка и раньше рассказывала эту историю, но никто ей не верил. Вот почему мы положили ее в больницу за несколько месяцев до лагеря, где был и ты, Унаи.

— В лагере она рассказала об этом Хоте, и тот не поверил ее словам; но ведь жаловалась Ребекка именно на это, верно?

— Раз уж мы коснулись этой темы, вы должны сами увидеть документы, — сказал Сауль, вставая с кресла.

Он вернулся в дом и поднялся по лестнице наверх.

Эсти направились вслед за ним. Я знал, что моя напарница тоже вооружена, но все равно забеспокоился, когда она последовала за Саулем, окликнув его: «Подождите, я вас провожу».

Я тоже вошел в гостиную, положив руку на пистолет.

Из кобуры я его так и не вынул, но внимательно прислушивался к любому шороху или призыву, которые могла издать Эсти.

Потом наступила тишина, которая показалась мне если не вечной, то очень долгой.

«Хватит ерундой страдать, ступай наверх», — сказал бы мне дед; я решил послушаться его совета и подошел к лестнице.

Подниматься мне не пришлось — они уже спускались.

Сауль держал под мышкой папку с документами. Эстибалис предупредила меня взглядом, чтобы я оставил пистолет в покое.

В этот момент я понял: то, что видела или читала Эсти, в очередной раз изменит ход всего расследования.

49. Утес Мансано

19 июля 1992 года, воскресенье

Ранним утром их разбудило предчувствие грозы. Удушливая жара последних дней сгустилась, и воздух был насыщен электричеством. Одной искры было бы достаточно, чтобы небеса разнесло в клочья.

Примерно так же чувствовал себя и Унаи. В семь утра он вылез из мешка в последний раз и с некоторой досадой заметил, что Аннабель и Лучо, как обычно, на рассвете, отправились на утреннюю прогулку по секвойной роще. Он повторял себе, что это не имеет значения: недаром накануне вечером Аннабель заявила, что к нему она относится совершенно иначе, чем к Хоте или Асьеру.

Потому что он особенный, уникальный.

Так, по крайней мере, шептала ему на ухо Аннабель Ли.

Он спустился по лестнице и вошел в пустую столовую. Двигаясь, как автомат, и перебирая в памяти ласки и касания, их яростные движения и укусы — ох уж эти укусы! — направился в кладовую и взял последнюю плитку шоколада, оставшуюся у них в запасе и купленную на общие деньги.

Унаи не был халявщиком — дед учил его уважать чужое добро и действовать благоразумно в любых обстоятельствах, — но в тот день даже не заметил, как уселся за общий обеденный стол и в один миг покончил с целой плиткой шоколада из Сантильяны. Он рассеянно смотрел в какую-то точку на некогда белой стене, а в его голове, как поцарапанный диск, крутилось все то, что произошло за последние несколько часов.

Это было похоже на состояние шока.

Жизнь могла быть прекрасной, когда не была ужасной.

* * *

Ребекка тоже провела ночь в шоковом состоянии, свернувшись клубочком в своем спальном мешке. Она прислушивалась к каждому шороху: что, если Синяя Борода вернется?

Девушка слышала, как тарахтят автомобили, припаркованные возле дома. Она знала лагерные обычаи. В последний день туда съезжались студенты, которые работали в прошлые годы, и торжественно закрывали очередной сезон.

Ребекка не хотела спускаться завтракать со всеми, но ее присутствия никто и не требовал — даже отец оставил ее в то утро в покое.

Она настороженно прислушивалась к суете, смеху и болтовне последнего завтрака, стараясь сделаться очень маленькой, чтобы никто не обратил внимания на ее присутствие, вернее, отсутствие.

Двигатели снаружи завелись, и звук их вскоре пропал. Накануне Сауль объявил, что последнее утро они проведут на скалах возле его шале, между пляжами Портио и Арния, в полчаса езды от Кабесонде-ла-Саль.

Хоть бы они заблудились, подумала Ребекка.

Пусть они все сгинут.

Она мечтала об одном: чтобы проклятый лагерь наконец закончился. Однако перспектива вернуться домой наедине с Синей Бородой также приводила ее в ужас.

Ребекка услышала тяжелые шаги вверх по лестнице; ее спина бессознательно напряглась.

— В комнате кто-нибудь есть? — раздался чей-то крик.

Это был голос девушки — Ребекка не поняла, какой именно.

— Есть. Я... — ответила она слабым голосом. У нее не было сил откликнуться громче.

Девушка вошла. Ребекка узнала ее — это была Мариан, студентка третьего курса исторического факультета, ездившая в лагерь в предыдущие годы. Немного мужиковатая, крупная, неуклюжая; парни не обращали на нее ни малейшего внимания, как и на Ребекку. Мозг каталогизатора, который Ребекка унаследовала от отца, мигом отметил, что девушке не хватает темперамента, она слишком туповата и импульсивна.

— Кто «я»? — удивленно спросила Мариан, входя в спальню.

— Я — Ребекка, дочь профессора Сауля, — отозвалась Ребекка, не отрывая взгляд от своего розового рюкзака «Хэлло Китти!».

— Чего ты спряталась? Мы все едем на пляж. Давай я отвезу тебя на своей машине. Не знаю, как это твой отец забыл о тебе и оставил

одну... Я все собрала, и он дал мне ключи от дома. Давай, вылезай, — сказала великанша, потянув Ребекку за руку.

— Нет, нет, я никуда не пойду, — пробормотала та, свернувшись в спальном мешке, как куколка бабочки.

Обе посмотрели друг на друга. Мариан в мешковатой красной футболке с эмблемой барселонской Олимпиады. И Ребекка, которая ни за что на свете не вылезла бы из этого гнезда, набитого утиными перьями.

— Эй, с тобой что-то не так?

— Все в порядке... — сказала девочка, но голос ее был едва слышен, и прозвучало ровно наоборот.

Добрая Мариан уселась на матрас рядом с мешком Ребекки. Ей нравились маленькие девочки; дома у нее была младшая сестра, которой она одна и занималась. «У меня дар находить с ними общий язык», — с гордостью подумала она.

И вкрадчиво, слово за слово, ей удалось вытащить из девочки, что же все-таки произошло...

Через двадцать минут Мариан вышла из корпуса, красная, как плащ тореадора. Такое иногда с ней случалось, когда она была чем-то расстроена: она становилась похожа на бешеного бизона из пещеры Альтамира^[42], которого никому не было под силу остановить.

Но то, что рассказала ей бедняжка Ребекка... нет, до нее долетали слухи в универе, сплетни о Синей Бороде, о его жене, о сестре. Случалось, Мариан могла витать в облаках целую лекцию, зато в коридорах у нее всегда были ушки на макушке.

Она попросила девочку остаться в спальне и заперла дом на ключ. Затем ее ветхий «Форд Фиеста» сорвался с места и что было сил понесся к Коста-Кебрада.

* * *

Унаи старался прийти в себя, сидя возле моря. Перед ним возвышались три утеса, их причудливые формы напоминали арки и колонны. Утес Майор, старший; Утес Менор, младший; и Утес Мансано, яблоневое дерево, наклоненное ветром наподобие бонсая.

Ребята о чем-то беспечно болтали в нескольких метрах от него.

Ему не пришлось отказываться от приглашения к ним присоединиться — никто не сказал ему: «Эй, Унаи, иди к нам».

Он представлял, как они злятся на него за вчерашнюю ночь. И он их понимал... Еще бы, конечно, понимал. Он тоже все это уже пережил, когда Хота и Асьер... Он стеснялся смотреть ребятам в глаза после того, как они застукали их в автобусе.

Ну и ладно. Унаи был уверен, что они не станут дуться на него слишком долго. Да, он собирался поговорить с Хотой, он дорожил их дружбой и хотел быть уверен, что между ними все в порядке. Что же касается Аннабель... Она отказалась от их приглашения спуститься на пляж Портио и побыть в их компании.

Над берегом висел удушливый зной, откуда ни возмись, появились серые, тяжелые тучи. Небо вот-вот разорвет летняя гроза, и не обязательно быть дедушкой Унаи, чтобы это предвидеть.

Краем глаза Унаи увидел одну из старших студенток, почти такую же высокую и крепкую, как он сам. Решительным шагом та направлялась к скалистому берегу недалеко от пляжа Арния, куда отправился Сауль, удалившись от всех. Скорее всего, он устал от такого количества подростков и нуждался в передышке.

Но в следующий миг Унаи забыл и про Сауля, и про студентку, потому что между его ног, оперевшись головой ему в грудь, уселась Аннабель Ли. Как будто это она принесла с собой бурю: как раз в этот миг где-то в далеком краю неба грянул гром, и девушка вторила ему эхом.

— Я принесла тебе рисунок, — проговорила она своим морским, водянистым голосом.

И протянула ему листок, вырванный из блокнота на пружинке, на котором изображалась могила на берегу и двое любовников, сидящих на скале и напоминавших ее и Унаи.

Он взял листок у нее из рук, словно сжимали завета; с изумлением и с внезапным чувством ответственности, как будто перед ним явилось божественное откровение.

— Я сохраню его... — только и сказал он.

— Пообещай, что никогда, никогда его не выбросишь. По крайней мере, пока я жива, — торжественно пробормотала Аннабель ему в ухо.

«В таких условиях это вряд ли выполнимо», — подумал Унаи.

Упали первые капли — крупные, горячие — очень горячие — и тяжелые.

— Обещаю, — ответил он, помимо прочего зная, что это единственный ответ, который устроит Аннабель Ли.

Девушка с досадой посмотрела на тучи и усиливающийся дождь, как будто они испортили сцену, которую она так тщательно спланировала. Затем взяла рисунок из рук Кракена и спрятала от дождя между твердыми обложками своего блокнота.

— Пойдем? — предложил Унаи. — Мне дождь не мешает, я его люблю, тем более летний. Но, если хочешь, уйдем отсюда.

— Зачем? Это похоже на сцену из «Грозового перевала». Давай останемся, — решила Аннабель.

— Все время думаю о том, что будет завтра, в понедельник, когда мы вернемся в Виторию. Мы с тобой еще увидимся? — выдавил он из себя.

«Ты забудешь всех нас и вернешься к своим байкерам?» — подумал он.

— Конечно, мы будем вместе, — ответила она немного обиженно. — Я же говорила: мы с тобой вместе с детского сада. Это только начало; в Витории мы будем неразлучны.

Унаи не удержался и с облегчением ее обнял. Они промокли; с темной челки Аннабель падали капли, стекая по лицу.

— Я боялся... я боялся, что буду еще одним парнем из лагеря.

— Это потому, что ты мне не веришь, — пробормотала Аннабель, глядя на море, не отталкивая Унаи, но и не отвечая на объятие.

Он тоже расслабился, глядя на горизонт.

И вдруг увидел ее. Красную точку в море.

Унаи вскочил. Аннабель заворчала: ей не нравилось, что он так резко прервал кульминацию.

— Ты это видела?

— Что — «это»? — сухо ответила она, мокрая насквозь.

— Красный мешок или очень большой буй! Какой-то предмет в волнах... — взволнованно закричал Унаи, всматриваясь в белую пену, вынесенную на берег штормовыми волнами.

— Я ничего не вижу, — ответила Аннабель, но Унаи понял, что она и не взглянула.

Он побежал в том направлении, где исчезла студентка-историк.

— Сауль! Сауль! Ты видел? Что-то случилось? — крикнул он, взбираясь на кручу.

Земля таила в себе опасность — первые капли дождя промочили лишь верхний слой, и трава была скользкой.

Дождь, поначалу казавшийся легкой моросью, вскоре превратился в ливень, море волновалось, и Унаи немного замедлил бег, чтобы снова осмотреть побережье.

И снова увидел этот предмет. Кровь застыла у него в жилах, когда он понял, что это такое: тело студентки в красной футболке покачивалось среди волн рядом с одним из утесов. Иногда выныривало на поверхность, иногда вновь исчезало в пене.

На крики Унаи прибежал Сауль; лицо его было перекошено.

— Мариан сорвалась со скалы! — крикнул директор, остановившись в нескольких метрах от Унаи. — Ее сдуло порывом ветра, и она упала. Пока падала в море, несколько раз ударилась о камни, и я не знаю, жива она или мертва. Бежим в дом; я вызову «Скорую», они должны отправить спасательную команду.

— Они не успеют, Сауль! Спасатели не успеют вовремя. Надо действовать самим! — крикнул Унаи.

Сауль что-то пробормотал в ответ, однако не очень уверенно.

Унаи бросился вниз, туда, где стояли ребята.

Асьер, Лучо и Хота равнодушно смотрели, как он бежит к ним; следом бежал Сауль и чуть в отдалении Аннабель, больше занятая своим блокнотом, нежели происходящим вокруг.

— Мариан упала в воду! Выстроимся все вместе цепочкой! Она всего в нескольких метрах от берега! — крикнул Унаи.

Трое друзей обернулись и последовали за ним по камням, пока не оказались перед утесом, о который снова и снова билось терзаемое волнами тело в красной футболке.

Но вот она шевельнулась, подняла руку, словно пытаясь плыть, чтобы найти убежище позади каменного исполина. Это обнадежило Унаи; он снял тяжелые горные ботинки и первым бросился в море.

Удар о воду оказался сильнее, чем он ожидал. Море в тот день было почти твердым; кипящая пена захлестнула его с головой, и он пробыл под ней дольше, чем следовало.

Ему удалось вынырнуть на поверхность и глотнуть воздуха. Он собрался с силами, наметил себе цель — красную майку метрах в

пятнадцати по прямой — и сделал несколько мощных гребков. Впервые в жизни он был рад, что заслужил прозвище Кракен.

«Если эти лапищи помогут спасти чью-то жизнь, пусть Лучо ржет сколько угодно, пусть только так меня и называет», — подумал он остро нуждавшимся в кислороде мозгом.

И тут же вспомнил о Лучо: «Где он?»

Лучо должен был стоять всего в нескольких метрах от него в живой человеческой цепи, соединяющей море с твердой землей.

Унаи повернул голову в сторону берега, борясь с очередной волной.

Он чувствовал, что слабеет. Волны несли его неведомо куда, еще удар — и он окажется возле Мариан; однако он не был уверен, что ему самому не понадобится помощь, чтобы вернуться на берег.

Унаи сделал последний рывок, и на один краткий миг ему предстало видение: трое друзей, Сауль и Аннабель стоят на берегу, глядя на эту сцену и не делая попыток ни выстраиваться цепью, ни прыгать за ними в волны.

Он сосредоточился на красной футболке с эмблемой барселонской Олимпиады и сократил дистанцию, пока не приблизился к телу, бившемуся у подножия утеса. Край футболки зацепился за острый выступ.

Унаи посмотрел на Мариан; та была без сознания, на голове — открытая рана. Отчаявшись, он впервые подумал, что сейчас погибнет под пристальным взглядом ничего не предпринимающих друзей, новоиспеченной девушки и учителя.

50. Коста-Кебрада

10 января 2017 года, вторник

— Нам лучше вернуться в кресла, — сказала Эстибалис. — Сауль, тебе есть что нам рассказать.

— Я знаю, инспектор. Знаю, — озабоченно пробормотал он.

Я вопросительно посмотрел на Эстибалис: «Что, черт возьми, здесь происходит?» И она взглядом ответила: «Сейчас увидишь».

— Слушаю, — сказал я.

— Лучше почитай, — сказал Сауль и протянул мне папку, очевидно, с медицинской документацией: вверху каждого листа виднелся логотип больницы.

— А нельзя ли что-то вроде резюме? — отозвался я, просматривая толстую пачку медицинских отчетов и анализов; некоторые были отпечатаны на машинке, другие — большая часть — написаны от руки неразборчивым врачебным почерком.

— Ребекка страдала, страдает, страдала... — забормотал Сауль и на секунду умолк, беспомощно сжав губы. — В общем, у Ребекки был сложный диагноз. Ей поставили параноидальное психотическое расстройство, усугубляемое безутешной скорбью после смерти матери... и нереализованным комплексом Электры.

— А можно человеческим языком? — взмолился я.

— Каждая девушка переживает в своей жизни период влюбленности в отца. Эту влюбленность называют комплексом Электры, в честь греческого мифа о дочери Агамемнона, царя Микен. Это случается в возрасте четырех лет, когда девочка представляет себя возлюбленной собственного отца, а мать становится лишней. Это нормальная стадия развития, необходимая для созревания девочки, поскольку разрывает созависимость с матерью, имевшуюся до сих пор, и на некоторое время мать превращается в конкурентку, в противника. То же самое касается мальчиков. В их случае это называется Эдиповым комплексом, в честь мифа о царе Эдипе, пересказанного Софоклом. Этот комплекс универсален, то есть повторяется во всех нас. Моя дочь пережила период Электры и соперничества с матерью, когда была маленькой, как и любая другая девочка, но после гибели

Асунсьон ее комплекс Электры вернулся, и присущее ей богатое воображение вдохнуло в него новую жизнь. И дело не только в этом: смерть матери послужила триггером для хрупкой психики. Фантазии обострились, и она утратила связь с реальностью. Классический психоз.

Мы с Эстибалис переглянулись: все это звучало неожиданно.

— Между тем, что происходило на самом деле — нормальными, здоровыми отношениями, которые сложились у нас с Ребеккой как у овдовевшего отца и дочери, — и тем, что творилось в ее голове, пролегла пропасть, — продолжал он. — Потеряв мать в двенадцать лет в результате несчастного случая, моя дочь не сумела пройти через обычные фазы переживания утраты. Казалось, потерю она приняла без лишних слез и скорби и жила дальше, как будто ничего не произошло. Счастливый, смеющийся, жизнерадостный ребенок... Но она была нездорова. Я был вне себя от горя, а она мечтала о том, чтобы пойти в кино, держась за руки, и прохожие видели нас на бульваре Переда с мороженым из «Регмы»... Она стала капризным деспотом, я же был мягок и уступчив. Я обратился к сестре за помощью — она была тверже меня, умела выстроить границы. Ребекка была против того, чтобы Сара приехала к нам на лето пожить. А затем настал страшный позор...

— Какой позор?

— Ребекка рассказала сестре, что я к ней прикасаюсь, описывала вещи, которые я предпочитаю не называть, потому что мне все еще стыдно. Сестра знала, что это не может быть правдой, и посоветовалась с коллегой из больницы Вальдесилья. Тот объяснил нам, что у Ребекки тяжелое психическое расстройство, и после обследования настоятельно посоветовал госпитализировать ее. Это был худший момент в моей жизни. Антипсихотические препараты, которые ей назначили, ингибиторы дофамина и серотонина превратили ее в зомби. На нее невозможно было смотреть, и все это свалилось на меня совершенно неожиданно.

Мы смотрели на Сауля.

Мы ему верили.

Бедняга.

— Теперь у вас есть все: анализы, назначения, даты поступления и выписки... Я старался исполнять все предписания, чтобы девочке не

стало хуже. Но в итоге она пропустила в школе три месяца, да так и не наверстала упущенное. Она не могла ходить в школу и не была готова к экзаменам за восьмой класс. После того лета, когда ты был в лагере вместе с нами, ей пришлось остаться на второй год.

— Но беременность была настоящей, — вмешался я. — И в этом ты нам солгал.

— Да, готов признать. Беременность действительно была настоящей, и она скрывала ее до самого конца. Я солгал вам, потому что правда все равно никуда не привела бы, ведь Ребекку считали мертвой. А также потому, что... нелегко, очень нелегко признать, что ваша дочь-подросток забеременела. Зачем в этом копать, ради чего?

— А ребенок?

— Он родился мертвым, слишком незрелым: четырнадцатилетняя девочка не могла нормально выносить плод. Она родила у себя в спальне, там мы с сестрой ее и обнаружили. Роды были стремительные — на свет появилось крошечное существо, мальчик; она родила его самостоятельно, как только раскрылась шейка матки. Сестра кремировала его, знакомые в больнице помогли ей все устроить. О нем не осталось никаких записей, хотя сейчас я сожалею об этом. Я должен был сообщить в тот же день в полицию, начать расследование, выяснить, кто был отцом... но я думал, что это еще больше навредит Ребекке и окончательно выведет ее из равновесия. Я не хотел снова помещать ее в больницу. Через несколько дней она исчезла. Я всегда был уверен, что она ушла к отцу своего ребенка и что тот убил ее один или с подельниками, чтобы заткнуть ей рот. Может быть, она грозила его выдать.

— С подельниками, вы говорите... — повторила Эстибалис. — У вас есть подозрения, кто отец?

— Конечно, у меня есть подозрения. Ребекка забеременела в июле девяносто второго года, в один из двадцати одного дня, в течение которых продолжался лагерь. Единственными мужчинами, с которыми она общалась в тот период, были четверо подростков и я. Скажите, инспектор Айяла, от кого из вас четверых она могла забеременеть?

— Одно могу сказать: я к ней пальцем не прикоснулся. Мне такое даже в голову не приходило.

— Пожалуй, вам я верю — вы были слишком сосредоточены на Ане. И тем не менее я доверял вам всем, однако один из четверых

соблазнил мою дочь. Я всегда считал, что ее убил кто-то из вас, но если это неправда, если она имитировала ритуал...

— Ритуал?

— Да, это кельтская Тройная Смерть, тут даже сомнений быть не может. Она всегда очень волновала Ребекку. Знаете, все эти мумии в болотах... Я брал ее с собой в Милан, где проходила временная выставка человека из Линдоу^[43]. Это было чудесное путешествие, памятное для нас обоих.

— Сауль, нескольких человек за последнее время умертвили в соответствии с этим обрядом: сожжение, повешение и утопление. Веришь ли ты, что твоя дочь могла быть причастна к этим смертям? Никто не знал ее лучше тебя.

— Хорошенько подумайте, прежде чем ответить, — добавила Эстибалис.

Сауль не торопился. Подойдя к буфету, он взял фотографию Ребекки, на которой оба улыбались, крепко обнявшись, на фоне той самой бухты.

— Я просто хочу вам верить... думать, что Ребекка жива, — сказал он, пристально глядя на портрет дочери. — Но единственные ваши доказательства — слова этой мошенницы.

— Думаешь, Ребекка обманывала твою невестку? — спросил я.

— Если б версия Лурдес была бы правдой, то очевидно, что Ребекка использовала ее, чтобы сбежать, а заодно снова вспомнила гнусную историю о насилии. Моя дочь знала о наших с Лурдес плохих отношениях, и ей было несложно настроить невестку против меня. Ребекка умела кого угодно убедить в чем угодно. Кого угодно... в чем угодно... Она была очаровательной, очень умненькой, бойкой девочкой. В ее больной голове, как утверждал психиатр, тоже могло уместиться что угодно. Эти истории были для нее правдой, для Бекки они происходили по-настоящему. Так, она считала, что у нас с ней роман, что мы вместе ходим в кино — не просто так, а как пара. Она тяготилась тем, что все считают ее ребенком, ей не терпелось вырасти и стать взрослой. Очень не терпелось.

— Скажите, а после всего, что произошло, она ни разу не пыталась с вами связаться? Не случилось ли вам заподозрить, что ваша дочь отправила вам сообщение? — спросила Эстибалис.

Сауль посмотрел на нас с грустью, как на наивных детей. Мне показалось, что с нами разговаривает старик.

— Связаться со мной?.. Позвольте вернуть вас в реальность. Пока вы не предложите мне доказательства какой-либо иной версии, которых у вас, разумеется, нет, моя дочь исчезла в возрасте четырнадцати лет, и не было ничего, что заставило бы меня поверить, что она жива, кроме слов профессиональной преступницы и мошенницы. Я не хочу переживать все это снова... Не хочу снова на что-то надеяться: вы не представляете, как это больно.

— Мы всего лишь хотим, чтобы вы напрягли память и... — настаивала Эсти.

Но Сауль не дал ей закончить.

— Хватит! Довольно. Вы врываетесь в университет, оставляете мне эту эмоциональную бомбу и уходите, чтобы продолжать игру в расследование... И так уже более двадцати лет. Несколько месяцев назад я потерял еще одну дочь. Сколько, по-вашему, способен вынести один несчастный отец? Сколько?

Я не знал, но выяснять это мне не хотелось.

Сауль встал; разговор был окончен.

— Вам лучше уйти. И прошу тебя, Унаи: если ты когда-нибудь меня любил, никогда больше не поступай со мной так, как поступил сегодня. Никогда больше не рассказывай мне о поисках Ребекки, пока не принесешь мне ее останки.

— Обещаю. Мне очень жаль, что сегодня все так получилось, — сказал я, положив руку ему на плечо.

Мы смотрели друг на друга. Мне было тяжело причинить кому-либо такую боль. Прикасаться к живому, играть с сокровенным.

Мы с Эстибалис понуро побрели к машине.

В тот день мы в очередной раз пережили ситуацию, из-за которой можно возненавидеть свою профессию.

Сауль с нами даже не попрощался; мне показалось, что он едва сдерживал рыдания, поспешно захлопнув за нами дверь.

Мы сели в машину и вскоре остановились там, перед бухтой Арния.

Я отъехал всего на несколько сотен метров. Припарковал машину напротив бухты, так что шале Сауля осталось позади и он нас не

видел, но при этом мы могли спокойно подышать свежим воздухом перед обратной дорогой в Виторию.

— Давай посидим здесь, — предложил я Эсти.

Она благодарно кивнула.

— Если то, что говорит Сауль, правда... у нас убийца-психопатка, — сказал я, когда мы уселись на холодную траву.

— Ага.

— ... историю про то, что Сауль в лагере изнасиловал ее, она сочинила, — продолжал я.

— Так...

— ...забеременела от одного из моих друзей...

— И?..

— И уехала с Голден, убедив ту, что Сауль изнасиловал собственную дочь. Эта ложь понадобилась ей, чтобы спокойно убежать от отца, а заодно от угрозы вновь оказаться в больнице. А теперь она начала убивать, — заключил я.

— Почему сейчас? Почему она начала убивать через столько лет?

— Начнем с того, что в четырнадцать лет убить кого-то довольно сложно, — подумал я вслух.

— Это правда.

— Голден считает, что триггером послужило известие о самоубийстве Химены. Может быть, она увидела в ней свое отражение, а может, смонтировала целый фильм и представила Химену беременной жертвой насилия.

— А может, вообразила, что отец покинул ее, потому что ей уже исполнилось двадцать три, она выросла и больше его не привлекала? Как это случилось с матерью? Как бы то ни было, новость вывела ее из равновесия, — сказала Эстибалис, выступая в роли адвоката дьявола. — Ты — профайлер, Кракен. Скажи, как тебе все это? Разве то, что мы видели на месте преступления, не напоминает работу психопата, холодного и расчетливого? Разве не ты говорил, что преступления психотиков — это внезапные взрывы насилия? Что это душевнобольные, которые подчиняются голосам у себя в голове, — произнесла Эсти хрипловатым голосом, и я сразу понял, что что-то ее смущает: когда она была не в духе, у нее едва заметно менялся голос.

Я достал из внутреннего кармана куртки записную книжку. В тот день у меня не было особого желания напрягаться, тем более давать

мастер-класс по характеристикам преступника.

«Во-первых, — написал я, — быть психотиком не означает склонности к насилию. Это очень распространенная ошибка, которая препятствует адаптации этих больных в обществе, и серьезное препятствие для их выздоровления. Только небольшой процент из них совершает преступления, и этот процент не выше, чем у тех, кто совершает преступления без каких-либо психических заболеваний. Да, они делают это, подчиняясь голосам или фантазиям. В их больной голове появляется зазор между реальностью и бредом. Мы предположили, что сцена преступления слишком изобретательна, а ее подготовка слишком трудоемка... Но, возможно, это не просто фантазия, а что-то вроде миссии. На мой взгляд, картина соответствует характеристикам мессианского психотика. Он полагает, что имеет право наказывать будущих родителей, которые не заслуживают права воспитывать своих нерожденных детей, и что лучше принести этих детей в жертву богиням Матрам. Ребекка совершила обряд Тройной Смерти в точности так, как это было описано классическими авторами, заставшими кельтов. Но на самом деле это не фантазия. Фантазия заключается в том, что отец любил ее, что у них были физические отношения и что беременность была плодом инцеста. Это она и рассказала Голден. Может быть, она сама в это верила; может быть, спала с...»

Я задумался. Каковы же все-таки основные кандидаты?

«У меня плохо укладывается в голове, что она спала с Лучо, — написал я, вспомнив те далекие дни. — Или с Асьером. У этих парней были другие вкусы, они и не смотрели в ее сторону. Может быть, она спала с Хотой — он был самым инфантильным из нас, и они часто оставались вдвоем. Да, может быть, у нее действительно было что-то с Хотой». — «После того, как от него ушла Аннабель Ли», — мысленно добавил я. — Потому что она и убила его сейчас».

— А Ану Белен Лианьо?

«Она была ее соперницей и тоже спала с Хотой, а потом еще и забеременела от него. Возможно, те дни накрепко отпечатались в ее сознании. Трудно сказать, как именно работает столь замысловатый ум, который к тому же пережил несколько травм: смерть матери тоже вывела Ребекку из равновесия, это ясно. Потом начались нездоровые фантазии насчет отца, единственного оставшегося

референта. Она лелеяла идею о том, что это их общий ребенок, что они снова будут семьей, и она заменит отсутствующую мать. Когда же Ребекка потеряла ребенка, все снова рухнуло; она попыталась бежать, чтобы ее не упекли в больницу, а может, боялась, что все узнают, что отец ребенка был Хота...»

— А может, она сделала это, чтобы защитить Хоту от скандала, — возразила Эсти.

«Может. Хота тоже был ребенком; в тот год он потерял отца. Что-то подобное его и вовсе потопило бы. Семья и так сильно на него давила, и Ребекка это знала».

— Если это так, то это хорошая новость. Значит, преступления — не работа психопата, и мы не расследуем серию. Она убила Хоту и Ану Белен и больше убивать не собирается. Это означает, что ты вне опасности.

— Надеюсь. Но мы не можем ничего исключить. Это всего лишь гипотеза, — напомнил я Эсти.

— Ну да... Это всего лишь мечты, — пробормотала она. — Скажи, Унаи: после всего, что мы видели сегодня, ты правда думаешь, что убийца — Ребекка?

— Честно говоря, мне по-прежнему трудно поверить, что у женщины хватит духу подвесить кого-нибудь на дереве вниз головой.

— Но почему? Голден же проделала это двадцать лет назад с Ребеккой, — возразила Эстибалис.

— Ребекка была четырнадцатилетней девочкой, а Голден — взрослой теткой. Это разные вещи.

Эстибалис посмотрела на меня с вызовом. Я не совсем понял значение ее взгляда.

— Знаешь что? — сказала она. — Однажды ты сказал, что дружба движет миром. Это заставило меня задуматься. На самом деле главное — не дружба, а рычаг.

— Рычаг?

— Да. Говорил же Архимед: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир».

— Я теряю нить, хоть и пытаюсь за тобой угнаться...

— Поехали в Вильяверде, и я тебе все объясню.

51. Дедушкин огород

10 января 2017 года, вторник

Дед одолжил Эстибалис несколько метров веревки, и она отправилась в огород, бросив мне на ходу: «Спускайся через пятнадцать минут». Я остался на кухне с дедом, который в тот день молчал даже больше, чем обычно.

— В чем дело? — спросил я.

— Давай-ка поднимемся наверх, сынок. Я должен тебе кое-что сказать, — ответил он своим низким глухим голосом.

Я последовал за ним по коридору, затем поднялся по старой деревянной лестнице, ведущей на чердак.

На железных крюках висели лисьи шкуры. Дедушка со значением кивнул на них.

— Думаю, кто-то залез на чердак и рыскал тут, — сказал он наконец.

— Что значит — кто-то?

— Если б я знал, то сказал бы тебе, сынок.

— Дед, объясни, — несколько обеспокоенно попросил я.

— Эти шкуры висят на одном месте уже пятьдесят лет, а бываем здесь только ты, твой брат и я — с тех пор, как остались одни. Ни один из нас к ним не притрагивался, не перемещал с места на место. А недавно кто-то здесь побывал, и две шкуры висят по-другому.

Действительно, вначале я не заметил: шкуры висели не параллельно стене, а по диагонали.

— Может, ветер?

— Какой, к черту, ветер? Они тяжелые, как я не знаю что, и ветер никогда их не сдвинул бы. Сынок, я не люблю морочить тебе голову, но здесь явно кто-то лазил, и это был кто-то чужой. Пойдем. — Мы подошли к ящикам, где я хранил воспоминания и осколки прошлой жизни. — Все они закрыты, ты лично их закрывал — но вот, посмотри: коробка за лето девяносто второго года приоткрыта.

— Да, правда, — пробормотал я, подходя ближе.

Я был уверен, что после встречи нашей команды плотно закрыл эту коробку. Я всегда следил за тем, чтобы внутрь не проникала пыль.

— Это то самое дело, которым ты сейчас занимаешься, верно? — спросил дед у меня за спиной.

— Да, дедушка. И это явно не случайно, — пробормотал я и задумчиво взял первый снимок — групповую фотографию, на которой мы были все вместе: Сауль, Ребекка, Аннабель Ли, а также некоторые студенты, включая Мариан в ее красной футболке с эмблемой Олимпиады.

Дед подошел и, не доставая очки из кармана рубашки, тоже посмотрел на фото. Я понимал, что лица у него перед глазами размыты.

— Дедушка, что ты думаешь о человеке, который овдовел, а потом потерял двух своих дочерей?

На мгновение дед напрягся, потом покашлял и наконец ответил:

— Я думал, вы с Паулой ждали мальчонку и девчушку.

Сначала я не понял. Я не сразу сообразил, что у нас с Саулем одинаково темное прошлое, и дедушка перепутал наши биографии.

— Я не о себе. Этот человек связан с делом, над которым я работаю, — с досадой уточнил я.

Затем вкратце изложил историю Сауля Товара и попросил деда надеть очки, чтобы показать, кто есть кто на фотографии.

— Ты спрашиваешь меня, считаю ли я твоего учителя убийцей из-за того, что он потерял трех близких женщин?

— Ну да; как это выглядит со стороны? — уточнил я.

Дед на мгновение задумался, прежде чем ответить.

— Возможно, он как-то связан с их смертью, даже не будучи убийцей. Есть люди с пороками или грехами, которые навлекают несчастье на тех, кто их окружает. Им и из ружья-то стрелять не обязательно, понимаешь?

— Не очень, дедушка.

— Видишь ли, в тридцать шестом году, перед тем как отправиться на фронт, я познакомился с одним человеком. Он был моим покупателем, когда я возил зерно на продажу в Лагуардию. Человек он был неплохой, но слабохарактерный, к тому же пьяница — пил все, что под руку подворачивалось, хоть уксус. Он разорил семью; после войны они голодали, как волки зимой. Жена начала болеть — что-то у нее приключилось с легкими. Старший сын отправился в Ирун и устроился там шофером на грузовик, но кончилось все плохо: он

взялся перевезти контрабанду через границу и погиб в драке где-то вдали от дома. Младший мальчонка вышел слабым, как и отец, то и дело впадал в депрессию, и однажды его нашли в Эбро: на шее веревка, а к веревке привязан камень. Отец их не убивал, у него и в мыслях такого не было, однако вся семья сыграла в ящик раньше положенного. Ты понимаешь, о чем я? Вот и с Саулем твоим, похоже, то же самое. Мы никогда не говорили об этом, но ты очень изменился после того, как вернулся тогда из лагеря в Кантабрии.

— Изменился в каком смысле?

— Уехал пареньком, а вернулся мужчиной. Я уже понимал, что ты не станешь инженером; а то, что случилось с той девушкой... Избавься от этого груза, сынок, слишком тяжелое бремя у тебя на плечах.

«Может быть, дедушка, сейчас именно тот момент, когда мне ни в коем случае нельзя избавляться от этого бремени. Может быть, именно сейчас настало время выяснить, что произошло в то июльское воскресенье в утесах».

— Та девушка, с которой случилась беда... Однажды ты сказал мне, что это она, верно? — сказал дед, сняв очки и указав на фотографию.

Он был отличным физиономистом, из тех, кто на ежегодной мессе 15 августа в храме Пресвятой Девы Оконской, где собиралось чуть ли не все население Алавесских гор, всякий раз замечал, что парень из Наваррете наверняка приходится кузеном кого-то из Уртури, а мальчуган из Вильяфрии никак не может быть сынишкой Антони и Маулеона, потому что вовсе на них не похож.

Я кивнул, глядя на снимок.

— А ты уверен, что эта девчушка умерла?

— Конечно, ее отвезли в морг, дедушка. Оттуда не выходят.

— Просто... просто кого-то очень похожего я видел недавно, только не помню, где именно. Точно видел.

И я поверил. Это не умещалось в голове, но жизнь научила меня не подвергать сомнению категорические заявления деда. Я сохранил его замечание про запас — вдруг в будущем пригодится...

— Меня что, никто не слышит? — раздался воробыиный голосок у нас за спиной, со стороны двери.

— Извини, Эстибалис. Мы даже не слышали, как ты поднялась.

— Я уже давно кричу вам с улицы. Еще бы, такие стены... Давай, Унаи, спускайся. И пусть дедушка пойдет с нами — на случай, если что-то пойдет не так и понадобится кто-то сильный.

— Как скажешь, босс.

Мы последовали за Эсти в дедушкин огород. Она велела нам встать под огромным грушевым деревом, чей возраст насчитывал много десятилетий, если не сотню лет. Когда я был маленьким, это дерево уже было огромным, а ветви его были достаточно толсты и крепки, чтобы кого-нибудь на них подвесить.

— Итак, представь: я стреляю в тебя из «Тейзера», ты падаешь, — сказала Эсти. — Твои мышцы в течение нескольких минут не реагируют. Центральная нервная система на нуле, ты полностью в моей власти... Короче, ложись на землю.

— Это точно нужно?

— Помни, сейчас ты в моем полном распоряжении. Если забудешь про это, тест не сработает.

Я улегся между двумя грядками лука-порей. Эсти обмотала мне лодыжки веревкой и крепко стянула умелой рукой. Мне не нравилось чувствовать себя обездвиженным — это напоминало о том, что когда-то проделал со мной Нанчо, а я не хотел вспоминать про него.

— Так, теперь я тебя переверну и свяжу руки за спиной; защищаться ты все равно не сможешь.

Эстибалис крутанула меня так резко, что от неожиданности я проглотил комок земли. Глянул поверх листьев цветной капусты и увидел, что дед хихикает, любуясь этой сценой.

— Я уже столько всего знаю, что и сам, того и гляди, стану полицейским, — заметил он, улыбаясь.

— Только без крови, — взмолился я.

— Итак, эмпирическая демонстрация: используя ветку дерева в качестве опоры, каждый может поднять в воздух тело тяжелее своего собственного. В итоге человек полуплегкого веса заставляет левитировать Кракена, — заявила Эстибалис, перебрасывая веревку через самую прочную ветку грушевого дерева, ту самую, на которую я в детстве забирался сотни раз и всегда пачкал себе руки липкой смолой, сочившейся из ее заскорузлых узлов. Затем отошла от дерева и начала поднимать меня в воздух, без особых усилий натягивая веревку.

— Если затошнит или закружится голова, скажи немедленно — не хочу что-нибудь тебе повредить, — крикнула она, сосредоточившись на том, чтобы удерживать веревку.

Я повис вниз головой, и все поменялось местами. Мир перевернулся с ног на голову: синеватая сьерра оказалась на высоте моей головы, а ноги уткнулись в небо с облаками.

У меня возникло странное ощущение: перспектива изменилась. Может быть, это был намек на то, что настало время взглянуть на дело иначе?

— Доказательство налицо! — торжествующе провозгласила Эстибалис.

— Так, а теперь опусти меня на землю! Понежнее, понежнее, — умолял я.

Я не рассчитывал на побочный эффект, произведенный кровью, прихлынувшей в мозг под действием силы тяжести: щеки нагрелись, что-то неприятное давило в то место, куда когда-то попала пуля.

Похоже, мои мольбы не донеслись до ушей Эсти или же законы физики оказались сильнее ее, но, так или иначе, ей не удавалось спустить мое тело на землю более-менее плавно. Веревка за что-то зацепилась, Эсти отпустила свой конец, и я врезался головой в лук-порей.

— Сынок, ничего себе приземление... Сегодняшний ужин явно не пошел тебе впрок, — сказал дед, бросившись мне на помощь и не зная, обратить все это в шутку или волноваться всерьез. — Ты в порядке?

— Все хорошо, дедушка. Ничего страшного.

Эсти свернула веревку и протянула деду; на лице ее сияло победное выражение.

— Итак, мы доказали, что я могу без особого труда поднять в воздух предмет, чьи размеры превосходят мои в три раза. Убийцей запросто могла быть женщина. Забудь теорию о трех горцах в капюшонах. «Тейзер» обеспечивает победу в ближнем бою, рычаг компенсирует разницу в габаритах, и к тому времени, когда убийца погружает голову жертвы в котел с водой или что она там сделала с Хотой, жертва полностью обезврежена и ей не требуется применять силу. Кельты наверняка этого не знали.

Дед, как обычно, сдержанный, взял протянутую Эстибалис смотанную веревку и тихо исчез на лестнице, высеченной прямо в

каменистой почве огорода.

Он всегда говорил, что так и уйдет: тихо и незаметно. Я знал, что это ложь, что он никогда не уйдет, но никто не осмеливался перечить деду.

— Думаю, Ребекка отправилась к Аннабель, когда узнала, что та беременна. Они подружились, вместе поднялись в горы, где Ребекка выпытала у жертвы информацию о том, кто был отцом, а затем убила Хоту. В субботу вечером, когда он был навеселе, его несложно было уговорить проводить домой девушку, — сказала Эстибалис.

«Тогда мне следует сменить профиль убийцы, — подумал я, убежденный неопровержимыми доводами моей напарницы. — Исключить гипотезу, что в убийстве непременно участвовал мужчина или мужчины, и смириться с тем, что, скорее всего, Ану Белен и Хоту убила Ребекка или женщина, за которую она себя выдает».

Но как сорвать маску с человека, который носит ее годами?

52. Дворец графа Сан-Диего

19 июля 1992 года, воскресенье

Последний удар прибоя отбросил его на несколько метров к утесу Мансано. Одной рукой Унаи изо всех сил вцепился в тело девушки, другой греб, потихоньку двигаясь вперед, — и наконец добрался до утеса. Притянул к себе неподвижное тело Мариан и только тут заметил, что девушка мертва или без сознания.

А еще с неожиданной ясностью понял, что не выберется оттуда живым без посторонней помощи.

У него не оставалось сил, чтобы выплыть на берег, да еще толкая перед собой такой тяжелый груз...

... а буря не прекращалась.

Унаи крепко обнял Мариан. Это объятие, означавшее одновременно жизнь и смерть, очень отличалось от тех прикосновений, которыми он обменивался с Аннабель Ли всего несколько минут назад и которые по сравнению с ними казались вялыми, необязательными, прозаичными.

Обретя достаточное равновесие, чтобы позволить себе поднять голову, он увидел, что компания на берегу насчитывает теперь всего троих человек.

Унаи надеялся, страстно надеялся, что Сауль и Аннабель бросились за помощью.

И да, помощь действительно пришла. Правда, как говорят, через сорок минут.

К тому времени руки Унаи уже не могли хвататься за острые камни утеса и удерживать холодное тело Мариан.

* * *

Они пробыли в палате интенсивной терапии несколько часов, после чего Мариан отвезли в морг.

Унаи настоял, чтобы деду ничего не говорили. Ему перевязали руки, а друзья навестили его в палате. Никто из четверых не

осмеливался взглянуть друг другу в глаза. Они были слишком подавлены.

Лучо пытался пошутить, пробормотав что-то насчет Кракена и мумии, но шутка повисла в воздухе.

Через какое-то время они молча ушли, беспомощные и неуклюжие.

— Они сказали, что ты можешь одеться. Мы уезжаем. Сауль заедет за тобой с Аннабель. Привезут сухую одежду, — сказал Хота шепотом, словно на мессе.

Унаи догадался, что он прикончил запасы красного вина, остававшиеся в доме и предназначенные для запланированного калимочо, который так и не состоялся, потому что денег на «кока-колу» у них не осталось.

«Ну конечно, Хота, день как раз подходящий, зачем в чем-то себе отказывать?» — в ярости подумал Унаи. Но в голове его извергался вулкан, и он не был готов подкалывать того, кто всего три недели назад был его лучшим другом детства.

Ребята вышли гуськом, кроткие и молчаливые, и, лежа на узкой кровати, Унаи ждал следующего визита.

— Врачи сказали, что Мариан получила серьезную травму и умерла еще при падении от удара головой. Она не утонула, — сообщил Сауль Товар, усаживаясь у подножия кровати. — Я всего лишь пытаюсь сказать, что ты ничего не мог для нее сделать. Она была уже мертва. Такое часто бывает с людьми, сорвавшимися с обрыва.

Унаи слушал эти сухие фразы, однозначные, как приговор. В тот день он так и не заставил себя взглянуть Саулю в глаза.

Профессор почувствовал раздражение юноши.

— Не все наделены такими героическими качествами, как ты. Тебе бы стать полицейским... Но зря ты дуешься на остальных, они имеют право быть слабаками.

Его ручища сжала лодыжку Унаи, словно железный обруч. Этот жест означал сочувствие и симпатию, но для Унаи он был явно лишним.

Совершенно лишним.

— А ты? — только и спросил он.

— А у меня тринадцатилетняя дочь. Я думал только о ней. Я не имею права оставить ее одну в мире, где-нибудь в приемной семье.

Унаи покраснел до ушей.

— Прости, я слишком сурово тебя судил...

— И имеешь на это полное право, — ответил Сауль чересчур резко — должно быть, слишком устал от событий этого страшного дня. — Давай, одевайся.

Он выложил на кровать перемену белья, джинсы и футболку, которая едва на него налезла. «Ладно, — подумал Унаи. — Главное — выбраться отсюда и содрать все эти пластыри».

Пока он одевался, профессор смотрел на него пристально, без слов. В этот момент вошла Аннабель, которая нисколько не смутилась, потому что и так уже видела все, что можно было увидеть.

— Оставлю вас наедине, только давайте побыстрее, — сказал Сауль, собираясь выйти за дверь. — Вам нужно успеть на обратный поезд в Виторию, у нас мало времени.

Они остались одни, новоявленные любовники, и оба молчали, не зная, что сказать.

— Ты едва все не испортил, — наконец произнесла она.

— Что? — спросил Унаи, не понимая.

— Едва не погиб в бушующем море, а наша история совсем не об этом. Это я должна умереть первой. И вдруг ты бросаешься спасать мертвую...

— Она была жива, — хрипло пробормотал он.

— Она была мертва, а ты рисковал нами ни за что ни про что.

«Достаточно. Достаточно на сегодня», — взмолился Унаи.

— Ты рассуждаешь, как псих! — не выдержал он. — Не могу поверить, что ты такая циничная. Сегодня погибла девушка, а вы ничего не сделали, чтобы ее спасти.

— Зато ты сделал. Тебе не сиделось на месте, не терпелось стать героем...

— Нет, я просто должен был ее спасти. Без вариантов.

— Пусть так, — пробормотала Аннабель, по-прежнему пребывая в своем мире: она всегда была в своем мире. — Это значит, что ты...

— Сегодня мне не до твоих криптограмм, Ана, — сказал он, вставая с койки и направляясь к двери.

Ему хотелось как можно скорее оставить позади белую палату, лагерь, запах разрушения и цинизма, который Аннабель Ли всегда носила на своих ботинках.

— Ты что, не понимаешь? Ты рожден, чтобы спасти людям жизнь, однако я не убеждаю тебя становиться спасателем.

На самом деле этому Унаи и посвятил остаток лета. Он явился в мэрию Бернедо и записался спасателем в ледяных бассейнах деревни: поскольку они находились на северной стороне сьерры, вода в этих водоемах едва нагревалась, и случались сезоны, когда влезть в них отваживались только храбрецы.

Спустя годы, когда Унаи закончил учебу и в некоторой растерянности размышлял о перспективах дальнейшей работы, которые не особо его вдохновляли, началось расследование двойных преступлений в дольмене.

Это дело поглотило его с головой. Во-первых, когда тела жертв обнаружили в кельтской деревушке Ла-Ойя, недалеко от Лагуардии, стала очевидна прямая связь преступлений с местной историей. Во-вторых, в деле оказался замешан Тасио Ортис де Сарате, его личный герой, и в какой-то момент он осознал, что думает, говорит и мечтает исключительно о расследовании.

И тогда вспомнил слова Аннабель Ли:

«Ты рожден, чтобы спасти людям жизнь, это твое врожденное свойство, твое призвание. Моя мать встречалась с копами; поверь, они живут этим и ради этого. Остальное вторично».

Унаи беспокоила обуревавшая его страсть.

Ему пришло в голову, что лучше было бы направить ее на нечто такое, что позволит спать по ночам, а не блуждать в темных лабиринтах, таких как Хота с его одержимостью творчеством. Или Асьер с его страстью к деньгам. Или комплекс неполноценности, который заставляет Лучо быть предельно конкурентоспособным со всеми и со всем, начиная с самого себя.

Ни одна из чужих страстей не имела власти над Унаи; он чувствовал полнейшее равнодушие и к творчеству, и к деньгам, и к убожеству эго.

Из-за этого, а также из-за семейной трагедии, которая все еще отзывалась в нем болью, ему было ясно: единственная его страсть — уголовное расследование.

Когда они вернулись во дворец графа Сан-Диего в Кабесон-де-ла-Саль, состояние их духа было мрачнее некуда, и для прощальных объятий не нашлось ни времени, ни настроения.

Пятеро виторианцев — приятели Унаи и Аннабель — погрузили свои рюкзаки в багажник микроавтобуса, и Сауль молча повез их на вокзал.

Всем хотелось поскорее забыть дворец, от которого они удалялись. Забыть о последних часах, о последних неделях. Каждый из них дал себе клятву никогда не возвращаться в это место, как будто проклятый дворец виноват в том, что случилось.

У Унаи было всего несколько секунд, чтобы попрощаться с Ребеккой, которая с ужасом смотрела на повязки, украшавшие его руки.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось столько пережить, Унаи, — сказала она своим нежным детским голоском.

— Ты в этом не виновата, — ответил он и пожал плечами. Движение причинило ему резкую боль, но он сдержался: неудобно делать страдальческую физиономию перед девочкой.

— Да, конечно, я знаю, — просто ответила она, опустив голову.

— Эй, а ведь мы с тобой так и не поговорили... — вспомнил Унаи.

— Нет! — вскрикнула Ребекка, не дав ему договорить. — Пожалуйста, не волнуйся. Ничего страшного, правда. Я в порядке, все хорошо. И рассказывать мне нечего.

Унаи не очень понял, откуда взялся у Ребекки этот внезапный приступ словоохотливости. На прощание он улыбнулся, потому что так полагалось, а потом поцеловал ее в щеку.

Она отошла в сторону, немного смутившись. Отец внимательно наблюдал за ними издали, делая вид, что разговаривает с Лучо и Асьером.

Хотя подошел к Ребекке и Унаи, достал из внутренностей автобуса свой рюкзак «Ливайс» и тоже попрощался с девочкой.

— Что ж, спасибо за все. Ты научила меня строить кровлю у хижины и замешивать глину для стен... И за все остальное тоже спасибо, — загадочно добавил он и подошел к ней ближе. Ему было жаль Ребекку. Он протянул ей руку, чтобы помочь спуститься на тротуар.

Саулю не понравилась ни эта протянутая рука, ни заговорщицкое выражение, которое явственно читалось у обоих на лицах.

Хотя в целом ничего особенного в его поведении не было.

Ни один отец, каким бы молодым и понимающим он ни был, не любит смотреть, как его тринадцатилетняя дочка жмет руку шестнадцатилетнему мальчишке.

53. Порталон

10 января 2017 года, вторник

Эстибалис шмыгала по дедовскому огороду, как неугомонная змея; мне пришлось ее успокоить, положив руки ей на плечи. Только тогда она застыла неподвижно и посмотрела мне в глаза.

— Есть что-то еще, верно? — спросил я.

— Унаи, есть кое-что, о чем я тоже хочу с тобой поговорить, но у меня уже настоящая паранойя на тему мобильных и этих твоих хакеров, — призналась Эстибалис.

— Рассказывай.

— Хочу кое-что тебе показать, но только без интернета. Мне иногда кажется, что за мной тоже следят. Поэтому придется тебе поверить мне на слово.

— Я готов, — ответил я.

— В огороде за нами точно никто не будет следить, тут связь паршивая, поэтому давай-ка я все тебе расскажу прямо здесь. Присядем куда-нибудь?

Я кивнул на небольшую каменную стену, отделяющую дедов огород от огорода Акилино, и мы уселись, несмотря на то, что в январе камни были ледяными, а мох — сухим и колючим, как мочалка.

— Речь идет об аккаунте Аннабель Ли в «Фейсбуке». Я приказала Милан отыскать таинственную подругу, с которой Ана Белен сблизилась за несколько месяцев до убийства. И представляешь, она до сих пор не назвала мне имени. Такой прокол у Милан впервые — обычно она достает любую информацию в тот же миг, как будто это ей раз плюнуть.

— Да, это здорово.

— Это очень здорово, я с таким раньше не сталкивалась. Вот почему не понимаю, почему она до сих пор не обратила внимания на эту Женеву, такое яркое и запоминающееся имя. Женева начала писать комментарии на стене Аны Белен после того, как та объявила о беременности. Если вооружиться терпением, можно проследить ветку их беседы до того момента, пока они не прервутся, чтобы продолжать офлайн. Самое занятное, что профиль у Женевы фальшивый. У нее

почти нет активности в Сети, нет никакой аватарки, изображающей, как она выглядит, — только готические картинки, загруженные будто бы специально для того, чтобы угодить вкусам Аны Белен. Указано только, что она из Витории, и все.

— Куда ты клонишь?

— Я клоню к тому, что Милан с ее способностями в два счета вычислила бы этот более чем подозрительный фальшивый аккаунт. Я сама нашла его всего за несколько часов. Понять не могу, почему Милан подвела меня именно с этой таинственной подругой, с которой, скорее всего, Ана Белен отправилась на последнюю прогулку в Сан-Адриан.

— Голден мне что-то говорила... что-то насчет имен, — рассеянно проговорил я.

— Имен?

— Да; что надо начать с имен, что для Ребекки все имеет смысл. Кстати, ты заметила?

— Что?

— Голден сказала, что они с Ребеккой, помимо Амстердама, жили в Милане и Женеве...

— Имена... Милан, Женева... Все это названия мест, где жила Ребекка.

— Не только это... — Я начал замерзать. — Сауль сказал, что посетил с Ребеккой в Милане выставку мумий из торфяников, и это было очень важным событием для обоих.

Эстибалис на мгновение задумалась, запрокинув голову. В голых ветках дедовой груши чуть слышно свистел ветер.

— Милан — замечательный человек, все это странные совпадения, а мы с тобой два параноика, — медленно произнесла она, закрыв глаза и прислонив голову к старому дереву.

— Милан — замечательный человек, все это странные совпадения, а мы с тобой два параноика, — повторил я слово в слово; отчасти для того, чтобы убедить самого себя, отчасти для того, чтобы озвучить свое желание.

Милан кого-то мне напоминала, кого-то из прошлого. Я понял это в самый первый момент, когда меня с ней познакомили, и до сих не знал происхождения этого тягостного чувства.

— Вернемся в Виторию, — сказала Эсти. — Я поговорю с Альбой, у нее есть доступ к личному делу Милан, расскажу ей о наших... это ведь не подозрения, верно, Унаи? Мы просто хотим чувствовать позади надежный тыл.

— Да, поехали обратно. Я тоже хочу кое-кого навестить.

* * *

Прибыв в Виторию, я сразу же позвонил ему со старого мобильного.

Асьер был одним из тех, кто оставался в списке людей, которым я полностью доверяю.

— Асьер, я хотел бы поговорить с тобой прямо сейчас.

— Сейчас невозможно, приятель, — отрезал он. — Я обедаю в «Порталоне» с провизором.

— Когда дообедаешь, не уходи, я еду к тебе. Посидим, поболтаем. — И я повесил трубку, чтобы не дать ему возможности отговориться от вынужденного свидания.

Затем я направился в конец Коррерии, в северную часть Старого города к бывшему зданию почтовой станции, выстроенному шестьсот лет назад и стоящему напротив площади Буруллерия. Уютное место, отлично подходящее для того, чтобы поговорить по душам.

Я переступил порог ресторана и, оказавшись в зале, спросил своего друга. Официантка, одетая как маленькая девочка, отправила меня наверх, в старую столовую с дубовыми балками на потолке — когда-то в ней располагалась часовня почтовой станции.

Асьер сидел один. Он уже распрощался с провизором и ждал меня, судя по физиономии, с некоторым нетерпением. Мне показалось, что выглядит он неважно. Новый год явно не пошел ему на пользу; а может, тяготили недавно обретенные миллионы или же брак, оказавшийся на грани распада... Сложно было сказать наверняка.

— Как твоя голова? — поинтересовался он вместо приветствия. — Это же надо, новогодняя ночь в больнице...

— А что такого? Смотрел «Подозрительные лица». — «С Альбой», — чуть не добавил я. — Тоже неплохо.

— Да, неплохо. Особенно ремарка о дьяволе.

Я не понял — наверное, потому, что было время сиесты.

— А что там о дьяволе?

— Фраза Бодлера, которую цитирует один из персонажей: «Величайшая хитрость дьявола заключалась в том, что он убедил мир в своей нереальности».

Я молча смотрел на Асьера: неужели это он говорит мне о дьяволе и его хитрости? Ладно, пусть будет так.

— Я должен задать тебе несколько вопросов, — сказал я, откашливаясь.

— Так я и думал. В последнее время с тобой невозможно встретиться, просто чтобы выпить кофе. Давай, говори, через час мне надо в аптеку, — угрюмо добавил он.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что помнишь о Ребекке, дочери Сауля.

— Уф... этот ребенок. — Асьер поморщился: воспоминание о Ребекке было явно не из приятных.

— Этот ребенок... что?

Асьер скручивал пальцами тоненькую бумажную салфетку, из тех, что обычно ставят на столик в кофейне, и в итоге сделал из нее подобие бечевки.

— Я с ней почти не общался. Что ты хочешь узнать?

— Что произошло между вами, почему ты ее так тщательно избегал? Ты держался с ней очень враждебно.

— Ты собираешься меня за это арестовать? — Он насмешливо поднял бровь.

— Перестань, Асьер.

— Ладно, извини. Я просто нервничаю из-за этого всего. Хорошо, когда прошлое остается в прошлом, не так ли?

— Скажи это Хоте.

Он вздохнул; ему явно стало не по себе.

— Ладно. Ребекка... Попробую. Эта девочка была довольно странной. В первый же вечер она потащила меня на кухню и принялась там рыдать. А потом рассказала такие кошмарные вещи, что мне захотелось вернуться в Виторию. Нет, серьезно. Я подумал: «Куда, черт возьми, я попал?» Как такое может быть, что у двенадцати- или тринадцатилетней девочки в голове такие гадости...

— Что же такого она тебе рассказала, Асьер?

— Что отец к ней прикасается. Типа, «Привет, меня зовут Ребекка, и мой папа трогает меня там, где нельзя». И что ее отец раньше встречался с ее тетей. Что она рассказала тете, которая была врачом, что отец ее трогает, а тетя написала отчет, и Ребекку поместили в психиатричку при Вальдесилли.

— Да, это я знаю, — сказал я, допивая свой капучино.

— Она была в истерике и все твердила, что ничего не придумала; она знала, что отец и тетя были любовниками, когда остались одни на всем белом свете, без бабушек и дедушек. Семейную историю я плохо помню, все это меня мало интересовало. Больше всего мне хотелось уйти поскорее с кухни, чтобы Сауль не застукал меня в первый же вечер со своей дочерью в слезах и соплях.

— Постарайся вспомнить, мне это очень нужно.

— Ее бабушка много лет лежала в постели, потому что дала обет не знаю какой Деве; своего деда она не знала, но в Сантильяне говорили, что он был очень странный; потом они умерли, ее тетя к тому времени уже почти стала врачом, и отец, Сауль, уехал жить к ней. Короче, история о кровосмешении; мне все это напоминало детские страшилки. А сама Ребекка будто бы выгораживала Сауля. То есть сперва поливала его дерьмом, потом отказывалась от собственных слов и уверяла, что очень его любит. Честно говоря, мне показалось, что она здорово не в себе. Я знаю, что Сауль предупредил Хоту, чтобы тот ей не верил, а Хота рассказал, что девочка приставала с этими историями и к нему, и к Аннабель. Сауль встревожился и испугался. А ты бы ей поверил? Тебе она не пыталась задурить голову?

— Она пыталась мне что-то рассказать, но нормального разговора так и не вышло.

«Смерть Мариан пресекла его на корню», — пронеслось у меня в голове.

— Короче, девочка была чокнутая, и история, которую она рассказала, тоже была совершенно безумная.

— Думаю, так оно и было. Сауль подтвердил нам диагноз: параноидальное психотическое расстройство. — Я вдохнул поглубже и попытался подобрать правильные слова. — У нее был комплекс Электры, она была влюблена в Сауля. Все это она делала для того, чтобы привлечь к себе его внимание.

— Да, в лагере это было заметно.

— То, о чем ты догадывался, было правдой, — продолжал я. — Она выдумала историю про домогательства и кровосмесительные отношения отца и тети.

— Черт, вот же гнилой умишко...

Я кивнул; мне не понравились слова, которые использовал Асьер, но в целом я был с ним согласен.

— Но какое это имеет значение сейчас? Разве ты не говорил мне, что девочку убили через год?

— Представь себе, она жива и, возможно, преследует нас.

— То есть как... жива?

— Спрошу у тебя кое-что личное. Недавно ты отрицал, что Ана Белен была беременна от тебя. Признайся: вы с Арасели, случайно, не ждете ребенка?

Я не хотел ему говорить, что отцом сына, которого ждала Аннабель, был Хота. Отчасти потому, что это была тайна следствия; отчасти потому, что чем больше знал я и чем меньше знал он, тем лучше я справлялся со стратегической игрой, в которую превратились все наши разговоры.

— Насколько мне известно, нет. Я уже сказал тебе, как собираюсь поступить со своим дурацким браком, когда ты закончишь расследование и я смогу спокойно распоряжаться этими миллионами, чтобы вы не накинулись на меня и не отправили в тюрьму. Вы уже проделали это когда-то с Тасио, который провел двадцать лет за решеткой из-за вашей халатности.

Я стиснул зубы; мне очень хотелось послать его куда подальше... но сейчас я не мог этого сделать.

— Лучше ответь на мой вопрос, Асьер. Я не хочу с тобой ссориться. Ты уверен... что не станешь отцом?

— Уверен, Унаи. Если только Арасели не залетела потихоньку и не скрывает это от меня.

— А может, кто-нибудь еще от тебя забеременел?

— Исключено. Это же Витория... Кстати, ты не ответил на мой вопрос: что значит, что Ребекка жива?

— У нас есть показания невестки Сауля, тети Ребекки. По ее словам, Ребекка не умерла. — Я вздохнул. Слишком много слов подряд. — Мы думаем, что она жива, и это она убила Аннабель и Хоту. Ты не встречал в последнее время какую-нибудь женщину, которая

могла бы быть Ребеккой? Тридцать восемь лет, хорошо образованна, когда-то была брюнеткой, хотя сейчас может выглядеть как угодно...

— Моя жена, — ответил Асьер; голос его прозвучал резко, как удар хлыста, и сам он внезапно напрягся.

— Арасели? Как она может ею быть?

— Моя жена, — тихо повторил он. — Арасели здесь, будь осторожен, хорошо? Она не должна знать об этом.

И тут я наконец понял. Арасели стояла в нескольких метрах от нас, на пороге частного зала. Как долго она простояла на этом месте и сколько успела услышать?

Когда она приблизилась к нашему столику, мы оба вскочили, как дети, пойманные с жабой в руках.

— А ты что здесь делаешь? — не удержался Асьер, прежде чем поцеловать ее в губы.

Арасели сложила руки на груди. С каждой секундой мне все больше казалось, что со своей новой стрижкой они с Аннабель Ли похожи как две капли воды. Неужели Асьер не замечает это?

— А что, я не имею права навестить мужа?

— Разве ты сегодня не в Доности?

— В Бильбао. Я была в Бильбао. Занятия закончились, и я сказала себе: «Надо бы сделать мужу сюрприз и появиться внезапно», — и отправилась в ресторан, куда ты ходишь каждый вторник; вдруг и вправду тебя там встречу. Я поступила неправильно? Привет, Унаи, — сказала она и дважды чмокнула меня в щеку; ее поцелуи пахли цветочными духами. — Я не поздоровалась с тобой, извини. Объясняла мужу, что решила сделать ему сюрприз.

— Привет, Арасели, — сказал я, не желая вмешиваться в их разговор.

— Все в порядке? — спросила она. — Что-то случилось? У вас прямо-таки лица вытянулись.

— Все хорошо, — сказал я как можно более беззаботно. — Просто соскучились по нашим обычным посиделкам, вот и все.

— Понятно. Я тоже. Мы все стали какие-то не такие. Не сможем просто взять и собраться вместе. Ничего удивительного, после стольких-то похорон... У нас самый высокий уровень смертности среди всех тусовок на севере. Сначала Мартина, потом Хота...

— Это типа шутка? — перебил ее муж.

— Ладно, забудь. У тебя сегодня явно не лучший день.

— Эй, если что, я пошел, — поспешил раскланяться я.

К счастью, в этот момент зазвонил мой новый мобильник; я удалился, вежливо попрощавшись, и, прежде чем ответить на звонок Эстибалис, спустился на улицу.

— Унаи, я говорила с Альбой о Милан Мартинес. В личном деле сказано, что она родилась в Сантандере. Странно, правда? Она никогда нам об этом не говорила и всегда старалась поменьше ездить с нами в Кантабрию.

— Этого недостаточно, чтобы ее подозревать, — сказал я. — Что у тебя на уме, Эсти? Я же вижу, что ты что-то задумала.

— Я думаю о том, что кто-то взломал твой старый телефон, ты обменял его на новый, но... Я всего лишь прошу тебя мыслить шире: что, если Ребекка следит за нашим расследованием и по твоему новому телефону?

— Ты хочешь сказать, что Ребекка — это Милан? Давай поговорим с ней прямо сейчас и все выясним, — сказал я, стараясь привести в этот дикий разговор немного здравого смысла.

Хотя в голове у меня все время крутилась фраза, которую обронил мой друг Асьер: «Величайшая хитрость дьявола заключалась в том, что он убедил мир в своей нереальности».

Если Ребекка не умерла, она может быть кем угодно. Даже Милан.

— Ты сейчас где? Я еду к башне Анда. У Альбы этот адрес указан как постоянное место жительства Милан Мартинес.

— Я рядом, выхожу из «Порталона». Жду тебя.

Вскоре мы встретились под аркой внушительного средневекового здания, стоящего возле площади Бурульерия. Эстибалис достала мобильник и набрала номер Милан.

— Мы с инспектором Айялой ужинали в «Порталоне», а потом говорим друг другу: зайдем-ка к Милан, она рассказывала, что сняла квартиру в башне Анда...

— Я никогда вам не рассказывала, где живу, инспектор, — услышал я голос Милан.

— Ах, вот как? Значит, это был Пенья...

— Не думаю, — отрезала она.

— В общем, мы тут, внизу, и нам ужасно любопытно увидеть вашу квартиру, потому что мы не знакомы ни с кем, кто жил бы в этом

старейшем доме Витории. Можем мы зайти к вам и посмотреть его изнутри? Я позвоню в домофон; откройте нам, пожалуйста.

Милан потребовалось несколько бесконечных секунд, чтобы открыть нижнюю дверь.

Подойдя к ее квартире на верхнем этаже, мы услышали, как за дверью кто-то торопливо и небрежно наводит в доме порядок.

Эстибалис, насторожившись, снова позвонила в дверной звонок.

Милан распахнула дверь. Волосы у нее были мокрые, сверху накинут халат, под которым явно ничего не было. И только в это мгновение я понял неприятное чувство дежавю, которое возникало у меня всякий раз, когда я ее видел, а заодно и замечание бабушки. Милан была не Ребеккой. Она попросту не могла ею быть. Потому что Милан в точности походила на Мариан Мартинес, студентку исторического факультета, которую я не сумел спасти двадцать четыре года назад.

54. Башня Анда

10 января 2017 года, вторник

Я инстинктивно сделал шаг назад. Милан с мокрыми волосами слишком соответствовала моему последнему воспоминанию о Мариан, сохранившемуся в моей памяти: как я с трудом удерживал ее на поверхности воды возле утеса Мансано.

— Мариан? Вы ведь Мариан, верно?

Милан молчала. Эстибалис ничего не понимала.

— Кто такая Мариан? — растерянно спросила она.

— Я не Мариан, — проговорила Милан, все еще неуверенно держа руку на дверной раме. Уж не собирается ли она захлопнуть дверь у нас перед носом?

— Но вы вылитая Мариан, теперь я это ясно вижу, — настаивал я. — Старше ее, но...

— Но я не Мариан.

— Мы можем спокойно поговорить у вас в гостиной, Милан? — вмешалась Эстибалис, потихоньку просачиваясь в прихожую.

— Конечно, но я не ждала ничьего визита, инспекторы. Извините за беспорядок, — пробормотала Милан, крепче затянув пояс халата.

Мы с Эсти зашагали по коридору многовекового дома, но, проходя мимо одной из комнат, застыли на месте.

Стена помещения, представлявшего собой кабинет, в котором не имелось практически ничего, кроме ноутбука, одиноко стоящего посреди необжитой пустоты, была обклеена фотографиями, а также розовыми, зелеными и оранжевыми стикерами. Розовые стикеры относились к фотографиям Сауля Товара. К десяткам фотографий. Сауль в детстве, в юности, во времена лагеря, на лекциях в течение двадцати лет, пока я его не видел. Чего, судя по такому количеству фотографий, нельзя было сказать о Милан.

Зеленые стикеры предназначались Асьеру, Лучо и Хоте, а заодно и мне самому. Она сохранила все наши посиделки в кафе, выложенные когда-то в социальных сетях, все мои фото из прессы, освещавшей некогда дело о двойном преступлении в дольмене. Фотографии, которые я считал приватными, также украшали ее кабинет.

Оранжевые стикеры указывали временную шкалу жизни и смерти Аннабель Ли. Подробное резюме ее издательской карьеры с тех пор, как двадцать лет назад она опубликовала первый комикс. Презентации, автограф-сессии, встречи с читателями. У Милан было несравнимо больше графического материала, чем у нас.

Я подошел к стене и сорвал фотографию, точная копия которой хранилась на чердаке в Вильяверде. Вся наша компания, только моложе: хрупкие фигуры, узкие плечи, и никто не знает, что произойдет всего через несколько дней...

— Милан, вы должны нам кое-что объяснить, — сказал я, повернулся к ней и показал фотографию. — Или все-таки Мариан?

— Кто-нибудь объяснит мне, кто такая Мариан? — вскричала Эстибалис.

— Ее больше нет.

— Хорошо, но что это была за женщина? — настаивала моя спутница.

— Она была моей старшей сестрой. Она умерла или была убита в лагере в девяносто втором году.

И тут я понял: это знакомое лицо, эти черты, которые я уже видел раньше... Глаза, близко посаженные друг к другу, спартанское телосложение, созданное для битв...

— Твоя сестра? Я не знал, что у Мариан была сестра.

— Да, у нее была семья, инспектор Айяла. Такое случается: две жизни текут параллельно, и никто не задает друг другу вопросы. И никто не потрудился что-нибудь объяснить нашим родителям. Они были пожилыми людьми, и смерть дочери их раздавила. Они молчали, чтобы никого не потревожить. А я тогда была совсем ребенком и осталась без... Без сестры, которая фактически меня воспитывала. Мне нужно знать, действительно ли это был несчастный случай, убили ли ее, а может, она сама прыгнула в море... Никто, казалось, не интересовался тем, что там произошло; просто в воскресенье вечером нам вернули ее тело.

— Погодите, погодите... что значит «убили»? Она же сорвалась со скалы.

— Вы это сами видели? — яростно прошипела Милан, забирая у меня фотографию.

— Нет.

— Может, это видел кто-нибудь другой?

— Сауль.

— Ага, Сауль...

— Думаете, Сауль что-то скрывает, и это он толкнул ее с обрыва?

— Вы были тем юношей, который бросился за ней в воду; вы должны были находиться где-то рядом. Что произошло на самом деле?

Я вспомнил то, чего не хотел вспоминать. В моих воспоминаниях сохранились только яростные волны, вырывавшие у меня Мариан, и тяжесть ее мертвого тела. Мозг зафиксировал лишь физические ощущения. Но как ей об этом сказать?

— Мы с Аннабель сидели на вершине утеса, недалеко от пляжа Портио. — Эта длинная фраза далась мне с трудом. — Ваша сестра промчалась мимо, как фурия, на бегу спросила нас о Сауле и отправилась напрямик к нему. А потом мы увидели ее в море, возле утеса Мансано.

— Как, черт возьми, она оказалась в море? Она была нормальным человеком, у нее не было причин сводить счеты с жизнью, тем более на глазах у преподавателя и студентов.

— Сауль сказал, что ее сбросило порывом ветра.

— В тот день действительно дул сильный ветер, инспектор?

— Начинался дождь, но там, где сидели мы с Аннабель, ветра, по правде сказать, не было. А затем разыгралась настоящая летняя гроза, поднялись волны...

— И вы полагаете, что порыв ветра мог сдуть мою сестру? — вскричала Милан, не в силах сдержаться.

Я растерялся. Я ни разу не задумывался о том, какой силы должен быть ветер, чтобы сдвинуть с места восьмидесятикилограммового человека.

— Так, хватит! — вмешалась Эстибалис, встав между нами. — Вы, двое, идите в гостиную и спокойно все обсудим. Объясните мне все с самого начала, чтобы я могла что-то понять.

И хотя в разговоре она почти не участвовала, а вели мы себя так, будто в кабинете больше никого не было, ей удалось овладеть ситуацией.

Мы послушались и уселись все вместе в крошечной гостиной Милан. Из окон виднелись площадь Буруллерия, «Порталон» и старый Музей археологии. Думаю, это был самый средневековый уголок во

всем городе. Глядя на такую красоту, сложно было концентрировать внимание на делах, но нам с Эсти было не до красот.

— Полагаю, мне есть что вам рассказать, — пробормотала Милан, уткнувшись подбородком в ворот халата.

— Вы попросили зачислить вас в наше подразделение, когда обнаружилось тело Аны Белен Лианьо?

— Так и есть. Я контролировала инспектора Айялу, которого пресса называет Кракеном. Единственное имя, которое они называли моим родителям, было имя парня, который бросился вытаскивать тело моей сестры.

— Она была жива, — машинально повторил я двадцать четыре года спустя.

— Вы уверены?

— Нет... — признался я. — Все говорили, что это не так, но я бросился в море, поскольку был уверен, что она жива.

— Рано или поздно мы покончим с этим, — снова перебила нас Эстибалис. — Потом вы сможете наверстать упущенное, а сейчас, Милан, мне нужно обсудить с вами кое-какие вопросы. Я нашла фальшивый профиль в аккаунте Аннабель Ли в «Фейсбуке». Некто, называющий себя Женовой, возможно, и был той самой подругой, сблизившейся с жертвой, когда та объявила о беременности. Почему вы ничего не сообщили?

— Потому что это не единственный фальшивый аккаунт, который я обнаружила: Брианда, Алана... инспектор Айяла велел мне внимательно следить за именами. Мне пришлось в голову отследить все имена кельтского происхождения, принадлежавшие фанатам, которые с ней общались. Я нашла еще два аккаунта, которые никуда не ведут, хотя один из них называет себя «Линетт», что означает «нимфа», а другой — «Бегонья Кортахена». Как видите, имена ни о чем не говорят, хотя оба профиля фальшивые как не знаю что. Не хотелось досаждать начальству, пока не найду что-то более значимое; разве я поступаю неправильно?

Эстибалис помедлила несколько секунд, прежде чем ответить:

— Думаю, я поспешила с выводами. Во всяком случае, еще один вопрос, Милан: где вы были рано утром семнадцатого ноября?

— Здесь, дома. Спала. Как и почти все.

— Но у вас нет возможности доказать нам, что вы говорите правду.

— Ни малейшей. Как и у многих других, — повторила она со своей сокрушительной логикой.

— Так, а в ночь с третьего на четвертое декабря? Это был субботний вечер. Вы никуда не ходили? Вас кто-нибудь видел?

Милан поморщилась, явно нервничая; выпрямилась и прислонилась к спинке дивана.

— Этого я не могу вам сказать, — ответила она и сложила руки на груди.

— То есть как не можете сказать? Видел вас кто-то или же вас никто не видел? — настаивала Эстибалис.

— Не могу вам сказать — и все.

— Милан, но это же так просто. Всего лишь ответьте: может ли кто-то подтвердить, что вы не тусовались в Куэсте, не встречали Хосе Хавьера Уэто и не пришибли его в Барбакане.

— Я же говорю: я не могу сказать, где была и может ли кто-нибудь это подтвердить, — повторила она.

— Она не хочет говорить, потому что боится подставить меня, инспектор, — сказал Пенья, который в чем мать родила вышел из ванной, располагавшейся как раз напротив гостиной.

Придя в себя от неожиданности, Эсти на несколько секунд дольше, чем диктовали приличия, в упор рассматривала почти белоснежные волосы, характерные для физиологии Пеньи.

— Заместитель инспектора Пенья, объясните, что все это значит, — вынужден был вмешаться я, потому что остальные растерянно молчали.

— Потому что он был в этой квартире со мной всю субботнюю ночь, рано утром и все воскресенье. Мы можем это доказать, хотя фотографии выглядят немного чересчур... Принести их вам?

55. Малькеерида

13 января 2017 года, пятница

Это был один из худших дней в году, а январь только еще начинался. И дело не в том, что на календаре была пятница, 13-е. Дело было в другом.

Рассвет был холоден и мрачен; наступал один из тех ледяных дней, когда смертоносный мороз просачивается под одежду, и не было одежды, способной согреть тело или дух. В это морозное утро мой белый город был белее, чем когда-либо прежде.

Альба не хотела сидеть в этот вечер дома — прислала какое-то оправдание, которое я не запомнил, на «Ватсап» моего нового мобильного телефона и отключилась. Остальные мои сообщения до нее не дошли.

В последние несколько дней я замечал, что на работе она держится со мной холодно и отсутствующе. Ноль химии, ноль флирта, ноль каких-либо признаков взаимного интереса. Возможно, ее тяготила беременность, а может, виной тому была постоянная угроза очередного приступа судорог, подобного тому, который однажды уже случился. Успокоив себя этим объяснением, я купил ей кулек жареных каштанов и зазвал пообедать в «Ла-Малькеериду», в двух шагах от дома. Я действовал напористо, не давая ей возможности отказаться. С моей стороны это был жест отчаяния.

Я ждал ее на углу бара, задаваясь вопросом, не продинамит ли меня Альба, а мои ледяные руки согревались каштанами.

И все-таки она пришла. Появилась, прекрасная и печальная, в своем неизменном белом длинном пуховике, делавшем ее похожей на Владычицу озера из средневековой сказки.

Альба поздоровалась со мной рассеянно, и все мои попытки завязать непринужденный разговор одна за другой терпели поражение, пока мы не оказались в полной тишине.

— Знаешь, почему этот уголок называется «Ла-Малькеерида»? [\[44\]](#) — рассеянно заметила она. — В честь твоего прославленного предка, Педро Лопеса де Айялы, комунеро [\[45\]](#).

— У него есть кое-что и от тебя, — напомнил я, — он был графом Сальватьерра.

— Насколько я помню, он был настоящим сутягой — судился даже с собственной матерью Марией Сармьенто еще в пятнадцатом веке из-за каких-то земель, а его вторая жена от него ушла, хотя у них были дети, и вынуждена была искать убежища у его главного соперника, генерального депутата Алавы. Говорят, что здесь, в переулке, выходящем на ворота Сан-Мигель, и жила эта самая Малькериды, — сказала Альба с едва уловимой горечью в голосе.

— Знаешь, я чувствую в тебе какую-то враждебность и понятия не имею, в чем дело, — сказал я и протянул руку, согретую каштанами, но она ее отстранила.

— Унаи, пойдем к тебе. Мне не нужны свидетели того, о чем я собираюсь с тобой поговорить.

— Ко мне так ко мне. Я хотел позвать тебя, но не знал, согласишься ли ты ко мне идти, — я удовлетворенно кивнул.

Мы поспешно оплатили счет и вскоре очутились в теплой норе на третьем этаже.

Я закрыл дверь, но жара, царившая в квартире все эти дни, уже спала. Альба была ледяной, и не было никакого способа ее согреть.

Я стоял перед ней в гостиной; она печально смотрела в окна эркера, выходящего на площадь Белой Богородицы, словно прощаясь с этой панорамой.

— Что случилось, Альба?

«Ясно же, что что-то произошло, и это серьезно», — подумал я.

— Тасио Ортис де Сарате, брат-близнец моего покойного мужа...

— Я знаю, кто такой Тасио, — перебил ее я. Не нужно было напоминать мне о драме, которую скрывало каждое ее слово.

— Тасио мне звонил. Он прислал мне это. Вот, посмотри сам, — сказала Альба и показала мне экран своего мобильного.

Передо мной было отсканированное изображение старой фотографии. Два совершенно одинаковых новорожденных младенца прижимались друг к другу.

— Что это?

— Это Тасио и Игнасио.

— А зачем Тасио тебе прислал это фото?

— Скажи мне сам, Унаи.

Да, я должен был все ей сказать. Должен был. И я это знал.

— Ты говорил с Тасио, рассказывал ему о нас с тобой. Признался, что я беременна и что дочь будет наша общая. Ты попросил Тасио включить эту часть моей жизни в сценарий сериала, который увидят тысячи людей! — ответила она.

— Я пытался ее защитить, — только и сказал я.

— Кого, мою дочку? Защищаешь ее таким образом? — Она повысила голос.

— Если Тасио не включит нашу любовную историю в свой сценарий, все будут считать, что девочка родилась от Нанчо. Она вырастет с клеймом дочери серийного убийцы.

Альба смотрела на меня недоверчиво и беспомощно. Я никогда не видел ее в таком состоянии.

— Ты должен был посоветоваться со мной! — снова закричала она. — Так обычно делают нормальные партнеры, Унаи. Но, похоже, ты забыл, что означает жить в паре. То, что ты сделал, будет иметь последствия и для меня, и для девочки. Тасио на этом не остановится.

— Я тебя не понимаю.

— Он попросил меня сделать анализ ДНК, когда она родится. Они с Игнасио желают знать, является ли она их племянницей. Они говорят, что у них нет и не будет потомства, и хотят завещать ей все имущество Ортис де Сарате, хотя прекрасно знают, что все трое братьев считаются незаконнорожденными детьми доктора Урбины. Поскольку других членов семьи не осталось и они потихоньку присвоили все семейное состояние.

— Что... что ты им ответила?

— Я объяснила Тасио, что не хочу делать тест на отцовство моей дочери, что буду воспитывать ее так, как если бы она была твоей дочерью, что именно эту историю я расскажу ей в будущем. Но Тасио настаивает. Он хочет присутствовать в жизни своей племянницы. А я... я не желаю, чтобы у моей дочери имелось хоть малейшее сомнение в том, что она не дочь Нанчо. Тасио и Игнасио просто одержимы этим потенциальным родством... Как, черт возьми, я могу этому помешать? Ты подумал об этом, когда решил позвонить ему, не посоветовавшись со мной? Ведь это может разрушить нашу жизнь — мою и моей дочери!

— По-моему, было бы лучше, если б все заранее знали, что она — моя дочь. Даже если из-за этого мне грозит опасность встретиться с сумасшедшей Ребеккой.

— Сумасшедшая Ребекка... о ней я сейчас даже не думаю! Я думаю лишь о том, как по-идиотски ты поступил, выставив себя на всеобщее обозрение. Как будто сам хочешь, чтобы тебя подвесили за ноги, а голову сунули в котел.

— Осторожнее, Альба, — предупредил я.

— Осторожнее, говоришь? Это тебе следует вести себя осторожнее. С тех пор, как я позволила тебе участвовать в расследовании, ты не только не нашел ни одного подозреваемого, чтобы представить его судье, но и поставил всех нас под угрозу своими ошибками и оплошностями.

— Да, я такой, Альба! Теперь ты сама это видишь. Я импульсивен, я не думаю о... чем-то другом, если речь идет о тебе. Так было с самого начала. — Я набрал в легкие воздуха, пытаюсь сосредоточиться. Это не сработало. — Я жалею о способе, но не о том, что сделал, — продолжал я, не собираясь останавливаться. — Я не позволю, чтобы полмира считали, что моя девочка — дочь серийного убийцы.

— Все, хватит! Мы не пара, мы никогда не были парой, не говоря уже о семье. Ты все делаешь так, как считаешь нужным, и не только в расследовании. Ты не умеешь работать в команде; мало того, не умеешь быть партнером. Я не позволю тебе и дальше принимать решения, касающиеся меня, не посоветовавшись со мной. Ты все решаешь за меня и мою дочь. Вы делите ее между собой, как территорию или военную добычу. Вы решаете, войти в ее жизнь или выйти из нее... Вы действительно думаете о ней? Или о том, чтобы удовлетворить свое тщеславие?

— Не сваливай в одну кучу меня и Тасио! — рявкнул я, теряя контроль.

Альба взяла свое белое пальто, накинула на плечи и села в паре метров от меня.

— Это прощание, Унаи, — сказала она, и я понял, что решение уже принято. — Я устала от бесконечных попыток что-то наладить. Ты сможешь видеть девочку, сможешь заниматься ее воспитанием, мы будем делать это вместе — но каждый в своем собственном доме, живя своей собственной жизнью, как родители, которые развелись.

«С ума сойти, — подумал я. — Мы были парой в течение нескольких микросекунд — и вот уже я разведенный отец...»

Но Альба исчезла, и мне показалось, что она все та же незнакомка, с которой я так толком и не познакомился рано утром на пробежке в нескольких метрах ниже, возле галереи Сан-Мигель.

* * *

Вне себя от ярости я схватил старый мобильный — в новом у меня его номера не было, я не хотел, чтобы звонок отследил Матусалем.

— Разбудить человека среди ночи... Ты знаешь, который час в Лос-Анджелесе, Кракен? — раздраженно проворчал Тасио в десяти тысячах километров от площади Белой Богородицы.

— Не знаю и знать не хочу.

— Ах вот как... — Он помедлил несколько секунд и, казалось, все понял. — Альба, я полагаю.

«Да, приятель. Альба».

— Перейду к делу, — сказал я. — Ты не имеешь права навязывать себя этой девочке.

— Я могу пойти в суд и потребовать тест на отцовство, ты же знаешь.

— Неужели ты на такое способен?

— Я хочу присутствовать в ее жизни, Кракен. Я хочу быть частью ее жизни. И отдать то, в чем отказали ее отцу, Нанчо.

— Не используй мою дочь для выплаты своих непогашенных долгов.

— Докажи, что она — твоя дочь, тогда мне не придется доказывать свои права на нее.

— Ты же знаешь, Альба не хочет делать тест. И для меня биологическое отцовство неважно, поверь мне. Я хочу воспитывать эту девочку, и мне все равно, кто ее биологический отец.

— А мне не все равно. Мне важно, кто биологический отец. Если б вы с Альбой были уверены в этом, мы не затеяли бы сейчас эту абстрактную дискуссию. Буду предельно откровенен: я хочу, чтобы она была Ортис де Сарате и носила нашу фамилию с гордостью.

— Даже ты носишь ее без особой гордости. К тому же не вижу ничего плохого в наших фамилиях.

— Не сбрасывай меня со счетов, Кракен, я могу причинить тебе много вреда. Я еще не закончил сценарий, — повторил Тасио, вновь превращаясь в сурового зэка, которого я однажды увидел за решеткой.

— Не надо мне угрожать, — предупредил я. — Я позволил твоему хакеру проникнуть в мою жизнь и шпионить за мной, я не заявил на вас в полицию и не стал останавливать... И ты же на меня теперь бочку катишь? Интересно, знаком ли ты с понятием признательность? Матусалем должен был дать тебе хороший урок.

— Но не тогда, когда речь идет о моей крови.

Вот же упрямец...

— Не буду напоминать тебе, как ты обошелся с Нанчо, с человеком твоей крови, когда он появился в вашей жизни.

— Именно, — ответил Тасио. — И это надо исправить.

Мы зашли в тупик, продолжать было бессмысленно. Я попытался выровнять дыхание, но у меня плохо это получалось, когда я пребывал в таком отчаянии, как в ту пятницу, 13-го.

Следовало выбрать другую стратегию, заставить его задуматься не обо мне и тех разрушениях, которые он мог бы нанести моей жизни, а о доставшейся ему огромной власти, дающей право влиять на жизнь Альбы и девочки.

— Тасио, — я заговорил примирительным тоном, — ты прошел через тяжелое испытание: такой город, как Витория, тебя не принял...

— Не принял? Он и сейчас не принимает все это длящееся настоящее. Иначе какого черта я сижу в Калифорнии при двадцати четырех градусах посреди зимы?

— Значит, ты хочешь, чтобы твоя племянница страдала так же? Не лучше ли публично объявить ее дочерью героя?

— Очень умно, Кракен. Очень умно. Но твои психологические трюки на меня не действуют. Я буду двигаться дальше. Мы с Игнасио обязаны присутствовать в жизни девочки, и ты ничего не сможешь с этим поделать.

— Черт побери! — закричал я, окончательно теряя терпение. — Я мечтал о семье, а ты отнял у меня эту семью!

И когда я произнес это вслух, на меня будто обрушилась ледяная глыба. Я понял, что разрыв с Альбой окончателен: моя глупость

лишила меня всяких шансов на то, что когда-нибудь мы с ней и дочкой будем одной семьей.

56. Сантильяна-дель-Мар

14 января 2017 года, суббота

Ночью я не уснул, а когда у меня бессонница, в голове крутятся все дневные мысли разом. Мне не хотелось страдать больше, чем я уже страдал, бесконечно думая о том, что потерял Альбу. Я знал себя и знал свои пределы.

Поэтому одну одержимость я заменил на другую: Ребекка Товар.

«Кто ты теперь, Ребекка?»

«Кто ты теперь...»

Я вернулся к месту, где все началось: Сантильяна-дель-Мар, поселок, где проживала семья Товар.

Я включил новый мобильный, более надежный, и позвонил ей рано утром в субботу. Я знал, что она такой же жаворонок, как и я сам.

— Инспектор Айяла, есть новости? — спросила она настороженно и одновременно удивленно.

— Я звоню вам, как другу. Я доверяю вам, Милан. И сейчас мне нужно, чтобы вы подключили свою магию.

— Что угодно, шеф, — с облегчением сказала она.

Я рассказал, что именно мне нужно. Для нее это было несложно: найти все адреса, связанные с одним из студентов Университета Кантабрии.

Я не хотел договариваться с Эстибалис насчет субботы. Возможно, Альба была права: мне больше нравилось действовать в одиночном режиме. Мне хотелось побыть одному, совершенно одному. Одиночество очень помогало в жизни — по крайней мере, я не разрушал судьбы людей, которые мне дороги.

Я сел в машину и доехал до Сантильяна-дель-Мар через два с половиной часа после разговора с Милан.

Парня с разными глазами я нашел по адресу, который раздобыла коллега: забегаловка в вестибюле усадьбы, где весь ассортимент ограничивался стаканом молока и куском кекса.

Я ждал терпеливо, как браконьер в засаде, пока парень обслужит небольшую очередь туристов.

Он поднял взгляд, держа в руке стакан молока, вздрогнул и попытался удрать по лестнице в подсобку.

— Даже не пытайся, — строго сказал я, взяв его за тощую руку.

— Я не хочу, чтобы меня видели в вашей компании.

— Не надо было бегать марафон по коридорам факультета, гений.

Думал удрать так запросто?

— Чего вам от меня надо? — сказал он, испуганно поглядывая в опустевшее кафе.

— Что ты там говорил о Синей Бороде? Я из-за нее сна лишился, парень.

— А я — отца, хотя вас в этом и не упрекаю.

— Тебе придется все мне объяснить.

— Полагаю, он это заслуживает... — пробормотал парень.

— Кто и что заслуживает?

— Мой отец. Чтобы кто-нибудь в этом городе сказал наконец о нем правду.

— Я тебя слушаю. Какое отношение твой отец имеет к Саулю Товару?

— Оба спали с одной и той же женщиной.

— Ты имеешь в виду жену Сауля?

— Жену? Бедняжка, как можно такое о ней говорить после того, как все закончилось... Насчет Синей Бороды — это не я придумал. Когда Асунсьон Переда умерла, люди перестали бояться и распустили языки. Здесь всегда ходили слухи, что Сауль расправился с ней, когда подросла его дочь, что вкусы у чувака были странные и взрослые бабы его не интересовали. Он их гнал от себя в три шеи, по крайней мере, тут, в деревне: всех отшивал и всем отказывал. Нет, я имею в виду эту ведьму, его сестру Сару Товар. Эта снобка разрушила жизнь моей матери... Слушайте, давайте зайдём в подсобку, если вам не сложно. Не хочу, чтобы нас видели вместе и кто-нибудь вас узнал. Вы же тот самый Кракен из Витории, верно?

В качестве ответа я что-то промычал; разговор меня утомил.

В этот момент из подсобки вышла пожилая женщина и подошла к парню.

— Все в порядке, сынок? Я слышала чьи-то голоса.

— Все хорошо, бабушка. Это преподаватель из универа; мы рады видеть друг друга. Не могли бы вы оставить нас наедине на некоторое

время? Нам нужно поговорить...

В заведение вошла пара американцев с путеводителем под мышкой: бабушка подхватила поднос с кексами, собираясь их обслужить.

Я воспользовался паузой, пролез под прилавком, поднялся вслед за парнем по деревянной лестнице и вошел в подсобку. Внутри все было в стиле ретро и пахло коровьим молоком. Запах подсобки напомнил мне раннее детство, когда во время полдника я смотрел по телику черно-белых клоунов, защищенный успокоительной близостью родителей.

Парень пригласил меня присесть на старый стул из шпона с алюминием и уселся рядом. Вид у него был напряженный и настороженный.

— Давай, рассказывай все, что знаешь.

— Видите ли, я думаю, что мой отец всю жизнь бегал за Сарой Товар. Он был старше ее; познакомились они в деревне, потом оба изучали медицину, а в девяностые работали в Вальдесилье. Я могу рассказать вам лишь то, что слышал от мамы: в семье Товар все были странные: мать Сары и Сауля не вставала с постели последние годы жизни, отец был очень религиозен и очень строг, а брат и сестра были очень близки, просто очень близки. Не знаю, понимаете ли вы меня...

— Я бы предпочел, чтобы ты выражался более ясно.

— Здесь, в деревне, всегда говорили, что Сара и ее младший брат были неразлучной парой; многие видели, как они держатся за руки, а иной раз и целуются.

— В деревнях часто ходят нездоровые сплетни, — заметил я.

— Тут дело другое. Об этом говорили вообще все. И болтуны, и молчуны. Знакомые, соседки, близкие... Это были не просто деревенские слухи. Мама говорит, что отец очень злился, когда это слышал. Со временем я узнал, что Сара много раз отвечала ему отказом; в конце концов он женился на моей матери, но это для него мало что значило. Мать с ума сходила от ревности, узнав, что они работают в одной больнице.

— Твой отец лечил дочь Сауля?

— Да, и сразу после этого мои родители расстались.

— Почему?

— Потому что Сара, которая к тому времени была в больнице заметной фигурой, и мой отец закрутили роман. Отец ушел к ней. Однажды ночью не явился домой ночевать. Мама не выдержала, собрала его вещи в чемодан и поставила у двери. Она была беременна мной, для нее было невыносимо остаться одной с ребенком. Отец исправно платил алименты, но в моей жизни отсутствовал: его не было на моем первом причастии, он ни разу не появился в Рождество... Он выкинул меня из своей жизни. Теперь вы понимаете, почему я не особо люблю этих Товаров, и меня просто бесит, что в университете мне приходится видеть профессора Сауля каждый божий день.

Отсутствующий отец...

Парень продолжал что-то говорить, он был очень взволнован. Я смотрел на него с сочувствием, спрашивая себя, не расскажет ли моя дочь незнакомому собеседнику через двадцать четыре года историю о своем отсутствующем отце.

57. Утиный фонтан

24 июля 1992 года, пятница

Унаи растерянно брел сквозь толпу, которая двигалась по Кутчи, подпрыгивая и пританцовывая.

Неделю он провел в Вильяверде, помогая дедушке с комбайном и пытаясь оправиться от того, что произошло в Кантабрии.

Его брат Герман, в то время одиннадцатилетний мальчик, испугался, когда увидел бинты у него на руках. Дед, внешне невозмутимый, шепнул: «Потом расскажешь, давай не будем пугать мальчонку». А когда Герман лег спать, дедушка наложил ему самодельную мазь, изготовленную из горных трав, которая выглядела как обыкновенная грязь, зато от нее отлично затягивались раны.

Через несколько дней Унаи наконец снял повязки, и все вернулось на круги своя — быстрее, чем он думал.

За первым робким звонком Хоты позвонили Лучо и Асьер. Все избегали говорить о том, что произошло в последний день лагеря; это был своего рода уговор молчания, который они соблюдали всю свою жизнь. Впереди маячила важная дата: в пятницу был канун праздника Сантьяго^[46], и в ту ночь они дали себе слово устроить в Витории настоящий пожар, спалить Старый город, а заодно и все проблемы вместе с дурными воспоминаниями...

Все, они хотели сжечь все.

В еженедельнике Унаи имелаась страница, которую он всю неделю старательно игнорировал. На первом листе, на странице А, Аннабель Ли написала ему своим готическим почерком «позвони мне» и номер телефона. Унаи не знал, позвонить ей или лучше не стоит.

Он чувствовал досаду и на саму Аннабель, и на ее равнодушие к смерти Мариан. Унаи знал, что с Аннабель ничего путного не выйдет.

В пятницу в полдень дедушка сообщил, что ему звонят.

— Какая-то девушка, велит позвать тебя, — сухо доложил он, пока Унаи разгружал пшеницу в амбаре.

По лестнице он мчался через три ступеньки и бросился к аппарату. Глухо спросил:

— Да?

— Ты мне не позвонил.
— Нет, не позвонил.
— Завтра в субботу, в двенадцать ночи. Я буду в «Рохо». — И она повесила трубку.

* * *

В ту же пятницу в восемь вечера он встретился с ребятами. Все было так, будто ничего не произошло, и дружба возобновилась в том виде, какой они помнили ее еще до лагеря. В поведении каждого из них чувствовалось облегчение или, может быть, напускное равнодушие.

В субботу, одетые в блузы, они провели весь день на улице, съели по бутерброду с омлетом в «Депортиво Алавес» и перекусили на улице Дато.

Когда на город опустилась ночь, друзья зашагали к Куэста-де-Сент-Винсенте, затем устремились по Кутчи и Пинто.

Они запросто могли разминуться в толпе. Унаи встретил ребят из Вильяверде, Хота столкнулся со своим хоровым кружком, Асьер — с баскетбольной секцией... Вся Витория собралась в ту ночь в Старом городе.

Пробило двенадцать, а Унаи все еще был в конце Кутчи. Он попрощался с Хотой, пообещав напоследок: «Встретимся через пару часов в «Окендо», я тут кое-кого встретил», — и выскочил из предпоследнего переполненного бара, намереваясь проследовать в направлении, противоположном шествию блуз и нескас, которые двигались по улице вниз.

Где-то в толпе он потерял берет, один из тех, что дед купил у Элосеги и одолжил ему на один день, потому что сам надевал редко. Пришлось вернуться. Берет он нашел на тротуаре рядом со входом в Дом веревки. Натянул его на голову и наконец вошел в «Рохо», где яблоку негде было упасть.

На свидание с Аннабель Унаи опоздал на четверть часа. Он искал ее за стойкой, искал среди людей, плясавших под «Черный цветок», который передавали по «Радио Футуро», среди сидевших возле железных бочек с пивом и подпевавших хором «В конце Рамблы...»,

искал у высоких окон с красным переплетом, но нигде не было и следа его... подруги? девушки?

Изрядно расстроенный, Унаи решил, что свидание сорвалось, и подумывал о том, чтобы отправиться в «Окендо» к ребятам.

«Завтра позвонишь ей сам, договоришься на другой день, как положено», — сказал он себе.

Внезапно ему показалось, что ее длинная грива мелькнула в дверях туалета, и он бросился туда.

К туалету Унаи пробился с трудом — в баре было не пройти. Тут-то он и понял, что туалет занят не одним человеком. Не только тем человеком, которого он собирался там увидеть. Аннабель, одетая в неску, сидела на крышке унитаза с задранной юбкой и спущенными до щиколоток белыми чулками. Парень в блузе, сидя спиной ко входу, совершал равномерные поступательные движения, а его полосатые брюки топорщились в районе башмаков.

Из-под берета торчала пышная шевелюра, по которой Унаи сразу узнал своего... друга? — короче, узнал Лучо.

На этот раз — а это был уже третий раз, когда Унаи застал Аннабель в подобных отношениях с ребятами из тусовки — он даже не извинился, как в первых двух случаях. Посмотрел Ане Белен Лианьо в глаза и произнес свои прощальные слова.

— Мы с тобой больше никогда не будем разговаривать, — сказал он и, прежде чем уйти, успел заметить, что Лучо прервал свой брачный танец, обернулся и приветственно приложил руку к берету.

После чего продолжил свое дело.

* * *

Унаи забыл, забыл обо всем. В дни, которые последовали за праздником Сантьяго, он практически поселился в Вильяверде.

У него было оправдание: он работал спасателем в бассейнах Бернедо, а в выходные, 1 августа помогал деду увязывать сено в тюки и учил Германа водить трактор «Джон Дир», посадив его себе на колени. Малыш не отходил от него ни на секунду, очень переживая из-за того, что старший брат, его кумир и герой, где-то пропадал в течение

нескольких недель; не хватало еще, что и он исчезнет и никогда не вернется, как родители.

Унаи не хотел появляться в Витории все лето, но в итоге отправился туда в последний день праздников Белой Богородицы, 9 августа: Асьер и Хота очень его звали, да и сам он не хотел, чтобы история с Аной Белен испортила их дружбу.

Унаи вырвал страницу А из своего еженедельника, и, пока годы спустя не переписал его в телефон, тот начинался с Б, а всякие Антонио и Агирре изображались другими заглавными буквами.

Это случилось 9 августа, после прощания с Селедоном на площади Белой Богородицы, когда они ждали Лучо в конце улицы Эррерия у Утинового фонтана, чтобы вместе вернуться домой.

Наконец Лучо появился; он немного опоздал и явно был чем-то расстроен.

Унаи не заметил, как это произошло, — по крайней мере, не отследил удар кулаком, который угодил ему в правую щеку.

— Она с тобой? Она что, снова с тобой? — крикнул ему Лучо. — Она сказала, что у нее есть другой и что я его знаю. Это правда? Это был ты?

Унаи, оглушенный внезапно обрушившимся на него ударом, потерял равновесие и упал на землю.

— Ты с ума сошел, чувак. Неужели ты думаешь, что я мог снова с ней замутить? — ответил он, прижимая руку к щеке. У него болела верхняя челюсть, очень болела.

— Ты мне не ответил.

— Очень даже ответил!

Унаи дрожал от ярости, но так и не поднялся с земли. Лучо был упитанный, однако довольно шустрый, к тому же сейчас он был взвинчен до крайней степени и не контролировал себя. Пару раз он несильно ударил Унаи в живот. Однако это оказалось больнее, чем тот ожидал. Унаи сжал кулаки и медленно поднялся на ноги.

— Уходи, Лучо, — сказал он. — Ты должен уйти.

И вдруг, к немалому удивлению трех друзей, Лучо расплакался.

— Ты не понимаешь. Ее зовут Аннабель Ли из-за меня! Мы встречались с детства, с детского сада! — крикнул он.

— Но ты ведь ходил в Сан-Матео... — отозвался Унаи, еще ничего не понимая. — А она ходила в сад на бульваре Сенда, туда же,

куда и я.

Тут вмешался недоверчивый Хота:

— Аннабель ходила в твой детский сад?

— Да... и я это помню, — в отчаянии пробормотал Лучо.

— Я не хотел никому делать больно, но наша любовь была сильнее, чем... — начал Хота.

— Не валяй дурака, — устало перебил его Унаи. — Мне она говорила то же самое.

— Черт возьми, — вмешался Лучо, его кулаки все еще были сжаты. — Она рассказала про детский сад и про то, что мы были влюблены с детства и что я у нее был первым и единственным...

— Блин, и мне тоже, — уныло признался Хота. — Все один в один: что ходила со мной в детский сад на Дасампарадас... что поменяла имя ради меня и что в последний день подарила мне рисунок, прежде чем взрослые разлучили нас, увидев наши отношения...

— Вот дерьмо, — пробормотал Асьер, подтверждая четвертую версию той же сказки.

Это было слишком для Лучо и его надежд. Ему все еще был нужен виновник. Поэтому он снова ударил Унаи в ту же щеку, правую, которая на этот раз лопнула от удара и начала кровоточить.

— Это ты, это всегда был ты! — крикнул он Унаи. — Из всех четверых ты стал ей ближе других, разве нет? Остальное было игрой.

— Асьер, уведи его, — попросил Унаи, дрожа с головы до пят. — Ты должен забрать его сейчас же.

Асьер сразу все понял и потащил друга обратно в сторону Эррерии.

— Пойдем, выпьем по последней, — пообещал он.

Предложение было настолько неожиданным, что Лучо позволил себя увести, и они вдвоем зашагали прочь от опасности, которую представлял собой в этот момент Унаи.

Хота остался стоять на том же месте — ему тоже хотелось выпить последнюю кружку пива или чего-нибудь еще. Но плачевное состояние друга значило для него больше, чем жажда хоть как-то забыться.

Он подошел к Унаи, взял его за длинную ручищу и подвел к фонтану.

— Почему ты так себя вел, Унаи? Почему ты не врезал Лучо? — спросил Хота.

Унаи сунул голову в Утиный фонтан, чтобы смыть кровь и остудить шишку, которая постепенно раздувала его щеку.

«Потому что я его убил бы, — подумал Унаи. — И это был бы не первый раз, когда кто-то гибнет по моей вине».

58. Сорняк

15 января 2017 года, воскресенье

Только спустя много лет я понял причины, по которым Аннабель Ли желала, чтобы ее заставляли при каждом соитии, которое она практиковала с каждым из нас. Ее называли Сорняком, призналась она мне однажды.

Такой Аннабель была для всех четверых. Сорной травой, которой мы позволили вырасти среди нашей беспечной юности. Она означала конец невинности. Конец детства.

Аннабель была не человеком, а каким-то иным существом, одним из символических персонажей ее комиксов: дряхлая старуха, разодетая, как юная девушка, а на самом деле Старуха с косой; бородатый старик, в котором скрывается Ментор, учитель Одиссея; почтальон, исполняющий роль Герольда; юный новобранец, который беспрекословно подчиняется приказам и воплощает собой Солдата...

И вот двадцать четыре года спустя, когда наши кое-как зализанные раны почти не давали о себе знать, Аннабель вернулась, чтобы напомнить, что они так никогда и не зарубцевались. Что одного ее имени, как древнего заклинания, было достаточно, чтобы грозные чары снова вторглись в нашу жизнь и утопили нашу компанию, которую мы считали непотопляемой.

59. Больничная часовня

16 января 2017 года, понедельник

Я остался в Кантабрии на все выходные. Не хотелось возвращаться ни в ледяную Виторию, ни в мою ледяную квартиру, ни тем более к моим ледяным личным обстоятельствам. Мне шли на пользу морской воздух и загородный дом, который я арендовал в Сомокуэвасе, посреди Коста-Кебрада.

Моя спальня выходила на заднюю лужайку, и когда я просыпался, передо мной высились скалы, которые я долгие годы так ненавидел. Но я заставлял себя на них смотреть, наблюдал часами за натиском волн, пока не привык к их извечному монотонному ритму. И впервые за десятилетия наступил момент, когда дурная совесть в виде узла, стягивающего мое сердце, перестала мне досаждать. Я больше не барахтался в открытом море, преданный целиком на его милость. Отныне я был взрослым и, лежа в постели, лениво наблюдал чудесный зимний рассвет.

Я прогулялся по скалам, вернулся на пляж Портио напротив утеса Мансано, где некогда погибла Мариан Мартинес, и попытался простить себя за то, что не обладал сверхспособностями и не спас ее, потому что был всего лишь шестнадцатилетним мальчиком, швыряемым волнами. Наконец-то настало мое примирение с Кантабрией.

После показаний сына доктора Осорио в мою голову закралась догадка, альтернативная докладу, представленному нам Саулем Товаром.

А что, если Ребекка...

Дедушка всегда говорил, что все правильные вопросы начинаются с «а что, если». Я частенько использовал на практике его сократический метод, и мне не нравилось, куда теперь устремились мои выводы.

Точнее, не нравилось то, что они подразумевали. То, что за ними следовало.

Этот праздный уикенд не прошел впустую. Я решил воспользоваться своим пребыванием в Кантабрии и разработал хитрую

стратегию, чтобы не возвращаться в Виторию с пустыми руками.

* * *

В понедельник я первым делом отправился в больницу Вальдесилья. За стойкой регистрации сидела женщина, с которой я общался во время предыдущего визита. Я обратил к ней свою самую очаровательную улыбку и начал уверенным тоном:

— Не могли бы вы прямо сейчас же позвонить доктору Осорио и вызвать его в часовню? Это срочно.

— Конечно, сейчас позвоню в его кабинет, — ответила она с ответной улыбкой.

Затем я поднялся в отделение эндокринологии и подошел к стойке, из-за которой на меня рассеянно смотрел молодой парень.

— Можете пригласить доктора Товар в часовню? Это срочно.

Я сделал скорбную физиономию безутешного родственника — человеку с таким печальным лицом никто не может отказать в одолжении.

— Сейчас же ей сообщу.

— Спасибо. Безмерно вам благодарен, — ответил я и исчез в коридоре, всем своим видом изображая несуществующее горе.

Как только медбрат потерял меня из виду, я направился к аварийному выходу и полетел вниз по лестнице с такой скоростью, будто больница была объята пламенем.

Через несколько минут в дверях пустой часовни появилась Сара Товар. Обнаружив внутри психиатра, она вздрогнула и резко остановилась.

Оба несколько секунд молча смотрели друг на друга.

— Давненько не виделись, — пробормотал хриплый мужской голос.

— Давненько, — сухо отозвался женский.

— И это все, что ты можешь сказать мне после стольких лет? Через несколько дней я ухожу на пенсию. Тебе больше не придется меня видеть, и... — сказал он.

— Похоже, Ребекка не умерла, — перебила его Сара.

Прошло несколько секунд; в часовне висела полная тишина.

— Прости, что ты сказала? — наконец отозвался он.

— Полиция явилась к моему брату Саулю, и теперь они уверяют, что племянницу никто не убивал, что есть свидетель, который утверждает, что она сбежала из дома. Фотографии были сделаны для имитации смерти, чтобы ее больше никто не искал. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Знаю ли я что-то об этом?! — вскричал психиатр. — Знаю ли я что-то об этом... А может, напомнить тебе, что именно ты обвинила меня в этом кошмаре? Не вздумай снова втягивать меня в ваши гнилые дела. Я больше не имею к ним отношения. И если эта девочка не погибла, ты обязана как минимум извиниться передо мной.

— И не мечтай. Говори потише, все-таки мы в доме Божьем...

— Будь ты проклята, лицемерка! Ты использовала меня, развратничала со мной, поставила под угрозу мою карьеру. Ты разрушила мой брак, и все это ради своего брата. Я никогда не прощал себе того, что сделал с этой бедной девочкой.

Сара Товар не торопилась с ответом.

— Как я рада, что мы наконец-то распростимся, доктор Осорио. Надеюсь, вы вместе с вашими грехами сгорите в аду, — сказала она наконец своим тусклым голосом и молча покинула часовню.

Психиатр растерянно сел на скамейку, а я наконец вышел из исповедальни, где прятался все это время.

— Что вы с ней сделали, доктор? — спросил я. — Что, черт возьми, вы сделали с Ребеккой Товар?

60. Королевский отель

16 января 2017 года, понедельник

Увидев, как я приближаюсь с мобильником в руке, психиатр замолчал.

— Не утруждайте себя опровержением. Все записано.

Он поднялся одним прыжком, одернул белый халат и выпрямился с чувством собственного достоинства.

— Это незаконно; судья не примет доказательств, полученных без моего согласия.

— Тем не менее этого будет достаточно, чтобы вас осудил дисциплинарный медицинский комитет.

Я сделал паузу, прежде чем продолжить; к счастью, все это прозвучало очень убедительно.

— И поверьте, я найду способ передать им эту запись. Не говоря уже о прессе.

Доктор Осорио понял, что я говорю всерьез и это не пустые угрозы. В этот момент он был готов на что угодно.

— Через несколько дней я навсегда уйду из профессии, — взмолился он наконец. — Вы не можете так со мной поступить.

Я сел рядом с ним на скамейку. С пьедестала на нас внимательно смотрела статуя Пресвятой Девы.

— Все очень просто, — смягчился я. — Никакой огласки не будет, если вы расскажете мне, что произошло двадцать четыре года назад.

— Пустые угрозы, бравада...

«Отлично», — подумал я и отыскал в интернете номер больничного коммутатора.

— Больница Вальдесилья? Я хочу поговорить с дирекцией; звоню из полицейского участка Витории, — сказал я, поймав испуганный взгляд доктора.

— Нет, пожалуйста, повесьте трубку!

— И не подумаю, — сообщил я, прижимая мобильник к уху.

Зазвучали «Времена года»; я терпеливо ждал.

— Повесьте трубку, ради бога! — взмолился он еще более отчаянно. — Я поговорю с вами... только, пожалуйста, повесьте

трубку.

Я повиновался. Осорио явно понял, что моя угроза серьезна, и покорно вздохнул.

— Я знал: когда-нибудь мне придется ответить за то, что я причинил этой девочке...

— Можем начать с правды, если вы не против.

— Хорошо. Пришло время вытащить то, о чем я молчал столько лет...

Несколько минут стояла полная тишина, доктор Осорио потирал руки. Я представил, что он ищет слова, которые помогли бы ему разобраться с прошлым.

— Видите ли, у Ребекки не было никаких признаков психоза. Да, у нее была излишняя любовь к отцу, в некотором смысле комплекс Электры, но она была очень незрелой для своего возраста, слишком инфантильной, и ее поведение укладывалось в рамки типичных детских реакций. Все это ни в малейшей степени не служило поводом для госпитализации. В какой-то степени неизбывная тоска по утраченной матери была выдумкой Сары. Девочка иногда грустила, но она была так привязана к отцу, что тот без особых потерь заменял ей исчезнувшую мать. Тем не менее однажды девочка в отчаянии обратилась к Саре и призналась ей в том, что с ней проделывает отец. Сара рассказала об этом Саулю; обоим стало ясно, что они не могут позволить себе скандал подобного уровня. Они решили проучить Ребекку, чтобы та больше никому не пыталась рассказать о развратных действиях со стороны отца. Вот почему Сара пришла ко мне — она знала, что я неравнодушен к ней еще со времен ранней юности.

Я слушал доктора внимательно, пораженный его признанием. Так, значит, у Ребекки не было признаков психоза...

— В таком случае... то, что говорила Ребекка, было правдой?

— Думаю, да. Я собрал ее показания; девочка говорила исключительно о прикосновениях, не более того. Но ее рассказ был правдоподобен. Если вы хотите мое мнение, то знайте: я ей поверил. Это вполне соответствует нарциссическому характеру Сауля и его любимому возрасту.

— Любимому возрасту?

— Педофилы предпочитают определенный возраст. В случае Сауля Товара, полагаю, этот диапазон относится к препубертатным

девочкам, то есть еще не достигшим подросткового возраста. Или малоразвитым женщинам, которые выглядят гораздо моложе, как его жена. Может быть... может быть, его первым опытом была как раз неразвитая девочка-подросток. В Сантильяне было много догадок о том, что могло произойти в этой семье. До тех пор я отказывался подливать масло в огонь, но, услышав лично рассказ девочки, понял, что всю жизнь был слеп, отрицая очевидное.

— И что вы сделали? — спросил я. Внезапно я почувствовал себя плохо, очень плохо.

— Сара попросила меня поставить ложный диагноз. Я объяснил ей, насколько серьезно то, о чем она просит, но воспользовался ее положением и взамен попросил переспать со мной, хотя бы один раз. Я не горжусь этим, я умоляю вас не осуждать меня, я уже и так наказан... Она согласилась; она была очень религиозна, но пошла на эту уступку ради своего брата Сауля. Тогда-то я и узнал, что слухи, которые ходили в Сантильяне, были правдой. Эти двое всегда были вместе.

— Что же было дальше?

— Да ничего особенного. Она получила свое, а я — свое. Я провел с ней ночь, и — полная наивность, несмотря на свои сорок лет, — как влюбленный щенок, решил, что она останется со мной, и не вернулся домой. Мы отправились в Королевский отель — я хотел, чтобы все было красиво, по-богатому. Но все получилось не так, как я себе представлял. Это была чистая формальность, и она больше ни разу не осталась со мной наедине. Двадцать четыре года мы избегали встреч, шарахаясь друг от друга в больничных коридорах. Я тоже нечасто ездил в деревню в те годы. Я чувствовал себя грязным подонком и скверным мужем, который не сумел противостоять обстоятельствам и роли злодея в этом дурном кино, в которое превратилась моя жизнь.

— Но у вас там сын...

— Сын, который не желает меня видеть.

— Сын, с которым вы даже не пытались наладить отношения, — не удержался я. — Простите, что вмешиваюсь не в свое дело... но мальчику двадцать пять лет. Вы оба наказываете себя за то, что произошло еще до его рождения.

— Не знаю, хватит ли у меня на это смелости... Что теперь будет? Вы собираетесь на меня донести?

— Мне придется составить протокол с вашими показаниями, связаться с полицейским участком Сантандера, и пусть решает судья. Я представляю только улики и факты, которые имеют отношение к расследованию, — проговорил я тоном профессионала. Так я поступал всегда, когда дело принимало слишком личный для меня оборот и я рисковал оказаться вовлеченным.

Доктор Осорио пристально смотрел на Пресвятую Деву, будто эта небольшая статуэтка знала ответы на все вопросы.

— Да, пусть решает судья. И если я должен заплатить, то заплачу сполна. Все лучше, чем туча, которая висит над моей головой уже двадцать четыре года.

Я видел, что этот человек принимает решение без раздумий, с огромным облегчением для своей и без того настрадавшейся совести. Но думал я только о Ребекке, о том, что она осталась в школе на второй год, о том, что ее травили нейролептиками, в которых она не нуждалась, о том, что ей пришлось бежать из собственного дома после рождения мертвого младенца...

— Да, вы должны заплатить, — сказал я, не в силах сдержать ярость. — То, что вы сделали с этой девочкой, было ли там насилие или нет, не имеет прощения. Может быть, вы действительно пошатнули ее психическое здоровье, и теперь двое отдали за это свою жизнь... Пусть ваша совесть также понесет это бремя.

И я покинул проклятую часовню, которая десятилетиями хранила тайны разрушенных судеб.

61. Сомокуэвас

16 января 2017 года, понедельник

После откровений доктора Осорио я в глубокой задумчивости вернулся в дом в Сомокуэвасе, где провел предыдущие две ночи. Словно автомат, уселся на траве напротив утесов и неподвижно сидел, глядя на волны и пену, взлетающую к их подножию.

«Значит, ты не лгала, Ребекка. Ты ждала от нас помощи, а мы тебя подвели».

Тот факт, что Ребекка не была больна и приставания отца не были выдумкой, заставил меня задуматься о новой рабочей гипотезе. Пока что она вырисовывалась довольно смутно и имела много несостыковок — и все же нужно было ее подтвердить. Свидетельские показания Сауля вряд ли помогли бы мне — он мог начать все отрицать или опровергнуть; нужно было подтвердить их фактами, и я решил воспользоваться пребыванием в Кантабрии, чтобы хотя бы немного продвинуться в расследовании.

Я взял новый мобильный, позвонил Эстибалис и рассказал о новом повороте дела.

— А ты уверен? До сих пор Сауль был для тебя святым.

— Поговори с Альбой, пожалуйста, Эсти. Изложи ей то, что я тебе сказал; это очень срочно. Позвони мне, как только получишь ответ.

Звонить Альбе Эстибалис не спешила. Я уже собирался было вернуться в теплое и такое манящее гнездышко спальни, как вдруг зазвонил мобильный.

— Судья Олано подписал ордер. Неохотно, но подписал, учитывая отсутствие продвижения. У тебя есть под рукой принтер?

— Да, на ресепшене вроде бы есть компьютер. Присылай документ, — откликнулся я.

Медлить было нельзя — я не мог допустить, чтобы это безобразие затянулось хотя бы еще на один день.

Я позвонил Пауланеру и вкратце изложил суть дела. Он обещал поговорить с судьей и передать ему показания доктора Осорио.

Не теряя времени даром, мы связались с оперативным отделом и через пару часов явились в шале Сауля Товара с ордером на обыск. Нас сопровождал судебный секретарь из Сантандера.

При встрече Сауль показался мне удрученным; его синяя борода разрослась, под глазами темнели круги.

— Что за чертовщина, Унаи? — мрачно спросил он, неспешно прочитав ордер. — Что вы ищете?

— Тебе лучше подождать на улице, Сауль. Просто позволь мне делать свою работу.

Он стоял передо мной, на лице его отражалась смесь ужаса и решимости. Так прошло несколько секунд, потом он подался назад и впустил меня в дом.

Инспектор Ланеро остался у входа, следя за тем, чтобы Сауль чего-нибудь не предпринял. Я поднялся наверх в бельэтаж, где, как я предполагал, находились спальни, и надел латексные перчатки, которые всегда возил с собой в машине.

Мне нужна была какая-нибудь вещь, принадлежавшая Химене.

Ее комнату я нашел рядом со спальней Сауля, их разделяла общая стена.

Выглядела она по-детски: всюду плюшевые игрушки и тому подобные мелочи. Кровать была застлана, на письменном столе образцовый порядок. Со стены на меня смотрели несколько фотографий, одна из них сделанная в день получения диплома: Химена на ней была в тоге и шапочке. Отец обнимал ее за шею, оба светились от счастья.

Я открыл шкафы, они были практически пусты. Сауль избавился от всей одежды, принадлежавшей его дочери.

Постепенно мной овладела тревога: я не находил ровным счетом ничего.

«Ладно, это не может так закончиться. Химена, ты наверняка оставила хоть какой-то след в этом мире», — умолял я, на случай если она все-таки услышит меня из своего небытия.

И мне повезло.

Я уже собрался прекратить поиски и покинуть комнату, как вдруг заметил предмет, видимо, ускользнувший от тщательнейшей уборки Сауля: в платяном шкафу на дне верхнего ящика в прозрачном пакете лежала шапочка Химены.

Я взял ее дрожащими пальцами, словно драгоценное сокровище, и осторожно освободил от пластика. Внутри шапочки я обнаружил пару волосков, застрявших между швами; один из них сохранил волосяную луковицу. Эти волоски возродили во мне надежду: наконец-то я получил возможность проверить свою теорию.

Я пометил находку, чтобы предъявить ее в качестве вещдока, и спустился по лестнице. В руках я осторожно нес пластиковый пакет, где хранилась шапочка.

Увидев меня в дверях с трофеем, Сауль прислонился к одной из колонн террасы. Думаю, на мгновение он потерял равновесие, хотя вскоре взял себя в руки и изобразил на лице неизменное спокойствие.

— Вы уже уходите? — спросил он, в его голосе я различал умоляющие нотки.

— Это тебе, Сауль, — я протянул ему отпечатанные листы бумаги. — Могу я рассчитывать на то, что ты явишься к нам в лабораторию и позволишь взять у себя образец ДНК?

Сауль развернул листы и углубился в чтение; его крупные руки едва заметно дрожали.

«Обращаюсь к вам с просьбой явиться в университетскую больницу Маркиза де Вальдесильи для взятия трех сухих мазков слюны из полости рта и последующей передачи образцов сотрудникам судебной полиции Сантандера».

Кадык Сауля несколько раз поднялся и опустил. Наконец мужчина молча кивнул.

— Уходите, пожалуйста, — пробормотал он, видимо, сдаваясь.

Вскоре мы покинули шале.

— Что вы думаете, инспектор Ланеро?

— Он может сбежать. Потребуем у судьи разрешение следить за домом, я ему не доверяю.

— Полностью согласен. Запускаем все формальности, необходимые для установления слежения. Я возвращаюсь в Виторию; посмотрим, что скажут в лаборатории.

Оставалось одно: уговорить Голден.

62. Река Садорра

16 января 2017 года, понедельник

К вечеру я прибыл в Виторию, встретился с доктором Геварой и передал ей генетический материал. Однако необходимо было сделать кое-что еще, и только Голден могла в этом помочь, хотя я сомневался, смогу ли с ней связаться.

Я помчался к себе домой и приклеил два кусочка черной изоленты в форме креста на стекло моего балкона.

Это единственное, что я мог сделать. Затем принялся ждать.

Я ждал...

Ждал и ждал.

Каждые два часа я спускался в подъезд и проверял почтовый ящик. Тот по-прежнему был пуст. Я знал, что еще слишком рано, что могут пройти дни, прежде чем связной Голден пройдет мимо площади Белой Богородицы и предупредит ее, что мне срочно необходима помощь.

Уснуть в ту ночь оказалось невозможно. Я делал свои голосовые упражнения, повторяя вслух целые абзацы. Все, что угодно, лишь бы занять ум и не думать ни об Альбе, ни о Ребекке.

На следующее утро позвонила Эсти. Я объяснил, что все еще жду. В Портал-де-Форонда я не был нужен, поэтому не выходил из дома весь день. В моей теплой берлоге ожидание было не таким мучительным. Кроме того, мне требовалось одиночество, чтобы рана от разрыва с Альбой потихоньку затянулась и я смирился с тем, что мы никогда не будем вместе.

Время шло, а Голден не подавала признаков жизни.

То же самое в среду утром.

И днем.

Возможно, она бежала за границу и выкинула из головы все, что произошло в Витории. А может быть, решила создать себе новую личность и оставить позади свое прошлое, прошлое Ребекки, да и мое тоже.

В ту же среду позвонил Пауланер: он подтвердил, что Сауль явился накануне в больницу и сдал анализ на ДНК. За ним постоянно

свели, чтобы он не исчез или не передумал.

Это случилось в четверг утром: я вытащил из почтового ящика конверт без обратного адреса.

Поскольку соседей рядом не было, я распечатал конверт прямо там, в узком коридоре подъезда. Это была Голден. Она вновь назначила мне свидание на урочище Атча. В пять вечера того же дня. Без мобильных телефонов, каких-либо устройств и третьих лиц. Я послушался — все это уже было.

Гигант-посыльный прибыл на своем крошечном мопеде. На этот раз ни один из нас не испытывал особого напряжения. Он приветствовал меня: «Здорóво, инспектор!» — как будто мы знали друг друга всю жизнь и каждую субботу встречались в Старом городе, — и оставил пакет на траве, у подножия урочища. На этот раз парень не обмочился.

— И подпись, если не возражаете, — сказал он мне.

Я накорябал свою подпись и вытащил присланный Голден планшет с мигающим на экране чатом. Уселся на сухую траву, глядя на Задорру и квадратики сжатых полей, раскинувшиеся перед моими глазами. Мимо прошел неосторожный олень и, увидев меня, убежал.

Это послужило мне знаком: я не хотел, чтобы Голден исчезла, узнав о том, что я собирался ей предложить.

«Слушаю тебя», — она поджидала меня в чате.

«Вряд ли тебе понравится то, о чем я собираюсь тебя просить, но, прежде чем ты откажешься, я все-таки изложу свою просьбу», — написал я.

И рассказал обо всем, что произошло во время моей последней поездки в Кантабрию.

«Так значит, ты хочешь, чтобы я...»

«Да. Не осталось ни одного живого свидетеля, кто мог бы это сделать. Только ты», — заявил я ей прямо.

«Неужели вы обнаружили, где похоронен ребенок Ребекки?»

Это сбilo меня с толку. Что значит «похоронен»?

«О чем ты говоришь?»

«Ребекке сказали, что она родила мертвого мальчика, что они позаботятся о том, чтобы похоронить его по-христиански, и ей лучше не знать, где могила».

«Могила? Не так давно Сауль утверждал, что его кремировали... Нет, Голден, я подозреваю другое», — ответил я.

И все ей рассказал.

Она молчала несколько секунд, прежде чем ответить.

«Я размышляла об этом последние несколько месяцев, но не хотелось верить, что такое возможно».

«Видишь, и ты подозревала... Признайся, что такие мысли возникали у тебя и раньше».

«Да, когда я прочитала про молодых самоубийц. Вот почему я хотела исследовать эту тему. У меня были подозрения, но я ничего тебе не сказала».

«Я пришел к тому же выводу, поэтому сейчас мне понадобилась ты».

«Ты знаешь, о чем просишь?»

«Я в здравом уме, Голден. Но это ради Ребекки. Мы должны знать, что произошло на самом деле. Это единственный способ».

Она насторожилась, и ее настороженность была вполне объяснима.

«Поклянись, что это не ловушка, чтобы поймать меня».

«За тобой никто не будет следить. Я не занимаюсь киберпреступлениями, меня не интересует, что ты делала в прошлом, если это не связано с нынешним уголовным расследованием, и я ни в чем тебя не подозреваю».

«А мое нападение на инспектора?»

«Судья пойдет на уступки, если ты согласишься сотрудничать. Ты же знаешь, что я не подам жалобу, даже если прокуратура будет настаивать».

«А похищение несовершеннолетней?»

«Именно поэтому нам понадобится Сауль».

Последняя фраза висела без ответа больше минуты. Я начал опасаться, что Голден испугается моего предложения и это наша последняя виртуальная встреча.

К счастью, через некоторое время на экране начали появляться буквы.

«Я не собираюсь высовываться, я не могу так рисковать».

Я успокоил ее, прежде чем она запаниковала.

«Ты не нужна мне целиком, только часть», — настаивал я.

Голден не торопилась с ответом.

«Хорошо, но знай, я делаю это для БК».

Я не понял.

«БК?»

«Да, БК, Бекка. Когда мы сменили личность, Ребекка сохранила свои инициалы: БК, Бекка, как мы называли ее дома. Так она расписывалась в письмах и так называла себя в интернете», — объяснила Голден.

«Хорошо, тогда ради БК. Я скажу тебе, как мы это сделаем».

Я дал ей подробные инструкции, как пользоваться набором для взятия домашнего анализа на ДНК. Я знал, что адвокат пошлет нас куда подальше с таким тестом, потому что цепочка не была застрахована, но меня интересовало одно: тест должен показать то, о чем я уже догадывался. Если мое подозрение окажется верным, мне будет легче убедить Голден провести более надежный забор анализа, который послужит доказательством в суде. Сауль к тому времени будет уже арестован.

«Еще один вопрос: ты знала, что собиралась изучать Ребекка?»

«Она могла бы изучать все, что угодно — возможно, что-то связанное с информатикой... Она любила историю, но не хотела заниматься тем же, что отец. Я сама отговаривала Бекку от этого всякий раз, когда размышляла над ее судьбой. Надо было исключить малейший шанс того, что они встретятся где-нибудь в профессиональной среде. Еще она говорила, что хотела бы работать с детьми, и, может быть, ей стоило бы изучать педагогику или психологию. Как видишь, типичный подросток: способностей много, а выбор сделать сложно. Тебе это чем-то помогло?»

«Пока не знаю. Может быть. Мне нужно, чтобы ты сдала этот образец как можно скорее, Голден».

«Хорошо, пойду тебе навстречу, прежде чем пожалею об этом».

* * *

В пятницу утром я уже передал образец доктору Геваре.

— Четыре или пять часов, — пообещала она. — Я позвоню вам сразу, как только получу результаты.

Я вернулся домой, то и дело поглядывая на часы. Во второй половине дня у меня был назначен логопед, и, чтобы хоть как-то убить время, я надел кроссовки и отправился на пробежку в сторону Оларизу.

63. Дворец правосудия

20 января 2017 года, пятница

На обратном пути я бежал по Прадо, когда в кармашке на предплечье зазвонил новый мобильный. Это были Эстибалис и ее нетерпение.

— Быстро беги во Дворец правосудия. Результаты готовы, — потребовала она.

Я повиновался без возражений и прямо в рейтузах и худи явился в треугольное здание.

Когда я вошел в кабинет доктора Гевары, там уже были Альба и Эстибалис.

— Заместитель комиссара, доктор, инспектор... — поприветствовал я всю честную компанию, стараясь перевести дыхание после пробежки.

— Вам лучше присесть, инспектор Айяла, — сказала Альба серьезным тоном.

Под глазами у нее темнели круги, которые наводили на мысль, что в последние ночи она плохо спала. Я почувствовал себя негодяем — ведь это я был виноват в ее непростой беременности.

— Вы были правы, инспектор, — продолжала Альба. — Результаты анализов нас потрясли. Вам слово, доктор Гевара.

— Я отправила три образца для определения ПЦР и могу сделать вывод на основе результатов, присланных мне из лаборатории. Видите ли, когда мы проводили тест на ДНК нерожденного сына Аны Белен Лианьо, я говорила, что для доказательств отцовства необходимо получить значение, равное или превышающее 99,73 процента. Так вот, в нашем случае нет ни малейших сомнений: Химена Товар — дочь Сауля, мало того, его внука. С другой стороны, по матрилинейной линии образец ДНК Лурдес Переды также указывает на родство, хотя и не такое близкое. Иными словами, эта женщина, вероятнее всего, двоюродная бабушка Химены.

— Значит, твоя теория верна, — обернулась ко мне Эстибалис. — Ребекка родила Химену, плод кровосмесительных отношений...

— Изнасилования, — отрезала Альба неожиданно жестко. — Ей было тринадцать лет, по закону она еще не достигла возраста доверия; даже если б она пошла на подобные отношения добровольно, это считается сексуальным насилием. Тот факт, что преступник был авторитетной фигурой, такой как отец, добавляет еще несколько лет к верхней планке возможного приговора, вынесенного судьей.

Я тоже был потрясен. Одно дело — строить гипотезы о том, что могло произойти в лоне этой странной семьи; и совсем другое дело — грязная правда, которую поведали гены, не оставляя места для сомнений.

— Отец и тетя солгали Ребекке. Они уверяли, что ребенок родился мертвым и похоронен, — вслух размышлял я. — Сауль утверждал, что Сара Товар его кремировала. Все это ложь.

— Девочка выжила, — вмешалась Эстибалис. — Осталось выяснить, как они ее прятали, кто держал ее у себя, что они собирались с ней делать дальше. Ребекка сбежала из дома через несколько дней после родов, и Сауль не знал о ее намерениях.

— Думаю, за этим стояла Сара, — сказала Альба. — Она была сообщницей брата и наверняка собиралась воспитывать девочку сама. Но в итоге они без особого труда имитировали удочерение. Во всяком случае, мы должны допросить брата и сестру. Понадобятся также показания психиатра, который лечил Ребекку Товар.

— Он их даст, — сказал я. — Инспектор Ланеро уже знает о причастности доктора Осорио.

— Я позвоню судье Олано, сообщу о новом повороте дела и подпишу ордера на арест. Позвоним в полицейский участок Сантандера, чтобы подготовить совместное задержание Сауля, — пообещала Альба.

— Отлично, — согласилась Эстибалис: ей, как и мне, не терпелось закрыть тему Сауля Товара.

— Напомню, что все это не имеет отношения к убийствам Аны Белен Лианьо и Хосе Хавьера Уэто. Мы по-прежнему полагаем, что Ребекка Товар жива, и это подтверждают показания свидетеля — ее тети. В этом случае ее мотивом может быть месть. Но у нас по-прежнему нет никаких доказательств, одни гипотезы. Убийцей действительно может быть Ребекка, однако вы не предоставили ни малейших свидетельств того, за кого она себя выдает. Не говоря уже о

безобразной ошибке, допущенной в отношении одного из наших лучших агентов, Милан Мартинес, — подчеркнула Альба.

— Позвольте сказать пару слов, — перебила нас доктор Гевара.

— Да, слушаем вас.

— Очень сожалею, что при визуальном осмотре тела Аны Белен Лианьо мы не нашли ни одной физической улики. После смерти нашего коллеги Андони Куэсты... в течение нескольких недель мы с инспектором Мугурусой много часов работали с теми уликами, которые удалось спасти. Очень жаль, когда человек гибнет напрасно. И все-таки кое-что мы нашли: на куртке Аны Белен обнаружилось несколько длинных темных волос. Я предположила, что волосы принадлежат самой жертве. Но семь из них имели корень, и я на всякий случай отправила их на анализ. Так вот: один из этих волос имеет совершенно другие генетические характеристики. Он принадлежит кому-то другому.

— Отличная находка, доктор, — заметила Альба, усаживаясь в кресло.

Было видно, что она устала, и это меня беспокоило.

— Итак, у нас появилось физическое доказательство личности убийцы. Единственный вывод, который мы можем сделать, — кто-то был рядом с ней незадолго до ее смерти. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мы не можем доказать, присутствовал ли этот человек в Сан-Адриане, верно? — сказала моя начальница.

— Все так. А теперь хорошие новости. Проводя осмотр тела Хосе Хавьера Уэто, на его ветровке мы нашли еще несколько волосков, и среди них все тот же черный длинный волос. Напоминаю, что пятьдесят семь процентов населения нашей страны имеют каштановые волосы, однако только у двадцати шести процентов волосы черные — это сужает поиск. Кстати, следов краски на нем не обнаружено.

— Ребекка была брюнеткой. У нее были иссиня-черные волосы, как у отца и тети, — напомнил я. — Продолжайте.

— Я отправила оба волоса в лабораторию, и анализ показал, что они принадлежат одному и тому же лицу. Таким образом, кое-что у нас все-таки есть: один и тот же человек с черными, прямыми и длинными волосами был с обеими жертвами во время их смерти или незадолго до нее. Это все, что можно представить судье. При этом у нас нет главного: мы не знаем, кто этот человек. Позвольте мне сравнить

результаты анализа с базами ДНК преступников, но, судя по упомянутым вами характеристикам, вполне вероятно, что данных этого человека, скорее всего, нет в нашей картотеке и мы ничего не найдем.

— Большое спасибо за настойчивость, доктор. Эта находка может помочь нам вычислить убийцу. Если мы найдем Ребекку Товар, достаточно будет взять у нее образец, чтобы узнать, находилась ли она с обеими жертвами, — Альба кивнула.

Вскоре она объявила, что собрание завершено. Несмотря на то что очередная неделя подходила к концу, а вечер выдался ненастным, мы троим вышли из здания суда с искоркой надежды в глазах.

— Кстати, Унаи, поблагодари от меня дедушку. На днях он заехал в Лагуардию и передал маме несколько баночек меда и мешок засахаренного миндаля, — сказала Альба, достала из кармана своего белого пуховика прозрачный пакет и показала нам. — Он так трогательно обо мне заботится...

— Обязательно передам, — сказал я взволнованно и смущенно.

И тут неожиданно позвонил брат. Альба помахала на прощание рукой, и мы с Эстибалис остались одни посреди проспекта.

— Унаи, как ты? — спросил Герман.

— Слегка занят, честно говоря. А что?

— Хотел поговорить с тобой. Но лучше в спокойной обстановке. Ты не собираешься в эти выходные в Вильяверде?

— Собираюсь. Увидимся завтра. Может разговор немного подождать?

— Конечно, завтра и поговорим, — сказал он, хотя облегчения в его голосе я не уловил.

— Завтра я весь в твоём распоряжении, Герман, — пообещал я.

* * *

Мы прибыли в шале Сауля всего через два с половиной часа. Перед дверью Альба поставила полицейских, и к тому времени когда появились Эсти, Милан, Пенья и я, жилище окружило два патруля из полицейского участка Сантандера во главе с Пауланером.

Побережье едва подсвечивали далекие уличные фонари в других жилых комплексах, и ветер дул нам в лицо чуть более яростно, чем обычно.

Пауланер вышел нам навстречу как в воду опущенный, и я сразу понял, что дела плохи, очень плохи.

— Что случилось? — нетерпеливо крикнула Эстибалис и машинально поднесла руку к кобуре пистолета.

— Он вам не понадобится, инспектор. Сауль Товар больше ни для кого не опасен.

— Нет! — не сдержался я и вбежал в шале, не заметив, что дверь уже опечатана.

Его тело я обнаружил в гостиной.

Сауль лежал на полу полуголый; на нем были те же джинсы, в которых он встретил нас в понедельник во время обыска. Его лицо больше не озаряло победное сияние зеленых глаз.

Одна из копий старинных кантабрийских кинжалов пронзила его сердце.

64. Поместье в Сантильяне

25 мая 1968 года, суббота

Мать снова позвала Сару. Она проснулась в отличном настроении. Это был день рождения девочки, ей исполнилось одиннадцать: уже почти взрослая.

— Что вам угодно, мама?

Лежа в кровати, мать велела ей пройти в спальню.

— Вылей горшок и принеси мне завтрак. Сегодня прекрасный день, не так ли? — Улыбаясь, мать посмотрела в окно.

Дом Товаров не отличался живописными видами — окна выходили на узкую улочку, и, если выглянуть наружу, можно было увидеть лишь ограду соседнего участка.

— А потом спустись с братом в подвал; отец вас звал, уж не знаю зачем!

Девочка сглотнула слюну.

Вскоре она принесла поднос со стаканом молока и печеньем.

— Матушка, может быть, вы встанете сегодня? Погода и правда хорошая.

— Мы это уже обсуждали, деточка. Я дала обет Святой Хулиане, а обеты нарушать нельзя.

— Но у меня день рождения, мы могли бы выйти ненадолго погреться на солнышке...

«Мы должны выйти, мама. Мы не можем оставаться в этом доме; я знаю, что нам устроит отец», — молча умоляла Сара.

— Нет, малышка, даже не проси!

— Раз так, пусть Сауль хотя бы выйдет поиграть с ребятами, они ждут его на площади.

— И откуда в тебе это желание вечно перечить?.. А ну-ка, спускайтесь с братом в подвал, а я еще чуть-чуть вздремну.

— Хорошо, мама.

И они с братом, взявшись за руки, спустились по лестнице. Внизу их поджидал отец. Порнограф-любитель вытащил свою самодельную камеру — точно так же его отец в далеких тридцатых годах доставал свой 16-миллиметровый «Кодак», привезенный из Франции.

Он объяснил детям, что и как делать. Сара пристально смотрела на младшего брата:

— Смотри мне в глаза. Все время смотри мне в глаза. Я буду тебя защищать, Сауль.

— Нет, это я буду тебя защищать, — сказал мальчик.

— Нет, я тебя.

— Нет, я тебя.

— Нет, я тебя.

Это был их единственный способ спрятаться от реальности. Чтобы все прошло быстро и приказы отца остались в самом темном углу сырого подвала.

65. Алтарь на небесах

20 января 2017 года, пятница

Следом за мной вошли Пенья и Милан. Возможно, Милан впервые увидела труп, потому что опрометью выбежала из шале, за ней последовал взволнованный Пенья. Я представил, как она стоит в саду, жадно глотая морской воздух, чтобы не стошнило.

Через несколько минут Пенья вернулся в шале; лицо его было очень серьезно.

— Как Милан?

— Так себе. Не могли бы вы выйти и поговорить с ней? — прошептал он.

Я нашел Милан в одном из вместительных кресел, где когда-то мы с Эстибалис беседовали с Саулем. Она не плакала, но голова ее склонилась к коленям. Встопорщенные волосы мешали мне видеть выражение ее лица.

— Как дела, коллега?

— Я этого уже не узнаю, понимаете? Он уже ничего мне не скажет, — проговорила она своим низким голосом.

Я уселся в соседнее кресло. Смерть Сауля Товара поразила меня не меньше Милан.

— Двадцать четыре года я мечтала найти в себе силы, явиться сюда и потребовать от него объяснений, — призналась она. — Но так и не решилась. Я хотела посмотреть ему в глаза: мне казалось, я сразу пойму, столкнул он сестру со скалы или она упала сама. И вот наконец я явилась сюда, дрожа от страха, чтобы задержать его. Но теперь уже никогда ничего не узнаю.

— Скорее всего, тебе это не удалось бы. Сауль — человек... то есть был человеком, — поправил я себя, мысленно чертыхнувшись, — который умеет убеждать. Он убедил меня, что его дочь психически нездорова, глядя... глядя мне в лицо. И я, психолог-криминалист, ему поверил. Я обнял его, посочувствовал в его несчастье. Он и тебе голову задурил бы. Как сделал это со всеми нами.

— Не очень-то вы хороший утешитель...

— Да уж, — пробормотал я. — Мне надо вернуться, Милан.

— Понимаю. Обо мне не беспокойтесь. Со мной все в порядке.

И я вновь оказался в логове Синей Бороды.

Инспектор Ланеро уже оповестил судью, а тот — судмедэксперта. Если вскрытие не опровергнет наши догадки, можно с большой уверенностью утверждать, что это самоубийство.

— Вообще-то довольно необычный способ покончить с собой: сложный и требует определенных навыков. Не так-то просто вонзить нож в сердце. С другой стороны, самоубийцы часто снимают одежду, покрывающую место, куда они собрались нанести повреждения, — заметил доктор, осмотрев труп.

Состояние, в котором мы обнаружили тело, позволяло сделать вывод, что Сауль покончил с собой во вторник, сразу после возвращения из больницы Вальдесилья, где сдавал слюну для анализа. Он знал, что мы найдем совпадения его ДНК с ДНК Химены, и догадывался, какие выводы за этим последуют. Мы узнаем, что Химена — его дочь и его же внучка. Он не хотел, чтобы его задержали. А может, его беспокоило публичное поношение... По крайней мере, отныне хоть в чем-то у нас была полная уверенность.

Забавно: все-таки ему удалось выйти сухим из воды.

В ту же субботу местная пресса сообщила новость о его смерти в онлайн-версии. Выглядела она сдержанно:

«В собственном доме найден мертвым 55-летний профессор Университета Кантабрии. Университетская общественность потрясена случившимся. В понедельник состоится гражданская панихида с участием ректора и декана факультета философии и литературы, высоко ценивших покойного за его вклад в распространение кельто-иберийской культуры».

Итак, редакция «Периодико Кантабро» не связывала его смерть с каким-либо расследованием и ограничилась краткой заметкой. Сауль был бы им очень признателен.

А я только и думал о длинных прямых волосах, найденных судмедэкспертом на куртках. А что, если к убийствам имела отношение Сара? Может, попросить доктора Гевару сравнить найденные волосы с ДНК сестры Сауля? С другой стороны, явившись к ней домой за пробами, мы рискуем, что и она покончит с собой или

сбежит. Имелся еще один вариант, более доступный, — сравнить ДНК Сауля с ДНК волос. Если они принадлежат Саре Товар, обнаружится соответствующее генетическое совпадение.

Но я не был уверен в необходимости этого шага.

В Виторию мы вернулись в полном молчании. Возможно, больше всего смерть Сауля потрясла именно меня: в отличие от других, мы были знакомы лично. И еще Милан, которая продолжала казнить себя за то, что не встретила с Саулем раньше.

* * *

На следующий день, ожидая результатов вскрытия, я отправился в Вильяверде. Было время обеда. Я хотел немного отвлечься от расследования. Деда я обнаружил в орешнике — он подрезал сорные побеги. Брата нигде видно не было.

— Герман еще не приехал? — спросил я, пристроившись рядом с дедом и выдернув несколько сорняков.

— Нет, а обещал приехать пораньше... Не представляю, с чего это он задерживается.

— Наверное, работа в офисе.

— Может быть, — согласился дед, и мы продолжили свое дело.

Я позвонил Герману около половины третьего. Он по-прежнему не появлялся, хотя был не из тех, кто опаздывает без предупреждения. На звонок не ответил: включился автоответчик, приглашая записаться к нему на консультацию.

Мы молча жевали бобы с перцем чили и чоризо, которые дед пожарил в печке на открытом огне. Затем дед отправился вздремнуть, а я так и сидел на кухне, задумчиво глядя в огонь. Я отдыхал. Восстанавливался.

Когда стемнело, необъяснимое отсутствие брата встревожило нас не на шутку.

— Дед, а Герман говорил тебе что-нибудь, кроме того, что приедет утром? — спросил я, подбросив дров в огонь, чтобы лучше протопить дом на ночь.

— Да, сынок, он кое-что рассказал — и добавил, что хочет поговорить с тобой.

Мы с Германом часто рассказывали дедушке о нашей работе, даже такое, о чем нельзя говорить с посторонними из соображений профессиональной этики. Но доверять свои тайны деду было более безопасно, чем каменной статуе: дед был сама надежность. А благодаря своему почти столетнему опыту часто помогал по-другому взглянуть на текущие проблемы.

— Может, расскажешь?

— Не знаю, имею ли я право... Видишь ли, он немного переживает из-за того, что обнаружил у своей девушки.

— Его девушка — это Беатрис, мой логопед?

— Да. Что-то связанное с ее офисом... Помнишь то здание в Сан-Антонио, о котором я тебе рассказывал: во время Гражданской войны в нем разобрали купол, чтобы засунуть туда пулемет?

— Да, дедушка. Дом Пандо-Аргуэльес.

— Так вот, Герман обнаружил, что в здании нет офисов в аренду. Его выкупил застройщик, но работы были приостановлены до завершения реформы. К Герману в офис обратился клиент с вопросом, связанным с аукционом. В общем, этого клиента очень удивило, что подружка Германа работает в этом месте; он что-то разузнал, и выяснилось, что там нет никакой Беатрис... как ее, Коррес?

— Да, Коррес.

— Он говорит, что она не может снимать в этом доме офис, что по закону застройщик не имеет права ничего ей сдавать. Он сказал, что хотел бы обсудить это с тобой, прежде чем поговорить с ней, чтобы узнать, что ты думаешь.

— Думаю, они сдавали офис нелегально.

— Наверное, так оно и есть. И все-таки наш паренек не из тех, кто исчезает, не предупредив... Давай-ка позвоним ему еще раз?

— Давай позвоним.

На всякий случай я написал нашим ребятам, но никто не видел Германа в Витории. Все предполагали, что он с Беатрис. Я позвонил Беатрис, но телефон был выключен.

Мы с дедушкой сидели у плиты в кухне. В полночь я уговорил его прилечь, пообещав, что на следующий день отправлюсь в Виторию и разыщу Германа.

— Дедушка, он взрослый человек. Может, он со своей девушкой в кино или они заняты чем-то интимным... Если один раз в жизни он

повел себя безответственно или ему не пришло в голову нас предупредить, мы не будем сильно расстраиваться по этому поводу, хорошо?

— Конечно, — сказал дед, но я слышал другое: «Ты не успокоил меня, сынок». — Завтра, когда вы с ним обо всем поговорите, скажи ему, что сегодня рано утром я встретил одну девчонку из вашей тусовки, ту, которая с Асьером: она приехала погулять в наших местах, проходила мимо и хотела поговорить с кем-то из вас.

— Жена Асьера, Арасели?

— Она самая. Я не спросил, чего ей нужно, — она очень нервничала. Идет и говорит: «Я ищу твоего внука» или что-то в этом роде. А потом убежала. Торопилась, наверное. Завтра расскажи про это Герману.

«Какого черта Арасели приехала в Вильяверде искать Германа? — удивленно подумал я. — Или она хотела поговорить со мной?»

Я лег, хотя сна не было ни в одном глазу. Я был слишком возбужден и злился на Германа за то, что тот не явился и не предупредил нас.

Не давал мне покоя и визит Арасели. Она никогда не являлась моим близким другом, откровенности между нами не было, но в последнее время я находил ее странной, взвинченной, встревоженной.

Мне хотелось сделать хоть что-то полезное, пока я час за часом лежал в темной спальне. У меня в голове крутились имена. Три фальшивые аккаунта, с которых кто-то общался с Аннабель: Женева, Линетт, Бегонья Кортахарена. Возможно, в одном из них скрывается ключ. Имя, имевшее для Ребекки особое значение, и возможно, как-то связанное с обрядом кельтской Тройной Смерти. Повешенные, веревка, алтарь, вода... Чтобы убить время, я взял телефон, который оставил включенным на случай, если позвонит Герман, и поискал значение имени Ребекка.

То, что я обнаружил, показалось мне, по крайней мере, любопытным. «Ребекка» было библейским именем — точнее говоря, еврейским. Это слово можно было перевести как «веревка» или «петля». Однако по-гречески оно имело отношение к плодородию, а на арамейском означало богиню-землю. Так звали жену Исаака, сына Авраама, женившегося на своей собственной сестре Саре. Любопытно найти столь откровенный намек на инцест в такой семье, как Товары...

Я поискал другие имена. Сауль. Тоже библейское имя, тоже еврейское. Означает «желанный». В самую точку для человека, представлявшего собой чистейший соблазн. В поисках древних имен добрался я и до Арасели. «Ара» означало камень, расположенный в центре алтаря, на который возносили подношения; «сели» происходило от латинского *caelum*, «небеса». Римляне считали Ара Каэлум камнем, позволяющим общаться со сверхъестественным миром.

Я вспомнил алтарь Матр в Барбакане, алтарь нимф в Араиа, недалеко от Сан-Адриана.

И в какой-то момент, уже на рассвете, когда ранний свет пробивался сквозь щели в закрытых ставнях, я вдруг со всей очевидностью увидел то, чего не желал видеть до тех пор.

Клон Аннабель Ли, который вышел замуж за Асьера и все время держался рядом, в нашей компании, спец в информационных технологиях, без труда взломавший мой телефон; кто-то, у кого были веские основания убить Аннабель, когда выяснилось, что та беременна, — возможно, этот неизвестный считал, что отцом был Асьер. И длинные черные волосы на куртках Хоты и Аннабель. Она была с обоими незадолго до их смерти. Я был почти уверен, я знал, что ДНК подтвердит мою теорию.

Я вспомнил, что говорил мне Матусалем в склепе Нового собора, пересказывая историю названия компании «Циско»: «Допустим, мы не знаем слово целиком, но одной его части достаточно, чтобы иметь собственное значение».

Сколько раз я называл Арасели «Ара», не думая о связи ее имени с жертвенниками Матр?

Не могла ли наша неуловимая Ребекка скрываться за личностью Арасели?

66. Дворец Эскориаза-Эскивель

22 января 2017 года, воскресенье

Я дождался разумного часа и около девяти утра отправил Арасели сообщение на «Ватсап». Видимо, она не спала, потому что ответила сразу.

— Мы можем встретиться и позавтракать, Ара?

— Вдвоем или с Асьером?

— Вдвоем, ты и я.

— Я уже позавтракала. Жду тебя у средневековой стены, где мы встречались в ночь свечей.

Мне показалось, что это хорошее место, чтобы поговорить наедине, не слишком подставляясь. Стена располагалась в самом центре, но в воскресенье утром там не было практически ни души.

Мы договорились на час. Я простился с дедушкой, который не переставал звонить на отключенный мобильник Германа, и направился в Виторию. Под глазами у меня залегли темные круги, как у запойного пьяницы.

Арасели ждала меня, больше чем когда-либо похожая на Аннабель Ли, в патио дворца Эскориаза-Эскивель, в самом сердце Средневекового квартала. Было холодно, низкое небо грозило дождем. Мы сидели спиной к стене.

Я предпочел не тратить время впустую и сразу взял быка за рога.

— Ты не знаешь, где Герман, Ара?

Она нахмурилась и бросила на меня подозрительный взгляд.

— Ты что, так до сих пор ничего и не выяснил?

Я печально покачал головой.

— Со вчерашнего дня я ничего о нем не слышала.

— Я знаю, что ты приезжала утром в Вильяверде. Ты хотела поговорить со мной?

Прямота моего вопроса ее смутила, и мысленно я взмолился неведомому божеству, чтобы она не солгала.

— Не с тобой. Я хотела поговорить с Германом.

— Да? И о чем же?

— Это... профессиональные дела. Ну и личные тоже.

Я откинулся назад; затем сопоставил одно с другим.

— Кажется, догадываюсь... Ты собираешься развестись и хотела кое-что с ним обсудить и посоветоваться, верно?

Она посмотрела на меня растерянно.

— Откуда... откуда ты знаешь?

— Я же брат адвоката. Ты представить себе не можешь, сколько людей из нашего окружения приходят к Герману за консультацией.

— Блин... у меня небось на лице все написано.

Я не стал рассказывать, что Асьер поделился со мной, в каком состоянии находится их брак; это был неподходящий момент.

— Зачем ты меня позвал, Унай?

— Ты должна рассказать мне правду о женщине, которая погибла в туннеле Сан-Адриан.

Арасели расчесала пальцами пряди своей черной гривы, машинально пытаюсь привести их в порядок.

— Я же говорила, что не знаю ее.

— Мы нашли длинные темные волосы на куртке, которая была на ней, когда она умерла. Я попрошу у судьи ордер на взятие образца твоего ДНК и сопоставление его с ДНК тех волос. Или ты будешь и дальше упираться?

Она нервно сглотнула слюну.

— Неужели ты готов проделать со мной такое?

— Я хочу выяснить, кто убил Хоту. Да, я проделаю это с тобой.

Арасели стиснула зубы и молча уставилась в землю. Я угадывал в ней бессилие.

— Хотя мне все рассказал, — сказала она наконец.

— Что рассказал?

— Что у Аны Белен и Асьера что-то было. Хотя был просто раздавлен, потрясен. А я переживала за него, он такого не заслужил...

— Значит, ты с ней познакомилась? — перебил ее я.

— Да, я встретилась с ней в середине ноября. За несколько дней до ее смерти. Залезла в телефон Асьера, отправила ей сообщение от его имени и назначила свидание. Я хотела быть уверена, что она придет.

— И что случилось? Вы поссорились?

— Нет, конечно, ссориться с ней было невозможно. Ей все были безразличны — что Асьер, что Хоту... Просто отвратительно.

Я едва не улыбнулся, хотя ничего смешного тут не было.

— Да, это в ее духе. Но потом ты мне солгала, и это была не единственная твоя ложь. Ты была с Хотой в ночь его смерти?

— Мы решили где-нибудь посидеть. А что, на его куртке тоже нашли мои волосы?

— Ты не ответила на мой вопрос.

Ее лицо исказилось от боли, которую до тех пор она скрывала.

— Это не то, что ты думаешь.

— Откуда ты знаешь, что я думаю... Впрочем, это не секрет. Я думаю, что ты вполне могла убить обоих. Я думаю, что Асьер действительно спал рано утром, когда оба умерли. — Я набрал воздуха, чтобы продолжить: — Я думаю, ты могла убить Хоту, оставить его в Барбакане и вернуться в постель к мужу.

Я посмотрел ей в глаза, готовый обрушить на нее свою ярость. Лицо ее покраснело, она встала. Я вскочил вслед за ней, испугавшись, что она убежит.

Но никак не ожидал услышать то, что услышал:

— Мы были вместе! Мы с Хотой любили друг друга, очень любили. Он был лучше вас всех, он был добрый...

— Неужели... ты и Хота?

Мне было трудно представить их вместе. Унылый, вечно понурый Хота — и безупречная, уверенная в себе Арасели. Какая химия, какая нужда могла удерживать их друг с другом? Тревожила меня и другая мысль: знала ли Арасели, что Аннабель ждет ребенка от Хоты?

— Хота был добрым, порядочным человеком! — крикнула она.

— Я знаю. Он был моим лучшим другом с первого класса. Давай сядем, — попросил я.

Арасели послушно уселась на место, словно вместе с признанием из нее вышли все силы.

— Что с вами со всеми случилось? — спросила она чуть более спокойно.

— С нами со всеми случилась Аннабель. Вот что с нами случилось.

Арасели кивнула; быть может, в шести словах она услышала целую историю, которую сам я привык считать гораздо более сложной. Мне не очень хотелось пускаться в откровенности — этому не соответствовали ни время, ни место.

И тут я услышал мелодию «*Lau teilatu*» — рингтон моего старого мобильного телефона. Это была моя логопед, Беатрис Коррес.

Почувствовав громадное облегчение, я сделал знак Арасели оставаться там, где она была, встал и отошел на пару метров, чтобы ответить на звонок.

— Беатрис, слава богу... Ты не знаешь, где Герман?

Однако в голосе Беатрис я услышал нечто неожиданное — ярость, дрожь.

— Да, конечно, я знаю, где Герман. Он у меня, — ответила она.

— Что значит — у тебя? Что-то случилось? Я слышу, что ты как будто расстроена.

Я не понимал, я ничего не понимал.

— Как будто расстроена... Ты в своем уме, Унаи? Ты что, ничего не знаешь?

Она больше не была той любезной, сдержанной Беатрис Коррес, которая в течение нескольких месяцев терпеливо восстанавливала мою речь. Теперь каждое ее слово сочилось ядом.

— Беатрис, я не знаю, о чем ты говоришь...

— Конечно, откуда тебе знать? Это все происходило у тебя перед носом, и ты не сделал ничего, чтобы избежать его смерти. Мой отец умер из-за тебя!

— Твой отец?

— Да, мой отец. Сауль Товар. Ты виноват, что он мертв, Кракен!

Незнакомка, которую я когда-то знал, рыдала по ту сторону линии, рыдала яростно, отчаянно, безутешно.

И вдруг я все понял.

Имена: я ошибался.

Инициалы. БК. Бекка пряталась за Беатрис Коррес, как и Бегонья Кортахарена, которая связалась с Аннабель Ли.

Это было похоже на вспышку. Момент озарения, который случился очень не вовремя.

И я знал, что для моего брата он случился слишком поздно.

67. Окон

22 января 2017 года, воскресенье

Представить себе брата, обездвиженного выстрелом из «Тейзера» и висящего на дереве вверх ногами с головой, погруженной в котел, было для меня слишком. К состоянию шока примешивалось изумление: значит, Ребекка пряталась под кожей той, кому я доверил свою новую жизнь. Я был ей многим обязан: упражнения, повторявшиеся дни напролет, одобрителные похлопывания по спине. «Чупа-чупс», который я получал в подарок каждый раз, когда мне удавалось добавить еще одно слово к выученной фразе.

— Ты — Ребекка? — недоверчиво повторил я.

— Он не должен был умирать! — крикнула она мне в ухо, не в силах сдержаться. — Я по-прежнему любила его, я скучала по нему... Ты виноват в том, что он умер!

— Сауль умер не из-за меня, а из-за страха, что все узнают, как он с тобой обошелся.

— Это я виновата, я первая начала. Я хотела, чтобы он любил меня, хотела, чтобы случилось то, что случилось...

— Нет, Ребекка. Тебе было тринадцать лет, — возразил я. — Он манипулировал тобой. Он втянул тебя в эти отношения. Все жертвы жестокого обращения страдают общим комплексом вины. Не ты соблазнила своего отца и не ты виновата в том, что произошло.

— Я виновата. Это я начала игру, — сказала она дрожащим голосом.

Такова была ее правда.

Она все еще рыдала — не знаю, по какой причине: потому ли, что была сражена смертью Сауля, или переживала облегчение, получив наконец возможность поговорить об этом с кем-то, готовым ее выслушать.

Почти двадцать пять лет назад мы договорились поболтать по душам. Я представить себе не мог, что разговор наш однажды все-таки состоится, да еще и при таких обстоятельствах.

— Ребекка, это всего лишь чувство вины. Оно жило в тебе все эти годы подобно опухоли; опухоль стала злокачественной и убила

нескольких человек.

— Эти люди не заслуживали иметь детей.

— Я тоже не заслуживаю быть отцом. Ты хочешь... ты хочешь... — Меня заклинило, давление на мозг было слишком велико.

— Сделай глубокий вдох, как я тебя учила, Унаи, — сказала Ребекка.

На мгновение мне показалось, что я снова разговариваю со своим логопедом.

Я послушался, набрал в легкие воздуха, задержал его и медленно выдохнул, считая до трех.

— Ты хочешь наказать меня за то, что я не догадывался о том, что произошло в лагере... Так сделай это. Я не выслушал тебя, я тебе не помог, я позволил твоему отцу насиловать тебя почти у меня под носом и ничего не видел. Скажи мне, что я не заслуживаю смерти.

— Нет, ты не заслуживаешь того, чтобы быть отцом. Ты не сможешь защитить свою дочь. И Альба тоже не заслуживает того, чтобы быть матерью.

Упоминания об Альбе в этом контексте было достаточно, чтобы я перешел в наступление.

— Не втягивай ее в эти дела, — проревел я. — Все это из-за того, что случилось в лагере. В этом замешаны только ты и я. Давай обменяемся: бери меня и верни Германа.

— Не играй со мной. Ты наверняка думаешь, что способен завлечь меня в ловушку...

— Не будет никаких ловушек. Назови место. Я не выпущу из рук телефон, пока не доберусь туда, и никому ничего не скажу. Я в обмен на Германа. Ты принесешь меня в жертву, и для меня все будет кончено. Разве это не конец, которого я заслужил? Ведь это я не помог тебе избежать того, что сделал с тобой твой отец.

Ребекка размышляла несколько долгих секунд.

— Согласна. Часовня в Оконе. Это небольшое здание, на нем выгравированы лабуру^[47] и несколько дубовых листьев.

— Да, знаю эту часовню, — перебил я. «Наверняка тебе ее показал Герман», — со злостью подумал я.

— Если ты позвонишь своей напарнице, я убью твоего брата.

— Ты же знаешь, что никому я не позвоню, черт возьми. И не вздумай прикасаться к Герману, чтобы ни единого волоска с его

бороды не упало, — сказал я, бегая вдоль стены туда-сюда.

В этот момент подошла Арасели, встревоженная моей беготней, криками и выражением лица.

— Унаи, что-то слу...

Я испуганно зажал ей рот.

Если Ребекка узнает, что нас кто-то подслушивает, можно считать Германа покойником. А он не мог, не должен был, не...

Я сдерживался изо всех сил.

Арасели увидела мое перекошенное от ужаса лицо и послушно отошла в сторону. Надо было продолжать разговор; Ребекка не должна догадаться, что я не один.

— Но твоя физическая перемена... ты же неузнаваема.

— Мне хотелось стать полной противоположностью тому типу женщин, который его привлекал. Я думала, что так я буду...

— ... в безопасности. В безопасности, если жизнь внезапно снова сведет вас вместе или если он узнает, что ты жива, и попытается завлечь тебя в свои сети.

По ту сторону линии молчали, но я слышал ее взволнованное дыхание. Мне показалось, что она плачет. Я сделал усилие и продолжил:

— Ты не была уверена, что сможешь противостоять его обаянию. Ты всегда любила отца, он всегда тебя... притягивал и одновременно пугал. Ты создала образ сексуальной женщины, не имеющей в себе ничего от маленькой девочки, которой пришлось бы защищаться и от него, и от себя. Ты не верила, что способна его отвергнуть.

Ребекка молчала, и это было молчаливое «да».

Я воспользовался паузой, достал блокнот и написал Арасели:

«Никому ничего не говори. Мне нужно, чтобы ты пошла ко мне домой и кое-что для меня сделала. Бегом, это срочно!»

Она кивнула, догадываясь, что происходит что-то серьезное. Прочитала инструкцию. Я бросил ей ключи — брелок в виде вырезанного из дерева контура сьерры проделал в воздухе изящную дугу.

«Не рискуй, прошу тебя», — написала она перед тем, как бегом покинуть площадь.

«Не могу ничего обещать», — написал я.

Но вскоре я уже мчался во все лопатки через кантон Мясников, чтобы добраться до машины, запустить двигатель и как можно скорее отправиться в Окон.

Я прибыл в часовню Пресвятой Девы Оконской больше чем через час. По дороге мы с Ребеккой все время были на связи, не выключая мобильные телефоны. Я попросил разрешения заполнить бак на заправке в Арментии. Она была не в восторге от того, что я задерживаюсь, но согласилась.

Часовня находилась посреди моей сьерры, всего в нескольких сотнях метров от виллы Бернедо. Я осторожно вел автомобиль по дорожке, ведущей к церкви. Мимо проносились деревья, которые летом давали живительную тень. Перед часовней я обнаружил пару припаркованных автомобилей. Оставил свой «Аутлендер» у колокольни и с мобильником в руке побежал к пруду, скрытому небольшим зеленым сквером со столиками и скамейками, которые в иные дни служили местом для пикника. Мало кто знал фонтан, старую прачечную и небольшой водоем, выделанный в скале в дальнем углу рощи.

У меня едва не остановилось сердце, когда я различил маленькую фигурку моего брата, висящую над прудом.

— Стоп, не двигайся, Унаи! — остановила меня Ребекка, выставив перед собой «Тейзер». — Снимай пальто!

Я сразу разгадал ее намерения. Она собиралась выстрелить в меня из шокера, но сперва хотела проверить, нет ли на мне жилета и оружия.

— Я безоружен! — крикнул я.

«Она меня пристрелит, — подумал я. — Она собирается принести меня в жертву».

При любых других обстоятельствах мой инстинкт самосохранения выработал бы уже тысячу планов, чтобы вывести ее из строя или обхитрить, но, увидев висящее тело Германа...

Я послушно снял пальто, положил на землю у ног и поднял руки. Я сдался.

— Теперь подойди ближе! — крикнула Ребекка.

Она хотела подманить меня на нужное расстояние. «Тейзер» выстреливал только на семь метров, на большее его не хватало: не позволяли провода.

— Поторопись, у меня не так много времени. Мне еще предстоит убедиться, что богини довольны твоей дочерью, — донеслось до меня.

— Что ты сказала? — недоверчиво переспросил я, приближаясь с прижатыми к затылку руками.

Но Ребекка не собиралась мне отвечать. Она и не думала менять меня на Германа и развязывать его. Герман знал, кто она такая, он разгадал ее двойную личность. Она не могла оставить его в живых. Это была ловушка, она собиралась убить нас обоих.

Вот почему, увидев позади нее белый капюшон и синие волосы Матусалема, целящегося из желтого «Тейзера» ей в спину, я не сделал ничего, чтобы ему помешать.

Цикл разрядки длился пять секунд. Ребекка упала на землю, в грязь и гнилые листья. Ее мышцы свела судорога.

Мату был не один, вместе с ним была Голден Герл. Старая хакерша взвизгнула и на заплетающихся ногах заспешила к поверженному телу любимой племянницы.

— Бекка, дорогая! Это я, твоя крестная... Ребекка!

Я побежал развязывать веревку, опутавшую ноги Германа.

Физиономия брата была свекольного цвета, он явно провисел вниз головой много времени. Мне пришлось по пояс войти в пруд с почти ледяной водой, чтобы осторожно его снять.

— Все, Герман. Все кончено, — бормотал я, но он был ошеломлен и дезориентирован: Ребекка явно использовала «Тейзер» перед тем, как подвесить его к дереву.

Держа брата на руках, насквозь мокрый, я выбрался из пруда, положил его на землю и обнял — как Пьета, итальянская Дева, которая проливает слезы, держа на руках свое уже взрослое дитя. И тут меня охватило такое чувство облегчения оттого, что Герман в безопасности, что я сломался, сдавленные нервы сдались, и я задрожал, как лист на ветру.

— Вовремя же ты прилепил черный и белый кресты на балконе, Кракен, — сказал Матусалем у меня за спиной. — Она следила за мной, я — за ней, мы оба — за тобой... Мы предполагали, что настало время для «Тейзера», который Голден приобрела в «Дип веб».

На самом деле больше всего мне нужна была сама Голден — точнее, Лурдес Переда, тетя Ребекки. Я хотел, чтобы они встретились лицом к лицу и Ребекка вспомнила светлую часть своего прошлого, но

не был уверен, что мое послание придет быстро, поэтому приказал Арасели срочно поставить белый крест, призывающий Матусалема.

Такой гений, как он, сразу понял значение послания — и доверился интуиции.

И она сработала.

По правде говоря, они спасли мне жизнь.

Если б я позвонил Эстибалис, все было бы предсказуемо: «Подожди, мы подготовим операцию, мы все возьмем на себя, ни в коем случае не ходи один...» Хотя я прекрасно понимал, что после столь дикого приключения мне придется давать бесконечные объяснения в полицейском участке... а может, уже и не придется.

— Вы должны уйти. Возьмите несколько веток и заметите следы, оставленные в грязи. Вас здесь не было. Я выстрелил из «Тейзера», Герман ничего не расскажет. А Ребекка вас не видела.

И я действительно взял «Тейзер». Матусалем был в перчатках — этот ребенок все рассчитал заранее.

Я оставил на нем свои отпечатки пальцев и занял позицию, с которой он выстрелил. Мои ботинки утонули в грязи.

А Голден все еще обнимала Ребекку, лежавшую на земле. Я начинал волноваться: по идее, жертва «Тейзера» должна была начать восстанавливаться. Я готов был обездвижить ее и задержать.

— Голден, что там такое? — спросил я.

— Она не отзывается, Кракен. Она не отвечает, — пробормотала старуха, обнимая Ребекку, словно та снова была маленькой девочкой.

Я побежал к ним. Герман с усилием поднялся и побрел вслед за мной; я заметил у него на лице гримасу ужаса и тревоги.

Я поискал пульс на шее, нашел его, но Ребекка не реагировала.

— Надо вызвать «Скорую». Она впала в кому.

68. Мост Виесго

15 мая 1993 года, суббота

Сидя в кресле-качалке, Сара обнимала полусонного ребенка. Снаружи солнце приглашало на прогулку в ближайшую рощу, но она понимала, до какой степени рискует, если кто-то из соседей окажется в это время на улице и увидит ее.

Зазвонил телефон, Сара насторожилась. Никто, кроме брата, ни разу не звонил ей в это укромное место.

— Сара, ты должна прийти, — потребовал он.

— С младенцем? Это опасно, Сауль. Вдруг меня увидят с ней на руках у тебя в шале?

— Приходи и приноси ребенка, я все тебе объясню, — сказал Сауль и повесил трубку.

И Сара повиновалась. Так или иначе, она была заинтригована. Брат был настолько расстроен после исчезновения Ребекки... Она предпочитала держать при себе свои подозрения, и без того чувствуя себя виноватой, поддавшись уговорам Эулалио Осорио. Она знала: он способен на все, этому человеку не хватает только крови. Если она заговорит с ним о своей вине...

Но после фотографий, отправленных в газету, у нее не выходила из головы одна и та же мысль: не Сауль ли убил Ребекку, чтобы помешать девочке заговорить?

Сара жила в одиноком шале рядом с мостом Виесго. Туда она и отнесла Химену, когда та появилась на свет. Девочка была слишком мала и слаба, ехать куда-то с ней на руках было слишком рискованно. Но ей так хотелось начать новую жизнь в Лондоне! Возможно, в будущем к ним присоединится Сауль, они создадут настоящую семью... Возможно, благодаря своим контактам она сможет найти для брата достойную должность в лондонском Британском музее... по крайней мере, Ребекка больше не мешает им своими странностями и дикими намеками.

На другой день вечером Сара приехала к брату в шале и припарковалась перед крыльцом — в этот поздний час соседи не могли видеть, как она входит в дом с ребенком на руках.

— Дай-ка мне малышку, хочу ее рассмотреть... Все время о ней думаю.

— Она прехорошенькая и не доставляет никаких проблем. Если продолжит набирать вес в таком темпе, скоро я смогу увезти ее отсюда. Попрошу в больнице отпуск за свой счет. В Лондоне все документы готовы, осталось лишь подписать их. Хотя обойдется это дороже, чем удочерение...

— Об этом я и хотел с тобой поговорить. Я тут многое обдумал, — сказал Сауль с девочкой на руках. — Давай, поднимайся. Я должен кое-что тебе показать.

— Отдай девочку, она вот-вот проснется, — попросила Сара, чувствуя смутную тревогу.

— Не волнуйся, я ей нравлюсь. Я ей очень нравлюсь. Посмотри, как она ко мне прижимается... Я сам отнесу ее наверх. Иди за мной.

И оба, брат и сестра, поднялись по лестнице и вошли в спальню, которая раньше принадлежала Ребекке и располагалась рядом со спальней ее отца.

Войдя, Сара изумленно остановилась и сделала шаг назад.

Все изменилось. Не осталось и следа ни от кровати, где Ребекка рожала всего несколько недель назад, ни от книг по истории, ни от ее постеров с изображением кельтских богинь.

— Что ты сделал, Сауль?

— Подготовил комнату для Химены. Поставил кроватку, покрасил стены. Купил распашонки, подгузники, молоко для искусственного вскармливания... Я растил дочь и знаю, что и как делать. Химена переночует у себя дома.

— Нет! Ты сказал, что я могу оставить ее себе, ты не можешь так со мной поступить. Ты знаешь, что я не могу иметь детей и хотела эту девочку. Она особенная, она... — Закончить фразу Сара не сумела — ей становилось страшно, когда Сауль смотрел на нее теми же глазами, что и отец; выдержать на себе его пристальный взгляд было невозможно.

— Я говорил тебе, что мне потребуется последнее одолжение. Я запишу ее в ЗАГСе, ты должна будешь подделать кое-какие

документы... нужен всего лишь приказ судьи, дающий мне право взять опеку над девочкой. У тебя есть доступ к другим документам об удочерении. Просто сделай это, или нам обоим конец.

— Сауль, пожалуйста, ради матери, не забирай у меня мою девочку! — умоляла Сара, уже понимая, что все бесполезно.

Сауль положил дочь в новую кровать и укрыл новым одеялком.

— Мы будем отцом и матерью Химены. Семья на первом месте. На этот раз все будет хорошо. На этот раз все будет хорошо, — повторил он и обнял сестру.

Он крепко обнял ее. Сара хотела высвободиться, но на самом деле только это и было ей нужно. Она немного успокоилась, посмотрела на девочку, и малышка ей улыбнулась.

Химена была очаровательной крошкой и совсем не походила на плаксивую, капризную Ребекку.

Несколько месяцев брат и сестра почти не разговаривали друг с другом. Сара не простила Саулю, что ей пришлось отдаться из-за него чужому человеку. Но очаровательная Химена сгладила все шероховатости, в конце концов они превратились в семью из трех человек, о которой всегда мечтала Сара.

Родная кровь, как учил их отец.

Все было хорошо, пока Химена, не сумев преодолеть равнодушие отца к своему повзрослевшему телу, не покончила с собой.

69. Дом дедушки

23 января 2017 года, понедельник

Вечером дедушка, Герман и я отдыхали на диване перед очагом в Вильяверде. После того как Матусалем и Голден уселись в раздолбанную тачку Матусалема и исчезли из Окона в неизвестном направлении, прибыла «Скорая помощь», которая отвезла Ребекку в Чагорричу. Германа продержали под наблюдением несколько часов; анализы крови показали, что подружка вкатила ему дозу снотворного, способную убить лошадь. Брат не помнил, где находился начиная с субботнего утра, когда поднялся в кабинет логопеда в Сан-Антонио выпить кофе.

Мучила меня и другая проблема: Альба не отвечала на звонки.

Я попросил Эсти, чтобы она доложила ей о происшедшем. Сам я не желал ничего знать о внешнем мире, мне хотелось лишь быть со своей семьей и подбадривать Германа, чтобы он поскорее выздоравливал.

— Мне нужно в больницу, кто-то же должен за ней присматривать, — бормотал Герман, пытаясь согреться под толстым дедовым одеялом.

— Сегодня они все равно не позволят ее навестить. Да и тебе лучше отдохнуть. А завтра посмотрим, — повторял я, надеясь, что брат меня услышит.

— Скажи, я был только приманкой или все эти месяцы — правда? — спросил он, и в глазах его было столько печали, что мне захотелось съежиться и исчезнуть.

— Вряд ли ты входил в ее планы. Она подобралась ко мне сама, взломав почту и перехватив сообщение, которое я отправил своему неврологу, и выдала себя за логопеда. Я проверил то сообщение. Она уже тогда подписывалась как БК, можешь себе представить? Она была у меня под носом, а я ее не видел... Думаю, вычислила меня благодаря шуму в прессе, которая обрушилась на меня прошлым летом из-за двойных преступлений. Знала о моей травме и подготовила для этого специальную личность.

— Как бы я хотел тебе верить... Но меня терзают сомнения. Разве можно это понять, Унаи?

— Я не сумел уберечь тебя от моего личного ада, Герман. И теперь мне трудно смотреть тебе в глаза. Догадываюсь, что ты снова попросишь меня уйти в отставку, заняться другими делами...

Герман встал. Этот день и так тянулся бесконечно, зачем длить его дальше?

— Давай поговорим завтра, на сегодня с меня хватит. Но... спасибо, что спас мне жизнь, — сказал он и исчез в дверях кухни, направляясь в свою спальню.

«Тысячу раз, Герман. Тысячу раз».

* * *

Рано утром я прибыл в свой кабинет в Лакуа. Стоило мне открыть дверь, как раздался гром аплодисментов. Со всех сторон слышались поздравления. Коллеги из других подразделений, комиссар Медина, Эсти, Милан, Пенья — все были в сборе.

Мы выпили сидра. Ко мне подходили, хлопали по спине и облегченно улыбались. Мы поймали убийцу, «Игра в повешенного» закончилась. Дело о водных ритуалах подошло к концу.

Комиссар подошел ко мне с улыбкой — на этот раз он наконец-то выглядел довольным — и отвел меня в сторонку от царившей в кабинете суеты, ища укромное место.

— Отлично, инспектор. Надеюсь, вы быстро придете в себя. Вы в очередной раз доказали, что способны на многое. Наше подразделение очень вам обязано.

— Спасибо, сеньор. Какие новости из больницы?

— Надеюсь, Ребекка Товар выздоровеет, но медицинская бригада, которая ее лечит, настроена не столь оптимистично.

— Что с ней случилось?

— У нее врожденный порок сердца; врачи полагают, что об этом никто ничего не знал. Разряд электрошокового пистолета оказался для нее фатальным. Она все еще в коме, и никто не знает, проснется ли.

Я молча кивнул. Настроение у меня было самое мрачное.

Комиссар пристально посмотрел на меня, пытаясь разгадать мой ответ.

— Вы же догадываетесь, что я обязан вас спросить, какого черта вы делали с недозволенным видом оружия?

— Это было частью расследования, которое я провел в «Дип веб», пытаясь отследить покупку «Тейзера», который Ребекка Товар использовала при нападении на свои жертвы, — солгал я.

— Вам придется составить объяснительный отчет; надеюсь, вы это понимаете.

— Да, разумеется. Вы хотите передать мое дело в Департамент внутренних дел?

— Напишите отчет, а там посмотрим. Однако сегодня день честования. Вот только где же, скажите пожалуйста, ваша партнерша?

— Какая партнерша?

— Заместитель комиссара. Обо всех событиях мне вчера рассказала инспектор Гауна, что меня удивило. Я позвонил заместителю комиссара Сальватьерре, но ее телефон был выключен. Она так и не объявилась?

— Думаю, она вот-вот придет, не волнуйтесь, — ответил я.

Но, простившись с ним, я отправился к Эстибалис.

— Слушай, где Альба?

— Должно быть, отключилась на выходные; звоню-звоню и не могу дозвониться... Вообще-то она должна быть здесь, — сказала Эсти, сжимая в руке пластиковый стаканчик.

Я достал мобильный и набрал телефон ее матери. Ньевес тут же взяла трубку.

— Ньевес, с какого момента ты ничего не знаешь об Альбе?

— С пятницы после обеда. Она заехала в отель забрать засахаренный миндаль, который ей передал дедушка. Ее в последние дни тянет на сладости; надеюсь, сахар у нее не поднимется... Потом ей позвонила твоя невестка, девушка Германа, и они куда-то отправились вместе. А что случилось? Она не вышла на работу?

У меня так закружилась голова, что пришлось опереться о стол.

И тогда я понял: Герман был ловушкой, приманкой, очередной дьявольской хитростью, чтобы выиграть время.

Настоящими жертвами Ребекки были Альба и моя дочь.

70. Дом Альбы

23 января 2017 года, понедельник

Мы с Эстибалис наперегонки сбежали вниз по лестнице, сели в машину и помчались к дому Альбы на улице Прадо. Нажали кнопку домофона, но никто не ответил. Сосед, который пришел с покупками, открыл нам дверь, и мы поднялись на этаж. На звонок Альба не ответила, изнутри не доносилось ни звука.

Я в отчаянии заколотил кулаком в дверь. В ответ — тишина. Молчание Альбы снедало меня изнутри. У Эстибалис давно иссякли ее небольшие запасы терпения.

Мы с тоской посмотрели друг на друга. Мы походили на двух растерянных детей, а не на пару опытных профессионалов.

— Я поговорю с Милан, — сказала Эсти, — пусть прощупает ее мобильник.

Я рухнул на лестничную площадку третьего этажа и привалился к стене. Свет погас, стало темно, но я ничего не замечал. Ужас, державший меня за яйца, был намного чернее. А главное, я не переставал думать о том, что, как мне казалось, слышал от Ребекки.

— Она говорила что-то о богинях и моей дочери. Якобы она должна проверить, довольны ли они. Я не вникал в смысл этих слов, они показались мне слишком бредовыми...

— Не грызи себя, Унаи, — ответила Эсти. Щелкнула выключателем, и на лестничной площадке снова зажегся свет. — Мы должны начать поисковую операцию, как только поймем сигнал ее мобильного. Ты — специалист по профайлингу, ты свое дело сделал; а теперь составь мне список возможных мест, куда Ребекка могла отвезти Альбу. Если она не убила ее до того, как заняться Германом в субботу, мы, возможно, найдем ее живой.

— Как раз собирался это сделать; сейчас же приступаю.

— Ньевес говорит, что Беатрис-Ребекка заехала за ней в пять вечера и было еще светло. А с Германом она договорилась встретиться в субботу в час дня в Витории. У нее было почти двадцать часов, чтобы расправиться с Альбой. Это дает нам лимит максимум десять часов, чтобы добраться до места, где она ее спрятала, и еще десять

часов на то, чтобы вернуться. Очень широкая вилка времени, географически она охватывает слишком большое расстояние.

— Посмотрим, получится ли что-то с мобильником, но, может быть, пора предупредить Пауланера и скоординировать поиски в Кантабрии, — сказал я, записывая в блокнот все возможные места преступления. — Многие точки в моем списке сосредоточены именно там.

— О'кей, займусь Пауланером. Список готов?

Я вырвал листок и протянул Эсти. Список начинался с мест в Кантабрии, которые могли привлечь Ребекку: кельтская деревня в Кабесон-де-ла-Саль, дворец графа Сан-Диего, гора Добра, Фонтибре, шале Сауля, скалы Коста-Кебрады от пляжа Арния до Портю... Слишком много топонимов. В Витории предстояло проверить ее кабинет в доме Пандо-Аргуэльес — Герман так и не узнал, где проживает его подруга. В Алаве мне пришло в голову только еще раз наведаться в туннель Сан-Адриан или в Барбакану.

Я взял мобильный и, позвонив Гектору, в двух словах изложил ситуацию и попросил перечислить кельто-иберийские урочища на алавесских землях, где рядом находилась бы река, пруд или любой другой водоем.

Их оказалось не так много. По моей просьбе Гектор добавил в список все, что так или иначе связано с кельто-иберийской культурой. С этой задачей он справился довольно быстро и переслал список мне. Поиски должны были включать в себя городища в Ластра, в Оларизу, урочище Ла-Ойя...

— Скажи, что я неправильно понял, Эсти. Скажи, что этого не происходит.

— Альба жива, Унаи. Альба не может быть мертва. Такой цельный человек, как она... не может быть мертв. Это невозможно. Она нас не бросит. Она самая сильная из нас троих, — повторяла Эсти вслух словно литанию.

Мы спустились на улицу. На головы нам обрушился подлый дождь, в лица ударили ветер и сырость, не предвещавшие ничего хорошего.

— Звони Ньевес, пусть привезет из Лагуардии ключи от квартиры Альбы. Надо убедиться, что ее нет внутри и она не потеряла сознание от эклампсии, — приказал я.

Но нет, квартира была пуста. Ни следа Альбы.

Мы приступили к поисковым операциям в Алаве и Кантабрии.

К полудню пришли хорошие новости. На выезде из Лагуардии кто-то из местных нашел в кювете выключенный телефон.

Камеры видеонаблюдения, которые проверили коллеги из полицейского участка Лагуардии, обнаружили кадры с машиной Ребекки, точнее, Беатрис Коррес. Теперь мы знали, что они направлялись на север, но затем пропали из виду где-то на местных дорогах.

После срочного совещания в Лакуа у меня случилась небольшая ссора с комиссаром. Мы все, вне себя от тревоги, смотрели на темное небо. Смерть Андони Куэсты произошла слишком недавно, а ночью ожидался дождь и холод.

— Оставайтесь, — заявил мне мой начальник, когда я собрался выйти из зала.

— И не подумаяю, — просто ответил я.

— Это приказ; если вы не подчинитесь, это повлечет за собой дисциплинарные последствия. Мы не знаем, в каком состоянии заместитель комиссара или... ее останки. Не надо, не делайте этого.

— Я в курсе, сеньор. Я уже сказал вам: она беременна от меня.

И я отправился на поиски.

В ночь понедельника дождь лил всю ночь.

Про Альбу по-прежнему ничего не было известно.

Во вторник к поискам присоединились волонтеры. Территория была обширнейшей, и для спасения беременной женщины и ее дочери не хватало ни времени, ни людей.

Дедушка, Герман, Ньевес, Асьер, Лучо, Арасели, Нерей, Ксавьер... все побросали свои дела, все кинулись на поиски. Альба объединила то, что разделила Аннабель Ли; чувство общности оказалось сильнее соперничества, над всем преобладало «я хочу быть с тобой в это трудное время».

Пауланер руководил поисками в Кантабрии. Эстибалис — на севере Алавы. Я сосредоточился на юге, выбрав в качестве базы Вильяверде.

В этом приливе солидарности было одно темное пятно: мой брат.

По необъяснимым причинам Герман каждый день отправлялся в Чагорричу навестить Ребекку. Сказать, что меня это бесило, —

ничего не сказать. Какой-то стокгольмский синдром.

Вечером брат снова ушел. Когда он попрощался со мной на кухне, я отвернулся и продолжил стряпать ужин на двоих.

— Унаи, сынок, Герман через многое прошел. Нельзя с ним так, — сказал мне дед.

Я ничего не ответил.

После очередного дня изнурительных и безрезультатных поисков я отправился ночевать в Виторию. Мне хотелось побыть одному.

У меня был ужасный день. Все те же дождь и холод; прерывистая морось сменилась настоящим ливнем. Улицы усыпаны кляксами черных зонтов, погода злится невесть на кого, а сам я всей душой ненавижу бога погоды...

— Хоть бы прекратился дождь, этот чертов дождь. Он затрудняет поиски, — повторял я в воздух.

Поздней ночью я как сумасшедший залез на крышу — на ту же крышу, где мы с Альбой сидели в ночь Белой Богородицы, где мы слышали «*Lau teilatu*», которая больше не звучала на ее мобильном телефоне.

Я замерз, в ту ночь я страшно замерз. Никто не знает, каково это — ночевать в Сибири-Гастеис^[48] в январе; никто, кроме меня. Но это было так здорово! Никто не говорил мне, что я должен делать, не было вокруг всех этих жалостливых взглядов, всех этих соболезнований...

— Остается крошечная надежда, — сказала мне Эстибалис, — что Ребекка очнется от комы и мы заставим ее сказать, где она убила Альбу. Но врачи считают, что это невозможно, — у нее повреждено сердце.

* * *

В среду под утро я вернулся в Вильяверде. Под балконом дедова дома была припаркована полицейская машина. Я побежал вверх, снова на что-то надеясь. Наконец-то хоть какая-то новость!

Но внизу в кухне я обнаружил Эстибалис, которая смотрела сквозь балконное стекло. Когда я вошел, она повернулась ко мне.

— Зачем приехала? — спросил я почти враждебно.

«Эти глаза плачут не из-за Альбы и не из-за Дебы. Слезы текут по ее дрожащим губам по какой-то другой причине».

Но она ничего не говорила, а может, искала силы, чтобы что-то сказать.

— Ты приехала сообщить плохие новости? — настаивал я. — Они решили, что сообщить их должна именно ты?

— Мне кажется, так лучше.

— Какая ты храбрая, Эстибалис... Какая храбрая. Это могли быть Милан, Пенья, комиссар... Но пришла именно ты, чтобы посмотреть мне в глаза и сказать, что...

— Прости, Унаи.

— За что?

— Поиски приостановлены. Ребекка выкрала ее пять дней назад. Не думаю, что мы найдем тело. Погода улучшится, и ее обнаружит какой-нибудь турист.

— Скажи. Скажи это вслух. Скажи то, о чем ты молчишь, но все вы уже знаете.

— Тебе лучше смириться с тем, что Альба мертва.

«Ладно, наконец-то ты это сказала».

Я уставился на огонь — в это мгновение он служил мне подобием якоря. Пламя, колеблющееся, вздрагивающее. В этом пламени останавливалось время. Я застыл, ничего не делая. Альба мертва, а я только и знаю, что сидеть неподвижно, как кладбищенская статуя...

Я почувствовал страшную усталость.

К счастью, пришла подмога, чтобы вытащить меня из этого болота, где я тонул, не зная, как выбраться на сушу.

Дед усадил меня на диван.

Его столетние руки с одеревенелой кожей и выпуклыми жилами сжимали мои запястья. Он пытался мне что-то передать, сказать: успокойся, сынок, я здесь с тобой.

Какой тут еще дашь совет? «Дыши, главное, дыши».

* * *

В течение следующих нескольких часов движение сдерживало нестерпимую боль.

Потерянный, опустошенный, я двигался в другой реальности; земля, на которую я ступал, была не такой твердой, там не дул такой сырой пронизывающий ветер. Я плыл в прозрачной пустоте, где обитают те, кому все безразлично.

Абсолютно все.

Пустота влекла меня все дальше и дальше.

Я не сопротивлялся.

Звонки на старый мобильный телефон накапливались. Казалось, вся планета пожелала выразить мне соболезнования. Ответил я только комиссару Медине.

— Я знаю, вам сообщили, что мы прекратили поисковую операцию. Не могу допустить, чтобы кто-то из наших погиб, как в туннеле Сан-Адриан.

— Понимаю, сеньор.

— Я выражаю глубочайшие соболезнования в связи со смертью вашей партнерши и сына.

— Дочки. Это была моя дочь, и звали ее Деба.

Деба, моя маленькая богиня, которая так и не родилась и не сумела защитить свою мать. Я уже давно называл ее этим именем. Оно пришло ко мне само, даже выбирать не пришлось.

Альба уходила не одна. Сауль однажды рассказал нам, что Тулонио, бог-хранитель, ожидает в гавани духов, прибывающих по реке жизни. Я надеялся, что он примет их обеих.

«Просто дождитесь меня. Мы обязательно будем вместе. Однажды мы встретимся все трое и будем одной семьей, которой мы должны были стать здесь».

Итак, сегодня день принятия. Нужно быть взрослым и принять неизбежное.

Да, они перестали искать тело. Ребекка изменила почерк. Тандем Сауль — Ребекка и так оставил за собой слишком много смертей: Аннабель Ли, Хота, нерожденный сын обоих, Химена, Мариан Мартинес, Андони Куэста, Асунсьон Переда, сам Сауль, а через несколько дней к ним присоединится сама Ребекка... а также Альба и Деба.

Я должен смириться с тем, что женщина, которую я люблю, мертва; мы даже не можем найти ее останки.

Не знаю, почему это случилось сегодня, но именно сегодня я наконец смог понять со всей ясностью — или, может быть, со всей зрелостью, которую дает эмоциональная дистанция, — что произошло в той кантабрийской деревне.

Нас было четыре жертвы и трое охотников: Аннабель Ли, Ребекка и Сауль наблюдали за нами — Хотой, Лучо, Асьером и мной, — следили за нами, изучали нас и использовали для цели, во имя которой отправились в лагерь.

Аннабель Ли лишила нас девственности, отняв не только сексуальную невинность, но и детскую веру в то, что наша команда и дружба нерушимы. Она показала нам, что за несколько дней случайный человек, незнакомка, может покончить с нами, причем без особых усилий.

Возможно, в нашем общем поражении эта деталь была самой унижительной.

Для Ребекки мы были последним шансом избежать притязаний ее отца. Ей нужен был некто, безликий герой, который отправился бы ради нее куда угодно и сделал бы невозможное: осудил взрослого.

Никто из нас не захотел стать этим героем.

Сауль оттер всех четверых, как бесполезные пешки в шахматной партии, которая не имела к нам никакого отношения. Он изучал нашу эмоциональную потребность сыновей в отце и умело ее удовлетворял.

Я не прощаю Ребекку, которая могла измениться, но ничего для этого не сделала. Голден дала ей шанс на другую жизнь, чуждую насилию, вдали от токсичного отца. Но та решила и впредь причинять боль. Я не буду таким, в этом моя сила. Да и Альба этого не захотела бы.

Я знаю, мы с Ньевес должны подготовить церемонию в память об Альбе Диас де Сальватьерра и Дебе Лопес де Айяла. Мы должны жить дальше, а они не вернутся.

Смириться с их потерей, принять неизбежное.

Как только это закончится, я хочу подняться в Сан-Тирсо, где когда-то спас жизнь.

Это то, что открыли во мне Сауль и Аннабель. Моя суть, то, что я есть. Ни на что не отвлекаться. Самому спрыгнуть с обрыва. Я не собираюсь снова быть печальным вдовцом. Не знаю, надолго ли мне предстоит задержаться в этом мире, поэтому лучше отменить траур.

Альба никогда не жаловалась, это был ее принцип.
Я тоже не собираюсь.

Эпилог

Деба

25 января 2017 года, среда

Герман начал звонить в полдень. Снова и снова. Я не брал телефон, у меня не было сил. Но он все равно звонил и звонил, пока я не отключился.

Я знаю, что брат продолжал звонить, потому что вскоре услышал анахронический звонок старого кухонного телефона. Я предполагал, что дедушка возьмет трубку.

Через минуту он пришел сообщить мне новость:

— Сынок, только что звонил твой брат. Говорит, что Ребекка умерла.

Я зарыдал, как ребенок. Я больше не мог сдерживаться.

— Нет, сынок, не надо! Послушай, брат хочет кое-что тебе сказать.

— Ничего не хочу знать! — крикнул я.

— Да ты же ничего не понимаешь — брат каждый день ходил в больницу расспрашивать об Альбе. Он был уверен, что она должна что-то сказать ему перед смертью. Ребекка очнулась на мгновение — и призналась во всем. Альба находится в развалинах монастыря Толоньо.

Санта-Мария-де-Толоньо, на вершине сьерры Толоньо... Быть может, Альба пересказала Ребекке услышанную от меня историю о кельто-иберийском происхождении названия этой сьерры, а может, ей рассказал об этом сам Герман, пытаюсь произвести на нее впечатление.

Я включил мобильный, поговорил с Эстибалис, и через несколько минут вертолет со спасательной группой был готов к вылету.

Я помчался вниз по лестнице, позабыв надеть куртку. Готов уже был повернуть ключ зажигания, когда вслед за мной из дома выскочил дедушка, помчался к машине и уселся на пассажирское сиденье.

— Куда это ты собрался?

— С тобой, сынок. Когда я ездил в Лабастиду, где спекулировал всякой всячиной, многие из нас проезжали через руины в окрестностях

Пеньясеррады. Я хорошо знаю эти места. Если я тебе помешаю, то подожду тебя на дороге.

Я собирался сказать ему «нет», но, заметив, что он уже прихватил с собой одеяло, фляжку с водой и печенье, готовясь идти в горы, понял, что дед прекрасно знает, что делает. И что если я прибуду раньше спасателей, мне понадобится некто здравомыслящий, чтобы удержать меня от того, что может случиться со мной в горах.

* * *

Мы добрались до Пеньясеррады всего за четверть часа. Дед вел меня все более узкими лесными дорогами, мы пересекали буковые рощи, я гнал машину на максимуме, чтобы побыстрее оказаться на вершине и выиграть время.

Я припарковался, когда понял, что дальше придется идти пешком. Дед последовал за мной. Вскоре над нашими головами послышалось гудение вертолета. Через час наступали сумерки, и если мы ничего не найдем, они повернут вертолет и в очередной раз вернутся домой с пустыми руками.

Я ускорил шаг. На последних сотнях метров дед отстал, указав мне, как быстрее добраться до развалин.

И я добрался туда как раз в тот момент, когда вертолет приземлился на небольшой эспланаде.

Из кабины выскочила Эстибалис. Я подумал, что ее, того и гляди, унесет ветер, но она удержалась.

Мы искали возле трех стен, оставшихся от руин древнего готического монастыря, но ничего не обнаружили. Только камни, заросли сорной травой, разросшиеся кусты и...

И тут я увидел: там, впереди, что-то белое.

«Не может быть. Это же ее пальто».

— Сюда! — крикнул я.

И в следующий миг я нашел Альбу — точнее, какое-то грязное и изможденное создание, некогда бывшее Альбой, закутанное в длинный пуховик, с руками и ногами, стянутыми пластиковой лентой. Пуховик был намотан вокруг живота — должно быть, в попытке сохранить телесное тепло и защитить нашу дочь. Запястья содраны до мяса. А

возле лица — небольшой импровизированный набор для выживания: старая раздавленная банка «кока-колы» с дождевой водой.

— Она в критическом состоянии! Положим ее на носилки и доставим в Чагорричу! — крикнул кто-то, не помню, кто именно.

— Думаешь, выживет? — кажется, спросил я.

— Ничего определенного сказать не могу, шансы невелики. Состояние очень тяжелое.

— Она беременна на двадцать пятой неделе, и у нее эклампсия, — автоматически доложила та часть меня, которая в эти мгновения не умирала от страха.

— Мы сделаем все возможное, но обещать ничего не могу.

* * *

Сколько было разговоров о способности человека к выживанию, когда Альба, которая несколько недель пребывала между жизнью и смертью, наконец оказалась вне опасности. Еще большее чудо, что все это пережила Деба — ее сердечко размером как у колибри колотилось каждый раз, когда нам показывали ее на УЗИ.

Дедушкин засахаренный миндаль, который Ньевес передала Альбе в пятницу незадолго до похищения, помогал ее телу поддерживать необходимый уровень сахара.

Связанная по рукам и ногам, Альба могла лишь пытаться выжить, нормируя запасы еды и воды, оставшейся после дождя. Она ползла, пока не нашла среди руин укромную ложбинку и не предала себя во власть богов этого священного места. Хочется думать, что Толоньо, или бог Тулоний, заботился о ней и о Дебе.

Альба говорит, что находилась в измененном состоянии сознания.

Я думаю, мозг, лишенный питательных веществ, погрузил ее в некое подобие летаргического сна, и благодаря ему тело выжило, довольствуясь ничтожно малым.

Дед объяснил мне свою теорию с привычным дидактизмом: Альба впала в спячку. Вошла в состояние полужизни, как полярная медведица, защищающая своего детеныша.

Как психолог-криминалист, я много думал об изменении преступного почерка Ребекки. В конце концов пришел к выводу, что

она хотела завершить цикл своей дочери Химены, убив мою дочь так же, как та ушла из этого мира: на вершине священной горы, названной именем кельтского бога, оставив умирать Альбу и Дебу от холода ночью под открытым небом.

Но Ребекка знала этих богов не так хорошо, как я, и не учла их силу.

* * *

Я не возвращался к работе вплоть до рождения Дебы 28 апреля, в день Святого Пруденсио. За те недели, которые Альба провела в больнице, я не расставался с ней ни на секунду. Близость смерти в корне изменила наши отношения. Мы решили попробовать еще раз. Я научился ценить перипетии нашей истории, я их учел.

Я присутствовал при родах. Ох, и страху же я натерпелся! Но когда мне передали Дебу, крошечный комочек, завернутый в одеяла, и дочка крепко ухватила за протянутый палец, все сомнения в мире исчезли. Я был уверен, что она выбрала меня со всей непоколебимостью, свойственной ее матери, что она стремится сообщить мне: «Ты мой папа, я знаю все свое прошлое, которое привело меня сюда. Но я решила, что ты будешь моим папой. И точка». Это «и точка» полностью определяло ее характер. Моя дочка родилась в проливной дождь, но в тот день никто из нашей семьи этого не заметил. Я взял ее на руки и кружился с ней по палате в ритме вальса, а Деба положила головку мне на плечо и устроилась, как в гнездышке. Она искала место под солнцем и у меня на руках чувствовала себя как дома.

Деба была голубоглазой и светловолосой, как ее бабушка Ньевес, и все же нельзя было сказать, что это очаровательный ребенок. Она была слишком похожа на деда.

Знаю, что бормочут злые языки у меня за спиной: мол, этот ребенок — копия Тасио и Игнасио. Если честно, мне все равно.

Какие бы у нее ни были гены, я сделаю все возможное, чтобы разорвать цепочку насилия, восходящую к палеолиту.

У Дебы будет несгибаемая мать, отец, который ради нее спустится в преисподнюю, дядя Герман, тетюшка Эстибалис, бабушка...

... и прадедушка, который выстоит даже тогда, когда никто из нас не устоит.

Благодарности

Этот роман посвящен отцовству и материнству. На его страницах встречаются самые разные родители: хорошие и плохие, токсичные, отсутствующие, нерешительные, тиранические; бабушки и дедушки, исполняющие обязанности родителей, тети, спасающие детей и страдающие, как настоящие матери... Было интересно размышлять о сознательном решении каждого из нас быть хорошим отцом или плохой матерью, независимо от того, какой рюкзак повесила жизнь тебе за спину.

Излишне говорить, что события, описанные в романе, не имеют ничего общего с моей биографией: я просто хотела дать возможность всем Ребеккам мира рассказать свою историю. Если хотя бы одна из них будет спасена благодаря тому, что читатель вовремя обратит на нее внимание, моя литературная карьера состоялась.

Есть много людей, которых я обязана поблагодарить за их поддержку в написании этой книги:

Мою мать, которая унаследовала решительность дедушки, за ее интенсивную работу в качестве официального информатора относительно всего, что касается Вильяверде.

Моих сестру и брата Нурию и Рауля. Я выросла в крепкой семье и рада, что они стали моими настоящими друзьями.

Всю мою семью и моих соседей из Вильяверде, потому что они не сомневались в успехе моей книги.

Всем виторианцам и алавцам, которые рекомендовали и дарили друг другу роман «Жало Белого города». Одна из самых больших радостей, которую способен познать писатель, — слыть пророком в своем отечестве.

На мою долю выпала эта честь.

Спасибо вам.

Мэрию Витории и Департамент туризма, в частности, Горку Уртаран, Нерею Мельгоса и Делию Гарсия, за их всестороннюю поддержку.

«Ротари-клуб» Гуардамара за то, что в нем собрались хорошие люди.

Всех журналистов прессы, телевидения и радио, за распространение информации о книге.

Книготорговцев за их рекомендательную работу, которая превратила трилогию «Белый город» в явление, которое она сегодня собой представляет.

Всех литературных блогеров за положительные отзывы в Сети. Не знаю, что бы я без вас делала.

Всех читателей и подписчиков аккаунтов *evagarciasaenz* в «Фейсбуке», «Твиттере» и «Инстаграме». Вы — мой ежедневный стимул. Благодаря вам я продолжаю писать.

Всю команду издательства «Планета»: Белен Лопес, Ракель Гисберт, Эмили Альби, Зоа Каравака, Лауру Франч, Лолиту Торелло, Ису Сантоса и Сильвию Акпе. Вы сделали это чудо реальным, вы помогли мне его обрести. Очень ценю ваши человеческие качества, ваше упорство и вашу силу. Я очень люблю работать с хорошими людьми.

Хосе Креухераса и Карлоса Креухераса за человечность, прежде всего за человечность.

Весь коммерческий отдел «Планеты»: без вас ничего этого не произошло бы. Спасибо, что доставили Кракена во все уголки страны.

Карлоса Ревеса, Хесуса Баденеса и Давида Фернандеса: спасибо за чудесные дни в Белом городе... и за все, чему я научилась от лучших из лучших.

Хавьера Санса: благодаря тебе Кракен заговорил на всех языках мира.

Микеля Лехарзу: за ставку на Кракена.

Кроме того, многие профессионалы предоставили мне свои познания, помогая разрешать небольшие сомнения. Все ошибки или неточности в сюжете, касающиеся полицейской службы, помогли избежать: начальник Академии Баскской полиции Аркауте и начальник отдела уголовного розыска уголовной полиции Страны Басков в Витории за готовность помочь в вопросах криминологии.

Благодарю Энрике Эхазарру за то, что разрешил мои сомнения в некоторых местах.

Департамент туризма Сальватьерры за помощь в оформлении туров в туннель Сан-Адриан.

Грегорио Переса и Джули Отаса за то, что помогли мне в непростой ситуации.

Фаусти Гисберта, логопеда, за консультацию по поводу восстановления речи Унаи.

Психиатра, разъяснившей мне понятия о генетическом наследовании психопатии.

Оскара Пуэльеса за то, что разрешил мои сомнения в больнице Чагорричу.

Моих преподавателей по уголовной документации. На этот раз все было намного сложнее, но это помогло мне еще больше оценить работу всех подразделений уголовного розыска.

Наконец моих детей Адриану и Дани: вы даете мне гораздо больше, чем любой взрослый; это вы создаете счастливую и сильную Эву, преисполненную ресурсов, о которых я и не догадывалась. Вы — мои учителя жизни; именно вам я посвящаю этот роман.

Франа — за то, что стал той Горой, в которой нуждается каждая Кирка.

И тебя, мой дорогой и незабвенный дедушка, за то, что, несмотря на свой уход, ты по-прежнему присутствуешь в моей жизни, за то, что улыбаешься мне, сидя в саду на фотографии в моем офисе, и шепчешь своим хриплым голосом: «Прекрати заниматься ерундой и двигайся дальше».

notes

Сноски

Здесь и далее о событиях недавнего прошлого действующих лиц см. роман «Жало Белого города».

Камино-де-Сантьяго, или Путь Святого Иакова — паломническая дорога к предполагаемой могиле апостола Иакова в испанском городе Сантьяго-де-Компостела, главная часть которой пролегает в Северной Испании.

Виктимология — изучение жертв преступлений; междисциплинарная область исследований на стыке криминологии, психологии, социологии, педагогики, этнографии; раздел криминологии.

Эгускилор, или колючник бесстебельный (*лат. Cardo Silvestre*) — цветок, по форме напоминающий подсолнух. В регионе басков засушенные эгускилоры вешают на двери домов как талисман от злых духов. Подробнее см. роман «Жало Белого города».

ВУР — единое среднее поливалентное образование (Bachillerato Unificado Polivalente — образовательная ступень в испанском среднем образовании).

Мигель Индурайн (р. 1964) — выдающийся испанский шоссейный велогонщик; пять раз подряд побеждал на гонке «Тур де Франс» и дважды выигрывал гонку «Джиро д'Италия».

«Зеленая миля» — роман С. Кинга (1996) и одноименный фильм, снятый на его основе (1999).

Гении кукуллати — у континентальных кельтов божества-хранители, которых изображали на посвященных им алтарях в плащах с капюшонами (отсюда и наименование: *лат.* Cusculus — колпак, капюшон).

Вилли Вонка — герой сказочной повести Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» и одноименных экранизаций.

Ин-кварто — четвертая часть типографского листа.

Понятие в баскской культуре, означающее «гулять всю ночь и вернуться домой на рассвете».

Калимочо — баскский слабоалкогольный коктейль, состоящий из двух компонентов: вина и колы.

Строчка из стихотворения Эдгара Аллана По «Аннабель Ли»,
пер. В. Брюсова.

Легенда об ангеле подробно излагается в романе «Жало Белого города».

Мотоциклетные гонки Isle of Man TT проводятся на о. Мэн с 1907 г.

«Пауланер» — немецкая пивоваренная компания, расположенная в Мюнхене. Основана в 1634 г. монахами ордена Минимы (немецкое название ордена — Пауланер). Немецкое название ордена происходит от имени его основателя, Франциска из Паолы; его изображение находится на логотипе «Пауланера».

Вотивные предметы, вотивные дары — различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения какого-либо желания.

Зегамa — город и муниципалитет в автономном сообществе Страны Басков.

«Экспо» — всемирная выставка; в 1992 г. она проходила в Севилье и была приурочена к 500-летию открытия Америки.

«Четыре крыши» (*исп.*).

Привет (*баск.*).

Леэндакари — глава автономного правительства Страны Басков
(баск.).

Серора — помощница в церкви, которая заботилась как о самой церкви, так и о доме священника.

Кубата — коктейль из рома и колы.

«Дома Бернарды Альбы» — пьеса Федерико Гарсиа Лорки, написанная в 1936 году.

«Ротари-клуб» — благотворительная организация, состоящая из представителей бизнеса и профессиональной элиты.

Феликс Мария де Саманьего (1745–1801) — испанский баснописец из Страны Басков, уроженец Алавы.

Вардулы — до-римское кельтское племя, обитавшее в северной части Пиренейского полуострова.

По-испански имя Мафусаил звучит и пишется как Матусалем.

День Конституции Испании — 6 декабря; католический праздник
День непорочного зачатия Девы Марии — 8 декабря.

Букв. «неистовый убийца» (*англ.*), в течение короткого времени совершающий несколько бессистемных убийств в разных местах.

«Блэк хэт» (*англ.* black hat, «черная шляпа») — термин, применяемый в хакерской культуре для описания классического киберпреступника, который использует свои знания и навыки для осуществления криминальной деятельности исключительно ради личной материальной выгоды или общественного признания.

«Белые шляпы» — хакеры, занимающиеся легальной деятельностью и занимающиеся кибербезопасностью.

Боулдеринг — вид скалолазания, при котором высота скал для подъема не превышает 5 м.

Площадь Обрадойро — главная площадь города Сантьяго-де-Компостела, где заканчивается Камино-де-Сантьяго.

Эртцайна — баскский полицейский.

Barba cana — седая борода (*исп.*).

RIPE (Региональный европейский интернет-регистратор) — официальный интернет-регистратор, распределяющий интернет-ресурсы.

Песня британской рок-группы «Сноу патрол».

Портулан — древняя карта, использовавшаяся европейскими мореплавателями в период Средневековья.

Пока (*баск.*).

Имеются в виду доисторические наскальные изображения охоты на диких зверей, поражающие воображение своей достоверностью и экспрессией; обнаружены в пещере Альтамира в 1879 г.

Человек из Линдоу — так называли мумию человека, умершего в эпоху железного века и обнаруженного в торфяном болоте Линдоу возле деревни Мобберли, графство Чешир, Англия.

La malquerida — нелюбимая женщина (*исп.*).

Комунеро — сторонник антиправительственного движения в Кастилии в начале XVI в.

Праздник Сантьяго (Святого Иакова), покровителя Испании, отмечается в ночь с 24 на 25 июля и сопровождается масштабными фейерверками.

Лаубуру — баскский амулет в виде креста из четырех лепестков.

Автор обыгрывает полное название Витории — Витория-Гастеис.